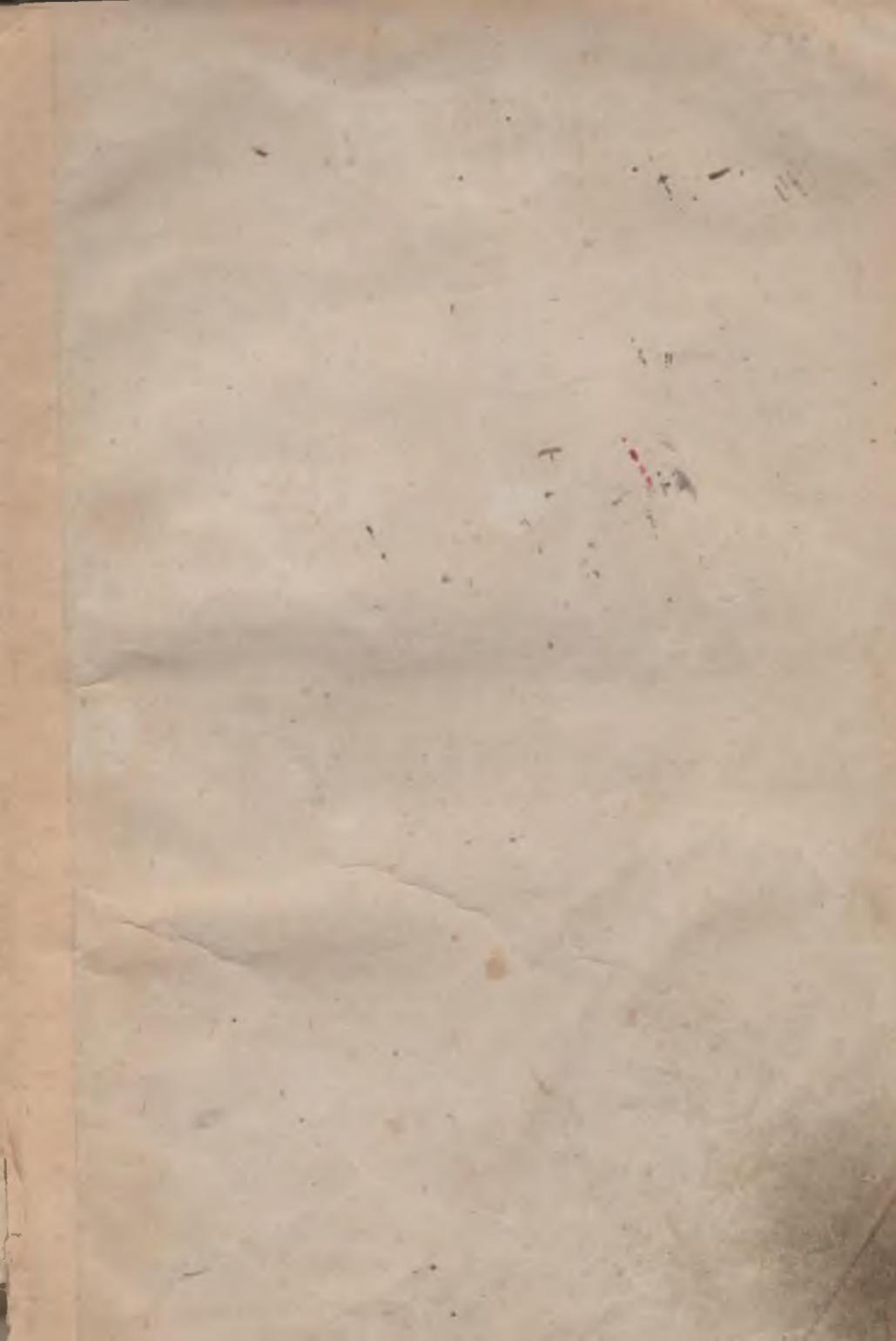

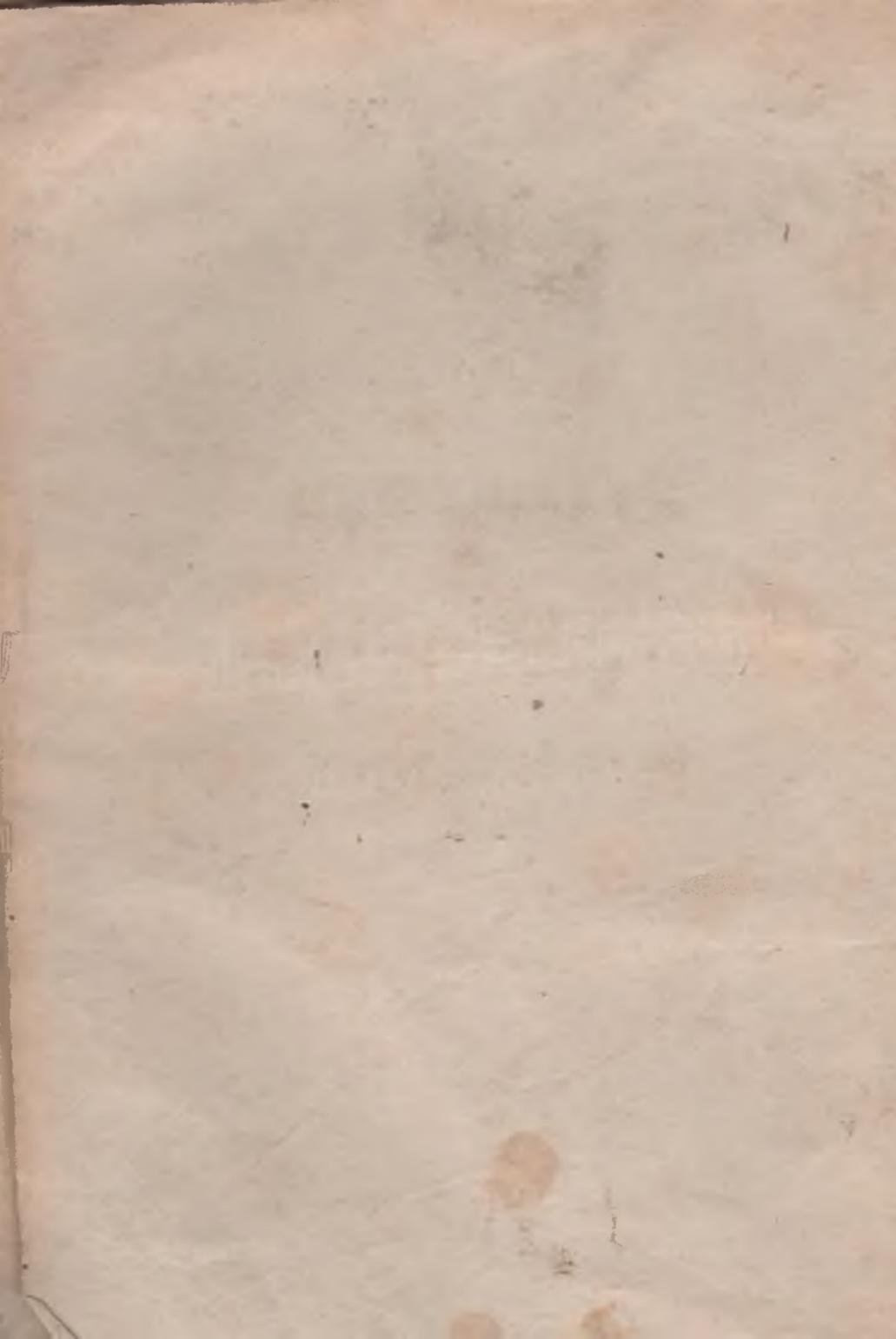

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

1101—1000000

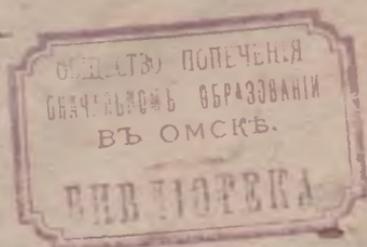
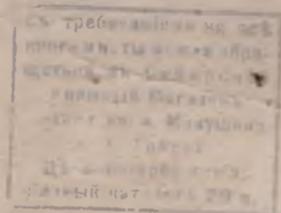
ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО
СЛАВЯНСКИМЪ ОБЛАСТЯМЪ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦИИ.

Меккензи и Эрби.

Съ предисловіемъ Гладстона.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

СЪ АНГЛІЙСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„Славянская печатня“ (И. В. Вернадскаго). Гороховая, д. № 46.

1878.

2689
1790

UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CHICAGO

1790

1790

Ук
Смирнов
1887

ПРЕДИСЛОВІЕ.

До самыхъ нашихъ дней вовсе не было возможности народу одной какой-либо страны имѣть достовѣрныя свѣдѣнія о современномъ положеніи народа въ другой странѣ. Пресса, телеграфъ, желѣзная дорога, обширное и дорого стоящее развитіе дипломатическихъ и консульскихъ учреждений, обычныя формы народоправительства, — все это, разнообразно и въ бѣльшей или мѣньшей степени, способствовало къ достиженію теперешняго положенія, когда намъ стали доступны свѣдѣнія, обусловливающія знакомство съ современнымъ положеніемъ народовъ, — прежде бывшія для насъ существенно недоступными. Въ повсемѣстномъ отсутствіи этого знакомства всего скорѣе слѣдуетъ искать оправданія въ томъ очевидномъ безсердечіи, съ которымъ государственные люди прошлаго поколѣнія доказывали необходимость поддержанія оттоманской державы, въ видахъ общаго интереса Европы, упуская, какъ кажется, совершенно изъ виду обсужденіе вопроса: на сколько Порта достигала или не достигала главной цѣли, ради которой существуетъ каждое правительство, именно: благосостоянія тѣхъ, которые находятся подъ его управленіемъ? Съ пріобрѣтеніемъ, хотя и отчасти, этого знакомства, достигли мы, правда, значительнаго преимущества, сравнительно съ нашими предшественниками; но, вѣсть съ тѣмъ, на

ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ Система государственныхъ

Ук 2007/17/1 8 4 18 18

новая, очень серьезная, отвѣтственность. Теперь мы уже не можем дѣлаться отъ голоса совѣсти, который громко говоритъ намъ, что въ настоящее время передъ нами вопросы, тѣсно связанные со счастьемъ и бѣдствіемъ многихъ милліоновъ человѣческихъ существъ, положеніе которыхъ прежде упустили мы вовсе изъ нашего круга зора, при обсужденіи турецкихъ дѣлъ. Въ дѣлѣ Греціи — жившая въ памяти слава прошлаго и скандалъ рабства рассы, когда-то знаменитой, соединились съ обличительными данными, обнаружившимися при волненіи въ Левантѣ, и, по всей вѣроятности, говорили болѣе вѣско въ пользу достигнутаго результата, чѣмъ какое бы то ни было тонкое изученіе специфическаго характера турецкаго гнета.

Впрочемъ и теперь, не смотря на совершившуюся важную катастрофу, все еще остается дѣломъ очень мудрѣнымъ, хотя съ тѣмъ вмѣстѣ и весьма желательнымъ, чтобы знакомство наше съ современнымъ положеніемъ народа, заботу о дѣлахъ котораго рѣшаемъ мы принять на себя, было достовѣрно, было полно и было реально. Принимать на себя заботы такого рода, нельзя не согласиться, очень не удобно, да едва-ли и не вредоносно. Мало состоятельные въ рѣшеніи вопросовъ, возникающихъ у насъ самихъ, въ собственныхъ нашихъ дѣлахъ, мы можемъ оказаться еще менѣе состоятельными, когда предъявлять требованія на нашу заботливость и вниманіе, при рѣшеніи вопросовъ по дѣламъ другихъ. Къ счастью-ли или къ несчастью, — по мы взяли уже на себя въ дѣлѣ Турціи тяжелую обязанность въ такомъ родѣ. Опирались мы, при этомъ, — кто-на британскихъ интересахъ, кто — на общей всѣмъ обязанности и наконецъ нѣкоторые — на особенныхъ обязательствахъ, вытекавшихъ изъ предшествовавшаго образа дѣйствій и, въ особенности, — изъ крымской войны. Но всѣ или почти всѣ мы были согласны въ томъ, что вопросъ объ оттоманской имперіи есть одинъ изъ такихъ вопросовъ, отъ которыхъ совершенно отстранить себя намъ нельзя. Далѣе, всѣ почти, хотя или не-хотя, но признаютъ теперь, что, при обсужденіи этого вопроса, мы не можемъ уклониться отъ обзорѣнія условій жизни подчиненныхъ рассъ. Если же намъ слѣдуетъ принять этотъ элементъ въ нашъ кругозоръ, при обсужденіи турецкихъ дѣлъ;

въ высшей степени важно, чтобы элементъ этотъ былъ у насъ передъ глазами, въ возможно болѣе ясномъ и полномъ свѣтѣ.

Всѣ не думая унижать трудовъ и заслугъ другихъ, скажу, что, въ поиску мнѣнію, ни одинъ дипломатъ, ни одинъ консулъ, ни одинъ путешественникъ изъ среды нашихъ соотечественниковъ не сдѣлалъ такого цѣннаго вклада въ наши запасы свѣдѣній о Славянахъ европейской Турціи, какъ тотъ вкладъ, который сдѣлали миссъ Меккензи и миссъ Эрби изданіемъ своего: «Путешествія по нѣкоторымъ славянскимъ областямъ европейской Турціи». Я не буду останавливаться въ настоящую минуту на сообщенныхъ въ этомъ путешествіи свѣдѣніяхъ о Черногоріи, такъ какъ свѣдѣнія эти, хотя и въ высшей степени интересны и живы, составляютъ, однакоже, какъ бы какой-то придатокъ и посторонни большей части содержанія книги, которая теперь у меня подъ рукою. Перейду къ остальному главному содержанію ея. Здѣсь, въ этой книгѣ, гораздо рельефнѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ сочиненіи, которое имѣлъ я возможность добыть, безпристрастно, безъ всякаго предубѣжденія, безъ всякихъ какихъ-либо умолчаній, выставлены нормальныя условія жизни подчиненныхъ расъ и существующія отношенія, какъ между этими рассами и правительствомъ, такъ и между ними и тѣми, по большей части, происшедшими отъ ренегатовъ магометанами, изъ которыхъ одни-въ услуженіи у нихъ, а другіе—ихъ властелины. Въ то время, когда миссъ Меккензи и миссъ Эрби приняли на себя чисто-филантропическую миссію: содѣйствовать дѣлу распространенія образованія въ областяхъ европейской Турціи, восточный вопросъ у насъ не носилъ еще на себѣ ни малѣйшаго оттѣнка «*вопроса партій*». Не было ничего, стало быть, — что бы могло мѣшать полной правильности наблюденій. Но, — что еще болѣе важно, — и въ самомъ положеніи областей не было тогда ничего «*случайнаго*», ничего исключительнаго. Нѣкоторое время были онѣ въ положеніи, которое зовется въ Турціи «*спокойнымъ*». Самое путешествіе, дѣйствительно, было одно изъ такихъ, на которыя не рѣшился бы никто, кромѣ лѣди, одаренныхъ храбростью и рѣшительностію столь же замѣчательными, какъ и ихъ проникаемость и ихъ добродушіе. Какъ бы то ни

было. но онѣ смогли, на этотъ разъ, начертить твердой рукой всѣ контуры картины, которая является изображеніемъ оттоманскаго владычества надъ христіанскимъ большинствомъ въ самомъ лучшемъ его видѣ и при совершенномъ отсутствіи всякаго рода раздражительно-дѣйствующихъ обстоятельствъ. Безъ изученія въ такомъ духѣ написанныхъ картинъ, наше знакомство съ турецкимъ вопросомъ, будетъ существенно недостаточно и болѣе или менѣе шатко. Условія жизни, затронутыя бистью этихъ лѣдн, таковы, что въ нихъ самихъ уже заключается какъ-бы вѣрное мѣрило къ опредѣленію дозъ счастья или бѣдствія, успѣха или неуспѣха въ развитіи, свободы или гнета въ обыкновенной жизни людей въ этихъ областяхъ. Картина эта показываетъ намъ также и ту исходную точку, откуда пачинаются тѣ страшные шаги, которые, дѣйствительно, не безъ примѣра и въ прежнія времена; но никогда еще прежде не обрисовывались съ такою рельефностію предъ взорами остолбенѣвшаго христіанства, какъ въ болгарскихъ рѣзняхъ 1876 года, неизгладимыхъ теперь изъ памяти цивилизованнаго человѣчества.

И вотъ, такимъ образомъ, приходимъ мы къ заключенію, что въ жизни подчиненныхъ Турціи расъ есть два совершенно отличныхъ одинъ отъ другаго фазиса существованія: *обыкновенный и исключительный*. Исключительный фазисъ наступаетъ тогда, когда управляющая раса находится или же полагаетъ, что находится въ положеніи, грозящемъ опасностію самому жизненному нерву, обусловливающему ея старый бытъ. Это бываетъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда чувствуется положительная невыносимость гнета и забытые райи, приобѣгая къ физической силѣ, стремятся «добиться» своихъ правъ тѣмъ самымъ орудіемъ, которое было источникомъ и рычагомъ всѣхъ ихъ бѣдствій. Другіе завоеватели, подобно Грекамъ или Римлянамъ, опирались, кромѣ физической силы, и на свое интеллектуальное превосходство и на обобщеніе интересовъ своихъ съ интересами побѣжденныхъ. Оттоманскій же Турокъ, съ своими сателлитами, опирался исключительно на одну физическую силу. Умъ его, какой ни проявлялъ онъ когда-либо, и, нельзя не замѣтить, умъ не всегда слабый, — постоянно былъ обращенъ на организацію и примѣненіе физической силы. Но, — вотъ

вспышки раи встречается со своимъ властителемъ на собственной сто воевѣ, на томъ самомъ грунтѣ физической силы, на которомъ стоитъ и его властелинъ. Турокъ считаетъ себя, конечно, тогда, нѣкоторымъ образомъ, какъ бы вынужденнымъ развить и примѣнить весь наличный запасъ обширнаго склада изобрѣтенныхъ имъ орудій насилія и истязаній, чтобы навести агонію на своихъ подданныхъ. Отъ дѣйствительности этихъ средствъ зависить вся будущность осман-лиса. Если бы средства эти оказались недѣйствительными, — то у него ничего уже нѣтъ болѣе въ рессурсѣ. Если мы примемъ это въ соображеніе, то намъ станутъ понятными и выводы знатоковъ дѣла, что источникомъ невообразимыхъ звѣрствъ прошлаго года въ Болгаріи были вовсе не страсть, невѣжество или случайность; по звѣрства эти истекали прямо изъ метода, политики, принципа: при чемъ тѣ послѣдствія, которыя имѣло въ виду правительство, были безусловно жизненны для турецкаго владычества въ томъ видѣ, въ какомъ держится оно въ этихъ областяхъ, и выбранныя средства удивительно вѣрно приложены были къ достиженію этихъ послѣдствій.

По отношенію къ тому, что названо мною «*исключительнымъ фазисомъ*» существованія подъ оттоманской державой, миссъ Эрби, въ новомъ изданіи ея труда, прибавила нѣсколько освѣщающихъ этотъ предметъ главъ, весьма интересныхъ и цѣнныхъ. Хотя значительная часть лондонской ежедневной прессы и систематически отвергаетъ черезъ чуръ изобильныя извѣстія очевидцевъ о продолжающихся звѣрствахъ въ Болгаріи, однакоже эта часть прессы не можетъ принять на себя контроля надъ остальными органами печати, — да къ тому же теперь уже стало общезвѣстнымъ, что царство террора и до сихъ поръ продолжается въ этой несчастной области и что звѣрства, жертвами которыхъ были въ Маѣ прошлаго года сотни и тысячи людей, и до сихъ поръ еще практикуются ежедневно съ единичными личностями или же съ пятками и десятками лицъ. Буря прошла, — но волненіе все еще продолжается. Чувствуется, что безопасность оттоманъ зависить отъ сохраненія въ душахъ у подчиненныхъ расъ неумирающей памяти о великой рѣзнѣ. *Зеркало* памяти, по понятіямъ мусульманъ, отра-

жая въ себѣ прошлое, должно непременно представлять имъ и соотвѣтственный съ этимъ прошлымъ образъ будущаго. Сочиненіе миссъ Эрби, съ главами, которыя она прибавила, расширяетъ въ этомъ случаѣ объемъ нашей перспективы. Самъ я, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, указывалъ публикѣ, что въ то самое время, какъ мы изливали наше негодованіе по поводу звѣрствъ въ Болгаріи, Турки совершали точно такіе же позорные подвиги, хотя и не въ столь грандіозныхъ размѣрахъ, въ Босніи. Журналъ: «Manchester Guardian» оказалъ значительную услугу обществу, помѣщеніемъ, относительно той же самой удрученной области, своихъ весьма иѣнныхъ корреспонденцій. Но миссъ Эрби, послѣ ея долгаго и требовавшаго самоотверженія опыта, говоритъ уже съ вѣсомъ авторитета, чуждаго пристрастія къ той или другой партіи, — авторитета, на который, безспорно, ни мнѣ, ни другому какому-либо корреспонденту журнала претендовать вовсе нельзя. Миссъ Эрби раскрываетъ теперь передъ нашими изумленными взорами — и раскрываетъ, вплоть до самаго послѣдняго времени и на основаніи свѣдѣній, въ достовѣрности которыхъ убѣждена вполне, — такое положеніе дѣлъ, которое влечетъ за собою массу бѣдствій, протекающую отъ турецкаго владычества, еще большую, чѣмъ даже та масса страданій, какую представляла Болгарія въ 1876 году. Въ Босніи и Герцеговинѣ болѣе, чѣмъ треть народонаселенія, въ изгнаніи и бездомна. Эта масса изгнанниковъ изъ родины, (какъ мы узнаемъ теперь), довольствуется, въ слѣдствіе пониженія пособія отъ австрійскаго правительства, вспоможеніемъ въ одинъ пенни (3 коп. сер.) въ день; но предпочитаетъ лучше уже идти и идти быстрымъ путемъ къ голодной смерти и чумѣ, чѣмъ, возвратившись на родину, пизрнуться въ бездну позорныхъ страданій, а между тѣмъ все еще въ Босніи разрушительно флокочетъ потокъ жестокихъ истязаній, болѣе и болѣе покрывая комьями несмываемаго позора турецкое имя. «J nunc et versus tecum meditare cancros». Читайте теперь, кто хочетъ, лекціи объ обязанности справиться съ возстаніемъ и возстановить опять зданіе турецкаго владычества надъ однимъ изъ племенъ

своего народа, зданіе, которое, подъ гнетомъ бѣдствій, можно назвать, не далеко отъ конечной гибели!

Вотъ помощь, которую даетъ намъ миссъ Эрби въ достиженіи не часто-теоретическаго, но практическаго и живаго знакомства съ положеніемъ славянскихъ областей Турціи послѣ возстанія. Однако же я придаю не меньше, а, быть можетъ, даже еще больше значенія менѣе пикантной картинѣ, которая изображена въ другой части труда. Путемъ простого, тщательнаго сообщенія подробностей, почерпаемыхъ изъ ежедневнаго опыта, воспроизводится въ ней передъ нами, въ сравнительно спокойномъ видѣ, картина жизни райи, подъ турецкимъ владычествомъ, при самыхъ лучшихъ условіяхъ, какихъ только могла она добиться послѣ долгихъ лѣтъ мира извиѣ и реформъ, обѣщанныхъ внутри, реформъ, которыя могли бы тогда осуществиться съ такимъ удобствомъ, какое едвали когда еще представится въ будущемъ. И чѣмъ же была жизнь райи при этихъ счастливѣйшихъ обстоятельствахъ?—То была жизнь, никогда не вѣдавшая дѣйствительной безопасности, развѣ только когда на время стушевывалось правительство и его агенты. Жизнь, на которой не отражалось ни тѣни благотворности закона, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда въ отсутствіи были агенты, черезъ которыхъ криво дѣйствовалъ законъ. Жизнь, во все теченіе которой ни одинъ цѣнный предметъ не могъ быть открытъ для взора всѣхъ. Жизнь, по условіямъ которой ничего не предоставлялось христіанину, кромѣ развѣ того, что случайно какъ нибудь не оказывалось годнымъ его мусульманскому владыкѣ. Жизнь, при условіяхъ которой жена и дочь,—эти предопредѣленные законами природы источники самаго дорогаго утѣшенія,—были постоянно предметами самаго живѣйшаго беспокойства. Жизнь, позоримая грабежомъ, управляемая страхомъ, принижающая мужество, жизнь, съ которой, какъ съ овцы шерсть, сострижена свобода, неизбежно обуславливающая всякое проявленіе благородства въ человѣкѣ, жизнь, лишенная всякой надежды, кромѣ развѣ надежды на бѣгство отъ нея въ какую нибудь иностранную землю, или же надежды на мечту будущаго освобожденія, которое, можно полагать, настанетъ же, по всей вѣроят-

ности, теперь, когда острое страданіе замѣнило собой тягучую хроническую боль и когда народъ, черезъ чуръ долго терпѣвшій, рѣшился, кажется, наконецъ въ отстаиваніи собственныхъ своихъ правъ отстаивать поруганные законы Всевышняго.

В. Э. Гладстонъ.

Глава I.

БОСНІЯ ВЪ 1875 ГОДУ.

Арьергардъ магометанизма въ Европѣ удерживаетъ за собою свой прежній твердый устой въ турецкомъ «боснійскомъ» вилайетѣ. Здѣсь исламъ, какъ религія господствующей народности, держится уже около четырехъ столѣтій. Какіе же плоды принесъ онъ?

Самая близкая, по своему географическому положенію, къ европейской цивилизаціи и самая невѣжественная, по социальному положенію, изъ всѣхъ областей европейской Турціи, Боснія, вмѣстѣ съ турецкою Кроаціею и Герцеговиною, заходитъ къ западу за градусъ долготы, подъ которымъ лежитъ Вѣна. Это — дикая, съ контурами азиатскаго Востока, полоса земли, между прилегающими къ Адриатическому морю берегами Далмаціи и болѣе культурными землями Сербіи, Венгріи и Кроаціи. Перейдите границу этихъ послѣднихъ земель, — и вамъ покажется, что вы — въ пустынныхъ странахъ Азіи.

Въ нѣдрахъ боснійской территоріи много разнообразныхъ драгоценныхъ минералловъ. Горы ея покрыты великолѣпными лѣсами. Долины ея, орошаемыя рѣками, плодородны и удобны къ обработкѣ и племя, населяющее Боснію, чрезвычайно способно къ развитію. А между тѣмъ вся торговля ея ограничивается только торговлею «птичьимъ перомъ», если вѣрить донесенію консула мистера Гольма, который въ 1873 году доносилъ, что эта статья составляетъ «главный и единственный предметъ торговли» этого вилайета. Народонаселеніе Босніи коснѣетъ въ совершенномъ невѣжествѣ. Изъ ста чело-

вѣкъ не найдешь и одного громотнаго. Въ главномъ городѣ вилайета, Сараевѣ, въ которомъ считается отъ сорока до пятидесяти тысячъ жителей, нѣтъ ни одной книжной лавки.

Одинъ или два англійскихъ спекулятора сдѣлали было попытку начать разработку минеральныхъ богатствъ этой области; но голосъ благоразумія заставилъ ихъ отказаться отъ рискованнаго предпріятія. Не было никакихъ шансовъ сойдтись съ правительствомъ въ условіяхъ эксплуатаціи и никакъ не могло составиться общества для разработки рудниковъ, въ виду тѣхъ прискорбныхъ препятствій, которыя, при теперешнемъ правительствѣ, встрѣчаетъ каждое промышленное предпріятіе въ Босніи. Огромныя минеральныя богатства остаются, такимъ образомъ, нетронутыми.

Одна Австрійская компанія получила родъ мѣстной концессіи на разработку мѣди, чугуна и каменнаго угля на полосѣ земли въ тридцать миль, тянущейся по ту и другую сторону предполагаемой линіи желѣзной дороги. Но эта концессія не получила еще законной ратификаціи въ Константинополѣ и, какъ кажется, Турки не слишкомъ-то благосклонно смотрятъ на то, чтобы ихъ сосѣди, Австрійцы, «вли подобнаго рода гнѣзда» въ Босніи. Прекрасный туземный мраморъ, бѣлый и бѣлый съ розовыми полосами, употребляется пока — какъ бы вы думали, — на что? Къ сожалѣнію, — только на мощеніе грубаго турецкаго шоссе. Камня, годнаго для построекъ, здѣсь множество, а между тѣмъ въ Сараевѣ только и видишь, что деревянныя постройки; — кое-гдѣ только изрѣдка промелькнетъ кирпичный или каменный домъ съ черепичною крышею.

По дорогѣ, которая идетъ отъ берега р. Савы до Сараева, на разстояніи около 138 миль, (173 верстъ), разъ въ недѣлю, туда и обратно, ходитъ малъ-постъ австрійскаго консульства въ Босніи. Три мѣста на верху и внутри кареты — къ услугамъ тѣхъ, кто не побоится про-вести въ дорогѣ безъ отдыха сутокъ до двухъ, а иногда и болѣе. Если взять частный экипажъ изъ Брода на берегу Савы, то придется, по крайней мѣрѣ, три ночи, во время пути, перепочевывать въ «*ханахъ*» или такъ называемыхъ «постоялыхъ дворахъ», отличающихся отсут-

стилемъ всякаго комфорта. Постели, постельное бѣлье, или, по крайней мѣрѣ, матрасы надобно непременно брать съ собою и, кромѣ того, сейчасъ же, по приѣздѣ въ ханъ, велѣтъ выбросить ковры и длинныя подушки, которые составляютъ единственную меблировку комнатъ. Дорога изъ Сараева къ границѣ Далмаціи черезъ Мостаръ, главный городъ Герцеговины, строится еще. Года два тому назадъ, можно было въ неуклюжихъ мѣстныхъ экипажахъ совершать поѣздки изъ Ливно черезъ австрійскую границу въ Сиолатто на Адриатическомъ морѣ; но въ настоящее время часть этой дороги, идущей по турецкой территоріи, совершенно не годна для ѣзды. Есть еще дорога изъ Сараева черезъ Травникъ и Баньялку въ Градишку на Савѣ, а также и другія дороги и остатки дорогъ, но они никогда почти не чинятся и мосты на нихъ въ самомъ «сомнительномъ» положеніи. Можно также дѣлать экскурсіи въ разныхъ направленіяхъ по этой дикой странѣ пѣшкомъ или верхомъ, наслаждаясь постоянно смѣняющимися красотами горъ, лѣсовъ и водъ, въ разныхъ направленіяхъ отъ которыхъ мелькаютъ, оживляя ландшафты, живописно-яркіе національные костюмы. Но цѣлые дни можетъ продолжать свои разѣзды туристъ и не натолкнется ни на малѣйшій симптомъ современной предпримчивости, не встрѣтитъ ни одного памятника стараго средневѣковаго искусства. Дѣйствительно, можетъ опъ, — если слишкомъ пристально будетъ шарить и будетъ знать, гдѣ шарить, — напасть гдѣ нибудь подъ лебедю, кустарникомъ или тощимъ плющемъ на остатки одной изъ римскихъ дорогъ, которая проходила когда-то черезъ эту область изъ Сциссіи (Сиссека) на р. Савѣ въ Салону на Адриатическомъ морѣ. Разыскивая подобные остатки дорогъ, туристъ легко можетъ наткнуться, — что, вѣроятно, болѣе будетъ для него «подходящимъ дѣломъ», — и на небольшую вѣтвь современной желѣзной дороги, изолированную отовсюду и какъ бы затерявшуюся въ одной изъ боснійскихъ равнинъ. По этой небольшой вѣтви желѣзной дороги, начальный и конечный пункты которой не опредѣлены ясно, ходитъ ежедневно по одному поѣзду взадъ и впередъ, провозя весьма не-большое количество товаровъ и нѣсколькихъ пассажировъ между селеніемъ Нови и болѣе значительною мѣстностію, —

городомъ Баньялуками. Идиллическимъ и фрагментальнымъ характеромъ своимъ эта вѣтвь дороги обязана разрыву контракта, заключеннаго между турецкимъ правительствомъ и какою-то австрійскою компаніею. Вся лиція, которой вѣтвь эта составляетъ какой-то жалкій обрывокъ, будетъ современемъ главною сухопутною дорогою въ Индію. Это можно видѣть на картѣ, приложенной къ «путеводителю по континенту»: составитель ея, Брэдшау, провелъ на ней предполагаемую линію этой желѣзной дороги. Линія эта должна отдѣлиться отъ общеизвѣстной линіи желѣзной дороги чрезъ Земмерингъ, между Вѣной и Триестомъ, — и, захвативъ часть Кроаціи, пройти до Салоникъ и Константинополя черезъ Боснію, Старую Сербію и Болгарію. Такого рода пути сообщенія черезъ пустынные равнины, то есть: остатки старыхъ римскихъ дорожныхъ сооружений, отъ которыхъ едва уцѣлѣли кое-какіе слабыя слѣды, и проектированная линія большой турецкой желѣзной дороги въ Индію, объ которой, — не смотря на существованіе фрагмента ея въ видѣ упомянутой нами идиллической вѣтви, — ни одна душа въ Босніи не имѣетъ совсѣмъ никакого понятія, — вотъ тѣ дары изъ «рога изобилія» путей сообщенія, — исключая, разумѣется, телеграфовъ, мостовъ и нѣсколькихъ новыхъ шоссе, устроенныхъ въ эти немпогіе послѣдніе годы, — или, лучше сказать, вотъ тѣ единственные памятники, которые оставили Босніи древніе Римляне и теперешніе ея турецкіе властители.

Но что же осталось отъ тѣхъ столѣтій, которыя протекли между періодомъ владычества Римлянъ и тѣмъ временемъ, когда римская провинція Мезія стала турецкимъ пашалыкомъ Босніею? — Остались — разрушенные замки древняго феодальнаго дворянства, развалины сербскихъ и латинскихъ церквей и монастырей и три францисканскіе монастыря: Фойникъ, Крешево и Судиско, надѣленные особыми привилегіями, не утратившими своей силы съ XV столѣтія до нашихъ дней. Патерены или Богомилы, самые ранніе раскольники въ Босніи, были очень многочисленны въ періодъ времени съ XII до XV столѣтія; но потомъ всѣ они были либо изгнаны оттуда, либо погибли отъ жестокихъ преслѣдованій въ самой Босніи, оставивъ тамъ видимые слѣды

своего существованія только — въ кладбищахъ, приписываемыхъ имъ народною молвою.

957/4-1

Границы Босніи, до покоренія ея Турками въ XV столѣтіи, безпрерывно измѣнялись и жители ея подвергались непрестаннымъ тревогамъ, въ слѣдствіе прохода черезъ нея, либо набѣговъ на нея вражескихъ полчищъ. Боснія постоянно была какою-то ареною, на которой состязались между собою разныя племена и религіи. Вся ея исторія, какъ въ средніе вѣка, такъ и въ позднѣйшее время, представляетъ цѣлую цѣпь кровавыхъ войнъ, возмутительнаго коварства и страшныхъ злодѣяній. Лучи легендарной славы въ особенности падаютъ на времена бана Кулина. Кулинъ принадлежалъ къ сектѣ Богомиловъ и имя его до сихъ поръ произносится съ благоговѣніемъ, когда кто либо изъ народа припоминаетъ эру отдаленнаго «золотаго вѣка». Народонаселеніе Босніи — одного происхожденія съ жителями свободной Сербіи, Старой Сербіи, Черпогоріи и съ Сербами Венгріи и Далмаціи. Названіе свое Боснія подучила отъ рѣки Босны, притока рѣки Савы. Первые князья Босніи назывались, какъ и въ другихъ сербскихъ земляхъ, *жупанами*. Было время, когда все эти земли признавали надъ собою владычество Византіи. Потомъ; — видимъ, — Боснія входитъ въ составъ венгерскаго королевства. Въ половинѣ XIV столѣтія она составляла часть имперіи Стефана Душана, этого великаго законодателя изъ династіи Неманья, который принялъ титулъ «христіилюбиваго царя всехъ Сербовъ и Грековъ», старался подражать духу и учрежденіямъ византійской имперіи и стремился упаслѣдовать ея могущество; но, на пути къ Константинополю, заболѣлъ «огневицею» и умеръ (въ 1355 году).

Послѣ того, до покоренія Турками, Боснія образовала опять отдѣльное государство подъ управленіемъ своихъ собственныхъ бановъ и королей и то подпадала подъ власть Венгровъ, то освобождалась изъ подъ ихъ владычества. Сербы держались, какъ и теперь держатся, — восточной церкви, — а Венгры — западной, въ слѣдствіе чего и тогда, какъ и теперь, неизбѣжны между этими двумя соперничающими

церквами распри давали и даютъ пищу враждебности этихъ двухъ націй одной къ другой.

Какія ни западали сѣмена свободныхъ учрежденій въ дикія общины—вообще сербской земли, и въ частности—Босніи, — сѣмена эти глохли и отъ глетворнаго дыханія феодализма и отъ вихря постоянныхъ раздоровъ церквей: западной и восточной. Въ концѣ концовъ, условія географическаго положенія выставили восточныхъ Славянъ на бой въ передовомъ строю съ самымъ бурнымъ натискомъ турецкаго потока. Османлысы побѣдили. Византійская имперія пала. Пострадала и самая младшая вѣтвь, пострадали младшія дѣти европейской семьи, восточные Славяне, которые теперь только, послѣ цѣлыхъ вѣковъ страданій, предъявляютъ наконецъ права свои на независимое существованіе.

Послѣ покоренія Турками Босніи, тѣ изъ боснійской знати, которые уцѣлѣли отъ меча, приняли магометанство. Боснійскіе беги—ничто иное, какъ потомки этой знати, принявшей мусульманство.

Черты феодализма и исламизма въ поразительной смѣси отпечатались на ихъ нравахъ. Феодальная система, господствовавшая въ Босніи въ христіанскій періодъ, продолжала свое существованіе и во время мусульманскаго владычества, съ тою только разницею, что феодальные владѣльцы Босніи перемѣнили вѣру и своего верховнаго владыку. Этимъ ренегатствомъ обеспечили они себѣ свое соціальное положеніе. Мы видѣли, что Боснія служила постоянно цѣлью венгерскихъ набѣговъ. Что же сдѣлала, въ предотвращеніе этого, Турція? Турецкая политика выказала въ этомъ отношеніи всю свою ловкость и находчивость. Түрки стали изумлять беговъ благородствомъ своего характера и великодушіемъ. Они осыпали ихъ множествомъ соблазнительныхъ привиллегій. Убѣдившись, что, подъ охраною могущественныхъ своихъ побѣдителей, имъ можно будетъ сохранить свою національность и удержать всѣ привиллегія своей касты, боснійская знать, принявшая магометанство, стала держать въ страхѣ Венгрію и Папу. Многіе изъ беговъ тѣсно сплотились съ имперією оттомановъ и боснійскіе Славяне-мусульмане стали такимъ образомъ, —выражаясь языкомъ турецкихъ

татарской, — славяни, стерегущими Стамбуль». Боснія сдѣлалась твердыней ислама на рубежѣ западной Европы. Магометанскій элементъ Босніи, точно такъ, какъ въ послѣднее время «vis inertiae» турецкой имперіи, игралъ въ Европѣ значительную роль въ XVI столѣтіи и въ первой половинѣ XVII вѣка. — Въ цвѣтушіе дни могущества ислама, спаги или феодальные вожди Босніи составляли самый сильный контингентъ турецкаго войска и сыновья ихъ образовали стойкія ширенги въ рядахъ янычаръ.

Но кровожадность и притязательность беговъ усиливалась все болѣе и болѣе. Беги достигли почти полной независимости. Визирей, которыхъ присылали изъ Константинополя, для управленія Босніею и интервенціи въ ней суда, беги либо убивали, либо изгоняли. Потребовалось вновь усмирять этихъ бунтующихъ подданныхъ. Это усмиреніе происходило было въ началѣ дѣя Омеръ-пашою. Въ 1850 — 51 годахъ уничтожилъ онъ остатки феодализма въ Босніи, сравнялъ магометанскихъ беговъ Босніи, (такъ называемыхъ магнатовъ), съ остальными мусульманами Турціи въ правахъ, уничтожилъ титулъ и званіе «спаги», или феодальнаго военнаго вождя, и узаконилъ, чтобы Босняки вносили прямо въ государственное казначейство ту подать, которую до тѣхъ поръ они вносили туда черезъ посредство беговъ.

Всѣ мусульмане такимъ образомъ уравниены передъ закономъ еще въ 1850 году, а гатти-гаюманомъ 1856 года провозглашено и полное политическое и социальное равенство между «всеми подданными» султана, къ какому бы ни принадлежали они сословію и безъ различія вѣроисповѣданій. Посмотримъ однакоже, въ какомъ положеніи находились подданные Порты въ Босніи хотя бы весной 1875 года, передъ самымъ началомъ возстанія.

Народонаселеніе Босніи и Герцеговины, происходящее отъ одного славянскаго корня, можно теперь раздѣлить на три «совершенно отдѣльныя» одна отъ другой группы: такъ велика рознь между ними, въ слѣдствіе различія вѣроисповѣданій! Я буду держаться здѣсь статистическихъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ официальныхъ турецкихъ источниковъ за 1874 годъ. Точности ихъ утверждать нельзя. Число-

выя данныя мусульманъ, кажется, въ нихъ слишкомъ преувеличены; цифры же послѣдователей латинской и греческой церквей чуть ли не совпадаютъ съ фактически вѣрными цифрами.

Боснійскихъ мусульманъ	442.050
Христіанъ православной восточной церкви	575.756
Римско-католиковъ	185.503
Евреевъ	3.000
Цыганъ	9.537
<hr/>	
Всего	1.216.846.

Къ этому числу природныхъ жителей Босніи слѣдуетъ прибавить еще не-постоянныхъ, временныхъ ея обитателей: 5.000 австрійскихъ подданныхъ и нѣсколько сотенъ чиновниковъ изъ османлисовъ.

Только въ одномъ округѣ Сараева послѣдователей магометанизма болѣе, чѣмъ обитателей другихъ вѣроисповѣданій; въ другихъ же шести округахъ, христіанъ православнаго вѣроисповѣданія и римско-католиковъ, вмѣстѣ взятыхъ, гораздо болѣе числомъ, чѣмъ магометанъ.

1. *Боснійскіе мусульмане* состоятъ изъ землевладѣльцевъ. Они живутъ въ своихъ помѣстьяхъ или въ своихъ городскихъ домахъ. Купцовъ и торговцевъ между ними мало. Нѣкоторые изъ нихъ — кметями или фермерами у богатыхъ мусульманъ. Собственно боснійскій бегъ, — сильный феодальный вождь изъ эпохи за шестьдесятъ лѣтъ назадъ, — это — какое-то страшилище съ желѣзными зубами и огромными кулаками. Въ наши дни онъ былъ-бы уже совершеннымъ анахронизмомъ. Грубая, животная сила этого дикаря теперь уже сломлена, а другой нравственной силы онъ еще не приобрѣлъ. Такимъ образомъ въ настоящее время всѣ почти боснійскіе беги, за исключеніемъ весьма немногихъ, невѣжественны, развратны, лѣнны и совершенно неспособны организовать или комбинировать что-нибудь. Многіе изъ нихъ выучились кое-какъ говорить по-турецки, арабски и персидски; но читать и писать на родномъ языкѣ умѣютъ изъ нихъ весьма не-многіе. Духъ лѣни и праздности, строго преслѣдуемый Магометомъ и его послѣ-

Возмездия, но глубоко внедрившійся въ плоть и кровь Славянъ, мирно царитъ и у боснійскихъ мусульманъ. Кромѣ ежегоднаго празднованія «краснаго имени», когда всѣ друзья и родственники каждаго сербскаго семейства собираются вмѣстѣ праздновать день его святаго патрона, бѣги устраиваютъ еще кое-гдѣ праздники во время сбора пера съ птицы или сбора ягодъ. Впрочемъ всѣ эти старые обычаи, хорошая сторона которыхъ состоитъ въ сближеніи сословій, уже исчезаютъ и затѣмъ не остается ничего подобнаго.

Въ Сараевѣ мусульмане чтутъ до сихъ поръ день св. Іоанна Крестителя (24 Іюня н. с.), когда, какъ говорятъ, пляшетъ, на вершинѣ холма Требовича, солнце. Въ этотъ день, равно какъ въ день Св. Ілліи и въ Юрьевъ день, мусульмане покидаютъ свои дома и на всѣхъ уступкахъ Требовича и особенно по близости мусульманскихъ кладбищъ, видѣются красныя турбаны, пестрыя куртки и толпы женщинъ въ бѣлѣхъ вуаляхъ. Сады охладившими грушчани, мусульмане курятъ табакъ и пьютъ кофе. При этомъ вѣсь поражаетъ невольное отсутствіе всякой жизни и веселья между ними.

Многіе изъ боснійскихъ беговъ были бы вове не прочь принять опять христіанскую религію своихъ предковъ. Они просятъ священниковъ служить молебны, когда бываютъ больны; они сохраняютъ имя святаго патрона своего семейства, чтутъ его — и съ особенною заботливостію берегутъ патенты на титулы ихъ предковъ — христіанъ. Но съ другой стороны есть много между ними и такихъ, которые стали фанатиками мусульманства и питаютъ слѣпую и дикую ненависть къ своимъ соотечественникамъ — христіанамъ. Эта ненависть обнаруживалась часто во многихъ возмутительныхъ по жестокости злодѣяніяхъ и въ мирное время. Въ настоящее же время кровавыхъ репрессалій и мести, (осень 1875 года), слышали мы, что нѣсколько христіанъ повѣшено и сожжено живыми и что еще большія жестокости постигли безпомощныхъ женщинъ и дѣтей. Въ совершенно мирное время, въ 1871—72 годахъ, шайка буйныхъ мусульманъ въ Сараевѣ поклялась снести головы тѣмъ изъ христіанъ, которые посмѣютъ повѣсить колокола на колокольнѣ ихъ вновь выстроенной церкви. Заговоръ этотъ былъ от-

крыть и главные зачинщики его изъ мусульманъ обязаны были отвѣчать за спокойствіе города. Паша между тѣмъ, сознавая все свое безсиліе поддержать авторитетъ закона, созвалъ почетныхъ сараевскихъ купцовъ христіанскаго вѣроисповѣданія и уприсилъ ихъ отказаться отъ ихъ законнаго права звонить въ колокола, доказывая, что, если раздадутся изъ звуки, то онъ не въ состояніи будетъ удержать ярости магометанъ.

Политическія стремленія боснійскихъ мусульманъ, передъ возстаніемъ, — по увѣренію лицъ, хорошо знавшихъ настроеніе ихъ умовъ, — далеко не отличались единодушіемъ. Нѣкоторые изъ мусульманъ очень хорошо расположены были къ Сербамъ; другіе напротивъ — кипѣли фанатическою ненавистью къ сербскому княжеству. Имя послѣдняго сербскаго князя Михаила было не непопулярно между мусульманами и его убіеніе собственными его подданными сильно повредило сербскому дѣлу въ глазахъ боснійскихъ беговъ, которые, пропитанные духомъ аристократической кастичности, видятъ до сихъ поръ въ этомъ преступленіи позоръ для всего сербскаго племени. Нерасположеніе къ османлисамъ и Стамбулу здѣсь господствуетъ повсюду. Въ особенности же возрасло оно съ введеніемъ новыхъ податей и обязанности службы въ турецкомъ войскѣ.

Воинская повинность въ первый разъ введена была здѣсь Османомъ-пашею въ 1864 году. Боснійскіе мусульмане призываются къ отбыванію этой повинности по жеребью въ регулярное войско или «низамъ» на четырехлѣтній срокъ и затѣмъ по жеребью же въ «редифъ» или ландверъ, въ составъ котораго должны числиться девять лѣтъ, отбывая каждый годъ по одному мѣсяцу дѣйствительной службы. Освободиться отъ службы въ низамъ можно, выплативъ сто дукатовъ (около 50 фунтовъ стерлинговъ, или около 400 рублей серебромъ), или же замѣстительствомъ, выставивъ вмѣсто себя охотника въ натурѣ; но служба въ редифѣ неизбежна для каждаго, кому выпадетъ жеребій. Боснійскихъ мусульманъ не заставляють отбывать воинской повинности виѣ предѣловъ ихъ вилайета. Они все служатъ въ пѣхотѣ. Кавалерія и артилерія, располагаемая постоемъ въ Босніи, набирается

изъ другихъ вилайетовъ Турціи. Со времени возстанія, разбойничьи шайки турецкихъ волонтеровъ вербовались повсюду, въ разныхъ мѣстностяхъ страны *). Редифы, надобно замѣтить, во многихъ мѣстахъ отказывались тогда вовсе отъ службы.

Духовенство свое очень жалуютъ боснійскіе мусульмане. Многіе изъ ихъ улемовъ получили образованіе въ Стамбулѣ. Путешествія въ Мекку часты. Нерѣдко можно видѣть цѣлыя толпы мусульманъ, выходящихъ изъ Сараева встрѣчать какаго-нибудь возвращающагося изъ Мекки хаджу или провожать караванъ путниковъ, отправляющихся къ св. мѣстамъ. Странствующие дервиши посѣщаютъ страну, возбуждая фанатизмъ «правовѣрныхъ». Въ послѣднее время хотя и не замѣтно симптомовъ прозелитизма въ Босніи, однако же ренегатство усилилось между христіанами. Въ продолженіе 1874 года въ одномъ Сараевѣ десять женщинъ и четверо мужчинъ перешло изъ католицизма и православія въ магометанство и неизвѣстно, сколько подобныхъ переходовъ было въ другихъ еще мѣстностяхъ. Главная причина этого явленія—крайняя бѣдность христіанъ. Бѣдность эта часто вынуждаетъ ихъ отдавать своихъ дочерей въ услуженіе въ турецкіе дома, гдѣ онѣ и омагометаниваются.

Опасность отъ плотности турецкаго населенія въ Босніи, равно какъ сила и численность въ этомъ вилайетѣ турецкаго элемента очень преувеличены. Любое, правильно организованное христіанское правительство было бы въ состояніи справиться съ боснійскими мусульманами. Но, пока однимъ мусульманамъ въ Босніи будетъ дозволено носить оружіе,—опасность будетъ грозить непрестанно. Что касается вѣротерпимости, то не слѣдуетъ забывать, что хотя Турки и вытѣснены изъ сербскихъ владѣній, однако же въ Бѣлградѣ все еще остается мечеть для пріѣзжихъ мусульманъ. Издержки на содержаніе этой мечети покрываются изъ сербской казны.

---

*) Ихъ система усмиренія подозрѣваемыхъ бунтовъ выступила въ совершенно ясномъ свѣтѣ въ Болгаріи. Подобная же система въ настоящее время въ ходу въ Босніи. Но здѣсь нѣтъ ренотеровъ.

II. *Православные христіане Босніи*: купцы, небогатые торговцы и фермеры.

Немногимъ изъ христіанъ посчастливилось сдѣлаться владѣльцами поземельной собственности. Вообще мусульмане очень не долюбиваютъ этого нововведенія и прибѣгаютъ ко всевозможнымъ уловкамъ, (и обыкновенно съ успѣхомъ), чтобы не допустить гяура къ приобретению земли или же къ возможности пользоваться своею покупкою, если она уже сдѣлана. Достигнуть этого можно разными путями. Можно отыскать свидѣтелей мусульманъ, — всегда готовыхъ услужить своимъ единовѣрцамъ мусульманамъ, — и доказать свидѣтелями, что послѣдній собственникъ земли не имѣлъ законныхъ правъ на нея и что, слѣдовательно, покупка — не-дѣйствительна. Или же, — пожалуй, — можно применить законъ, существующій въ Турціи (или, по крайней мѣрѣ, въ Босніи), по точной силѣ котораго нельзя совершить ни одной купчей на недвижимую собственность, не получивъ предварительно отъ всѣхъ «сосѣдей» продаваемаго имѣнія письменнаго удостовѣренія о нежеланіи ихъ удержать за собою эту собственность. Очень рѣдко случается, чтобы мусульманину удалось уговорить сосѣдей дать согласіе на продажу земли христіанину и водворить такимъ образомъ въ мусульманскую среду гяура. Общественное мнѣніе противъ подобныхъ продажъ, хотя бы между сосѣдями и вовсе не было никого, кто бы могъ купить имѣніе.

Боснійскіе земледѣльцы или фермеры, (называемые здѣсь «*кметями*»), состоятъ, по большей части, изъ христіанъ. Они платятъ собственнику земли, обыкновенно боснійскому мусульманину, треть или половину дохода съ земли, согласно условію, заключаемому соответственно съ тѣмъ, чьи волы употребляются для работы — землевладѣльцы или фермеры, — и чьи сѣмена и навозъ. Подать, которая составляетъ теперь $\frac{1}{3}$ часть дохода, поступаетъ въ государственное казначейство. Она собирается сборщиками податей, которые держатъ на откупъ казенныя сборы. Сильныя и горькія жалобы слышатся со всѣхъ сторонъ на несправедливость и жестокосердіе этихъ сборщиковъ податей. Земледѣлецъ не смѣетъ приступить къ уборкѣ своей жатвы

до осмотра ея ассесоромъ. Часто случается, что, пока онъ ждетъ его, хлѣбъ осыпается на корню. При такихъ условіяхъ, очевидно, царить полный произволъ въ размѣрѣ подати. Вообще земледѣльцы страдаютъ гораздо болѣе отъ своего оффиціального правительства, чѣмъ отъ мусульманъ — землевладѣльцевъ, которые, — весьма естественно, — заинтересованы въ благосостояніи своихъ фермеровъ.

Подать, въ замѣнъ отбыванія воинской повинности со всѣхъ не — мусульманъ, падаетъ всюю своею тягостію на бѣдныхъ. Они должны платить одинаковый налогъ съ богатыми, въ количествѣ 28 піастровъ съ каждой мужской души. Въ самыхъ бѣдныхъ, въ самыхъ разоренныхъ семьяхъ, сумма эта должна быть уплачена за каждого ребенка мужскаго пола, хотя бы ребенокъ этотъ родился только за нѣсколько часовъ до прибытія сборщика податей. Эта подать, собираемая за малолѣтнихъ дѣтей райи, самая тяжелая и обидная для него; такъ какъ, при ея сборѣ, откупщики податей осматриваютъ дома и наносятъ такимъ образомъ оскорбленіе самой «святыни очага». Много страданій переносится также при отбываніи натуральной повинности по распоряженію правительства. При устройствѣ, напримѣръ, новаго шоссе въ Мостаръ, заітии *) сгоняли христіанъ изъ отдаленныхъ мѣстностей и заставляли работать по нѣскольку дней безъ всякой платы. Рядъ систематическихъ, санкціонированныхъ закономъ, стѣснительныхъ мѣръ прочно замѣнилъ теперь не-постоянно тяготѣвшія прежде надъ народомъ временныя бѣдствія. Большая часть народа доведена такимъ образомъ теперешнимъ правительствомъ до совершенной нищеты. Въ матеріальномъ отношеніи народу жилось лучше во времена беговъ. Христіанинъ-райя былъ гораздо счастливѣе подъ властью бега или мѣстнаго постоянного землевладѣльца, чѣмъ теперь, находясь въ зависимости отъ временнаго оффиціального лица, — теперешняго откупщика податей, — единственный интересъ котораго состоитъ въ томъ, что бы какъ можно туже набить себѣ карманъ. Отношенія между земледѣль-

*) Заітии — агенты полиціи.

цель и его фермерами даютъ мѣсто развитію многихъ отродныхъ чело-
вѣческихъ чувствъ. Сборщикъ же податей, по самой уже природѣ своей,
напоминаетъ собою «мимолетную» хищную птицу. Не такъ давно еще
фермеры беговъ, христіане, пріѣзжали обыкновенно въ большіе празд-
ники въ обѣдни въ городъ въ своихъ старинныхъ національныхъ ко-
стюмахъ, расшитыхъ серебромъ; теперь же видѣть подобные костюмы —
большая рѣдкость: владѣльцы ихъ всё почти вынуждены распродать
ихъ.

Приведу здѣсь слова одной боснійской женщины, описывавшей пе-
режью, которая произошла въ обыкновенной будничной жизни хри-
стіанской женщины въ Сараевѣ на памяти теперешняго поколѣнія, съ
тѣхъ поръ, какъ пребываніе европейскихъ консуловъ въ этомъ городѣ
сдѣлало положительно невозможными тѣ жестокости, которыя практи-
куются до настоящаго времени въ другихъ мѣстностяхъ этого вилайета.

«Когда Визирь имѣлъ свою резиденцію», — рассказывала женщина, —
«въ Травникѣ, тридцать лѣтъ тому назадъ, — простому народу жилось
здѣсь гораздо лучше, чѣмъ теперь, потому, что тогда онъ не зналъ
другихъ податей, кромѣ *харача* (денежнаго взноса вмѣсто отпра-
вленія воинской повинности). Мы были богаты; у насъ были и лошади и
быки и свиньи и овцы и домашняя птица. Кое у кого было и платье
изъ тонкаго сукна съ серебрянымъ шитьемъ и хорошее оружіе. Правда,
не было свободы; да беги и аги, владѣльцы земли, охраняли и защи-
щали своихъ кметей. Самый развалъ жестокостей былъ во времена
Ментель-паши и Фезли-паши: они грабили, убивали, свирѣпствовали,
мучили и прибѣгали ко всевозможнымъ неистовствамъ. Все молчало.
Не давали хода никакому разслѣдованію. Не принимали никакихъ жа-
лобъ. Такой порядокъ продолжался до временъ Омера-паши. Что-до
свободы (личной неприкосновенности), то въ этомъ отношеніи раз-
ница между тогдашнимъ и теперешнимъ временемъ такая, какъ между
небомъ и землею. Въ тѣ времена женщины въ Сараевѣ не смѣли по-
казываться на базарѣ или на улицѣ, даже не смѣли стоять у своихъ
воротъ; когда же выходили по необходимости куда нибудь: въ церковь,
на базаръ и пр.; то — сохрани Боже! — надѣть какое нибудь украшеніе: съ

всѣмъ 10 головы закутывались бывало онѣ въ бѣлыя покрывала точно такъ, какъ турецкія женщины, которыхъ не встрѣтишь безъ покрывала на улицѣ: одни только глаза мелькаютъ у нихъ изъ подъ покрывала. Вовсе не то теперь у насъ. Теперь, — вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ христіанскія женщины и дѣвицы, жены и дочери православныхъ сараевскихъ купцовъ, всѣ—въ дукатахъ и жемчугахъ, разодѣтыя, ходятъ однѣ по улицамъ и, какъ у себя дома, расхаживаютъ по базару и днемъ и позднимъ вечеромъ, безъ всякаго страха».

Исключая нѣсколькихъ купцовъ, православное населеніе вообще очень бѣдно. Развитія обширныхъ матеріальныхъ средствъ страны здѣсь нѣтъ никакого. Нѣтъ никакихъ работъ и занятій, которыя давали-бы возможность бѣднымъ уплачивать изъ своего заработка возрастающія съ каждымъ годомъ подати и удовлетворять корыстолюбію официальныхъ лицъ и притязательности своего духовенства. Не смотря однако же на эти неблагопріятныя условія, нѣкоторые боснійскіе купцы замѣтно богатѣютъ и постепенно расширяютъ кругъ своихъ коммерческихъ операцій. Зависть къ торговымъ успѣхамъ вызываетъ даже гоненія на этихъ купцовъ. Такъ, въ 1873 году возникло гоненіе противъ дѣятельныхъ купцовъ Градишки, лежащей у австрійской границы. Ложныя обвиненія сфабрикованы были и противъ другихъ вліятельныхъ христіанъ этого города. Многіе изъ обвиненныхъ тотчасъ же были арестованы и посажены въ тюрьмы. Подсудимые послали жалобу въ Порту; но, какъ обыкновенно водится, одновременно съ нею послано было противоположнаго содержанія донесеніе отъ Меджлиса *). Донесеніе это судьи-магометане заставили судей-христіанъ подписать, не давъ имъ прочесть его. Четырнадцать христіанъ купцовъ бѣжало тогда въ Австрію. По прибытіи въ Вѣну, они поклялись, что вернутся назадъ въ Боснію, не ранѣе, какъ только тогда, когда сдѣлаются подданными Австріи. Въ дѣло это вмѣшалась Австрія и, благодаря ея вліянію, тогдашній губернаторъ Боснии, Мустафа Ассимъ-паша, не по

---

*) Меджлисъ—новый турецкій судъ, въ которомъ засѣдаютъ судьи изъ магометанъ и христіанъ.

разуму ревностный Турокъ, рѣшившійся несовременнымъ преслѣдованіемъ и гоненіемъ христіанъ поддержать блескъ падающаго мусульманскаго могущества, отозванъ былъ изъ этого вилайета. Если бы мѣры этой не было принято тогда, то возстаніе въ Босніи, безъ сомнѣнія, началось бы ранѣе. Ближайшая причина возстанія 1875 года кроется въ тяжести и несправедливомъ способѣ взиманія податей и добавочныхъ налоговъ, наложенныхъ въ послѣднее время на «обнищавшую раяю» въ Босніи для удовлетворенія кредиторовъ высокой Порты процентами по турецкимъ займамъ. Но не одно это вызвало возстаніе. Бромѣ усиленія размѣра платежей, на революціонный взрывъ сильнѣе всего дѣйствовало врожденное Сербамъ чувство народности и твердая рѣшимость Сербовъ-христіанъ освободиться отъ чужеземнаго турецкаго ига, — ига, подъ которымъ Сербы Босніи стонуть уже четыре столѣтія. Зная мстительный характеръ мусульманъ, можно безошибочно предсказать и теперь, что, если настоящее возстаніе кончится опять усмиреніемъ Босніи и подчиненіемъ ея Портѣ, въ качествѣ турецкаго вилайета; то положеніе христіанъ Босніи значительно ухудшится противъ прежняго, не смотря на всѣ завѣренія и обѣщанія Константинополя*).

У боснійскихъ христіанъ православной восточной церкви — тѣ же оригинальные обычаи, тѣ же народные святыя и герои и тѣ же историческія преданія, какъ и у Сербовъ княжества, съ которыми они считаютъ себя соплеменниками, хотя и раздѣлены съ ними политически. Въ домѣ каждаго православнаго христіанскаго купца вы найдете портреты или фотографіи князей Сербіи, украшенные сербскими гербами. Мариновичъ, бывший когда-то первымъ мипистромъ въ Бѣлградѣ, — родомъ изъ Сараева и въ родственныхъ связяхъ съ богатѣйшими здѣшними домами. Я знаю одно сербское семейство въ Бѣлградѣ, у котораго есть носящіе ту же фамилію родственники въ Босніи между мусульманами и въ Кроаціи между римско-католиками. Есть также много семей родственныхъ между собою въ Босніи и Сербіи. Родственныя эти отношенія онѣ поддерживаютъ строго. Всѣ члены этихъ семей называютъ

*) Писано въ 1875 году.

иной Сербіи. Религіи— всё они православной. Вообще всякій православный Сербъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, — въ Австріи ли, въ Турціи ли, — откуда бы ни былъ родомъ, — изъ Черногоріи ли или изъ свободной Сербіи, — вездѣ признаетъ себя гражданиномъ одного сербскаго отечества и постоянно носить въ душѣ идеаль національнаго единства.

Большая путаница произошла отъ термина «Греки», который приписывался когда-то безразлично все́мъ турецкимъ христіанамъ, — къ какой бы церкви они ни принадлежали, къ восточной ли или къ западной. Источникомъ этой путаницы было существовавшее когда-то ошибочное убѣжденіе, будто бы все христіане европейской Турціи — Греки, какъ по происхожденію, такъ и по вѣрѣ. Гдѣ же корень этого ошибочнаго убѣжденія? Корень этой ошибки въ усвоенномъ французскими писателями обыкновеніи называть турецкихъ Славянъ въ своихъ описаніяхъ «les Grecs». Между тѣмъ называть православныхъ Славянъ — Греками такъ же не-логично, какъ если бы, напримѣръ, кто нибудь англійскихъ и нѣмецкихъ католиковъ вздумалъ называть «латинянами». Различныя вѣтви восточной церкви могутъ все называться «національными» въ томъ смыслѣ, что каждая изъ нихъ самостоятельна и не подчиняется чужеземной зависимости. У Сербовъ княжества и Грековъ свободной Греціи, — у тѣхъ и другихъ, — свой особый митрополитъ: одинъ живетъ въ Бѣлградѣ, другой — въ Аѣинахъ, и они, — и тотъ и другой, — совершенно независимы отъ фанариотскаго патріарха Константинополя. Турецкіе-христіане-Сербы въ числѣ самыхъ главныхъ своихъ жалобъ на Порту выставляютъ то, что они подчинены юрисдикціи греческаго патріарха Константинополя и не имѣютъ собственныхъ своихъ митрополита и епископовъ. Греки по происхожденію и получая жалованье изъ Константинополя, фанариотскіе епископы, поставленные у Сербовъ, дѣйствуютъ, какъ шпіоны Турокъ, и состоятъ въ полной отъ нихъ зависимости. Названіе «православныхъ», старую литургію славянскую и церковныя службы Сербы имѣютъ одинакія съ Русскими: въ этомъ единствѣ церкви лежитъ основа ихъ крѣпкой связи съ Россією.

III. У римско-католическихъ христіанъ или «латинянъ» Босніи и

Герцоговины болѣе порядка и подчиненности, но несравненно менѣе твердости и предпримчивой энергіи, чѣмъ у православныхъ. Они болѣе ладятъ съ Турками. Вовсе не слышно, чтобы римско-католическихъ священниковъ заключали когда нибудь въ турецкія тюрьмы, сербскіе же священники очень часто попадаютъ туда и, по большей части, по подозрѣнію въ политической неблагонадежности. Между римско-католиками Сараева нѣтъ ни одного купца. Нѣкоторые изъ нихъ занимаются впрочемъ мелкою торговлею. Вообще римско-католическая община въ Сараевѣ очень бѣдна. Въ деревняхъ римско-католики большею частію «*кметы*» и обрабатываютъ земли беговъ. Въ Травникѣ, Ливно и въ другихъ городахъ купцы есть однакоже и изъ «*латинянъ*». Въ послѣднее время кое-гдѣ приобрѣли они землю. За исключеніемъ высоко образованнаго духовенства, пользующагося большими привилегіями, которыя даны ему еще со временъ побѣдоноснаго Махмуда, остальное римско-католическое стадо коситъ здѣсь въ состояніи первобытнаго невѣжества и грубости. Школъ у нихъ поразительно мало, такъ, что, въ этомъ отношеніи, Боснія, по моему мнѣнію, не выдержитъ сравненія ни съ какою римско-католическою страной Европы, исключая развѣ только Албаніи. Во всемъ боснійскомъ вилайетѣ едва ли наберется отъ тридцати до тридцати четырехъ римско-католическихъ мужскихъ школъ. Въ послѣдніе пять лѣтъ основано здѣсь нѣсколько и женскихъ школъ сестрами общины св. Винцента, у которой есть монастырь въ Кроации. Подобнаго же рода попытокъ слѣдуетъ ожидать и отъ будущихъ молодыхъ священниковъ, воспитываемыхъ на болѣе либеральныхъ началахъ и въ болѣе народномъ духѣ въ семинаріи епископа Штрмайера въ Діаковерѣ въ Славоніи. Всѣ предназначавшія себя въ духовное званіе изъ здѣшнихъ жителей до настоящаго времени воспитывались либо въ Италіи, либо въ Венгріи и потому большею частію теряли вовсе возможность пониманія духа своего народа, хотя, благодаря ихъ высокому умственному развитію, и пользовались большимъ вліяніемъ на народъ. Такъ они успѣли совершенно искоренить у римско-католиковъ Босніи обычай празднованія «*краснаго имени*», выставляя тѣ значительныя издержки, въ которыя вовлекаетъ бѣдный

верно не правдиво. Если подобнаго рода празднества и дѣйстви-
тельно ведутъ за собою злоупотребленія и вызываютъ крайности, од-
нако же, едва ли отрицать, — они поддерживаютъ братскія отношенія,
нужныя в основаніе племеннаго единства между православными восточ-
ной славянъ и тѣмъ самымъ даютъ имъ силу твердо протівустоять влі-
янію восточнѣе. Римско-католики же Босніи большею частію поте-
ряли уже чувство своей народности. Они даже не называютъ себя Сер-
бамъ, а Латинянами. Всѣ политическія ихъ тенденціи, на сколько они
существуютъ у нихъ, тѣже, что и у католическихъ Славянъ Австріи,
Европы и Славоніи; но той общности интересовъ, которая все болѣе и
болѣе развивается у тамошняго образованнаго класса, какъ изъ право-
славныхъ, такъ и изъ католиковъ, — еще нѣтъ въ Босніи. Епископъ
Штрингеръ вѣдѣется однакоже, что римско-католики Босніи совре-
менно содѣланы въ немъ цѣломъ, при болѣе либеральной и раціональной
системѣ образованія.

Еврейская община въ Сараевѣ—очень богата. Многіе изъ ея чле-
новъ разбогатѣли въ послѣдніе десять лѣтъ и приобрѣли земли и дома.
Община эта очень заботится о своихъ бѣдныхъ. Не видно ни одного
Еврея нищаго. Ни одинъ Еврей также какъ-то не попадаетъ ни въ
одномъ уголовномъ преступленіи: ни въ убійствѣ, ни въ воровствѣ,
ни въ грабежѣ. Вообще въ турецкія тюрьмы попадаютъ они рѣдко и
то только за долги. Это—свѣтлая сторона картины; но есть и мрачная
сторона. Евреи во многихъ отношеніяхъ весьма низко упали. Какими-
то полусогнившими смотрятъ и сами они и ихъ дома. Всѣ они—хилые
и небольшого роста. Женщины у нихъ отличаются безобразіемъ. На-
рѣчіе, на которомъ говорятъ они, по словамъ одного константинополь-
скаго доктора, мистера Томсона, едва ли не единственнаго до настоя-
щаго времени Англичанина, который можетъ объясняться съ ними на
ихъ собственномъ ідіомѣ, есть отпрыскъ того самаго оригинальнаго
языка, на которомъ говорили они въ Испаніи, въ моментъ изгнанія
ихъ оттуда, и очень близко къ тому языку, на которомъ написанъ
Донъ-Кихоть. У нихъ есть школы, но школы только мужскія. Празд-

никовъ и разнаго рода свободныхъ отъ занятій дней у нихъ болѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ національностей, обитающихъ въ Сараевѣ.

Дурное состояніе образованія въ Босніи — одна изъ самыхъ большихъ ея бѣдъ. До возстанія, во всемъ вилайетѣ у православныхъ было всего шесть женскихъ и никакъ не болѣе двадцати семи мужскихъ школъ. Первая женская школа основана была одной боснійской женщиной Стакой, при пособіи Россіи. Для отысканія учителей она ѣздила въ Сербію. Турецкое правительство умышленно держитъ народонаселеніе въ невѣжествѣ: неразвитость и грубость народа — кладъ для Турокъ! Во всемъ вилайетѣ нѣтъ ни одной книжной лавки, кромѣ «склада книгъ британскаго библейскаго общества» въ Сараевѣ, который устроенъ тамъ лѣтъ восемь или десять назадъ тому. Въ этомъ складѣ нельзя найти никакихъ другихъ книгъ, кромѣ букварей, старыхъ славянскихъ «часослововъ» и кое-какихъ случайно туда попавшихъ альманаховъ. Одинъ боснійскій купецъ недавно сдѣлалъ было попытку завести у себя продажу сербскихъ книгъ; но книги эти тотчасъ же были арестованы турецкими чиновниками. Ввозъ сербскихъ книгъ и газетъ изъ-за-границы строго воспрещенъ. Все печатное, лишь только попадетъ въ вилайетъ, тотчасъ же уничтожается. Какъ велико стараніе, чтобы ни одна изъ газетъ не попадалась на глаза боснійскимъ читателямъ, видно изъ того, что очень недавно еще турецкое правительство обращалось съ официальною жалобой въ австрійское консульство на одного изъ чиновниковъ этого консульства, обвиняя его въ томъ, что онъ показывалъ боснійскимъ купцамъ получаемыя имъ славянскія газеты. Въ Сараевѣ есть однако же казенная типографія; но въ ней печатается очень немногое: нѣсколько кое-какихъ элементарныхъ школьныхъ учебниковъ, два, три пѣсенника и двѣ газеты, одна на турецкомъ и другая на словацкомъ языкахъ, — вотъ и все, что выходитъ въ свѣтъ изъ этой типографіи въ Сараевѣ. Газеты сараевскія — весьма пустаго содержанія. Большою частію наполняются онѣ извѣстіями о движеніи и перемѣнахъ въ турецкой администраціи, которыя, дѣйствительно, весьма часты, такъ, что, за помѣщеніемъ ихъ, остается одинъ только и притомъ крайне не-большой

столбецъ въ газетѣ для сообщенія всѣхъ другихъ новостей. Подобнаго рода газеты, надобно полагать, едвали и читаются кѣмъ нибудь изъ Сербовъ.

Однимъ изъ главныхъ вопросовъ, интересующихъ всякого, кто хотя нѣсколько ознакомится съ Босніею и другими славянскими землями европейской Турціи, всякаго, кто хотя сколько нибудь почеловѣчески отнесется къ обитателямъ этихъ славянскихъ земель, — становится, безъ сомнѣнія, вопросъ о здѣшнемъ судѣ. Принимаются ли на судѣ въ Босніи показанія и свидѣтельства христіанъ противъ магометанъ? Въ «мекемъ» или судѣ кади, древнемъ турецкомъ судилищѣ, — рѣшенія котораго основываются единственно на текстахъ Корана, — свидѣтельства эти и показанія вовсе не принимаются; въ позднѣйшихъ же судахъ или меджлисахъ свидѣтельства и показанія христіанъ противъ магометанъ по закону должны имѣть силу. Въ принципѣ, значитъ, у христіанъ есть права. Мало этого. Въ Босніи было нѣсколько случаевъ и осуществленія на практикѣ этихъ правъ: свидѣтельства христіанъ противъ мусульманъ были приняты во вниманіе. Замѣчательно однако же, что всѣ эти случаи относились къ такого рода процессамъ, въ которыхъ, и независимо отъ всякихъ правъ, однимъ *подкупомъ* можно было достигнуть любого рѣшенія, и справедливаго и несправедливаго. Какъ бы то ни было, но положительно извѣстно, что сила показаній *двадцати* христіанъ уничтожается показаніями *двухъ* мусульманъ. Само собою разумѣется Турки весьма неохотно и только подъ давленіемъ европейской дипломатіи, согласились перевести спорныя дѣла между христіанами и мусульманами изъ старыхъ судовъ кади въ новые суды, «меджлисы», причемъ разумѣется, должна была измѣниться и прежняя организація древнихъ турецкихъ судовъ кади.

Въ каждомъ изъ новыхъ судовъ, меджлисовъ, въ Сараевѣ заставляютъ: отъ *четырехъ* до *шести* мусульманъ, *одинъ* или *двое* православныхъ, *одинъ* римско-католикъ и *одинъ* или *двое* Евреевъ. Знаніе турецкаго языка обязательно, такъ какъ судопроизводство въ меджлисахъ ведется на турецкомъ языкѣ. Вліяніе въ этихъ судахъ немусульманскаго элемента весьма слабо и христіане, встрѣчая презритель-

ное обращеніе со стороны мусульманскаго большинства судей, не очень жалуютъ эти суды. При такой обстановкѣ, социальное положеніе христіанъ сравнительно съ мусульманами такъ же невыносимо и теперь, какъ было прежде. Врожденная, наслѣдственная грубость мусульманъ Босніи безпрестанно сталкивается съ наслѣдственною же затаенною ненавистью райи. Нужно нѣсколько поколѣній совершенно иного, не теперешняго заката, чтобы райи могли достигъ до сознанія своего нравственнаго достоинства. Въ примѣръ наглости турокъ подѣ самими глазами у европейскихъ консуловъ, въ Сараевѣ, — городѣ, гдѣ турки считаются еще самыми цивилизованными, — приведу нижеслѣдующій анекдотъ. Одинъ дервишъ, по имени Хаджи-Лойя, встрѣтилъ на дорогѣ у самаго Сараева православнаго священника, ѣхавшаго верхомъ на лошади. Дервишъ тотчасъ же закричалъ, обратившись къ священнику: «Боснія — еще вилайеть Турціи, — развѣ ты не видишь, что идетъ мимо Турокъ? Долой съ лошади!» Въ разные часы дня три раза встрѣчалъ потомъ дервишъ того же самаго священника и всякій разъ заставлялъ его сходить съ лошади. Тотъ же самый дервишъ вынудилъ пройти пѣшкомъ мимо себя цѣлый свадебный поѣздъ римско-католиковъ. Это случилось въ 1871 году. Въ томъ же году, въ томъ же самомъ Сараевѣ, убитъ однимъ мусульманиномъ христіанскій мальчикъ, лѣтъ восемнадцати, на площади, въ базарный день и убійца, въ виду цѣлой толпы и на глазахъ заптievъ, успѣлъ скрыться.

Добывать обстоятельныя свѣдѣнія о турецкихъ жестокостяхъ, которыя, какъ ходятъ слухи, совершались и совершаются и теперь въ отдаленныхъ мѣстностяхъ вилайета, еще не посѣщенныхъ нами, весьма трудно. Впрочемъ мнѣ извѣстно, на примѣръ, что еще недавно, весной 1875 г., въ мѣстности неподалеку отъ Сараева, одинъ райя привязанъ былъ босой къ экипажу аги, (господина), и въ такомъ видѣ принужденъ былъ бѣжать за экипажемъ. Это рассказано мнѣ подѣ самымъ строгимъ секретомъ однимъ перенуганнымъ очевидцемъ факта. Бѣдный христіанинъ съ большимъ страхомъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ, опасаясь турецкой мести, неизбѣжно постигающей подобныхъ репортеровъ. Разъ какъ то, разговаривая съ однимъ изъ самыхъ умныхъ эми-

спросила, какъ называлась я на грудность встрѣтить въ Босніи христіанина, съ которымъ можно было бы поговорить откровенно, по душѣ. «Да когда вы сами не смѣете говорить откровенно другъ съ другомъ», — возразила мнѣ, — «какъ же хотите вы, чтобы кто нибудь изъ насъ былъ откровененъ съ вами? И самъ не смѣю сообщить того, что видѣлъ или слышалъ своимъ друзьямъ: поссорившись со мною, пожалуй, они выдадутъ меня или же какъ — нибудь въ пьяномъ видѣ безсознательно повторятъ мои слова. Что тогда? У Турокъ попаду я на дурной счетъ, вижу человѣкъ опасный, и, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, они вращутся ко мнѣ и посадятъ меня въ тюрьму или сошлютъ въ ссылку». — «Хорошо», — отвѣчала я, — «но, по крайней мѣрѣ, теперь вы можете откровенно высказать мнѣ все, — вы теперь въ австрійскихъ владѣніяхъ и Турки, конечно, не могутъ услыхать вашихъ разсказовъ». Имъ разговариваясь, — я еще высказала мнѣ слѣдующее: «Притѣсненія сиротъ и вдовъ, вынужденнаго бѣгства бѣговъ, (собственниковъ земли), а притѣсненія вѣровъ зятіею, дошли въ настоящее время въ Босніи до такой степени невыносимости, до какой прежде никогда не доходила. Платежъ восьмой части дохода въ казну, трехъ съ половиною процентовъ бѣгу, пошлина въ замѣнъ воинской повинности, подать за свиней, за скотъ, за все, чѣмъ владѣешь и за то, чѣмъ даже вовсе и не владѣешь, — не оставляють намъ, деревенскимъ жителямъ, и тѣхъ небольшихъ крохъ, которыя необходимы, чтобы не умереть съ голоду. И валили людей, запертыхъ въ свинарники, — ихъ держали тамъ въ холодѣ и голодѣ до тѣхъ поръ, пока не вносили они сполна всѣхъ податей. Валили и людей, повѣшанныхъ вверхъ ногами на косякахъ, внутри ахъ домовъ, и висѣвшихъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока они не открывали наконецъ, гдѣ скрыты ихъ скудные сбереженія. И видѣлъ людей, повѣшанныхъ на деревья и поливаемыхъ водою въ трескучіе морозы; видѣлъ босыхъ райевъ, привязанныхъ къ экипажамъ бѣговъ и вынужденныхъ бѣжать за быстро несущимися экипажами. И видѣлъ женщинъ и дѣвушекъ, работавшихъ на полѣ и подвергавшихся тамъ самымъ возмутительнымъ жестокостямъ или увозимыхъ силою въ турецкіе гаремы. Вы скажете, — почему же мы не жадовались на

эти возмутительныя жестокости? — Мы жаловались — и что же? — насъ сажали въ тюрьмы и обрекали на смерть».

И ту же самую грустную, но вѣрную повѣсть народныхъ страданий слышали мы много, и много разъ, во время поѣздокъ нашихъ изъ конца въ конецъ, вдоль и поперекъ, по этой несчастной странѣ. Да, тутъ, въ самомъ дѣлѣ, скопилось достаточно матерьяла для возстанія. Безъ сомнѣнія, возстаніе это поддерживалось и общаніями помощи извнѣ: тутъ дѣйствовали, конечно, и такъ называемые «сербскіе эмиссары» и агитаторы, которые, какъ я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, всѣ были родомъ изъ Босніи и Герцеговины и жили изгнанниками въ Сербіи и Австріи. Жители сербскаго княжества принадлежатъ къ тому самому племени и говорятъ тѣмъ же самымъ языкомъ, какъ и Босняки. Сербы же, живущіе въ Австріи, всѣ — эмигранты разныхъ временъ, — кто — отдаленнаго, кто — недавняго прошлаго, — выселившіеся изъ странъ, покоренныхъ Турками. Въ сосѣдствѣ Покрока, въ Славоніи, все народонаселеніе сплошь — православное, родомъ изъ Босніи. Большая часть его ждетъ не дождется того времени, когда можно будетъ ему покинуть «лихорадочныя доли», между Савой и Дравой, и воротиться въ ихъ собственную прекрасную землю, въ «Босну поносну», (въ плодоносную Боснію), въ «милую Боснію» ихъ пѣсень.

Глава II.

ПОЪЗДКА ВЪ БОСНІЮ ВЪ АВГУСТЪ 1875 ГОДА.

Въ концѣ Іюля 1875 года покинули мы Англію, чтобы вернуться къ нашей школѣ, основанной въ Сараевѣ съ цѣлью воспитанія въ ней учительницъ для женскихъ школъ. Мы рассчитывали сдѣлать нѣсколько «вербовочныхъ» поѣздокъ по тѣмъ мѣстностямъ страны, въ которыхъ еще не были. Планъ нашъ состоялъ въ томъ, чтобы убѣдить сербскія общины этихъ мѣстностей выслать въ нашу школу по одной или по двѣ дѣвочки для приготовленія ихъ къ званію учительницъ, такъ, чтобы каждая изъ нихъ была потомъ учительницею въ школѣ своего роднаго городка или селенія.

Въ Вѣнѣ встрѣтились мы съ генераломъ Захомъ, адъютантомъ сербскаго князя. Онъ сообщилъ намъ, что возстаніе въ Герцеговинѣ, по видимому, становится очень серьезнымъ, что оно, по всѣмъ вѣроятіямъ, распространитѣся по Босніи къ сѣверу, вдоль далматской границы, по турецкой Крааци и, какъ кажется, вспыхнетъ по всей сербской границѣ и во всѣхъ горныхъ округахъ. Сербскому и черногорскому князьямъ, прибавлялъ онъ, никакъ нельзя будетъ воспрепятствовать своимъ подданнымъ двинуться на помощь своимъ собратьямъ по племени и религіи. Въ виду всего этого, онъ отговаривалъ насъ отъ поѣздки въ Боснію въ такое время, когда возстаніе доведенныхъ до от-

чаянія боснійскыхъ христіанъ должно вызвать страшное мщеніе со стороны фанатическаго, вооруженнаго мусульманскаго населенія.

На одномъ изъ пароходовъ, дѣлающихъ рейсы по р. Савѣ, разговорились мы съ венгерскимъ докторомъ турецкой службы, который возвращался къ своему подку въ Баялыуку. Онъ также полагалъ, что возстаніе «schrecklich ernst» ужасно серьезно. Причины его, говорилъ онъ, коренятся глубоко и захватываютъ обширный районъ. Слишкомъ хорошо знаетъ онъ страну и потому не можетъ повторять басень объ иностранномъ подстрекательствѣ: но утверждаетъ, съ увѣренностію очевидца, о постоянно всплывающихъ наружу фактахъ нестерпимаго угнетенія со стороны сборщиковъ податей и о подкупности, испорченности и взяточничествѣ, систематически развившихся въ средѣ турецкаго чиновничества.

Мы навѣстили турецкую Градишку. При осмотрѣ этого города, проводникомъ у насъ былъ Васо Видевичъ, купецъ родомъ изъ Босніи, бывший во главѣ депутаціи, которая отправлялась въ 1873 году въ Вѣну искать покровительства императора. Черезъ рѣку перевезли насъ въ одномъ изъ длинныхъ савскихъ челноковъ, выдолбленныхъ изъ ствола дерева, — и мы вдругъ очутились среди восточнаго варваризма, грязь, нечистота и нищенство котораго характеризуютъ всюду въ Европѣ пограничную черту азіатскихъ поселеній. Дома, — почти все — деревянные, — то тамъ, то сямъ сверкаютъ заплатами и почти все въ положеніи развалинъ. Въ «чарсіяхъ», или на базарахъ сидятъ Турки въ чалмахъ, съ поджатыми подъ себя крестъ на крестъ ногами, каждый у своей лавки, передъ разложенными на прилавкахъ арбузами, манчестерскими катушками бумаги, кожаными башмагами, рисомъ, сахаромъ, глиняными трубками и маленькими кофейными чашками. Вотъ наконецъ приблизились мы къ лавкѣ европейскаго вида съ бюро внутри ея и съ вывѣскою, на которой блистало написанное яркою краскою имя хозяина: «*Бозо Любоевичъ*». Это была лавка одного изъ самыхъ богатыхъ когда-то туземныхъ купцовъ, который, два года назадъ тому, вынужденъ былъ бѣжать въ Австрію. Любоевичъ жилъ въ одномъ изъ самыхъ большихъ домовъ въ городѣ. Это было, въ самомъ

домъ, довольно обширное по размѣрамъ зданіе, окруженное садомъ. Мы въ немъ отдыхали въ немъ, бесѣдуя съ женою Любоевича и его дочерью, и насъ угощали тамъ чудеснымъ кофе и разными лакомствами. Въ 1873 году вооруженные Турки окружили этотъ домъ, утверждая настоятельно, что въ немъ скрыто оружіе, — произвели строгій обыскъ и не нашли ничего. Въ настоящее время домъ этотъ совершенно заброшенъ и въ состояніи разрушенія. Все семейство Любоевича въ изгнаніи въ Австріи и самъ онъ — разоренный купецъ. Въ бывшей, небольшой церкви, Васо показывалъ намъ съ гордостію колоколъ, который отважные христіане Градишки осмѣлились, согласно съ дарованнымъ имъ правомъ, вывѣсить на колокольнѣ: это единственный колоколъ православнаго храма Босніи, звуки котораго раздаются въ страхъ. Мусульмане терпѣть не могутъ звона колоколовъ, но Васо утверждалъ насъ, что звонъ этого колокола слышанъ даже и за Савойей, гдѣ живутъ магометане. Близъ церкви — школа. На площади, принадлежавшей христіанской общинѣ, предположено выстроить лавки, доходомъ съ которыхъ помочь большому ея развитію. Въ настоящее время въ городѣ *сто пятьдесятъ* православныхъ домовъ, *пятьдесятъ* римско-католическихъ и *сто пятьдесятъ* — турецкихъ.

На слѣдующее утро выѣхали мы въ Баньялуку, находящуюся въ четырехчасовомъ разстояніи отъ Градишки. Превосходная дорога, лучше которой я нигдѣ не видала въ Босніи, шла по великолѣпной долинѣ, обрамленной холмами. Въ недалекомъ разстояніи отъ города, пересѣкли мы полотно желѣзной дороги, соединявшей когда-то Баньялуку съ Нови. Въ настоящее время линія этой желѣзной дороги совершенно разрушена: мосты сломаны и рельсы сняты.

По приѣздѣ въ Баньялуку, мы сдѣлали визитъ одному боснійскому семейству, которому доставили письмо. Глава этого семейства, бывший тогда въ отсутствіи, слылъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ мѣстныхъ купцовъ. Мать семейства, уроженка Новой Градишки, — изъ австрійскихъ славянъ. Дочери, — очень красивыя дѣвицы, воспитанныя гувернанткой изъ Австріи, — теперь замужемъ за сербскими купцами, проживающими въ Бѣлградѣ. При всей любезности и радушіи, съ ко-

торыми онѣ встрѣтили насъ, друзей своихъ, нельзя было не замѣтить, что онѣ были какъ бы сконфужены нашимъ визитомъ. Мы разговорились и онѣ сообщили намъ, что Турки на всякое сношеніе съ иностранцами смотрятъ очень подозрительными глазами. Отецъ ихъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму въ 1873 году за то только, что былъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ австрійскимъ вице-консуломъ, который извѣстенъ былъ своимъ дружескимъ расположеніемъ къ христіанамъ и ревностно разузнавалъ, въ какомъ они положеніи. Для избѣжанія подобныхъ преслѣдованій на будущее время, онѣ, какъ рассказывали, просили неваго австрійскаго вице-консула не посѣщать ихъ дома. Одинъ мусульманинъ, разсказывали онѣ далѣе, бывшій у нихъ въ услуженіи очень долгое время, предостерегалъ ихъ, чтобы онѣ были какъ можно осмотрительнѣе... Да онѣ и сами чувствуютъ, что ихъ жизнь и собственность—внѣ всякихъ гарантій. А во сколько же разъ хуже еще положеніе бѣднаго поселянина, котораго обираетъ и мусульманинъ-землевладѣлецъ и сборщикъ податей и его соотчичъ священникъ и греческій епископъ, не оставляя ему ничего, кромѣ одной только жизни! Пища его состоитъ изъ закорузлаго, чернаго хлѣба, вареныхъ бобовъ и кукурузы; мяса не ѣдятъ они ни раза въ годъ. На наши распросы о насиліяхъ, онѣ отвѣчали, что въ селахъ, сесѣднихъ съ Баньялукою, бывали, какъ извѣстно имъ, случаи похищенія дѣвушекъ; но теперь похищенія эти не такъ часты; а бывають ли подобные случаи въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, — не отъ кого слышать.

Послѣ визита нашего, тотчасъ же пришелъ къ намъ въ домъ полицейскій агентъ, (запгій) разузнать, кто мы такія и зачѣмъ приходили? На пути въ гостиницу, мы встрѣтили другаго полицейскаго агента, который приказалъ намъ немедленно же явиться къ турецкимъ властямъ. Я возразила, что мы — англійскія леди и не обязаны выполнять подобныхъ приказаній—и, вынувъ наши паспорта», сказала, что бы онъ тотчасъ же доставилъ ихъ градоначальнику и заявилъ ему, что завтра же утромъ мы должны отправиться съ конвоемъ въ Травникъ. Полицейскій агентъ отвѣчалъ: «Пеки» (очень хорошо) и ушелъ отъ насъ.

Въ эту самую минуту появился передъ нами турецкій докторъ, который нашъ по савскому пароходу: онъ немедленно же отправился въ штабъ градоначальника — добыть намъ пужный для нашего путешествія конвой. Дальнѣйшія извѣстія, однакоже, о дурномъ состояніи гористой дороги между Баньялукомъ и Травникомъ, сообщенія о движеніи въ этомъ направленіи турецкихъ редифовъ (ландвера) и стояншія въ ту пору года жары заставили насъ измѣнить нашъ маршрутъ и вернуться назадъ въ Градишку, чтобы ѣхать оттуда въ Бродъ на пароходъ. Очень сожалѣли мы, что намъ не удалось посѣтить живописную озерную мѣстность Босніи и древнюю историческую крѣпость, замокъ жайскій.

На другой день послѣ отъѣзда нашего изъ Баньялуки, въ субботу, 15-го августа, началось возстаніе въ сѣверной Босніи, въ Косарочъ, въ придорскомъ округѣ, и въ окрестностяхъ Градишки. Въ первый разъ услышали мы объ этомъ въ понедѣльникъ утромъ: въ очень ранній еще часъ, двѣ дѣвцы изъ того семейства, которое посѣтили мы въ Баньялукѣ, появились вдругъ въ дверяхъ нашего номера въ гостиницѣ австрійской Градишки и сообщили намъ, что мать отправила ихъ въ полночь со всеми дѣтьми и съ дѣтьми еще одного сосѣдняго семейства къ родственникамъ въ Австрію. Онѣ передавали намъ, что «какой то христіанинъ убилъ турецкаго сборщика податей, и что теперь Турки и христіане рѣжутъ другъ друга въ поляхъ». Васо Видоевичъ провелъ съ нами вечеръ наканунѣ и не зналъ еще ничего изъ того, что намъ было сообщено. Нѣсколько дней назадъ тому, онъ говорилъ, что райи въ сѣверной Босніи ничего не могутъ сдѣлать, что они — слишкомъ слабы, чтобы подражать Герцеговинцамъ: у нихъ нѣтъ ни оружія, ни Черногорцевъ подъ рукою, на которыхъ, могли бы они опереться. Теперь увидали мы его въ саду гостиницы: онъ очень серьезно разсуждалъ о чемъ-то съ какими-то Босняками. Потомъ онъ отправился на пароходъ и объявилъ, что никогда не воротится въ турецкую Градишку. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, узнали мы, что онъ употребилъ все свое состояніе на покупку ружей для христіанъ. Ружьями этими нагрузилъ онъ нѣсколько лодокъ на Савѣ въ Градишкѣ, по

они такъ дурно были скрыты, что, когда пролежали тамъ дня два или три, всёъ стало хорошо извѣстно, что лодки нагружены оружіемъ. и официальные лица вынуждены были перехватить грузъ. Ружья эти были конфискованы и до настоящаго времени лежатъ въ австрійской крѣпости. Градишкѣ. Подобные случаи повторялись нѣсколько разъ. Мы слышали, что было конфисковано значительное количество военного матерьяла, не смотря на готовность каждаго оффициальнаго лица изъ Славянъ, вдоль австрійской границы, смотрѣть сквозь пальцы на переправку чрезъ пограничную черту ружей для инсургентовъ. Однажды какъ-то удалось этимъ бѣднякамъ провезти небольшой запасъ пороха и сложить его на одномъ изъ острововъ р. Савы. Порохъ отсырѣлъ. Они вздумали его сушить и разсыпали по острову. Онъ вспыхнулъ—и нѣсколько человекъ было убито и изуродовано. Въ другой разъ они соорудили какую-то деревянную пушку и такъ набили ее порохомъ, что ее разорвало и напавъ убило одного человека и многихъ контузило. Да чего же и ожидать отъ поселянъ, не приученныхъ къ употребленію огнестрѣльнаго оружія и совершенно неграмотныхъ и неразвитыхъ? Надобно только удивляться, что войска Порты не успѣли до сихъ поръ потушить возстанія безоружныхъ и невѣжественныхъ поселянъ и что возстаніе это въ настоящее время развилось съ бѣльшею силою, чѣмъ когда либо, *) такъкакъ боснійскіе райи, способные и понятливые, теперь уже выучились пользоваться оружіемъ.

---

*) Капитальная ошибка Европы состояла въ томъ, что она не содѣйствовала общему и полному возстанію Славянъ, одновременно, во всѣхъ турецкихъ провинціяхъ, и не подала имъ помощи, снабжая, по мѣрѣ нужды,—какъ дѣлалось въ отношеніи Турціи,—деньгами и оружіемъ для борьбы за свободу и предоставляя военной дисциплинѣ и организаціи выработать основы ихъ политическаго устройства. Подобная процедура хотя бы и дорого стоила по, въ концѣ концовъ, дала бы хорошіе результаты; потому что она сдѣлала бы изъ этихъ рабовъ-людей, какъ это и случилось въ нѣкоторомъ отношеніи въ Герцеговинѣ и Босніи. Она выдвинула бы впередъ нѣсколько даровитыхъ вождей изъ нихъ и тѣмъ самымъ подворила бы между ними „нравственный авторитетъ“, необходимый во вновь учреждаемыхъ государствахъ. Война и смерть не такъ страшны какъ рабство и развратъ, и остается только наблюдать, не дороже ли обойдется тотъ способъ, который теперь принятъ, чѣмъ естественное рѣшеніе вопроса путемъ общаго возстанія“. Герцеговина и послѣднее возстаніе. Соч. В. П. Стилльмана. 1877 г.

Но вернемся къ нашему разсказу. Мы отправились на пароходъ. На палубѣ его мы встрѣтили кроатскаго уроженца адвоката, доктора Берлича, который возвращался къ себѣ въ Бродъ. Опъ только—что пріѣхалъ изъ Сиссега и разсказывалъ, что, въ недалекомъ разстояніи отъ Градишки, на турецкомъ берегу, видѣлъ, съ палубы парохода, висѣвшихъ на деревьяхъ женщинъ и дѣтей на берегу рѣки и бѣгающихъ туда и сюда поселянъ съ лопатами и вилами въ рукахъ. Несомнѣнно, — началось возстаніе. Васо Видоевичъ, блѣдный какъ смерть, позвалъ насъ въ каюту и умолялъ со слезами—не ѣздить въ Сараево, утверждая, что было бы въ высшей степени опасно отважиться на эту поѣздку, что ранѣе еще вечера будутъ стрѣлять въ австрійскую почтовую карету. Мы отвѣчали, ободряя его, что если бы застрѣлили двухъ англійскихъ леди, то это бы послужило въ пользу дѣла. «Такъ», — возразилъ онъ на это. — «но только — не васъ». Его опасенія и расчеты, что возстаніе разольется далѣе на востокъ по направленію къ Броду, оказались вполнѣ справедливыми. Спустя нѣсколько дней послѣ этого разговора, нѣсколько женщинъ и дѣтей убито было въ Ковачѣ, вблизи котораго, черезъ два мѣсяца потомъ, сожжено трое христіанъ. *) Энергическій бѣгъ, по имени Османъ-Ага изъ Дервента, (города на почтовомъ трактѣ въ Сараево), — сдѣлалъ объѣздъ и дѣйствительно потушилъ на нѣкоторое время возстаніе въ окрестностяхъ избіеніемъ беззащитныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Видны были мертвыя тѣла, плившія внизъ по Савѣ и выброшенные на песчаный островъ у Брода. Тѣло одного мужчины выброшено было на берегъ въ самомъ Бродѣ и, по изслѣдованію городского врача, на немъ найдены были слѣды страшныхъ обжоговъ въ полости груди. Бѣдная жертва вынесла—одну изъ хорошо извѣстныхъ турецкихъ пытокъ, состоящую въ томъ, что *«на грудь кладутъ горячія уголья»*. Подобныя же ужасы случались и въ Сараевѣ черезъ день или два послѣ нашего пріѣзда туда.

---

*) Сожженіе это засвидѣтельствовано мистеромъ Лиддономъ и достопочтеннымъ мистеромъ Коллемъ и было не единичнымъ случаемъ на берегахъ р. Савы.

Мы выѣхали изъ Брода въ австрійской почтовой каретѣ 17 августа, ѣхали цѣлую ночь и слѣдующій день совершенно безопасно, провели пономъ ночь въ гостинницѣ въ Кизеляхъ, (гдѣ, помню, въ самую полночь была я разбужена какою-то разбѣшенной Турчанкою, которая начала бросать горячія уголья въ открытыя окна нашей комнаты), и 19 августа прибыли въ Сараево.

Пріѣзтъ нашъ былъ неожиданъ и видъ дома, сада и всего нашего маленькаго заведенія никогда не дѣйствовалъ на насъ такъ освѣжительно. Вакаціи кончились и мы нашли ученицъ и учителей за работой въ учебной комнатѣ: тутъ же сидѣли и три дѣвочки, только что привезенныя изъ новаго Вароша, съ сербской границы.

Консулъ мистеръ Гольмъ былъ въ отсутствіи. Онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ пріателемъ своимъ, Дервишъ-пашою, въ Мостаръ, главную турецкую квартиру въ Герцеговинѣ. Исправлявшій обязанности консула, мистеръ Фриманшъ находилъ положеніе дѣлъ очень серьезнымъ. Австрійскіе друзья наши полагали, что не обойдется безъ междоусобной войны, и жена главнаго австрійскаго консула готовилась уже къ отъѣзду изъ Босніи съ своимъ маленькимъ сыномъ, подъ предлогомъ болезни своей матери. Въ городѣ едва ли оставалась горсть какого либо регулярнаго войска: все, что хорошо владѣло оружіемъ, отправлено было въ Герцеговину. Магометане въ Сараевѣ многочисленнѣе втрое христіанъ, да къ тому же многіе изъ нихъ и большіе фанатики. Они поклялись, что будетъ очень плохо христіанамъ въ ихъ городѣ, если не скоро потухнетъ возстаніе въ Босніи. Защита города ввѣрена исключительно редифу, составленному изъ природныхъ туземныхъ босняковъ-мусульманъ. Регулярныя войска требовались тогда въ разныя мѣстности страны и партіи дикихъ и звѣреки глядѣвшихъ рекрутъ постоянно проходили мимо нашихъ оконъ, по дорогѣ къ баракамъ, оглашая воздухъ воинственными пѣснями. Одинъ изъ самыхъ жестокихъ беговъ Сараева, Сепжичъ-ага *), владѣвшій большими помѣстьями въ Герцеговинѣ,

*) Къ счастью для христіанъ этотъ Сепжичъ-ага былъ раненъ въ одной изъ стычекъ прежде, чѣмъ привелъ въ исполненіе свой планъ и умеръ отъ раны въ Мостарѣ.

намъ избрать полкъ изъ могометанъ-добровольцевъ, то есть, собрать банду разнузданной и фанатичной сволочи.

Всё это было во всякомъ случаѣ небезнадежное. Сообразивъ всё обстоятельство, мы рѣшились измѣнить нашъ учебный планъ и, взявъ съ собою самыхъ даровитыхъ ученицъ, отвезти ихъ, для окончанія ученья, въ Прагу, въ Богемію. Консулы увѣряли насъ, что намъ ничего нельзя будетъ достать для этихъ дѣвочекъ, да и ни для кого изъ турецкихъ подданныхъ, нужнаго для заграничной поѣздки тескере или паспорта; такъ какъ турецкія власти отказываютъ теперь всеѣмъ въ просьбахъ подобнаго рода и не позволяютъ даже женщинамъ и дѣтямъ выѣзжать изъ Босніи. Мистеру Фриманну однако же удалось добыть разрѣшеніе на выѣздъ, о которомъ мы просили; но съ тѣмъ, однако же, что мы, въ замѣнъ его, должны были дать письменную, подписанную нами и официально, къѣмъ слѣдуетъ, засвидѣтельствованную подписку въ томъ, что, черезъ нѣсколько времени, привеземъ обратно этихъ подданныхъ Порты во владѣнія султана. Въ тоже самое время получили мы отъ исправляшаго обязанности наши убѣдительнѣйшую просьбу — остаться въ городѣ, такъ какъ нашъ отъѣздъ подалъ бы поводъ къ заключенію о неспособности Турокъ къ поддержанію въ немъ порядка. Но у насъ были слишкомъ серьезныя причины не соглашаться оставаться въ Сараевѣ для того, чтобы поддерживать присутствіемъ своимъ авторитетъ Турокъ, и — мы 23 августа рано утромъ выѣхали изъ Сараева.

Наше общество состояло всего изъ десяти человѣкъ, размѣстившихся въ четырехъ высокихъ мѣстныхъ бичкахъ. Трое изъ извозчиковъ были у насъ мусульмане, а четвертый — какой-то крайне несчастный христіанинъ — мальчикъ, бывшій у нихъ въ работникахъ: мальчикъ этотъ постоянно краснѣлъ и, казалось, такъ былъ запуганъ, что самъ себя не помнилъ. На пути мы вынуждены были взять еще одну бичку для нашего багажа. Возницею на козла этой бички сѣлъ самъ владѣлецъ ея, какой-то мидовскій хаджа. Одинъ изъ нашихъ мусульманскихъ возницъ, весь черный, который потому и носилъ прозваніе «араба», выпилъ черезъ край и держалъ себя такъ

дурно, что мы жаловались каймакаму въ Шебшѣ и просили, чтобы онъ посадилъ его въ тюрьму. На слѣдующей станціи однако же, не смотря на распоряженія по этому предмету каймакама, арабъ опять къ намъ явился; но, науганный держалъ себя лучше и мы не имѣли съ нимъ болѣе никакихъ хлопотъ. Другой мусульманскій возница, — Турокъ — мальчикъ — лѣтъ шестнадцати, сынъ одного боснійскаго аги, владѣльца лошадей, держалъ себя совершенно безконтрольно. Гдѣ только ему заблагоразсудится остановиться, — останавливался, — или вдругъ поидеть пѣшкомъ, вдоль по дорогѣ, подхлестывая своихъ несчастныхъ влячъ и стрѣлая на воздухъ изъ пистолета. Мальчикъ этотъ былъ самаго дурнаго во всей Босніи мусульманскаго типа. Онъ былъ худъ и малъ ростомъ, съ какими-то безцвѣтными глазами; кочья его бѣлыхъ волосъ торчали изъ подъ краснаго носоваго платка, которымъ обернута была его грязная, полотнянная шапка; его истасканное дѣтское лицо было старообразно и носило на себѣ отпечатокъ хитрости, жестокости и плутовства. За день до нашего проѣзда черезъ Дервентъ, — рассказывали намъ запѣги, — христіане и Турки дрались въ этомъ городѣ и Турки изрубили въ куски христіанъ; но намъ нечего бояться, чтобы ни случилось, потому, что они, запѣги, получили приказаніе защищать насъ. Эти рассказы относились ко времени объѣзда дервентскаго Осман-аги, о которомъ упоминаю выше, и который, за нѣсколько дней до нашего проѣзда, совершалъ здѣсь свои жестокіе подвиги. На слѣдующій день, когда пробирались мы черезъ турецкую часть города Дервента, лежащую на почтовой дорогѣ, все было тамъ спокойно, какъ въ могилѣ. Новые запѣги, подозрѣвавшіе, какъ кажется, наши симпатіи къ христіанамъ, нѣсколько разъ порывались рассказывать намъ о возмущеніи райи. «Наша райя дѣйствительно вздумала бунтовать; но султанъ пришлетъ въ Боснію большую армію, на берега Савы».

Не доѣзжая до Брода, гдѣ ожидали мы затрудненій въ пропускѣ черезъ границу нашихъ боснійскихъ дѣвочекъ, переодѣли мы ихъ въ европейскіе костюмы. Костюмы эти заготовили мы на всякій случай передъ отъездомъ изъ Сараева. Благодаря этому переодѣванью, вовсе не спрашивали нигдѣ ихъ паспортовъ и намъ предоставлена была полная воз-

мыслью во всю нашу компанію переѣхать черезъ рѣку на австрій-скую территорію, послѣ нѣсколькихъ пустыхъ опросовъ относительно того, что у насъ въ чемоданахъ. Звукъ колокола церкви въ австрій-ской Бродѣ раздавался по рѣкѣ гораздо веселѣе, чѣмъ когда-либо, — ~~мы~~ ~~дали~~ мы парому, при золотистомъ свѣтѣ заходившаго солнца. Прелесть земли и неба и все кругомъ насъ, все это, какъ теперь, такъ и во все время нашего пути, какъ бы выражало какой-то тайный про-тестъ противъ отвратительныхъ зрѣлищъ человѣческаго униженія, ко-торыхъ были мы очевидцами. Безоблачная ясность лазурнаго неба заставляла насъ часто оставлять мрачныя, безвкусныя, турецкія жи-лья. Мы проводили ночи въ бичкахъ, подъ охраною заптивъ, вывѣ-дывая у нихъ хотя и не многое, но все же что нибудь о тѣхъ ужас-ныхъ случаяхъ, которые разыгрывались въ этой прекрасной странѣ, ~~сказанъ~~ брошенной на произволъ судьбы человѣчествомъ. X 18

13.

Глава III.

БОСНІЯ ВЪ 1876 И 1877 ГОДАХЪ.

Всюду здѣсь—анархія; всюду—возмущенія, избіенія, терроръ,—словомъ, какой-то «адскій хаосъ»—здѣсь. Болѣе трети христіанскаго населенія бѣжало за предѣлы Босніи въ Австрію, Сербію и Черногорію. Число людей, уничтоженныхъ мечемъ, голодомъ и заразою, неизвѣстно; но, нѣтъ сомнѣнія, оно очень и очень значительно.

Лучше всего даетъ понятіе о положеніи этой злосчастной страны письмо, полученное мною на-дняхъ отъ одного купца, родомъ изъ Босніи. За правдивость его я могу поручиться. Купецъ пишетъ это письмо изъ австрійской Славоніи, съ сѣверной границы Босніи.

Градишка. 10 (22) марта 1877 года.

«Когда нашедшіе себѣ убѣжище въ Австро-Венгріи босняки узнали, что Сербія заключила миръ съ Турціею, вѣсть эта поразила ихъ такъ, какъ будто бы вдругъ передъ ними упала молнія съ неба. Они остолбенѣли и безпрестанно повторяютъ только: «Что теперь съ нами будетъ? Неужели же всѣ державы намѣрены принудить насъ снова покориться турецкому игу? Если это такъ, то намъ все́мъ лучше ужь погибнуть, чѣмъ воротиться на родину, рассчитывая на обѣщанія Турокъ. Да какое же это наконецъ правительство», — спрашиваютъ они, —

«...выразить желаніе или требованіе, чтобы мы вновь подставили наши шеи подъ турецкій мечъ и, забывъ, или вовсе ничего не зная о нашей двухлѣтней борьбѣ, заговорило о томъ, чтобы вы снова вадѣли на себя рабскія цѣпи?» Я сказалъ имъ, единственно для того, чтобы вывѣдать ихъ мнѣніе, что, быть можетъ, Боснію займутъ своими войсками Австрія. «Къ чему же поведетъ подобный переходъ изъ одного рабства въ другое?» — отвѣчали они съ грустію. «Лучше едятъ перебитыя жень и дѣтей и искать смерти въ рядахъ гайдуковъ, чѣмъ мѣнять рабство на рабство!» Но, я думаю, рѣчи въ этомъ родѣ вы и сами слышали не разъ отъ боснійскихъ Сербовъ. Что до Босніи и ея православнаго населенія, то вотъ вамъ теперешнее ихъ положеніе, по сообщеніямъ, полученнымъ мною отсюда, и по рассказамъ тѣхъ, кому удалось спасти свою жизнь бѣгствомъ изъ этой области. Все устремлено такъ на то, чтобы истребить сербское населеніе. Турецкія власти и сама турецкая православная и дали полную въ этомъ отношеніи свободу баша-бугарамъ, цыганямъ, католикамъ и даже жидамъ. Каждый изъ нихъ воленъ дѣлать, что хочетъ съ Боснякомъ — православнымъ христіаниномъ: отнимать у него собственность, убивать его, словомъ, воленъ наносить ему всевозможный вредъ. Христіане-босняки не смѣютъ на это жаловаться. Они бѣгутъ только за предѣлы Босніи, куда понало. Ниже Брода, близъ Вышняка, переправилось до сотни семействъ. Я говорилъ съ ними. Я спрашивалъ ихъ: «Братья мои, зачѣмъ вы бѣжите? Вѣдь вы погибнете отъ голода?» Рыдая отвѣчали они, что имъ лучше даже вовсе броситься въ рѣку и утонуть, чѣмъ выносить то, что терпѣли они до сихъ поръ. Они рассказывали, что до сотни семействъ собралось въ Горнемъ, около половины ихъ переправилось въ Австрію; но должны были воротиться на прежнія мѣста, по повелѣнію Турокъ и по распоряженію австрійскаго правительства, обѣщавшаго имъ полную безопасность. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ихъ, дѣйствительно, не тревожили; но теперь стали преслѣдовать сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Беспрестанно тревожатъ ихъ шайки мусульманъ, составленныя изъ самыхъ отъявленныхъ головорѣзовъ и негодяевъ, которые насилюютъ женщинъ, похищаютъ дѣву-

шекъ и расхищаютъ ихъ собственность. Самые почетные изъ жителей мѣстечка увезены въ Дервентъ, Тѣшинъ и Прияворъ и вовсе не воротились оттуда».

«Извѣстія эти сильно разстроили меня. Я сказалъ имъ нѣсколько ободрительныхъ словъ и продолжалъ путь въ Діаковаръ. На обратномъ пути оттуда, завернувъ я въ австрійскій Бродъ, съ цѣлю собрать еще кое-какія свѣдѣнія и здѣсь услыхалъ опять ужасныя новости. Случайно встрѣтилъ я тамъ купца, который и теперь еще живетъ въ Дервентѣ, первомъ городѣ по почтовому тракту между турецкимъ Бродомъ и Сараевымъ. Я спросилъ его, что новаго въ Дервентѣ и его окрестностяхъ? Онъ внимательно осмотрѣлся кругомъ, чтобы убѣдиться хорошенько, что никто не услышитъ его словъ, и, когда вполне убѣдился, что мы совершенно одни, сказалъ мнѣ, что, въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ сорокъ два человѣка Босняковъ изъ окрестностей умерщвлены въ Дервентѣ. Избіенія эти совершались ночью за турецкими казармами. Когда родственники убитыхъ приходили навѣщать ихъ, принося имъ, по обычаю, хлѣба въ тюрьмы, ихъ прогоняли и говорили, чтобы они убирались домой и ждали тамъ своей очереди. Возводили потомъ обвиненія и на этихъ несчастныхъ и отправляли ихъ въ Баньялку. Подобнымъ образомъ, говорятъ, Турки поступаютъ во всей Босніи. Сегодня, слышалъ я, что тринадцать семействъ изъ Гашицы и другихъ деревень пыталось бѣжать въ Австрію; но, когда переправлялись черезъ Саву, у Ясеноваца, Турки догнали ихъ и перебили тѣхъ, которые не успѣли еще переправиться черезъ рѣку на тотъ берегъ. Въ числѣ прочихъ, они зарубили въ куски нѣкоего Юво изъ деревни Меджиджи, а двоихъ дѣтей его утопили въ рѣкѣ. Взвѣсьте всѣ эти ужасы и подивитесь эгоизму и безсердечію Европы, держащей насъ столѣтія въ рабствѣ и выражающей твердое намѣреніе держать насъ и еще неопредѣленное время въ этомъ «*statu quo?*» Намъ остается одно—биться, биться и биться; лучше погибнуть, чѣмъ жить въ позорѣ и цѣняхъ рабства! Вы, конечно, знаете, какого сорта людей выбрали депутатами отъ Босніи въ Константинополь. Бѣда намъ, да, точно, бѣда! Фаима-Эффеиди изъ Баньялуки, Петраки изъ Сараева,

Фазема и Маротича изъ Травника, — все — людей, высасывавшихъ, за одну съ пашами, кровь у бѣдныхъ райевъ. Нельзя описать перомъ зла, совершаемаго турецкимъ правительствомъ, а между тѣмъ туркофилы не хотятъ этого ни видѣть, ни слышать».

«Раскладка и сборъ податей въ Босніи производится слѣдующимъ образомъ: Турки, верхомъ на лошадяхъ, съ алибашиами, разъѣзжаются по селеніямъ группами, человекъ по двадцати въ каждой; пріѣзжая въ села, они требуютъ себѣ даромъ помѣщеніе, пищу и питье и, живя тамъ, совершаютъ всевозможныя насилія надъ мужчинами и женщинами. Скотъ, стоющій 300 піастровъ, продаютъ они за 150 піастровъ каиме, т. е. бумажными деньгами, на которыхъ, при размѣнѣ, такъ какъ подать должна быть вносима серебромъ, теряется еще до сорока процентовъ. Поэтому сельскіе жители такъ обнищали, что у трети населенія нѣтъ ни одной скотины и тюрьмы въ Босніи переполнены недоимщиками. Всевозможнаго рода платежи бегамъ и правительству и разные обременительныя поборы растутъ со дня на день. Бимбаши, не задумываясь, рассылаютъ запѣвъ по селеніямъ терроризировать жителей, чтобы такъ или иначе собрать нѣсколько сотенъ піастровъ. Для разбора притѣсненій и жестокостей, претерпѣваемыхъ христіанами отъ Турокъ, нѣтъ ни суда, ни судей; такъ какъ ни одно изъ судилищъ не хочетъ слышать ни о какой жалобѣ. Что — до рѣзни, то она практикуется ежедневно. Такъ въ эти два или три послѣдніе дни совершены новыя звѣрства. Махмудъ-Муфтикъ, среди города, отрубилъ правую руку Нейо Саваневичу. Османъ Шабио убилъ Юсіфа Ервашенина въ его собственномъ домѣ, тѣло же его бросилъ въ лѣсу на дорогѣ. Ахмедъ Аснада убилъ Юва Урновича, въ деревнѣ Тимарѣ, вмѣстѣ съ другимъ еще Боснякомъ, имя котораго не помню. Сефто-Якубовичъ, котораго Фаимъ-Эффенди выпустилъ изъ тюрьмы, съ тѣмъ, чтобы онъ убивалъ и грабилъ христіанъ, убилъ отца семейства въ собственномъ его домѣ въ деревнѣ Тимарѣ. Онъ же убилъ, въ казармѣ турецкаго редифа, въ Градишкѣ, мирнаго поселеница изъ Кубатовца. Ифишъ Млихаровичъ убилъ сына князя Ристича въ его собственномъ домѣ, въ селеніи Мильевичахъ. Подобныя звѣрства непрерывно повторяются всюду и никто

за нихъ не наказывается; потому, что правительство не производитъ слѣдствій, да и слышать даже не хочетъ ни о чемъ подобномъ. Файмъ-Эффенди, самый завзятый кровопійца христіанъ и теперешній депутатъ отъ Босніи и Герцеговины въ Константинополь, прислалъ какую-то тайную прокламацію, съ тѣмъ, чтобы она ночью прочитана была боснійскимъ мусульманамъ. Въ прокламаціи этой объявлялось, что магометане ни подъ какимъ видомъ не согласятся допустить какихъ бы то ни было реформъ и что, напротивъ, они станутъ сопротивляться и противодействовать всевозможнымъ образомъ и что съ райями поступлено будетъ крайне жестоко. Боснійскимъ мусульманамъ, въ возрастѣ отъ 12 до 80 лѣтъ, всѣмъ, безъ исключенія, роздано въ эти послѣдніе дни оружіе отъ турецкаго правительства. Въ окрестностяхъ Баньялуки произошли на-дняхъ три очень значительныя стычки: одна въ деревнѣ Вербакахъ; другая — въ Клашоникахъ, въ трехчасовомъ разстояніи отъ Баньялуки, и третья — въ Моруанцѣ, близъ Зупы, въ восьми часахъ разстоянія отъ этого города. Тоже самое произошло и въ травникскомъ округѣ, (санджакѣ), въ деревняхъ Пешко и Метко, между Ливно и Травникомъ. О стычкахъ слышимъ мы ежедневно. Много народа бѣжитъ въ горы и въ лагерь Деснотовича; болѣе достаточные поселяне убѣгаютъ въ города, чтобы быть подъ покровительствомъ властей. Но турецкая свирѣпость гонитъ ихъ назадъ изъ Травника, Баньялуки и изъ другихъ городовъ. Возвращаться въ свои селенія они не рѣшаются; потому что Турки придумали объявлять возвращающихся «инсургентами». Поэтому христіане эти изъ городовъ бѣгутъ въ Австрію.»

Бъ возстанію, когда началось оно, присоединились было и римско-католики. Но духовенство ихъ, получивши изъ Рима приказъ — держаться вдали отъ возстанія, отклонило ихъ отъ участія въ немъ. Кромѣ того, сомнѣніе католиковъ въ успѣхѣ Сербіи также удерживало ихъ отъ возстанія. По всѣмъ этимъ причинамъ, они сочли за лучшее дѣйствовать въ пользу турецкихъ властей, стали ихъ шпионами и ходили дозоромъ вмѣстѣ съ турецкими солдатами. Были, впрочемъ, и исключенія, какъ есть и теперъ. Такъ, напримѣръ, римско-католиче-

скій священникъ Фра-Бонавентура предводительствуетъ и въ настоящее время инсургентами въ южной Босніи и двое другихъ священниковъ, кромѣ всѣмъ извѣстныхъ герцеговинскихъ Мусиковъ, предводительствовали отрядами противъ Турокъ.

Сейчасъ получила я нижеслѣдующій отчетъ отъ Петра Узелаца, — одного изъ заслуживающихъ довѣрія Босняковъ, живущихъ на австрійской границѣ, — о томъ, что происходитъ теперь въ южной Босніи. Онъ пишетъ, отъ 29 Марта 1877 года: «Въ Окишевѣ Турки умертвили братьевъ Васо и Іефто Карановича, изнасиловали женщинъ, обесчестили дѣвушекъ, увели триста головъ скота и сожгли много домовъ. Въ влеховакскихъ горахъ напали они на одно мирное селеніе, убили тамъ трехъ братьевъ, по имени Кесманъ, увели скотъ и совершали всевозможныя звѣрства. Въ окрестностяхъ Гламоша, Турки нападаютъ также на мирныя селенія, убиваютъ, грабятъ и неистовствуютъ всюду. Близъ Гламоша, убито четверо братьевъ Говздоновичъ; головы ихъ отрублены и отосланы въ Гламошъ.»

«Множество христіанъ бѣжитъ отъ свирѣпости Турокъ въ Австрію, надѣясь найдти тамъ безопасное убѣжище. Пособіе, выдаваемое имъ австрійскимъ правительствомъ, уменьшено въ Мартѣ съ 20 на 10 и 5 крейцеровъ въ день. Начиная же съ 1 Апрѣля, будетъ выдаваться пособіе только женщинамъ, дѣтямъ и больнымъ. Здоровые мужчины не будутъ получать ничего. Такимъ образомъ, именно въ настоящее время необходима болѣе, чѣмъ когда либо, помощь; такъ какъ теперь именно наступитъ моментъ крайней нужды.»

Уменьшая пособіе, австрійское правительство имѣло въ виду пресѣчь эмиграцію и вынудить эмигрантовъ возвратиться на родину. Но этотъ несчастный народъ, вынесшій изъ опыта собственной своей жизни и жизни своихъ отцевъ и дѣдовъ убѣжденіе въ вѣроломствѣ Турокъ, не смѣетъ возвращаться домой, зная, какъ дважды — два, что тамъ ждетъ его позоръ и смерть. О результатѣ константинопольской конференціи объявлено было Боснякамъ, вмѣстѣ съ сообщеніемъ, въ

искаженномъ славянскомъ переводѣ. прокламаціи о конституціи, *) Кулиновичъ—Бегомъ въ Вакупѣ, въ югозападной Босніи, нижеслѣдующимъ образомъ: «Все обстоитъ благополучно. Турокъ попрежнему — владыка, а райя остается райею. Султанъ. — родной братъ солнца, двоюродный братъ луны, троюродный братъ звѣздъ, другъ Аллаха, сродникъ Магомета, сынъ Османа, царь царей, король королей, князь князей. владыка всей земли подъ небесами, повелѣлъ всемъ королямъ, которые сошлись въ нему въ Стамбулъ, чтобы они заставили райевъ возвратиться въ наши земли и издавъ указъ, чтобы тотъ, кто ослушается и не веротится, былъ преданъ смерти». Предъ окончаніемъ конференціи распространень былъ, надобно замѣтить, мусульманами слухъ, будто бы султанъ издастъ указъ о «поголовномъ» избіеніи всѣхъ христіанъ въ Босніи, съ цѣлію, что бы вся страна эта всецѣло была въ обладаніи правовѣрныхъ.

Въ предъидущей главѣ я изложила уже исторію начала боснійскаго возстанія, въ Августѣ 1875 года, на сѣверѣ Босніи. О послѣдующемъ ходѣ этого возстанія сообщень мнѣ мистеромъ Фриккъ, въ Августѣ 1876 года, нижеслѣдующій расказъ:

«Боснійскіе инсургенты чрезвычайно многочисленны и мѣстами «хорошо вооружены. Они дѣлятся на слѣдующія дружины или отряды: «1) дружины въ риссовачскихъ и гремячскихъ горахъ, на западѣ Боснии; 2) въ Вучякѣ, на Востокѣ Босніи, и 3) въ пастыревскихъ и «козарскихъ горахъ, на сѣверѣ Босніи. Инсургенты въ рассовачскихъ «и гремячскихъ горахъ были сперва подъ предводительствомъ хорошо

---

*) Корреспондентъ газеты, „Manchester Guardian“, въ письмѣ изъ Рагузы, отъ 9 Февраля, рассказываетъ слѣдующій анекдотъ по поводу избранія одного христіанина депутатомъ въ турецкій парламентъ: „Въ Мостарѣ, гдѣ бояся консульскаго надзора, образованные турецкіе чиновники собрались въ засѣданіе и выбрали одного купца-христіанина, противъ воли его, депутатомъ отъ главнаго города Герцеговины. Несчастный Биличъ, совершенно не желавшій этой неожиданной чести, такъ былъ перепуганъ, что не смѣлъ и заикнуться въ Мостарѣ объ отказѣ отъ этого выбора, и тотчасъ же собрался ѣхать въ Константинополь, по дорогѣ черезъ Рагузу. Но лишь только очутился на христіанской землѣ, немедленно же послалъ письмо въ Мостарѣ, снимая съ себя званіе депутата, и, боясь возвратиться домой, живетъ теперь эмигрантомъ въ Рагузѣ.

«всѣмъ извѣстныхъ: Голубя Бабича, Маришковица, Симона Давидовича, Попа Корана и Трифки Амелича. Въ послѣдствіи же, принявъ надъ ними главное начальство полковникъ Деспотовичъ и сформировалъ изъ нихъ восемь правильныхъ батальоновъ. Въ пастырскихъ и козарскихъ горахъ расположены отряды: Марка Генпадія, Остоя, Спасовича, Марка Баллика, игумена Хаджича и попа Стева. — Новый брезовачскій лагерь, не вдалекѣ отъ Нови, состоитъ подъ начальствомъ Остоя Войновича. Престарелый лагерь Петра Карагеоргиевича въ Хорковацѣ состоитъ теперь подъ начальствомъ Ильи Севича. Главная цѣль этихъ дружинъ состоитъ въ томъ, чтобы всевозможнымъ образомъ тревожить Турокъ и, отвлекая ихъ вниманіе, мѣшать имъ сосредоточивать войска на Дринѣ, на восточной окраинѣ Сербіи. Организовать систематическаго возстанія въ Босніи — нѣтъ никакой возможности; по этому здѣсь, при возстаніи, главною цѣлью обыкновенно ставятъ себѣ держать въ непрерывной тревогѣ мусульманское населеніе и такимъ образомъ заставляютъ мусульманъ скрываться въ городахъ и укрѣпленіяхъ. Второстепенную же цѣль, къ которой стремятся дружины, — составляетъ подача помощи христіанамъ, успѣвающимъ скрыться въ Босніи отъ преслѣдованій Турокъ, и христіанамъ, эмигрирующимъ въ Австрію и Сербію. Случается, что бѣдные бѣглецы, — невооруженные мужчины, женщины и дѣти, — цѣлые мѣсяцы проводятъ, укрываясь въ лѣсахъ, до тѣхъ поръ, пока дружины не доставятъ имъ возможности перебраться въ сосѣднія христіанскія страны. Несчастныхъ этихъ бѣглецовъ большею частію вытѣсняютъ изъ ихъ жилищъ свирѣпыя мусульманскія войска, внезапно появляясь въ мирныхъ селеніяхъ и начиная повсемѣстно совершать убійства, разорять и поджигать дома. Трудно себѣ представить ужасное положеніе этихъ бѣглецовъ! Тамъ отецъ потерялъ сына, тутъ — мать не находитъ дочери; юные и слабые изъ нихъ умираютъ на пути; проходятъ недѣли и мѣсяцы, пока вновь соединятся растерянные члены семьи; но участь многихъ изъ нихъ иногда остается вовсе неизвѣстною. Нечего говорить уже объ ихъ имуществѣ, — имъ едва удается спасти — жизнь!»

«Слѣдуетъ замѣтить, что нападенія на христіанскія селенія дѣла-

«ются не исключительно только турецкою сволочью, — отщепенцами общества, — нѣтъ; и при томъ. нападенія эти дѣлаются не всегда даже по собственному побужденію лицъ, дѣлающихъ нападеніе. Рѣзня эта очень часто предписывается самимъ правительствомъ и въ ней принимаетъ участіе и регулярное войско».

«Въ послѣднюю мою поѣзду изъ Костайницы къ Границѣ, близъ Нови, боснійскіе эмигранты, только что переправившіеся туда, у Куляни, (между Костайницею и Подове), изъ Свиныя на Савѣ, увѣряли меня, что многочисленныя шайки мусульманъ, подъ предводительствомъ вновь назначеннаго каймакамомъ въ Бичакъ Весселя бега, напали на деревню Свиныю и сожгли ее всю до тла. На слѣдующій день рассказъ этотъ былъ подтвержденъ, въ присутствіи австрійскаго начальства въ Дворѣ другими эмигрантами, ускользнувшими отъ подобнаго же наѣзда, совершеннаго подъ предводительствомъ какого-то Турка Миралея. Вслѣдствіе наѣздовъ поваго каймакама Весселя-бега и этого Миралея, отъ 3.000 до 4.000 эмигрантовъ перебѣжало на австрійскую территорію, судя по оффиціальнымъ допесеніямъ.»

«Съ сердечною болью вспоминаю я переправу этихъ несчастныхъ бѣглецовъ, подъ охраною большаго инсургентскаго отряда, черезъ р. Унцу близъ Куляни. Эмигранты добрались, на этотъ разъ, благополучно до австрійскаго берега въ небольшихъ челпокахъ. Но-какая ужасная картина! По выходѣ на берегъ, потащились, по пыльной дорогѣ, цѣлыя сотни людей всѣхъ возрастовъ. На измученныхъ и исхудалыхъ лицахъ мужчинъ, отъ природы сильныхъ и рослыхъ, вы какъ-бы читаете свитокъ бѣдствій, переходящихъ по наслѣдству и переносимыхъ цѣлыя столѣтія этимъ несчастнымъ племенемъ. Измученныя женщины и дѣти едва двигаются; больные, (по большей части—оспой), падаютъ на пути. — Вонъ тамъ женщина, застигнутая родами, даетъ, среди группы дѣтей, жизнь младенцу! Не много дальше, — другая картина! Женщина бьется въ предсмертной агоніи, — семь ранъ зіяютъ на ея тѣлѣ... Вотъ далѣе—лежитъ, не имѣя силъ идти впередъ, группа изъ нѣсколькихъ человекъ, легко раненныхъ. Многіе прилегли отдохнуть на пыльной дорогѣ, обрадовавшись наконецъ возможности

«спокойно уснуть на христіанской землѣ, чего давно уже лишены были, находясь постоянно въ беспокойствѣ, въ страхѣ, въ ожиданіи пападенія. Но вотъ, -мало по малу, большая часть ихъ достигаетъ общиннаго дома въ Дивари: здѣсь бѣглецы располагаются группами на луговинѣ передъ этимъ домомъ. Нѣкоторые вѣдятъ старыя колосья кукурузы, принесенныя изъ Турціи, — такъ какъ кукуруза прошлагодняго урожая осталась несобранною на турецкихъ поляхъ: ни Турки, ни христіане, изъ обоюднаго страха, не посмѣли убрать ее. Отцы семействъ отправляются отыскивать хлѣба по деревнѣ: они отдадутъ за него послѣднія принесенныя ими съ собою деньги! Вотъ вернулся одинъ изъ нихъ съ хлѣбомъ и дѣлитъ его семьѣ: дѣти слѣдятъ жадными глазами за каждымъ кускомъ. А вотъ — другой отецъ семейства! Онъ вернулся съ пустыми руками: его встрѣчаетъ крикъ отчаянія! Такихъ сцены сотни и сотни! Всякій день новыя толпы эмигрантовъ бѣгутъ на австрійскую территорію, проскользая черезъ границу то-туть, то-тамъ.»

Большую часть 1876 года провела я на кроатской и славонской границахъ Босніи, занимаясь, вмѣстѣ съ миссъ Джонстонъ, раздачею несчастнымъ бѣглецамъ денегъ изъ *«фонда для подачи помощи герцеговинскимъ изгнанникамъ и сиротамъ»*.

Вблизи Костайника на кроатской военной границѣ, попъ Мандикъ, изъ Меминиска, сказывалъ намъ, что въ его приходѣ теперь 2.700 эмигрантовъ, постоянныхъ жителей же, всего, 2.400; такимъ образомъ число эмигрантовъ на 300 человѣкъ превышаетъ число постоянныхъ жителей. Приходъ этотъ — очень бѣднъ и общинный домъ бываетъ переполненъ даже и въ обыкновенное время. Зимой не одно, а нѣсколько семействъ, составляющихъ *«задругу»* или держащихъ общій столъ, — обычай, преобладающій въ этой странѣ, — спитъ въ одной комнатѣ, вокругъ зажженнаго, посрединѣ ея, костра, дымъ отъ котораго выходитъ черезъ стропила этого жилища безъ крыши. Въ обыкновенное время зимой собирается тутъ отъ 20 до 30 человѣкъ, спящихъ на полу вокругъ огня; когда же пріютили здѣсь бѣдныхъ эмигрантовъ, то набиралось человѣкъ до 40. Поэтому, нечего удивляться, что появились

тутъ новые гости: тифъ и оспа, — и что священнику доводилось отпѣвать челоуѣкъ по десяти въ день. Кромѣ того, надобно замѣтить—тутъ были и поворожденные младенцы, у которыхъ не было вовсе никакой одежды и для которыхъ отцы ихъ рѣзали свои чулки, чтобы хотя чѣмъ шибудь прикрыть ихъ наготу.

Любовь къ родинѣ удивительно, какъ сильна у Босняковъ. Чуть есть какая имбудь возможность, всякій изъ нихъ непременно остается неподалеку отъ границы, въ виду родныхъ своихъ холмовъ. Одинъ изъ Босняковъ пришелъ, бѣдняга, нарочно изъ дальняго какого-то села въ Костаиникъ, чтобы здѣсь, перейдя мостъ, постоять на узкой поло-скѣ земли у австрійской крѣпости и подышать роднымъ воздухомъ. «Воздухъ Босніи пахнетъ розами!» — сказалъ онъ. — Все эти бѣглецы повторяютъ одну и ту же пѣсню, что жилища ихъ сожжены, что сами едва спасли жизнь и что никогда не воротятся назадъ на родину, пока тамъ будутъ владыками — Турки. Боснійскія деревни, находившіяся вдали отъ границы и вовсе не бунтовавшія, страшно разграблены и обращены въ пепелъ турецкими войсками и мѣстными мусульманами. Намъ сообщали изъ весьма вѣрныхъ источниковъ, что Турки принялись за старый обычай вѣшать райевъ на деревья за ноги головою внизъ и обливать ихъ водою въ морозы до тѣхъ поръ, пока не укажутъ, гдѣ спрятаны у нихъ ихъ скудные денежные запасы. Въ настоящее время, ни собственность, ни жизнь христіанъ ни чѣмъ не гарантированы здѣсь, если только христіане — не на глазахъ у европейскихъ консуловъ въ Сараевѣ. Страна превратилась въ какую-то пустыню. Босняки говорятъ, что за послѣднія три лѣта нигдѣ ничего не сѣялось, и, если что сѣялось, то развѣ только—въ городскихъ садахъ. Поля—совершенно пусты. Турецкія деревни уничтожаются инсургентами, — а христіанскія—Турками. Большія пространства земли остаются совсѣмъ безъ населенія.

Чего особенно много въ Босніи, — это мусульманскихъ вдовъ и сиротъ; такъ такъ боснійскіе христіане-инсургенты не дѣлаютъ никакого вреда ни женщинамъ, ни дѣтямъ, а отпускаютъ ихъ на свободу: «Во имя Христа и св. Іоанна». Турки же, — напротивъ того, — извѣ-

стно уже теперь, какъ обращаются съ христіанами и вовсе теперь — не новость, что «болгарскія рѣзни» отъ времени до времени повторялись съ тѣхъ поръ, какъ началось возстаніе, въ разныхъ мѣстностяхъ Босніи.

Въ январѣ 1877 года отправились мы на далматскую границу Босніи, гдѣ нужда была всего сильнѣе и гдѣ умирало много людей отъ голода. Въ настоящее время, болѣе трети населенія Босніи и Герцоговины находится въ бѣгахъ. Число несчастныхъ эмигрантовъ, витающихъ по близости границы, болѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ. Беспрестанныя повторенія ужасающихъ сценъ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ, крѣпко запечатлѣли въ нашей памяти всѣ видѣнныя нами бѣдствія. По близости Киина, въ Далмаціи, нашли мы ту же нищету и тѣ же жалобы на одну и ту же грустную тему: «Дома наши сожжены, поля опустошены, мы бѣжали, чтобы спасти хотя жизнь. Собственности невозможно было забрать съ собою, а тѣ крохи, что удалось захватить, давшимъ давно уже издержаны на пищу. Дѣти наши мрутъ отъ голода и отъ болѣзней; по,—лучше уже намъ всѣмъ погибнуть здѣсь, чѣмъ возвратиться и попасть опять въ руки вооруженныхъ и пылающихъ злобою и бѣшенствомъ Турокъ!» Съ какой стороны не приблизитесь вы къ границамъ Босніи, — со стороны ли Сербіи, Черногоріи ли, Славоніи, Кроаціи или Далмаціи, — всюду увидите вы — толпы голодныхъ и полунагихъ изгнанниковъ. Положеніе ихъ еще болѣе ухудшилось съ прошлаго года и смертность между ними страшная!

Мистеръ Артуръ Эвенсъ слѣдующими чертами описываетъ одну сцену на границѣ:

«Мы приблизились къ боснійской границѣ, со стороны деревни Стрымика. Вокругъ этой деревни, стояло, приблизительно, до шести тысячъ человѣкъ. Никогда не доводилось мнѣ прежде быть, если можно такъ выразиться, въ «соприкосновеніи» съ такою массою человѣческаго бѣдствія! Изгнанники обступили насъ; передъ глазами нашими замелькали эти исхудалыя, съ дикимъ выраженіемъ, лица, — эти косявые образы, изувѣченные болѣзнью и сторбившіеся отъ голода,—

они подступали къ намъ со всѣхъ сторонъ и подступавшими вереницами своими какъ бы олицетворяли передъ нами полную ужаса «пляску смерти». Вотъ идетъ мальчикъ, — лѣтъ двѣнадцати, блѣдный, какъ привидѣніе. Мальчику этому, по всей вѣроятности, едва ли протянуть еще нѣсколько часовъ! Рядомъ съ нимъ — другой ребенокъ, вся одежда котораго состоитъ только изъ нѣсколькихъ тряпокъ, кое-какъ связанныхъ одна съ другой — женскими косами! Нѣкоторое пособіе, доставленное изъ Англии, дошло уже до Стрымика; но, во многихъ случаяхъ, оно уже запоздало: болѣе 500 человекъ, близъ этой деревни, умерло уже въ эти послѣдніе мѣсяцы. Не много выше, на склонахъ горы, набрали мы на повое «живое кладбище», гдѣ «смерть», по всей справедливости, могла уже провозласить себя царицею! — Послѣ того, перебрались мы черезъ пограничную черту Босніи и пошли по тропинкѣ, извивающейся по крутой горѣ, прошли мимо руинъ огромнаго обвала и подошли къ заостреннымъ, скалистымъ горнымъ гребнямъ, называемымъ у Босняковъ «заячьими камнями». Здѣсь увидали мы первые слѣды турецкаго погрома: деревню Зазеокъ, сожженную ими, при первомъ взрывѣ возстанія. Тутъ же набрали мы на какого-то старика изъ Босняковъ. Старикъ этотъ взялся проводить насъ по еще болѣе трудно-проходимой тропинкѣ, въ пустынной долинѣ, гдѣ бурный потокъ воды отдѣляетъ австрійскую территорию отъ Босніи. Здѣсь, на австрійской сторонѣ потока, увидали мы множество пещеръ, изсѣченныхъ въ каменистой горѣ. Мы подошли къ этой горѣ и глазамъ нашимъ представилась такая бездна человѣческаго бѣдствія, что, сомнѣваюсь, выпадалъ ли на чью-либо долю жребій, — видѣть такую массу бѣдствій! Перешедши черезъ небольшой замерзшій водопадъ, прошли мы мимо двухъ пещеръ, отверстія которыхъ прикрыты были нависшими сверху ледяными глыбами. Мы продолжали идти дальше и вотъ подошли уже къ болѣе обширной пещерѣ, съ какимъ-то мрачнымъ и темнымъ входомъ, и изъ пещеры выползла къ намъ цѣлая масса грязныхъ женщинъ, дѣтей и стариковъ. Лица всѣхъ этихъ существъ буквально «облоданы» были голодомъ и болѣзнями. Невдалекѣ отъ этой пещеры, — у отверстія другаго входа въ пещеру, стояло, подгорюная, какое-то существо. Существо это когда-то,

повидимому, было красивою дѣвушкою! Внутри же этой пещеры, среди страшной грязи и всевозможныхъ нечистотъ, видѣвшихся сквозь дымъ и мракъ, лежала умиравшая отъ тифа женщина. Отовсюду выползали къ намъ исхудалыя человѣческія фигуры. Въ одной изъ этихъ темныхъ берлогъ насчитали мы до тридцати человѣкъ. Въ небольшой пещерѣ, углубившейся въ скалу, увидалъ я безобразную массу вѣтхихъ тряпицъ, а возлѣ тряпицъ, лежала изнуренная голодомъ и болѣзнью женщина. Далѣе — какая-то нора съ десяткомъ людей, а еще дальше — пещера, — болѣе страшная, чѣмъ всѣ предъидущія. Пещера эта, съ чернымъ, и до такой степени недоступнымъ входомъ, что мы едва, едва могли проникнуть въ нее, — шла круто внизъ, футовъ на тридцать, такъ, что конецъ ея, казалось, терялся вовсе въ недрахъ земли. Масса истощенныхъ существъ кишѣла въ этомъ зловонномъ логовищѣ и, карабкаясь, лезла просить подаванія. Женщина, сидѣвшая на пол-пути къ отверстію, разразилась вдругъ истерическими рыданіями, завидѣвъ стараго Лазаря, нашего проводника. Добрый старикъ еще прежде насъ открылъ эти логовища нищеты и приносилъ туда пищу, которою снабжали его «дамы въ Кишиѣ». Три дня уже не ѣли эти несчастные и неминуемо погибли бы отъ голода, если бы не пришелъ къ нимъ на помощь Лазарь. Дрожа и шатаясь, приподнялась изъ глубины этой берлоги фигура старика, до такой степени худого и съ такими впалыми глазами, что онъ представлялъ типъ совершеннаго скелета и вполне олицетворялъ собою одну изъ фигуръ въ картинѣ: «воскресенія изъ мертвыхъ». По его странному виду, можно было заключить, что разсудокъ окончательно оставилъ его, но онъ — протянулъ однакоже къ намъ руки, хватая милостыню, раздаваемую нами, и сдѣлалъ было порывистое движеніе, какъ бы желая выдти изъ этого вертепа; но, съ большимъ трудомъ, едва переступивъ съ одной ноги на другую, упалъ на руки какой-то молодой дѣвушки. Бѣдный старикъ! Не трудно было угадать, что не выйдти ему живымъ изъ этой пещеры, или. — лучше сказать, — изъ этой полной ужаса катакомбы. Не по далеку отъ этого логовища смерти, прошли мы мимо пещеры, гдѣ нашли уже одинъ только трупы дѣтей и женщинъ».

Отряды инсургентовъ появляются теперь слова изъ горъ и лѣсовъ. Возстаніе крѣпнеть. Въ одномъ округѣ въ южной Босніи, между австрійскою границею и турецкими крѣпостями: Кулинъ-Якупъ, Кліукъ и Гламошь. Турки совершенно вытѣснены уже и его охраняютъ боснійскія дружины. Дружинами этими въ настоящее время предводительствуетъ Деспотовичъ. Округъ этотъ посѣщенъ мистеромъ Эвенсомъ. Онъ самъ лично собственными глазами убѣдился въ правдивости словъ Босняковъ. Мистеръ Эвенсъ свидѣтельствуетъ, что «главный оплотъ всего пространства, занятаго инсургентами, составляетъ цѣпь горъ, называемыхъ *«черными горами»*, такъ, что, подъ защитою этой горной цѣпи, такъ можно сказать, образовалось *«боснійское Черногорье»*. Плодородныя земли поселянъ, словно укрѣпленный городъ, окружены естественною, образуемою горами, стѣною. Переходъ черезъ эти горы весьма труденъ и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, возможенъ только по горнымъ тропинкамъ. Обративъ особенное вниманіе на это обстоятельство, вы поймете всю непреодолимость этой мѣстности, горы которой защищаютъ плодородныя поля ея. Инсургенты, можетъ быть, и оказались бы недостаточны сильными, если бы имъ пришлось брать штурмомъ турецкіе города; но они, даже подъ предводительствомъ «простыхъ своихъ вожаковъ,» могутъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, защищаться въ своихъ горныхъ твердыняхъ. Теперь они и сами уже начинаютъ сознавать всю цѣну оборонительныхъ позицій своихъ и необходимость дѣлать свою дѣятельность, употребляя часть этой дѣятельности на земледѣліе и часть — на защиту себя отъ врага. Но, въ тотъ періодъ времени, когда возстаніе ограничивалось еще нѣсколькими только селеніями по далматской границѣ, Туркамъ удалось проникнуть въ эти прикрытыя горами долины и нѣсколько селеній тамъ сожжено.»

«Въ сѣверо-западномъ направленіи отъ этого» поля, защищеннаго горами», округъ подичскій сливается, не имѣя опредѣленныхъ границъ, съ округомъ видовосельскимъ. Оба они, какъ тотъ, такъ и другой, опустошены Турками самымъ жестокимъ образомъ. Не довольствуясь шаткими и неопредѣленными свѣдѣніями, я запасся показаніями на этотъ счетъ нижеслѣдующихъ лицъ: 1) двухъ поселянъ:

мужчины и женщины из деревни Подичь; 2) двухъ поселянъ изъ Видовосела, Стояна Васовича и Гаврана Тадича, которыхъ видѣлъ я въ Уннацѣ, и которые, спрятавшись въ лѣсу, были очевидцами того, что здѣсь происходило. и наконецъ, 3) Бояна Стербача, раненнаго ятаганомъ въ шею и потерявшаго въ битвѣ руку. Стербачъ лежитъ въ настоящее время въ Книиѣ, въ госпиталѣ для ппесургентовъ, гдѣ я видѣлъ его и взялъ отъ него показаніе, которое лежитъ теперь у меня передъ глазами. Всѣ показанія вышеназванныхъ лицъ сходны между собою до самыхъ ничтожныхъ подробностей и я полагаю, что сами Турки и тѣ должны будутъ согласиться, что все, что изложено въ этихъ показаніяхъ, — сушая петля. Вотъ въ чемъ заключается суть этихъ показаній: 12 Юля прошлаго 1876 г., около двухъ часовъ пополудни, поселяне заняты были работами въ поляхъ, какъ вдругъ огромная шайка баши-бузуковъ изъ Гламша, подъ предводительствомъ тамошняго жителя Ахмеда Бега-Филиповича, нахлынула на нихъ. Башибузуки убили нѣкоторыхъ тутъ же, другихъ въ ихъ жилищахъ, всего 23 человека невооруженныхъ поселянъ, изъ которыхъ 9 изъ Подича и 14 изъ Видовосела. Передъ глазами у меня имена и прозвища всѣхъ этихъ жертвъ. Въ числѣ этихъ жертвъ оказывается двое дѣтей, пяти и десяти лѣтъ. Попъ села Видовосела, Демьянъ Стербачъ, былъ изрубленъ въ куски; жепъ его, Станѣ Стербачъ, ятаганами изранили грудь; дочь ихъ, Милитея, ранена въ руку. Селенія прежде опустошили и потомъ сожгли. Послѣ всего этого, Турки усакали обратно въ Гламошь и унесли съ собою головы большинства своихъ жертвъ. Изба, въ которой мы теперь находимся, спасена подоспѣвшей изъ горъ дружиной инсургентовъ. Баши-бузуки, грабившіе эту избу, завидѣли врага и быстро скрылись».

Миѣ доставленъ мистеромъ Эвенсомъ именной списокъ жертвъ. На списокѣ этомъ находятся подписи очевидцевъ этой рѣзни. Очевидцевъ этихъ сама я видѣла въ Книиѣ, между прочимъ видѣла и Бояна Стербача, удивительно — страшныя раны котораго служатъ подтвержденіемъ его почти невѣроятному разсказу о томъ, какъ онъ спасся, послѣ того какъ его оставили на полѣ, считая мертвымъ.

Точнаго исчисленія военныхъ силъ боснійскихъ инсургентовъ сдѣлать невозможно. Деспотовичъ, говорятъ, въ состоянїи выставить до 5,000 вооруженныхъ Босняковъ, не считая дружинъ въ Краинѣ, въ Коссарочѣ и другихъ мѣстностяхъ. Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнїя, что все православное населеніе присоединилось бы поголовно къ инсургентамъ, если бы у него было оружіе. «Нельзя же воевать противъ Турокъ съ одними нашими табачными трубками», не разъ повторяли намъ здоровые и сильные мужчины, съ угрюмыми лицами, бродившіе среди стариковъ, женщинъ и дѣтей, питавшихся скудными порціями, купленными на пособіе, которое выдавалось имъ австрійскимъ правительствомъ. Самая тяжелая изъ всѣхъ возложенныхъ на насъ обязанностей была необходимая для насъ въ нашемъ положенїи обязанность—отказывать бѣднымъ Боснякамъ въ оружіи и аммуниціи; такъ какъ удовлетвореніе такого рода просьбъ шло бы совершенно въ разрѣзъ съ нашимъ главнымъ дѣломъ, которое ограничивалось только *«воспитаніемъ и выдачею пособій»*. Но нельзя было однакоже не проникнуться вполне убѣжденіемъ, что, еслибы прошлою весною у турецкихъ христіанъ, — всѣхъ, безъ исключенія, — было оружіе, — они быстро научились бы владѣть имъ и обдѣлали бы свои дѣла сами, безъ посторонней помощи.

Что касается мнѣнїя объ обезоруженїи Турокъ, то, при оцѣнкѣ этого мнѣнїя, ненадо забывать, что Босняки — мусульмане снабжены Портою новымъ оружіемъ еще недавно и что мусульманъ нельзя будетъ обезоружить иначе, какъ при пособїи болѣе превосходной вооруженной силы, чѣмъ та сила, какую представляютъ сами они. Замѣтимъ, что мусульманское населеніе «поголовно» вооружено теперь и что оно начинаетъ уже истреблять всѣхъ безъ разбора православныхъ обитателей Боснїи, то есть, уничтожать самую работающую, самую предприимчивую и болѣшую часть населенія Боснїи.

Глава IV.

САЛОНИКИ ВЪ 1863 ГОДУ.

„Удивительно-выгодное мѣстоположеніе Фессалоникъ и плодородіе окрестныхъ земель, орошаемыхъ довольно значительными рѣками, даетъ этому городу возможность прокармливать населеніе болѣе, чѣмъ въ 60,000 душъ. Природа сдѣлала изъ него главный городъ обширнаго края и морскую гавань и, подѣ хорошимъ управленіемъ, Фессалоники были бы, безспорно, однимъ изъ самыхъ обширныхъ и цвѣтущихъ городовъ на берегахъ Средиземнаго моря“.

(Филлей, — Исторія византийской имперіи, стр. 317).

Я попрошу читателя вернуться къ мирному періоду времени европейской Турціи и пропутешествовать со мною по южной Болгаріи, стайрой Сербіи и сѣверной Албаніи.

Въ первый разъ увидали мы Салоники въ концѣ мая 1863 года и увидали ихъ съ палубы парохода; съ парохода самый лучшій видъ на этотъ городъ. Вообще города, раскинутые амфитеатрами надъ заливами, представляются съ самой выгодной стороны зрителю съ моря, — на турецкомъ же городѣ, независимо отъ его мѣстности, лежитъ еще отпечатокъ какой-то особой, оригинальной прелести, съ какой бы стороны

ни пришлось вам подъѣзжать къ нему. Вѣрный пасторальнымъ наклонностямъ своихъ предковъ, Турокъ старается какъ бы «утопить» прозаичность своего города въ поэзіи природы и искусства. Онъ умножаетъ число башенъ, замѣняя башнями крыши и, лишь только начнеть строить домъ, сажаетъ кругомъ него цѣлыя вереницы деревьевъ. О землѣ, о грунтѣ, онъ, дѣйствительно, вовсе почти не заботится; онъ знаетъ, что конь у него хорошъ, вывезетъ изъ какой угодно трущобы: поэтому улица у него шероховатостію своею едва ли уступитъ каменистості, а грязью чуть ли не превзойдетъ помость свиария. Но очарованіе внѣшней, фаядной красоты у Турокъ могущественно!.. Когда, послѣ какой нибудь прогулки, на которую рискнешь, обрѣкши на страданіе носъ и ноги, расположишься комфортабельно, послѣ дневныхъ трудовъ, на плоской прохладной крышѣ; о, съ какимъ наслажденіемъ любишься тогда перемежающимися массаами бѣлаго и зеленого цвѣта, изъ-за которыхъ то тамъ, то сямъ, несутся вверхъ, утопая въ яхонтовой лазури неба, стройные кипарисы и причудливые минареты!

Въ Салоникахъ есть очень много пунктовъ, стоящихъ осмотра и посѣщенія. Между прочимъ, «крѣпость Семи-Башенъ», на горѣ, недалеко отъ древняго Акрополиса, откуда открывается великолѣпный видъ, съ обрисовывающеюся въ темносиней дали горою Олимпомъ. Цитадель сама по себѣ въ состояніи разрушенія и жилья помѣщенія, внутри ея стѣны, большею частію вовсе необитаемы.

Монастырь Хуашъ стоитъ также сравнительно съ городомъ на возвышенности. Монастырь этотъ можетъ служить здоровымъ и удобнымъ помѣщеніемъ для путешественника. Монахи его живутъ въ довольствѣ, но въ довольствѣ «позорномъ», такъ какъ и пощадѣ и всѣ привилегіи свои монастырь получилъ цѣною коварнаго поступка прежнихъ его обитателей. Они, какъ идетъ молва, измѣническимъ образомъ предали нѣкогда въ руки Турокъ одинъ изъ сосѣднихъ съ монастыремъ замковъ. Теперешняя братія монастыря состоитъ изъ Грековъ какого-то особаго подобострастнаго типа. Типъ этотъ въ состояніи возстановить cadaго Англичанина противъ всей расы Грековъ. Слаще

эти были льстивыя слова монаховъ, когда говорили они объ Англіи; въ отвѣтъ же это? А, это потому, что тогда именно пронесся слухъ, будто бы Англія думаетъ, вмѣсто Турціи, которой покровительствовала еще до того времени, покровительствовать Греціи.

Такъ какъ всѣ почти монастырскія драгоценности получены были, путемъ вкладовъ, изъ Россіи; то Греки-монахи нашли нужнымъ мотивировать это обстоятельство тѣмъ, что царь-де прислалъ эти драгоценности, въ замѣнъ взятыхъ отсюда безцѣнныхъ сокровищъ. Напримѣръ, церковная утварь, чаша, цѣнное евангеліе были будто бы присланы, въ замѣнъ чаши, изъ которой вкушалъ лозное вино Спаситель на Тайной Вечери или же—той чаши, изъ которой утолялъ жажду Спаситель водою изъ знаменитаго колодца въ Самаріи. «И вотъ», сказалъ, обращаясь къ намъ одинъ изъ Грековъ, «Русскіе дали намъ ничтожное золото за сокровище, которое нельзя было приобрести за цѣлое царство! Они взяли у насъ цѣлый мѣхъ масла, и, въ замѣнъ его, прислали намъ одно оливковое зернышко!» Въ концѣ концовъ, монахи объяснили намъ, что, если бы Англія захотѣла только взять ихъ подъ свое покровительство, то она могла бы вполне рассчитывать на ихъ вѣчную и неизмѣнную вѣрность.

Спускаясь съ холма, мы прошли мимо городского кладбища. Французы выпросили себѣ мѣсто для своего кладбища между турецкими могилами и стѣнами города. По другую же сторону турецкихъ могилъ лежатъ жида, «чтобы имъ было подальше отъ города носить своихъ покойниковъ.» Все это мѣсто, вся эта «нива смерти», ничѣмъ не обгорожено и профанируется ослами и собаками. Нѣсколько времени тому назадъ, буря съ проливнымъ дождемъ смыла землю съ древняго саркофага и обнажила его; это было замѣчено французскимъ консуломъ, саркофагъ взять и отправленъ въ Парижъ.

На обозрѣніе древностей Салоникъ потребовалось два дня. Болѣе предупредительнаго чичероне, чѣмъ одинъ попавшійся намъ шотландскій миссіонеръ, трудно найти. Почти на каждой улицѣ, на каждомъ фонтанѣ, видны слѣды цвѣтнаго мрамора и скульптурныхъ работъ; а

на воротах Вардаръ и Константиновской аркъ *) до сихъ поръ еще видны уцѣлѣвшія изображенія триумфовъ древнихъ Римлянъ. Изъ числа главныхъ древностей, заслуживающихъ особаго вниманія, можно указать на церкви: Двѣнадцати Апостоловъ, Св. Софїи и Св. Димитрія, на каедру, съ которой, по преданію, проповѣдывалъ Апостоль Павелъ, на такъ называемую «Ротонду», на остатокъ изваянной крещальни внѣ ротонды и на пять статуй, (названныхъ жидами «*incantadas*»), которыя составляютъ пропилеи гипподрома. Кромѣ двухъ послѣднихъ древностей, которыя, хотя и въ состояніи разрушенія, но не искажены, все остальное, что изъ языческаго періода, то овизантично, а византийское все, въ свою очередь, омагометанизировано; такъ, что хотя здѣсь и много предметовъ интересныхъ для любителей древности, однакоже, въ сущности, едва ли въ каждомъ изъ этихъ предметовъ остается на столько красоты, чтобы восхитить «незаписнаго» туриста. Быть можетъ, и христіанинъ, исказившій классическій храмъ, съ намѣреніемъ дать ему крестообразную форму, въ такой же степени заслуживаетъ названіе «варвара», какъ и магометанинъ, превратившій соборъ Св. Димитрія въ мечеть: но послѣдняя трансформация въ такой степени поражаетъ своимъ безвкусіемъ, что нельзя не сказать объ ней нѣсколько словъ.

Своды церкви Св. Димитрія поддерживаютъ колонны изъ дорогаго мрамора. Турки нашли нужнымъ окрасить эти колонны въ зеленый цвѣтъ, а капителіи ихъ — въ малиновый и блѣдно-желтый. Иконы и свѣчи замѣнили Турки страусовыми яйцами, чтобы противодѣйствовать «дурному глазу». Повѣшанныя ими гирлянды маленькихъ лампочекъ, правда, очень эффектны, когда горятъ; но, днемъ, видъ ихъ съ гряз-

---

*) „Via Egnatia“, — служившая, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, главнымъ средствомъ сообщенія между Римомъ и Константинополемъ, шла прямою линіею черезъ весь городъ, отъ восточныхъ до западныхъ его стѣнъ. Дорога эта, остатокъ римскаго величія, съ ея триумфальною аркою „Константиновскою“, до сихъ поръ бросается въ глаза въ турецкомъ городѣ Салоникахъ. Что же касается до валовъ древней бывшей здѣсь крѣпости, то валы эти въ состояніи разрушенія, а на тѣхъ мѣстахъ этихъ валовъ, которыя идутъ вблизи моря, разбросано множество безобразныхъ грязныхъ хижинъ.“

нымъ, застылымъ масломъ очень и очень непривлекателенъ. Алтаря въ церкви нѣтъ; на мѣстѣ же его возвышается кафедра имама съ узкою лѣстницею и какимъ-то, какъ бы «ощипаннымъ», балдахиномъ. Всѣ христіанскія святыни вынесены изъ боговыхъ придѣловъ, въ замѣнъ же того, придѣлы переполнены какими-то старыми коврами, всевозможнаго рода хламомъ и разными инструментами. Что касается до надписи съ именемъ Св. Димитрія, то надгробную надпись эту съ трудомъ можно отыскать на входныхъ ступеняхъ храма; но небольшой склепъ, въ которомъ находится гробница Святого, охраняется бережно Турками и хвастливо показывается посѣтителемъ. Причиною такого уваженія къ этому склепу — источеніе мурра изъ гробницы, привлекающее христіанскихъ пилигримовъ, съ которыхъ поступаетъ вѣрный доходъ въ карманъ мусульманскаго сторожа *).

Но самая замѣчательная вещь въ Салоникахъ — это населеніе ихъ. Оно состоитъ изъ самыхъ разнородныхъ племенъ. Древняя Терма и Фессалоники временъ посланій Св. Апостола Павла представляетъ теперь городъ, который, въ историческомъ отношеніи, можетъ считаться греческимъ, въ географическомъ, — болгарскимъ, а, по этнографическимъ условіямъ, болѣе всего — еврейскимъ. **) Изъ числа 60.000 жителей Салоникъ 40.000 Евреевъ, которые, благодаря своей численности, а также и своему богатству, сдѣлались самыми почетными гражданами города. Большинство жидовъ пришло сюда изъ Испаніи, откуда вытѣснила ихъ инквизиція. И такъ терпимость султана (сравнительная, конечно), сдѣлала изъ Евреевъ вѣрнопопданныхъ Порты! Евреи, поселившіеся въ Салоникахъ, красивы. У многихъ изъ нихъ темно-

---

*) Мечеть, въ которую обращенъ храмъ св. Димитрія, — Сахатли, — стала особенно извѣстна съ тѣхъ поръ, какъ убиты здѣсь французскій и германскій консулы.

**) Въ Салоникахъ число Евреевъ доходитъ до 40.000; но, благодаря свойственной Евреямъ ловкости, они всегда умѣютъ уклониться отъ поголовной переписи, съ цѣлью — избѣгать полной оплаты податей. Такимъ образомъ еврейское общество, подкупая турецкіе власти и чиновниковъ, официально не превышаетъ 11.500 душъ.

русые волосы, женщины-же еврейки нѣжнаго тѣлосложенія и съ бѣлокурыми волосами. Красотой эти еврейки — блондинки превосходятъ гречанокъ, что впрочемъ вовсе не такъ трудно; такъ-какъ гречанки новѣйшихъ временъ много уступаютъ въ правильности формъ и въ живости восточнымъ дамамъ, а въ изяществѣ очертаній и величавости — женщинамъ запада.

Какъ большинство вообще всѣхъ «многочисленныхъ» обществъ, и еврейское общество въ Салоникахъ дѣлится на категоріи. Такихъ категорій тамъ три: высшее общество, средній кругъ и нисшее общество.

Высшее общество еврейское богатствомъ своимъ и роскошью совершенно затѣвастъ христіанское общество. Французскій консулъ маркизъ *** говорилъ намъ, что ему и женѣ его нѣтъ никакой возможности составить какой-бы то нибыло кругъ знакомства. Всѣ самые богатые жители — жидаы. Когда они даютъ какой-нибудь обѣдъ, балъ или вечеръ; то снабжаютъ другъ друга такими богатыми убранствами и такой дорогой посудой, что роскошь подобныхъ банкетовъ бываетъ грандіозна, такъ, что нѣтъ никакой возможности отплатить имъ въжливостію за въжливость. Какъ ни бейся, всякая попытка стать въ уровень съ ихъ роскошною обстановкою будетъ бесплодною; ваше убранство, посуда ваша, все будетъ казаться «mesquin». Кромѣ того, если-бы вы дали вечеръ, то еврейскія дамы одѣваются такъ богато, что коренныя уроженки Европы, при встрѣчѣ съ ними, чувствуютъ себя gênées (неловко) и потому «on finirait par n'avoir, que des juives chez soi». Ивѣніе это раздѣляла и одна паша знакомая, Англичанка. «Она-бы охотно дала намъ случай полюбоваться этими іудейскими дамами, которыхъ она описывала намъ «такими изящными и образованными»; «но», — говорила она, — «дѣло въ томъ, что мои лѣтнія платья еще не доставлены изъ Лондона. Вамъ, конечно, въ качествѣ путешественницъ, онѣ-бы, можетъ быть, и извинили простоту вашего туалета; но мнѣ положительно невозможно показаться въ ихъ обществѣ иначе, какъ разряженною въ пухъ и прахъ».

Средній кругъ тоже богатъ, но менѣе требователенъ относительно туалета, такъ, что намъ не оказалось препятствія посѣтить его. Первое

семейство изъ этого круга, которое посѣтили мы, было семейство одного раввина. Оно было особенно интересно потому, что въ нѣкоторыхъ обычаяхъ и даже въ костюмѣ своемъ придерживалось старины. Дочери были въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ, сшитыхъ по-европейски, но съ распущенными волосами. При совершеніи брака, волосы эти стригутся и замужнія женщины носятъ небольшой головной уборъ, — «тюбанъ». Тюбанъ этотъ придерживается на головѣ чернымъ платкомъ, который, охвативъ подбородокъ, завязывается на макушкѣ головы. Самъ раввинъ вышелъ къ намъ въ длинномъ кафтанѣ на мѣху и съ мѣховою-же опушкою.

Въ Салоникахъ прогрессисты расходятся во мнѣніяхъ на счетъ того, слѣдуетъ-ли или нѣтъ принять обычай носить французское платье; по-этому намъ хотѣлось узнать что нибудь, относящееся къ этому вопросу, отъ добраго старика раввина, слышшаго за человѣка либеральнаго въ своихъ воззрѣніяхъ. Мы завели рѣчь о томъ, что у Евреевъ въ Краковѣ особый оригинальный костюмъ и что они не охотно мѣняютъ его на французскій. «Да», — сказалъ раввинъ, — «одежда польскихъ Евреевъ совершенно не похожа на нашу. Мы пришли изъ Испаніи и потому, по испанскому обычаю, въ началѣ нашего пребыванія здѣсь, носили черное платье. Костюмъ, который носимъ мы теперь, подходитъ къ турецкому костюму; но нѣкоторые изъ насъ начинаютъ носить французское платье». — «Однакоже — не придаете-ли вы какого-нибудь религіознаго значенія костюму?» спросили мы. Раввинъ отвѣтилъ уклончиво: „Каждое одѣяніе имѣетъ религіозную цѣнность въ глазахъ народа, которому принадлежитъ“. Потомъ онъ свелъ рѣчь на курьезную верхнюю одежду женщинъ внѣ дома. Одежда эта—шубки изъ пунцоваго сукна на мѣху, обшитыя золотымъ галуномъ, и на головѣ длинный шарфъ изъ ткани, употребляемой турчанками на покрывала.

Раввинъ, съ которымъ мы познакомились, былъ не только раввинъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, купецъ и очень богатый человѣкъ. Говорилъ онъ съ нами по-итальянски. Изъ разсказовъ его узнали мы, что положительно необходимо быть богатымъ, чтобы получить званіе раввина и

имѣть вліяніе на прихожанъ. Благодаря тому, что Евреи тѣсно связаны между собою и крайне охотно помогаютъ другъ другу, торговля ихъ процвѣтаетъ весьма сильно. Въ этомъ отношеніи, жидаы стоятъ выше христіанъ, которые имѣютъ мало довѣрія другъ къ другу и рѣдко работаютъ сообща.

Нашъ раввинъ пользуется еще одною привиллегіею. У него — своя типографія. Привиллегіею этою Греки не пользуются. Очень недавно въ ней отказано было и одному книгопродавцу изъ Болгаръ. Просьбу его о дозволеніи имѣть печатный станокъ поддерживалъ англійскій консулъ, находившій, что весьма было-бы желательно для славянскаго населенія въ окрестностяхъ Салоникъ имѣть книги на собственномъ своемъ языкѣ. Но въ просьбѣ этой было отказано. Мотивомъ въ отказу выставлено опасеніе, что книгопечатаніе можетъ дать поводъ къ распространенію «*русскихъ прокламацій*». При этомъ вовсе однакоже забыто, что отсутствіе книгопечатанія именно и есть та главная причина, которая заставляетъ Болгаръ выписывать книжный товаръ изъ Россіи.

Слѣдующій за тѣмъ визитъ былъ сдѣланъ одному негоціанту, торгующему каменнымъ углемъ и начинавшему спльно богатѣть. Домъ его — чрезвычайно красивъ, удобенъ и какъ-то пріятно прохладенъ. Мы пришли съ визитомъ, какъ оказалось, слишкомъ рано. Хозяйка и дочери ея предавались еще пріятному послѣобѣденному отдыху. Мы собирались было уйдти; но хозяйка, черезъ какую-то посланницу, просила насъ такъ убѣдительно подождать ея прихода, что мы присѣли въ терпѣливомъ ожиданіи появленія дамъ. Вскорѣ за тѣмъ пробѣжала черезъ пріемныя комнаты горничная съ тремя платьями и тремя кринолинами: она скользнула съ ними на верхъ по витой лѣстницѣ въ комнаты хозяекъ. Наконецъ, когда прошло столько времени, сколько нужно, что-бы надѣтъ эти туалетныя принадлежности, вышли къ намъ три дамы, щегольски одѣтыя и привѣтливо улыбавшіяся.

Во время ожиданія хозяекъ, все вниманіе наше обращено было на тѣ необыкновенныя предосторожности, которыя приняты были въ домѣ на случай пожара. Предосторожности эти принимаются потому, что жидаы

ни за что въ мірѣ не рѣшится прикоснуться къ огню въ субботу. Для этого зажигаютъ они свѣчи съ предъидущаго вечера и держатъ для необходимой по субботамъ работы прислугу другаго вѣроисповѣданія. Если бы въ домѣ вспыхнулъ даже пожаръ въ субботу, хозяева-евреи не стали бы тушить его, что бы не прикоснуться къ огню. Случалось, что еврейки, у которыхъ загоралось платье въ субботу, бѣжали въ ближайшій христіанскій домъ и тамъ только находили спасеніе. Когда жидъ въ Салоникахъ особенно и слишкомъ уже залиберальничаетъ, то обыкновенно первымъ признакомъ перемѣны образа его мыслей бываетъ сигара, которую позволяетъ опъ себѣ курить въ субботу. Въ подобныхъ случаяхъ равнины дѣлаютъ попытку возвратить его къ прежнимъ убѣжденіямъ, т. е. они подкупаютъ пашу и тотъ сажаетъ въ тюрьму черезъ чуръ либеральнаго Еврея.

У Евреевъ есть еще одинъ странный обычай: читать за умершихъ извѣстное количество молитвъ, смотря по тому, была ли добрая или злая душа у покойника. Результаты такого приговора о душахъ бываютъ весьма странные. Сыну напримѣръ, хоть и весьма предосудительно было бы, если бы онъ совсѣмъ не позаботился о молитвахъ за умершаго родителя, однако же совершенно неприлично заказывать слишкомъ большое количество молитвъ за отца, такъ какъ это можетъ бросить невыгодную тѣнь на характеръ души его отца.

Что касается до низшаго слоя еврейскаго общества, то для характеристики его сообщимъ переданный намъ слухъ, будто бы большая часть бѣднаго еврейскаго населенія увѣрена, что сэръ Моисей Монтефиоре вкорѣ окажетъ ихъ Мессією. Богатые, говорятъ, не такъ нетерпѣливо ожидаютъ этого событія, «такъ какъ пришествіе мессіи заставило бы ихъ слѣдовать за нимъ въ обѣтованную землю, имъ же, въ качествѣ народа съ исключительно торговыми наклоностями, не особенно-то улыбаются мечта сдѣлаться собственниками земли въ Іудей.»

Турецкихъ жителей въ Салоникахъ описывать мы не беремся, такъ какъ намъ не пришлось вовсе познакомиться съ ихъ бытомъ.

Перейдемъ теперь къ разсказу о греческомъ обществѣ.

Не смотря на то, что Греки не могутъ соперничать въ численности

имѣть вліяніе на прихожанъ. Благодаря тому, что Евреи тѣсно связаны между собою и крайне охотно помогаютъ другъ другу, торговля ихъ процвѣтаетъ весьма сильно. Въ этомъ отношеніи, жидаы стоятъ выше христіанъ, которые имѣютъ мало довѣрія другъ къ другу и рѣдко работаютъ сообща.

Нашъ раввинъ пользуется еще одною привиллегіею. У него — своя типографія. Привиллегіею этою Греки не пользуются. Очень недавно въ ней отказано было и одному книгопродавцу изъ Болгаръ. Просьбу его о дозволеніи имѣть печатный станокъ поддерживалъ англійскій консулъ, находившій, что весьма было-бы желательно для славянскаго населенія въ окрестностяхъ Салоникъ имѣть книги на собственномъ своемъ языкѣ. Но въ просьбѣ этой было отказано. Мотивомъ къ отказу выставлено опасеніе, что книгопечатаніе можетъ дать поводъ къ распространенію «*русскихъ прокламацій*». При этомъ вовсе однакоже забыто, что отсутствіе книгопечатанія именно и есть та главная причина, которая заставляетъ Болгаръ выписывать книжный товаръ изъ Россіи.

Слѣдующій за тѣмъ визитъ былъ сдѣланъ одному негоціанту, торгующему каменнымъ углемъ и начинавшему сильно богатѣть. Домъ его — чрезвычайно красивъ, удобенъ и какъ-то пріятно прохладенъ. Мы пришли съ визитомъ, какъ оказалось, слишкомъ рано. Хозяйка и дочери ея предавались еще пріятному послѣобѣденному отдыху. Мы собиравлись было уйдти; но хозяйка, черезъ какую-то посланницу, просила насъ такъ убѣдительно подождать ея прихода, что мы присѣли въ терпѣливомъ ожиданіи появленія дамъ. Вскорѣ за тѣмъ пробѣжала черезъ пріемныя комнаты горничная съ тремя платьями и тремя криolinaми: она скользнула съ ними на верхъ по витой лѣстницѣ въ комнаты хозяекъ. Наконецъ, когда прошло столько времени, сколько нужно, что-бы надѣть эти туалетныя принадлежности, вышли къ намъ три дамы, щегольски одѣтыя и пріятливо улыбавшіяся.

Во время ожиданія хозяекъ, все вниманіе наше обращено было на тѣ необыкновенныя предосторожности, которыя приняты были въ домѣ на случай пожара. Предосторожности эти принимаются потому, что жидаы

ни за что въ мірѣ не рѣшятся прикоснуться къ огню въ субботу. Для этого зажигаютъ они свѣчи съ предыдущаго вечера и держатъ для необходимой по субботамъ работы прислугу другаго вѣроисповѣданія. Если бы въ домѣ вспыхнулъ даже пожаръ въ субботу, хозяева-евреи не стали бы тушить его, что бы не прикоснуться къ огню. Случалось, что еврейки, у которыхъ загоралось платье въ субботу, бѣжали въ ближайшій христіанскій домъ и тамъ только находили спасеніе. Когда жидъ въ Салоникахъ особенно и слишкомъ уже залиберальничаетъ, то обыкновенно первымъ признакомъ перемѣны образа его мыслей бываетъ сигара, которую позволяетъ онъ себѣ курить въ субботу. Въ подобныхъ случаяхъ раввины дѣлаютъ попытку возвратить его къ прежнимъ убѣжденіямъ, т. е. они подкупаютъ пашу и тотъ сажаетъ въ тюрьму черезъ чуръ либеральнаго Еврея.

У Евреевъ есть еще одинъ странный обычай: читать за умершихъ извѣстное количество молитвъ, смотря по тому, была ли добрая или злая душа у покойника. Результаты такого приговора о душахъ бываютъ весьма странные. Сыну напримѣръ, хоть и весьма предосудительно было бы, если бы онъ совѣтъ не позаботился о молитвахъ за умершаго родителя, однако же совершенно неприлично заказывать слишкомъ большое количество молитвъ за отца, такъ какъ это можетъ бросить невыгодную тѣнь на характеръ души его отца.

Что касается до низшаго слоя еврейскаго общества, то для характеристики его сообщимъ переданный намъ слухъ, будто бы большая часть бѣднаго еврейскаго населенія увѣрена, что сэръ Моисей Монтефiore вскорѣ окажется ихъ Мессією. Богатые, говорятъ, не такъ нетерпѣливо ожидаютъ этого событія, «такъ какъ пришествіе мессіи заставило бы ихъ слѣдовать за нимъ въ обѣтованную землю, имъ же, въ качествѣ парода съ исключительно торговыми наклонностями, не особенно-то улыбаются мечта сдѣлаться собственниками земли въ Іудеи.»

Турецкихъ жителей въ Салоникахъ описывать мы не беремся, такъ какъ намъ не пришлось вовсе познакомиться съ ихъ бытомъ.

Перейдемъ теперь къ разсказу о греческомъ обществѣ.

Не смотря на то, что Греки не могутъ соперничать въ численности

и богатствѣ съ Евреями, однакоже и между ними есть богатые негодянты, которые въ то время, какъ были мы въ Салоникахъ, строили себѣ дома. Кромѣ того между ними есть семейства, которыя, благодаря брачнымъ связямъ въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній съ западными народностями, считаютъ себя въ правѣ пользоваться покровительствомъ иностранныхъ консуловъ, хотя въ сущности семейства эти должны бы считаться семействами греческими. Покровительство консуловъ, ограждая ихъ отъ влѣшательства Турокъ въ ихъ дѣла, даетъ имъ большія преимущества въ торговлѣ. Въ нѣкоторыхъ этого рода случаяхъ права па консульскую юрисдикцію весьма сомнительны. Доза безкорыстія, требуемая въ этомъ случаѣ отъ европейскаго агента, при тѣхъ соблазнахъ, которые пускаются въ ходъ для достиженія выгоднаго Греку результата, должна быть черезъ чуръ велика!

Какъ поразило насъ, когда услышали мы о такъ называемыхъ «англійскихъ подданныхъ», откупавшихся деньгами отъ турецкихъ притязаній! Конечно, «человѣкъ узнается по его дѣламъ», подробности же всей системы дѣлъ этого рода такъ непривлекательны, что намъ бы хотѣлось вовсе не вѣрить въ ихъ справедливость. Впрочемъ не лучше и такъ называемые «французскіе подданные». Нѣкоторые французскіе купцы, какъ сказывали намъ, взяли у Турокъ налогъ на свиней на откупъ. Услыхавши, что христіане, жители одной деревни, подозрѣваются въ томъ, что утаиваютъ у себя свиней, они вынудили пашу посадить пятерыхъ изъ самыхъ почетныхъ жителей этой деревни въ тюрьму, въ которой свирѣпствовалъ тифъ. Изъ числа этихъ пятерыхъ четверо схватили эту заразительную болѣзнь и умерли.

У Грековъ въ Салоникахъ, какъ и всюду у Грековъ въ Турціи, существуетъ весьма странный обычай: годъ спустя послѣ преданія трупа землѣ, вырывать его изъ могилы и смотрѣть, истлѣлъ ли онъ или нѣтъ? Обстановка въ этихъ случаяхъ описана намъ была однимъ мѣстнымъ уроженцемъ, которому часто доводилось присутствовать при подобныхъ церемоніяхъ. Живо изображалъ онъ и ужасъ ожиданія присутствующихъ, и суевѣрный страхъ ихъ, и поразительный видъ трупа и не менѣе поразительный трупный запахъ, отъ котораго не рѣдко безъ чувствъ

падаютъ присутствующія при церемоніи женщины. Если оказывается, что тѣло еще не разложилось, то въ этомъ усматриваютъ признакъ большой грѣховности умершаго и тотчасъ же заказываютъ священнику молитвы за умершаго. Потомъ зарываютъ трупъ опять въ землю и такая же церемонія повторяется опять черезъ годъ и такимъ образомъ до трехъ разъ, пока не истлѣетъ трупъ. Обычай этотъ такъ вкоренился въ нравы общества, что даже весьма образованныя и постоянно живущія въ европейскомъ кругу матери семействъ, считаютъ своею обязанностию выкапывать такимъ образомъ трупы своихъ дѣтей. Намъ рассказывали объ одномъ случаѣ, когда увидали вдругъ трупъ одного младенца, до того хорошо сохранившимся, что всѣхъ присутствующихъ объявля живымъ ужасъ и къ этому ужасу прибавилось положительное убѣжденіе, что душа младенца — въ аду!

Но перейдемъ отъ этихъ мрачныхъ описаній къ чему нибудь веселому. Вотъ на примѣръ анекдотъ, который мы слышали здѣсь о бывшемъ султанѣ Абдуль-Меджидѣ. Султанъ этотъ посѣтилъ какъ-то Салоники и между прочимъ приглашенъ былъ мистеромъ Джономъ *** посѣтить его сады. Сдѣлавши нѣсколько туровъ въ этихъ садахъ, султанъ выразилъ желаніе видѣть «куща Жака». Купецъ явился и, низко поклонившись по военному обычаю, изрекъ слѣдующее привѣтствіе: «Когда садилъ я эти деревья и цвѣты и украшааъ мои сады, дерзнулъ я возимѣть надежду, что сады эти осчастливлены будутъ нѣкогда посѣщеніемъ вашего величества». Султанъ, съ величавою откровенностію, отвѣтилъ на это: «И Аллахъ услышалъ сегодня твою молитву!»

Окончивши обзоръ всего, что было интереснаго въ Салоникахъ, намъ не оставалось ничего больше, какъ посѣтить магазины этого города и его базаръ и приобрести тамъ что нибудь получше изъ продуктовъ мѣстной промышленности, а затѣмъ собираться уже въ дальнѣйшій путь. Базаръ въ Салоникахъ, послѣ константинопольскаго, самый богатый базаръ и лучше многихъ базаровъ во внутреннихъ турецкихъ городахъ, какъ на примѣръ: Адрианополь и Сараевъ.

Въ Аѣинахъ видѣли мы платье изъ «салоникскаго» газа, — матеріи которая плотностью своею менѣе напоминала французскій «gaze de

soie», чѣмъ газъ, выдѣлываемый въ Брусѣ. Этотъ газъ былъ первымъ предметомъ нашихъ поисковъ, а вторымъ — серебряная тесьма для отдѣлки платья изъ этого газа. Не мало пришлось намъ хлопотать, чтобы набрать достаточное для платья количество этой матеріи, такъ какъ продается она небольшими кусками, изъ которыхъ въ каждомъ столько аршинъ, сколько нужно только на какую нибудь шемизетку. Причиною этому то, что матерія эта ткется въ частныхъ домахъ кусками, какія требуются на «мѣстные» нужды. Окончивъ эту задачу, мы запаслись потомъ и серебряною тесьмой для отдѣлки платья.

Тутъ же на базарѣ сидѣли портные и что-то шили изъ великолѣпнаго вышиванья, а немного подалеже, въ нѣсколькихъ лавкахъ, висѣли пряди золотыхъ нитей, которыя принято здѣсь вплетать въ косы невѣсть. Тутъ же на базарѣ заказали мы между прочимъ крышку на ящикъ, для чего драгоманъ нашъ посоветовалъ намъ обратиться къ жидамъ. Мы прошли за нимъ черезъ какой-то большой коридоръ и предъ нами предстало двое почтенныхъ патріарховъ, олицетворявшихъ картины древней библіи. Патріархи эти усѣлись потомъ на полъ и поставили передъ собою нашъ ящикъ. Голыя ноги свои вытянули они по обѣимъ сторонамъ его, въ рукахъ же держали куски какой то волосяной матеріи, изъ которой старались сдѣлать крышку на ящикъ, и которою обвивали ящикъ, снимая такимъ образомъ мѣрку съ него.

Глава V.

ЧАСТЬ I.

ВЗГЛЯДЪ НА БОЛГАРІЮ ИЗЪ САЛОНИКЪ.

„Вступленіе Россіи въ политическую систему европейскихъ государствъ ознаменовано стремленіемъ завладѣть Константинополемъ, стремленіемъ, неоднократно возобновлявшимся съ тѣхъ поръ, и, судя по прогрессу христіанской цивилизаціи, едва ли не имѣющимъ достигъ своей цѣли въ недалекомъ будущемъ, если только возрожденіе болгарскаго королевства, къ югу отъ Дуная, не создастъ, на востокѣ Европы, новой, могущественной, славянской державы, способной остановить успѣхи Россіи“. (Филлей. Исторія византійской имперіи. Стр. 223).

„Что касается до Болгарь, то, останутся ли они еще на нѣкоторое время подъ владычествомъ Турціи, или освободятся отъ него, они одни внушаютъ сколько нибудь свѣтлыя надежды при созерцапіи булущихъ судебъ этихъ странъ. Причина тому лежитъ въ ихъ численномъ превосходствѣ, въ полной первобытности, въ ихъ трудолюбіи и бережливости, пастойчивости и трезвости“. (Лордъ Странгфордъ).

Мы сказали уже, что географически Салоники принадлежатъ къ Болгаріи; другими словами, Салоники—одна изъ болгарскихъ гаваней. Жители этого города говорятъ на славянскомъ нарѣчій, какъ и все население отъ Эгейскаго моря до Дуная. Самый городъ Салоники есть одинъ изъ пунктовъ той этнографической межи, которая отдѣляетъ, въ этой части европейской Турціи, славянское население отъ греческаго. Эта межа совпадаетъ въ извѣстной степени съ линіею древней римской

дороги между Салониками и Охридскимъ озеромъ; тѣмъ не менѣе однакоже, болгарское населеніе идетъ на нѣсколько миль и далѣе къ югу отъ Via Egnatia; греческія же колоніи лежатъ и къ сѣверу отъ нея, въ городахъ же населеніе смѣшанное, состоящее отчасти и изъ османскихъ Турокъ.

Къ другимъ пограничнымъ, въ этнографическомъ смыслѣ, пунктамъ отнести можно города: Монастиръ, Водену и Энидже. Въ нихъ число Грековъ весьма незначительно. Въ Салоникахъ же напротивъ, Славянъ насчитывается всего только пятьсотъ семействъ.

Замѣчательно, что, на юго-восточной границѣ, славянское населеніе нигдѣ не простирается вплоть до моря, по оставляетъ незаселенною, (или заселенную весьма скудно), береговую полосу. На этой береговой полосѣ лежитъ Фракія, Халкедонскій полуостровъ и два города: Константинополь и Салоники. Береговая полоса эта населена такъ разнообразно и настолько важна въ торговомъ и стратегическомъ отношеніяхъ, да и самое обладаніе ею составляетъ столь завидное пріобрѣтеніе въ глазахъ прочихъ государствъ, что судьба ея внушаетъ особенную заботливость людямъ, мечтающимъ о возстановленіи славяно-греческаго полуострова. Между прочимъ существуетъ предположеніе образовать изъ этой береговой полосы нейтральную территорию, въ зависимости отъ двухъ главныхъ морскихъ портовъ, на подобіе округовъ, принадлежащихъ вольнымъ городамъ Германіи. Эти преобразователи полагали бы удовлетворить Грецію присоединеніемъ къ ней Фессалии и Эпира, а остальные славянскія провинціи Турціи вознаграждать дарованіемъ имъ національнаго христіанскаго самоуправленія, какое нынѣ существуетъ въ Сербіи.

Воздерживаясь отъ обсуждения этихъ политическихъ проэкттовъ, замѣтимъ только, что каковъ бы ни былъ новый государственный строй Балканскаго полуострова, освобожденіе бережливыхъ и трудолюбивыхъ Болгаръ отъ тяготящаго надъ ними варварскаго ига, несомнѣнно послужитъ ко благу цивилизаціи и будетъ весьма выгодно и для Англіи. Непосредственнымъ послѣдствіемъ такого освобожденія будетъ, безъ сомнѣнія, развитіе природныхъ богатствъ края и между прочимъ

распространеніе хлопчатобумажнаго производства. Обширная пустынная равнина салоникской провинціи, по мѣстоположенію своему, весьма благоприятна для разведенія хлопчатника. Въ одномъ изъ сосѣднихъ округовъ, близъ города Сереса, одинъ сельскій хозяинъ завелъ плантацію хлопчатника на клочкѣ земли, въ одну треть десятины, и получилъ отъ него дохода 60 фунт. стерл. (около 500 руб.). Обработка земли находится здѣсь въ рукахъ Болгаръ. Турецкіе землевладѣльцы заботятся только о томъ, чтобы попадала къ нимъ въ руки половина дохода съ земли, фермеръ же, берущій на откупъ весь поземельный доходъ, — это здѣшній «кулакъ», закоренѣлый врагъ развитія трудолюбія и промышленности.

Земледѣльческое, т. е. христіанско-славянское населеніе въ окрестностяхъ Салоникъ обрабатываетъ землю на слѣдующихъ условіяхъ: одна десятая часть жатвы идетъ въ казну султана, все остальное, за вычетомъ части на посѣвъ, дѣлится пополамъ, между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ.

Что касается до податей, то самыя строгія мѣры, примѣняемыя въ этомъ отношеніи въ другихъ странахъ, ничто въ сравненіи съ турецкими порядками. Мы не говоримъ уже о вопіющей несправедливости закона, по которому милліонное населеніе не имѣетъ голоса при распредѣленіи своихъ денегъ. Не говоримъ о тягости вообще податей, уплачиваемыхъ Болгарами, о томъ, что они, кромѣ обыкновенныхъ податей, платятъ еще подать за освобожденіе отъ военной службы, т. е. за то, что они безоружны и подчинены мусульманамъ.*) Но самый способъ взиманія этихъ податей, несправедливый и разорительный, составляетъ уже, самъ по себѣ, независимо отъ податей, величайшее зло въ податной системѣ, существующей въ Турціи.

Подать въ Турціи до настоящаго времени уплачивалась натурою, —

*) „Плата за освобожденіе отъ военной службы“, такъ называется нынѣ подать, извѣстная прежде подъ именемъ „харача“ (haratch). Народъ сохранилъ прежнее названіе, такъ какъ въ его глазахъ подать осталась все та же, и, дѣйствительно, практическое значеніе ея не измѣнилось. Христіане продолжаютъ быть безоружными данниками мусульманъ.

способъ, при которомъ сборщику не трудно вымогать взятки, отказываясь отъ отдачи хлѣба на корню до тѣхъ поръ, пока хлѣбъ не начнетъ осыпаться. Но турецкіе арендаторы не ограничиваются подобными обыкновенными путями вымогательства. Они пускаютъ въ ходъ и другіе, болѣе изощренныя, способы наживы. Приведу на примѣръ нижеслѣдующій случай, который составляетъ здѣсь отнюдь не единичное явленіе.

Два Болгаря условились держать стадо вдвоемъ на своихъ пастбищахъ: одинъ лѣтомъ — на горахъ, другой зимою — въ равнинѣ. Сборщикъ подати заставляетъ перваго изъ нихъ заплатить за обоихъ, съ обязательствомъ ничего не требовать съ его товарища; потомъ идетъ ко второму и, посредствомъ новаго обмана, получаетъ и съ него полную плату. Подобнымъ же образомъ христіанинъ можетъ быть принужденъ заплатить дважды за освобожденіе отъ военной службы, если сборщикъ податей признаетъ первую выданную имъ росписку подложною. На дняхъ, одинъ Болгаринъ принесъ такую росписку британскому консулу, который пригрозилъ мѣстнымъ властямъ изслѣдовать дѣло судебнымъ порядкомъ, и обвиненіе въ подлогѣ немедленно же уничтожено.

Въ послѣднее время введена новая система сбора податей, но которой натуральныя подати замѣнены денежными. Трудно предположить, чтобы эта система оказалась благотворною въ Турціи, при отсутствіи обеспеченныхъ средствъ сообщенія, необходимыхъ для вывоза хлѣба на рынки. Теперь земледѣлецъ, волею-неволею, принужденъ продавать самъ свой хлѣбъ и продавать его дешево на ближайшихъ рынкахъ, возмилующихъ хлѣбомъ, и изъ этой выручки платить подати. Народъ жалуется, что настоящій порядокъ вещей еще хуже прежняго, и что новая податная система есть одна изъ тѣхъ мнимыхъ реформъ, которыя очень хороши на бумагѣ, но, болѣею частію, оказываются вредными на практикѣ, если не сопровождаются другими реформами. Мы собственными своими глазами видѣли сборщиковъ податей, совершавшихъ набѣги въ деревню въ сопровожденіи разбойничьихъ шаекъ Албанцевъ, вооруженныхъ съ головы до пятокъ.

Въ виду недавняго неурожая хлопка, англійское правительство входило въ сношеніе съ Портою, относительно поощренія разведенія

хлопчатника, раздачею сѣмянъ для пробныхъ посѣвовъ и, что гораздо важнѣе, освобожденіемъ на нѣкоторое время хлопка отъ пошлины въ казну, главнымъ образомъ затрудняющей развитіе всякой вообще земледѣльческой культуры въ Турціи. Готовность, съ которою христіане-Болгаре отозвались въ этомъ случаѣ на «*ria desideria*» правительства, внушаетъ самыя благопріятныя надежды касательно ихъ дѣятельности и энергіи, когда вполне освободятся они отъ тягостнаго вмѣшательства Турціи въ ихъ внутренній бытъ.

Вообще подъ «Болгаріей» разумѣемъ мы не только ту незначительную полосу земли, которая извѣстна подъ именемъ «турецкой провинціи Болгаріи», но вообще все обширное пространство страны, населенное Болгарами.

Народъ этотъ составляетъ восточную отрасль южно-славянскаго племени; численность его, обыкновенно опредѣляемая въ четыре милліона, простирается, по мѣстному исчисленію, до шести милліоновъ. Болгаре существенно отличаются отъ своихъ сосѣдей Грековъ, Румынъ и Турокъ, а, по нѣкоторымъ свойствамъ своего характера, и отъ западныхъ соплеменниковъ своихъ, Кроато-сербовъ. Въ числѣ этихъ свойствъ слѣдуетъ отмѣтить прежде всего недостатокъ такъ называемаго «*esprit politique*» и, соотвѣтственно тому, болѣе развитое понятіе о матеріальномъ комфортѣ. Въ противоположность Сербамъ, Болгаре не считаютъ нужнымъ поддерживать въ себѣ духъ національности и самоуваженія воспоминаніемъ о прошлой славѣ и мечтами о славѣ будущей; съ другой стороны, никакія притѣсненія не могутъ заставить Болгарина быть равнодушнымъ къ своему полю, лошади, цвѣтнику и къ содержанію въ крайней опрятности своего жилища.

Блестящимъ примѣромъ, насколько рельефно обнаруживается различіе національныхъ особенностей, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ климата, религіи и управленія, могутъ служить Греки и Болгаре, живущіе бокъ о бокъ въ болгарскихъ городахъ въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій. Греки, — народъ торговый и промышленный; они талантливы и краснорѣчивы, но плутоваты, неопрятны и безирравственны; Болгаре — преимущественно землевладѣльцы, тупы, неразговорчивы. но

честны, опрятны и целомудренны. Последнее качество искони внушало уважение къ южно-славянскимъ народамъ. Древніе законы у нихъ карали безнравственность смертю и по настоящее время общественное мѣніе такъ безощадно къ женщинѣ, не выказываетъ, какъ у насъ, такого страшнаго снисхожденія къ безнравственности мужчинъ. Одна изъ восточныхъ здѣшнихъ обывательницъ рассказывала намъ, что не успѣла она пробыть мѣсяца въ обществѣ Грековъ, какъ сдѣлалась участницей нѣсколькихъ скандальныхъ исторій, между тѣмъ какъ, въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, проведенныхъ среди Болгаръ, ей нигде не пришлось слышать чего нибудь скандальнаго *).

Мусульманское населеніе болгарскихъ городовъ состоитъ изъ османскихъ колонистовъ, какъ бы составляющихъ гарнизонъ провинціи. Славяне, перешедшіе въ магометанство, преимущественно живутъ въ деревняхъ и говорятъ по прежнему на славянскомъ нарѣчій.

Въ воинственныхъ наклонностяхъ и храбрости ренегатовъ явно сказываются національныя черты, отличавшія Болгаръ до того времени, когда они были измѣнительчески обезоружены; самый переходъ ихъ въ магометанство былъ только средствомъ избѣжать положенія рабовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи ренегаты извѣстны подъ именемъ помаковъ, (отъ помаганъ «я помогаю»), и считаются потомками тѣхъ болгарскихъ воиновъ, которые служили въ турецкой арміи въ качествѣ «союзниковъ», пока Турки не усилились на столько, что принудили ихъ отказаться либо отъ оружія, либо отъ вѣры «отцовъ своихъ». Въ числѣ нашихъ проводниковъ, въ Салоникахъ, былъ одинъ мусульманинъ изъ Болгаръ, который позволялъ говорить себѣ въ лицо, что онъ и до сихъ поръ остался христіаниномъ въ душѣ; въ окрестностяхъ же Салоникъ магометане-болгаре въ оправданіе своего ренегатства, расска-

*) Греки не могутъ ни поработить Болгаръ, ни руководить ими, или обезличить ихъ. Грецкая раса ничѣмъ не превосходитъ южно-славянскую и уступаетъ ей въ численности; остроуміе Грека вознаграждается въ Болгаринѣ основательностью; дозволяя себѣ грубое сравненіе, — мы могли бы сказать, что Грекъ въ сравненіи съ Болгариномъ—тоже, что умная калыкутская обезьяна сравнительно съ англійскимъ унтеръ-офицеромъ, умственные способности котораго представляютъ сырой, необработанный матеріалъ.

зываютъ слѣдующее преданіе. Тѣснимые Турками Болгаре рѣшили: прибѣгнуть къ посту и молитвѣ и испрашивать помощи у Христа, съ тѣмъ, что, если въ теченіи извѣстнаго срока, не проявится ^{сдѣланными} персть Божій, то они покорятся Магомету. Срокъ истекъ, помощи не послѣдовало, и они перешли въ магометанство. Съ тѣхъ поръ древняя племенная вражда неоднократно побуждала ихъ воевать противу Грековъ; но они въ одинаковой степени несправедливы и Турокъ — и такимъ образомъ раздѣляютъ съ своими христіанскими единоплеменниками ихъ національныя антипатіи, равно какъ и приверженность къ своему родному языку.

Земледѣльческое населеніе Болгаріи христіанскаго вѣроисповѣданія. Эти райи имѣютъ угрюмый и тупой, безсмысленный видъ, словно постоянныя преслѣдованія убили въ нихъ умъ и сердце. Въ послѣдніе годы однакоже они проявили упорное и энергическое сопротивленіе по поводу назначенія къ нимъ чужеземныхъ епископовъ. Вообще всѣ тѣ, кто имѣлъ случай заниматься обученіемъ Болгаръ, на самой ли ихъ родинѣ, или внѣ ея, свидѣтельствуютъ объ ихъ здоровомъ смыслѣ, рвеніи и способности къ наукамъ. Болгарь-христіанъ упрекаютъ въ робости; но эта робость истекаетъ отъ страха, а не отъ подлости; они прячутся отъ тѣхъ, кого боятся, но не раболѣпствуютъ передъ ними. Болгарія, лежащая на пути турецкихъ армій къ Дунаю, искони подвергалась беспрестаннымъ грабежамъ. Самое тяжелое впечатлѣніе производятъ на путешественника болгарскія большія дороги, окаймленныя пустынными, безлюдными полями и та очевидная заботливость, съ которою поселянинъ старается здѣсь укрыть свое убогое жильё отъ глазъ проходящихъ и проѣзжающихъ по этимъ дорогамъ. Стѣдить только миновать границу свободной Сербіи и снова заестрѣютъ передъ вами хижины земледѣльцевъ, невдалекѣ отъ проѣзжихъ дорогъ.

Перейдемъ теперь къ исторіи Болгаріи. Чтобы изложить въ краткомъ очеркѣ исторію Болгаріи, необходимо вернуться къ концу пятаго и началу шестаго столѣтія, когда византійскіе писатели впервые упоминаютъ о славянскомъ населеніи, къ югу отъ Дуная.

Во времена древней восточной римской имперіи, болгарскій народъ

является то въ роли подчиненной, то въ роли господствующей націи. Мѣстороженіемъ Юстиніана было и по нынѣ существующее славянское селеніе ~~въ~~ вѣстностяхъ Скопін. Самое имя его, Юстиніанъ, — буквальный переводъ славянскаго имени «Управда». Точно также и великій Велизарій никто иной, какъ Славянинъ — Велизаръ. Василій македонскій или, какъ называетъ его Финлей, «славянскій конюхъ», — былъ родоначальникомъ дивастіи, занимавшей дольше, чѣмъ всѣ другіе, византійскій престолъ.

Повидимому, всѣ первые Славяне-колонисты, постепенно разселившіеся къ югу отъ Дуная, признавали надъ собою власть Византіи. Но въ VII вѣкѣ къ колонистамъ этимъ присоединились племена болѣе воинственныя. Усиленные этими племенами, колонисты возстали противъ Византіи и опустошили значительную часть Балканскаго полуострова. Пришельцы эти — Болгары, — единоплеменники Финновъ, приняли впоследствии христіанство и совершенно слились съ Славянами. Отъ нихъ ведетъ свое начало и самое названіе «Болгаріи». Изъ ихъ среды вышли первые ея правители. Несмотря на частыя войны съ византійскою имперіею, Болгаре позаимствовали отъ нея нѣкоторую степень цивилизаціи. Въ IX вѣкѣ они сражались уже покрытые стальными доспѣхами и снабженные всѣми извѣстными въ то время военными орудіями; ветераны имперіи удивлялись стойкости и дисциплинѣ ихъ войскъ. Болгарскіе короли и цари покровительствовали литературѣ и нерѣдко сами были замѣчательными писателями. Такъ какъ всѣ почти свѣдѣнія о Болгарахъ заимствованы изъ «византійскихъ» источниковъ, то, конечно, нѣтъ основанія полагать, что отзывы о Болгарахъ преувеличены умышленно. Подъ скипетромъ самыхъ могущественныхъ своихъ государей, Болгарія угрожала Константинополю; при слабыхъ же правителяхъ, — признавала верховную власть византійскаго императора и не разъ византійскія арміи временно поработали страну. Окончательное ниспроверженіе болгарской монархіи произошло только въ концѣ XIV вѣка, когда она подпала подъ власть Турокъ. Болгарскія монеты можно видѣть и теперь въ бѣлградскомъ

музеѣ, и еще недавно напечатана въ современной Болгаріи любопытная хроника царя Азена.

Въ 1390 году Сузмагъ, послѣдній король болгарскій, сдался, вмѣстѣ со своею столицею, на произволъ побѣдителей. Народъ же болгарскій, съ своей стороны, признавалъ только мало по малу владычество Турокъ и съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы, уплачивая дань султану, Болгарія сохраняла за собою свободное самоуправленіе. Болгарскіе солдаты должвы были находиться подъ командою своихъ воеводъ; для сбора податей и управленія городами и селами назначались чиповники по выбору жителей. Болгарская церковь имѣла національныхъ епископовъ и своего патріарха, имѣвшаго свое пребываніе первоначально въ Трновѣ, впоследствии же въ Охридѣ. Всѣ эти права подтверждались неоднократно фирманами султановъ.

Пусть-же всѣ тѣ, кто видитъ въ жалкихъ обрывкахъ свободы, дарованныхъ нынѣ райѣ, доказательство радикальнаго измѣненія турецкой системы управленія, припомнятъ, что, пять вѣковъ тому назадъ, христіанамъ предоставлены были въ Турціи права гораздо болѣе широкія. Пусть тѣ, кто вѣритъ въ обѣщанія турецкаго правительства, прочтутъ, какъ эти права и преимущества, гарантированныя христіанамъ первыми султанами, были попораны, лишь только Турки почувствовали себя властелинами страны.

Наиболѣе рѣшительные изъ мѣстныхъ воеводъ были лишены жизни, остальнымъ предоставленъ былъ выборъ между вѣроотступничествомъ и эмиграціей. Въ 1776 году нарушена и автономія церкви. Мѣстные епископы замѣнены Греками изъ Константинополя. Эти Греки-епископы грабили Болгаръ, доносили на тѣхъ изъ нихъ, которые пользовались вліяніемъ между своими соотечественниками, подозрительному турецкому правительству, подавали примѣръ нравственно испорченности и жгли всѣ славянскія книги, какія ни попадались имъ подъ руку. Послѣдніе школы и типографскіе станки нашли убѣжище въ дунайскихъ княжествахъ; когда-же и эти страны подпали вліянію фанаріотовъ тогда уже у Болгаръ не осталось нигдѣ точекъ опо

ры, кромѣ развѣ только нѣсколькихъ старыхъ ихъ монастырей въ горахъ. *)

Одной изъ наиболѣе выдающихся чертъ въ исторіи порабоженія Балканскаго полуострова является помощь, которую нашли Турки въ Грекахъ въ своихъ дѣствіяхъ противъ Славянъ. Султану никогда не удалось бы нравственно подавить Болгарь, безъ помощи посредника-христіанина. Греки же съ своей стороны, при достиженіи этой цѣли, нуждались въ физической силѣ своихъ хозяевъ, являвшейся на помощь ихъ уму и хитрости. При послѣднихъ византійскихъ императорахъ, греческое вліяніе вовсе не захватывало славянскихъ и румынскихъ земель; между тѣмъ, какъ, со времени владычества султановъ, греческіе епископы и митрополиты-фанариоты управляютъ Румынами, Болгарами и Сербами. Какъ тверды и надежны должны быть основы національности, не уступающей этому давленію!

Первый толчекъ движенію въ Болгаріи данъ былъ переворотомъ, совершившимся на Балканскомъ полуостровѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. «Греція—свободна; Сербія получила автономію; не наступитъ ли скоро очередь и Болгаріи?» Наиболѣе достаточные Болгары стали тогда мало по малу посылать сыновей своихъ учиться не въ Константинополь, но—въ Россію, Богемію, Францію. Въ самой Болгаріи основаны были народныя школы. Національный духъ сталъ пробуждаться я даже въ округахъ, сильно пропитанныхъ греческимъ вліяніемъ. Тѣ изъ Болгарь, которые до сихъ поръ писали на родномъ языкѣ гречески ми буквами, стали въ преклонныхъ лѣтахъ обучаться славянской азбукѣ. Намъ самимъ удавалось встрѣчать родителей, плохо знавшихъ по-болгарски, но сильно заботившихся о томъ, чтобы дѣти ихъ основательно изучили родной языкъ. Чужеземная іерархія тормозила стремленія національнаго развитія и народъ рѣшился освободить свою церковь отъ вліянія фанариотовъ.

---

*) Фанариотъ—прозваніе это произошло отъ Фанарь, константинопольскій кварталъ, гдѣ имѣетъ пребываніе греческій патріархъ. Происхожденіе слова „Phanar“ объясняется различнымъ образомъ.

Такиими стремленіями болгарскаго народа воспользовались римскіе пропагандисты. По всей Болгаріи разсланы были эмиссары, обѣщавшіе Болгарамъ самоуправленіе и богослуженіе на славянскомъ языкѣ, подъ условіемъ номинальнаго только признанія главенства папы, вмѣсто патріарха *). Условіе это не могло казаться слишкомъ тяжелымъ, и римская пропаганда на нервныхъ цорахъ увѣнчалась было успѣхомъ. Число обращенныхъ сильно преувеличено, однако же не подлежитъ сомнѣнію, что между ними находилось нѣсколько лицъ вліятельныхъ. Но главною приманкою, при переходѣ въ католицизмъ, служила надежда на покровительство Франціи. Когда же сдѣлалось очевиднымъ, что покровительство это имѣеть извѣстныя предѣлы, не освобождаетъ, на примѣръ, отъ уплаты податей, новообращенные римско-католики стали отпадать массами. Люди, руководившіе этимъ движеніемъ, поняли, что единственнымъ слѣдствіемъ этого перехода будетъ учрежденіе въ Болгаріи секты уніатовъ, чуждой всемъ остальнымъ христіанамъ, поставленной въ зависимость отъ чужеземнаго покровительства и торгующей своею совѣстью, секты, уже сломившей силы Босніи и Албаніи. Эти соображенія, а отнюдь не какія либо религіозныя чувства и сомнѣнія, заставили, (по собственному сознанію Болгарь), многихъ ицъ, первоначально поощрявшихъ пропаганду, отречься отъ нея и всѣми силами противодѣйствовать этой пропагандѣ.

Но то равнодушіе, съ которымъ народъ готовъ былъ измѣнить своему первосвященнику, показало болгарскимъ мыслителямъ, что опасность раздѣленія церкви можетъ снова возникнуть при первомъ удобномъ случаѣ. Въ исторіи южныхъ христіанъ вторично выяснилось, что они останутся вѣрными восточной церкви, лишь подъ условіемъ

---

*) Споръ между Константинополемъ и Римомъ за духовное главенство въ Болгаріи ведетъ свое начало еще съ IX столѣтія и опирается на то, что дунайскія провинціи были нѣкогда подвластны архіепископу вессалонійскому, въ то время, когда это архіепископство находилось въ прямой зависимости отъ папскаго престола. Болгарскіе цари, повидимому, медлили выборомъ между греческою и латинскою церквами, пока Константинополь не призналъ за ними права имѣть своего собственнаго патріарха.

духовнаго самоуправленія. Если Болгарамъ суждено имѣть чужеземныхъ епископовъ и первосвященника, то для нихъ представляется безразличнымъ: будетъ-ли этотъ первосвященникъ имѣть свою резиденцію въ Римѣ, или же въ — Константинополѣ.

При такихъ обстоятельствахъ, отправлены были въ Константинополь болгарскіе депутаты просить, чтобы, въ силу гат-и-гумаюна, былъ восстановленъ болгарскій національный патріархатъ, который нѣкогда признавался Портою, или, по крайней мѣрѣ, чтобы болгарской церкви дана была автономія съ національными архіепископами, епископами, синодомъ и духовною семинаріею въ Трновѣ. Словомъ, они желали той же системы церковнаго управленія, какая успѣшно существуетъ въ княжествѣ сербскомъ. Прошли годы съ тѣхъ поръ, какъ Болгары предъявили свои требованія; но Турція никогда не спѣшитъ устранять причинъ вражды между своими христіанскими подданными. Она пыталась, напротивъ того, воспользоваться обстоятельствами для своихъ цѣлей, давая понять Болгарамъ, что они лучше сдѣлаютъ, если вовсе отступятся отъ восточной церкви. Имъ говорили, что, по смыслу адрианопольскаго трактата, греческій патріархъ признается главою всѣхъ православныхъ подданныхъ Турціи. «Сдѣлайтесь католиками, протестантами, или создайте новую секту, — и мы охотно признаемъ автономію вашей церкви, пока же вы называете себя «православными», мы можемъ видѣть въ васъ только сыновъ церкви греческой».

Но Болгаре не попались въ ловушку. Они возражали, что требованія ихъ не касаются религіозныхъ вопросовъ, что они не имѣютъ желанія отдѣлиться отъ православія. Они совершенно готовы признавать греческаго патріарха главою восточной церкви, но онъ и самъ не считаетъ же себя патріархомъ единственнымъ. Его предшественники не оспаривали права Болгаръ имѣть своего патріарха, еще девяносто лѣтъ тому назадъ; онъ самъ и понынѣ признаетъ патріарховъ — іерусалимскаго и антиохійскаго. Кромѣ того, практическое рѣшеніе вопроса зависитъ не отъ патріарха, но отъ падишаха. Болгарскій патріархатъ уничтоженъ былъ властію султана; до сихъ поръ ни одинъ

епископъ, на всемъ протяженіи оттоманской имперіи, не можетъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, не имѣя на то султанскаго фирмана и такого-то фирмана и ожидаетъ избраный уже пародомъ болгарскій первосвятитель, съ правомъ назначать епископовъ, созывать синодъ и заниматься внутренними дѣлами болгарской церкви. Дайте ему фирманъ и пусть греческій патріархъ медлитъ признаніемъ его, сколько угодно; безъ этого же фирмана, самое согласіе греческаго патріарха не будетъ имѣть никакого практическаго значенія.

Такое разъясненіе вопроса поставило турецкое правительство въ положеніе, нѣсколько отличное отъ того, какое ему до сихъ поръ приписывалось; ибо господствовало мнѣніе, что это правительство тщетно стремится уладить религіозныя споры христіанъ, ограничиваясь при этомъ только ролью посредника.

Какъ бы то нибыло, но не подлежить сомнѣнію, что отъ греческаго патріарха, въ значительной степени, зависѣло освободить Болгаръ отъ необходимости обращаться съ ходатайствомъ по предмету церковной автономіи къ магометанскимъ властямъ. Согласившись на предложенное Болгарами признаніе его главенства и на принятіе отъ нихъ назначенной ему, какъ главѣ церкви, «*лемты*», онъ тѣмъ самымъ охранялъ бы интересы и собственности своей общины *). Но не слѣдуетъ забывать, что на такой значительный постъ, какъ престолъ константинопольскаго патріарха, допускаются турецкимъ правительствомъ только люди ему удобные и готовые на всякія услуги Портѣ.

---

*) Въ послѣднее время, хотя и приняты были мѣры къ установленію формальнаго соглашенія, между патріархомъ константинопольскимъ и болгарскою церковью, однако же вновь возникшія недоразумѣнія помѣшали его осуществленію. Патріархъ изъявилъ готовность признать, въ известной степени, самостоятельность болгарской церкви, сохраняя за собою главенство, которое никогда не было оспариваемо. Но онъ ограничилъ власть болгарскаго экзарха или патріарха, должествующаго имѣть пребываніе въ Софіи, территоріей къ сѣверу отъ Балканъ. Болгаре возражали, что самостоятельность должна касаться *всего Болгарскаго народа*, а не жителей известной только территоріи и что, слѣдовательно, и значительное пространство страны между южнымъ склономъ Балканъ и Эгейскимъ моремъ должно быть подъ юрисдикцію болгарскаго экзарха. Благодаря интригамъ Грековъ, условіе это до сихъ поръ еще не принято патріархатомъ.

Какъ бы то ни было, нельзя не согласиться, что патріархъ, въ этомъ случаѣ, поступилъ несоотвѣтственно съ своимъ саномъ и неблагоразумно. Три епископа (Шларіонъ, Аксентій и Пансій) заявили, что отказываются отъ своихъ епархій въ Болгаріи, если назначеніе ихъ не будетъ утверждено свободнымъ выборомъ народа. Въмѣсто того, чтобы употребить ихъ, въ качествѣ посредниковъ, ихъ арестовали и отправили въ заточеніе. Всѣ Болгаре, не согласившіеся на предложенныя патріархомъ условія, преданы *анаемлю* и объявлены «*еретиками*».

Подобныя мѣры пробудили страшный гнѣвъ угрюмага, замкнутаго въ себѣ народа. Болгары отреклись отъ патріарха, отлучившаго ихъ отъ церкви: общины объявили, что предпочитаютъ скорѣе вовсе не имѣть епископовъ, чѣмъ признавать епископами лицъ, назначенныхъ помимо народнаго выбора.

Во всѣхъ провинціяхъ совершались возмутительныя своеволія. Церкви были закрыты, чтобы помѣшать служенію литургіи на греческомъ языкѣ. Возвращаясь изъ объѣздовъ по епархіи для сбора обычныхъ доходовъ, греческіе епископы находили свои жилища заключенными; самихъ же ихъ выводили вонъ за городскія стѣны. Ни одинъ болгарскій священникъ не соглашался участвовать въ богослуженіи, совершаемомъ греческимъ епископомъ, а по выходѣ епископа изъ церкви, съ напускной безгласностью, служители церкви замечали за нимъ полъ, какъ будто бы онъ своимъ присутствіемъ осквернилъ храмъ. Въ Софіи, въ ожиданіи пріѣзда новаго епископа, мужчины-женщины и дѣти заперлись въ его домъ, откуда изгнаны только съ помощію турецкихъ солдатъ. Новый епископъ жилъ вначалѣ въ полномъ уединеніи. Однажды, столкнувшись на похоронахъ съ однимъ болгарскимъ священникомъ, епископъ спросилъ его: почему онъ его не посѣщаетъ? Священникъ отвѣчалъ, что не можетъ признавать епископа, отъ котораго отрекается его паства. Въ наказаніе за это, священнику остригли бороду и, надѣвъ на голову позорную феску, водили по улицамъ, въ назиданіе и примѣръ прочимъ. Снова возмутились безоружные граждане. Лавки были закрыты, дома опустѣли, жители эмигрировали тысячами. Городскіе старшины, добившись ауді-

енціи у паши, говорили: «Пусть либо греческій епископъ уѣдетъ, либо все мы покинемъ городъ». Паша посовѣтовалъ епископу выѣхать и такъ какъ константинопольскія власти не дозволяли народу выбирать новаго епископа, христіанская паства Софій рѣшилась обходиться вовсе безъ епископа *).

Въ Нишѣ, въ одно изъ пограничныхъ городовъ Сербіи, епископы, чтобы предупредить враждебную демонстрацію, обвинили болгарскихъ старшинъ въ тайномъ заговорѣ, будто бы имѣвшемъ цѣлю присоединеніе Ниша къ Сербіи. Старшины были призваны къ пашѣ, который, не давъ себѣ труда выслушать ихъ, не дозволивъ имъ даже проститься съ родственниками и запасти одежду, приказалъ немедленно посадить ихъ въ экипажи и отправить въ изгнаніе. Все это происходило зимою. Въ слѣдующемъ августѣ мѣсяцѣ мы имѣли случай пользоваться гостепріимствомъ семьи одного изъ этихъ изгнанныхъ, которая умоляла насъ освѣдомиться у англійскихъ консуловъ о судьбѣ постигшей ихъ несчастныхъ родственниковъ.

Между тѣмъ цѣлый рядъ разнообразныхъ бѣдствій обрушился на Болгарію: набѣги гайдуковъ, частью политическихъ изгнанныхъ, частью просто разбойничьихъ шаекъ, приливъ крымскихъ Татаръ магометанъ, для которыхъ Болгаре принуждаемы были строить дома и доставлять пищу, эмиграція Болгаръ въ Россію и послѣдовавшее за тѣмъ возвращеніе ихъ на родину въ самомъ жалкомъ положеніи, попытка переселиться въ Сербію, встрѣтившая сопротивленіе въ турецкихъ властяхъ, наконецъ толпы баши-бузукъ, новоднившіе деревни, подъ предлогомъ охраненія границы отъ Сербовъ *). Лѣтомъ 1862 г. мы сами были свидѣтельницами такого положенія вещей. Въ числѣ мѣръ, къ которымъ прибѣгло правительство, чтобы удержать Болгаръ въ повиновеніи, было допущеніе магометанскихъ колонистовъ,

*) Подробности смотри въ „Donau—Bulgarien und der Balkan“. Канипа. Лейпцигъ. 1875.

*) Болгарскіе ужасы 1875 года были только усиленнымъ проявленіемъ хроническаго зла. Они не могли удивить людей, лично знакомыхъ съ внутреннимъ положеніемъ страны.

пополнявшихъ убывавшее магометанское населеніе и снабженныхъ оружіемъ, котораго лишены христіане. Вслѣдъ за Татарами, появились Черкесы и возникъ планъ — поселить ихъ вдоль сербской границы, съ цѣлю отрѣзать Болгарь отъ Сербіи. Татары были только лѣнны; между тѣмъ какъ новые переселенцы, Черкесы, жаждутъ выместить свои собственныя страданія на всѣхъ, носящихъ имя христіанъ. Говорятъ однако, что климатъ болгарскихъ равнинъ не благопріятенъ для черкесовъ — горцевъ и что численность ихъ быстро уменьшается.

Въ Константинополѣ мы не разъ имѣли случай слышать о болгарскихъ церковныхъ вопросахъ, съ одной стороны отъ патріарха и его секретаря, съ другой — отъ болгарскихъ депутатовъ. Обѣ партіи старались подтвердить свои доводы памфлетами, наполненными, при выраженіи вѣрноподданческихъ своихъ чувствъ къ султану, обличеніями своихъ антагонистовъ въ споменіяхъ съ Россією. Россія играетъ въ Турціи роль какъ бы кошки въ беспорядочномъ хозяйствѣ: каждый, стараясь оправдать себя, сваливаетъ на нее все дурное.

Мы обратились съ вопросами о болгарскихъ церковныхъ дѣлахъ къ иностраннымъ резидентамъ, какъ къ судьямъ безпристрастнымъ. Французскій, британскій и американскій консулы высказались въ пользу Болгарь. Британскіе консулы увѣрили насъ, что они крайне были удивлены, встрѣтивъ въ Турціи столь трудолюбивое, бережливое, нравственное и опрятное населеніе, какъ Болгары; что касается до Американцевъ, то это лучшіе друзья Болгарь. Цѣлѣбный американскій ученый докторъ Риггсъ перевелъ ветхій завѣтъ съ древне славянскаго языка на современное болгарское нарѣчіе. Кромѣ того, переведено имъ съ англійскаго большое количество учебниковъ. Въ главныхъ городахъ Болгаріи есть американскія школы и американскія книги продаются мѣстными разнощиками во многихъ округахъ.

Во время нашего путешествія, намъ не разъ случалось видѣть доказательства того, на сколько народъ стремится усовершенствоваться. Мы были, въ особенности, поражены его рвеніемъ къ образованію. Цѣль балканскихъ и родопскихъ горъ дѣлитъ Болгарію на три части: сѣверную, центральную и южную. О сѣверной части, между Балканами и

Душаемъ, мы не можемъ судить по личнымъ наблюденіямъ, такъ какъ господствовавшіе тамъ безпорядки помѣшали намъ посѣтить ее; но, по отзывамъ лицъ, проживавшихъ тамъ и вполне заслуживающихъ довѣрія, Болгаре, выросшіе въ мѣстности, съ одной стороны прилегающей къ важному водному пути, съ другой — защищенной естественными твердынями горъ, болѣе самостоятельны и предприимчивы, чѣмъ соплеменные имъ жители внутренней части страны. Они имѣютъ значительное количество школъ, изъ которыхъ лучшія въ Тривѣ и Шумлѣ. Въ Тривѣ, древней столицѣ Болгаріи, предполагалось основать духовную семинарію и, если возможно, печатный станокъ, въ которыхъ до сихъ поръ отказываетъ Болгаріи завистливая Порта.

«Центральною» называется та часть Болгаріи, которая лежитъ между горами балканскими и родопскими. Здѣсь мы посѣтили школы: въ Адрианополѣ, Филиппполѣ, Самаковѣ, Софіи и Нишѣ. Всѣ эти школы существуютъ на счетъ христіанскихъ общинъ, безъ всякой денежной субсидіи отъ правительства или епископовъ. Зданія школъ, большею частью, достаточно обширныя и снабженныя хорошою вентиляціею, содержатся, какъ и всѣ дома въ Болгаріи, опрятно и чисто. Учебныя книги, добытыя изъ различныхъ источниковъ, дополняются книгами американскаго миссіонерскаго общества. Въ угоду Туркамъ, перѣдко одинъ или двое изъ учениковъ обучаются въ нихъ и турецкому языку и нѣсколько привѣтствій султану, кое-какъ связанныхъ, составляютъ нѣчто въ родѣ школьнаго гимна. Должно впрочемъ сознаться, что на тотъ же голосъ поются и другіе слова въ честь того, кому суждено освободить страну отъ турецкаго ига. Тотъ или другой изъ этихъ гимновъ исполняется учениками передъ посѣтителемъ школы, судя по тому, считаютъ ли его христіаниномъ или туркофиломъ. Мы имѣли случай слышать оба гимна.

Въ Филиппполѣ, Самаковѣ и Софіи есть школы и для дѣвочекъ. Софійская школа была основана однимъ гражданиномъ патріотомъ *).

*) Въ 1877 году мы нашли молодую родственницу этого купца патріота между болгарской молодежью, обучающеюся въ Аграмѣ, въ Кромачи. Не задолго до послѣднихъ бѣдствій Болгаріи десять юпошей и четыре дѣвушки были помѣщены въ прекрасныхъ школахъ этого города, гдѣ продолжаютъ

Гражданинъ этотъ говорилъ намъ: «Послѣ смерти жены, оставившей мнѣ только одного сына, я рѣшился: не вступать болѣе въ бракъ, но посвятить всѣ свои деньги и заботы этой школѣ.» Онъ привезъ въ школу учительницу съ австрійской границы; такъ какъ въ Турціи трудно найти женщину, подготовленную къ обязанностямъ учительницы славянской школы.

«Южная» Болгарія простирается отъ родопскихъ горъ до границъ древней Греціи. Училища, которыя удалось намъ посѣтить въ этой части страны, не такъ значительны по числу учениковъ и бѣднѣе прочихъ. Впрочемъ, мы не видали школы Истиба и другихъ городовъ, лежащихъ на сѣверномъ пути между Салониками и Скопіей. О тѣхъ же, которыя мы осмотрѣли, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Въ городахъ: Истибѣ, Скопіи и другихъ греческій епископъ ограничивается игнорированіемъ болгарскихъ школъ, или же, отъ времени до времени, отставкою наиболѣе энергическаго преподавателя; но чѣмъ ближе къ греко-славянской границѣ, тѣмъ больше препятствій встрѣчаетъ славянское образованіе. Въ Воденѣ и Эниджѣ основаны уже греческія школы, которыя община, волею, не волею, обязана содержать; помимо недостаточности средствъ, устройство, рядомъ съ греческою школою, училища національнаго обставлено всевозможными затрудненіями.

Вслѣдствіе такой анти-національной политики, Болгаре, въ другихъ мѣстностяхъ столь жаждущіе образованія, здѣсь туны и нерадивы въ наукѣ; съ другой же стороны, будучи отчуждены отъ своего духовенства, они благосклонно выслушиваютъ предложенія римскихъ эмиссаровъ. Нѣкоторые изъ этихъ южныхъ-болгаръ имѣютъ въ виду воспользоваться римскимъ вліяніемъ, единственно для того, чтобы из-

---

заниматься и до сихъ поръ, несмотря на лишенія и нужду, бывшія слѣдствіемъ прекращенія всякаго сообщенія ихъ съ родиною. Мы считаемъ себя счастливыми, что могли оказать имъ нѣкоторую временную помощь, благодаря суммѣ, довѣренной намъ специально для раздачи Болгарамъ. Молодая дѣвушка изъ Софіи говорила мнѣ, что школа, построенная Хаджи Транко захвачена Турками и обращена въ бараки для солдатъ.

Сбавиться отъ греческаго патріарха, рассчитывая пайти со временемъ средства свергнуть съ себя власть папы; другіе все еще опасаются, чтобы «неизвѣданное» иго не оказалось тягостнѣе настоящаго. Въ Монастирь у уніатовъ * есть уже свое училище, а въ Эниджѣ строятся церкви.

Между тѣмъ, въ окрестностяхъ Салоникъ возникаетъ партія, которой не чужда мысль, что протестанты не признаютъ во все ни папы, ни патріарха, и что покровительство Англіи было бы равносильно покровительству Франціи. Возникъ уже даже вопросъ: приметъ ли ихъ Англія подъ свое крылышко, если бы они перешли въ протестантизмъ? На вопросъ этотъ полученъ былъ весьма категорическій отрицательный отвѣтъ. Тѣмъ не менѣе, Болгаре продолжаютъ обращаться къ протестантскому пастору въ Салоникахъ съ просьбою добыть имъ книгъ и учителей на ихъ родномъ языкѣ, предлагая, безъсомнѣнія, исправно платить за то и за другое.

---

* Уніатами называются общины, сохраняющія восточные обряды и вмѣстѣ съ тѣмъ признающія главенство римскаго папы.

Глава V'I.

ЧАСТЬ II.

ВЗГЛЯДЪ НА БОЛГАРІЮ ИЗЪ САЛОНИКЪ.

„Слава, которую приобрѣлъ Меѳодій между своими современниками и людьми, имѣвшими случай видѣть его картины, доказываетъ, что картины эти носили на себѣ отпечатокъ жизненной правды“. Филлей, «Византійская имперія». Томъ I, стр. 266.

Вернемся теперь къ исходной точкѣ нашего описанія, — городу Салоникамъ, — съ его разноплеменнымъ населеніемъ. Болгаре никогда не владѣли имъ и однако имя этого города тѣсно связано съ единственнымъ эпизодомъ ихъ мрачной исторіи, оставившимъ послѣ себя слѣдъ въ лѣтописяхъ цивилизаціи. Мы говоримъ о присоединеніи къ христіанству сперва Болгаріи, а, вслѣдъ затѣмъ, и всего славянскаго племени, благодаря переводу книгъ Св. Писанія на нарѣчіе и понынѣ посящее названіе «церковно-славянскаго». Нарѣчіе это, согласно установленномуся мнѣнію, есть древній письменный языкъ Болгаріи; переводчики же Св. Писанія были родомъ изъ Салоникъ.

Въ IX столѣтіи, городъ Салоники входилъ въ составъ византійской имперіи; граждане его вообще пзвѣстны были подъ общимъ на-

званіемъ «Грековъ». Но въ числѣ обитателей этого города было не мало и Славянъ. На улицахъ въ Салоникахъ слышалась славянская рѣчь и долгіе годы въ національныхъ пѣсняхъ воспѣвались доблести славянскаго героя Дойчина, будто бы избавившаго городъ отъ лихоимства какаго-то корыстолюбиваго правителя *).

Въ то время жили въ Салоникахъ два брата Кириллъ и Меѳодій. Старшій, Кириллъ, былъ человѣкъ ученый и трудолюбивый; младшій, Меѳодій,—предпримчивый и энергичный. Оба они прониклись мыслью распространить Евангеліе между славянскимъ населеніемъ страны. Кириллъ, оставаясь въ домѣ отца, готовился къ святому дѣлу изученіемъ и разработкою языка; Меѳодій пошелъ въ миссіонеры. Молодой миссіонеръ явился ко двору Бориса, царя болгарскаго, и, какъ гласитъ легенда, сумѣлъ снискать его расположеніе, предложивъ расписать стѣны его любимаго охотничьяго замка. Борисъ пріѣхалъ взглянуть на его работу, ожидая увидѣть передъ собою волковъ, медвѣдей и царскихъ охотниковъ,—и что же?—Глаза его поражаетъ картина Страшнаго Суда, въ томъ видѣ, въ какомъ до сихъ поръ изображаютъ его тѣ пароды, гдѣ самъ монархъ творитъ судъ и расправу. На тронѣ изображенъ царь не гнѣвный, своенравный Борисъ, окруженный дикою роскошью; но царь—величественный и кроткій. Вкругомъ него толпятся придворные, они не щеголяютъ конскими хвостами и блескомъ кроваваго оружія, золотыя кольца лежатъ на ихъ мягкихъ, развѣвающихся волосахъ и бѣлыя крылья переливаются радужными цвѣтами. По правую руку, видны вѣрные рабы, передъ ними отверзты золотыя врата; рабы же невѣрные изображены на лѣвой сторонѣ съ зящю подъ ногами ихъ огненною пропастью. Но наиболѣе поразило зрителей то

---

*) Еще въ VIII вѣкѣ, въ самомъ даже Константинополѣ, славянской элементъ былъ настолько господствующимъ, что Славянинъ Никей занималъ патриаршій престолъ. Греки рассказываютъ слѣдующій анекдотъ, доказывающій, что патриархъ Никейши въ какомъ случаѣ не былъ пропитанъ эллипскимъ духомъ. Однажды, читая Евангеліе Св. Матѳея, онъ произнесъ имя евангелиста *Ματθαίου* вмѣсто *Ματθαίον*. Кто-то изъ окружающихъ шепнулъ ему, что буквѣ дугласныхъ не слѣдуетъ раздѣлять. Патриархъ сердито обернулся и сказалъ громкимъ голосомъ: „Душа моя не навидитъ дугласныхъ и троегласныхъ“. Рассказъ этотъ приведенъ у Филлея.

обстоятельство, что въ числѣ удостоенныхъ милости царя было не мало слабыхъ, беззащитныхъ, больныхъ, слѣпыхъ и нищихъ въ убогой одеждѣ; между тѣмъ какъ въ числѣ отверженныхъ можно было видѣть гордыхъ воиновъ, подобныхъ Борису, вельможамъ и его свитѣ. Царь Борисъ приказалъ живописцу растолковать ему смыслъ картины, и Меодій объяснилъ картину слѣдующимъ образомъ: «Великій Царь есть Богъ христіанъ. Онъ создалъ землю и Самъ жилъ на ней во плоти челоука; но такъ какъ Онъ принялъ смиренный образъ и былъ святъ и правдивъ, то злые люди ненавидѣли Его и Онъ терпѣлъ отъ нихъ всевозможныя притѣсненія и преслѣдованія, какія и по сую пору правдивые и добрые терпятъ отъ злыхъ. Въ день страшнаго суда, Христосъ придетъ опять во славу своей и будетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Онъ знаетъ страданія угнетенныхъ, ибо Самъ былъ нѣкогда бѣденъ и страждущъ: Онъ знаетъ жестокость и свирѣпость сильныхъ; эти люди преслѣдовали Его и распяли на крестѣ». Борисъ устремилъ взоръ на тронъ Судьи, на крылатыхъ вѣстниковъ вокругъ него, на золотое сіяніе надъ трономъ и почувствовалъ, что передъ нимъ образъ власти и славы иныхъ высшихъ существъ, нежели самъ онъ и тѣ, которыми обладалъ онъ. Царь вперялъ взоры въ одежды и лица осужденныхъ, смотрѣлъ на страшныхъ чудовищъ, которыя тащили ихъ въ бездну и докучливая совѣсть нашептывала ему, что и самъ онъ обращался такимъ же образомъ со слабыми и беззащитными. Наконецъ, обернувшись къ Меодію, Борисъ спросилъ: «Можешь ли ты научить меня и моихъ подданныхъ, какъ избѣгать осужденія на вѣчное мученіе въ безднѣ огненной?» — «Пошли въ Константинополь, — отвѣчалъ Меодій, — и проси императора, чтобы онъ далъ тебѣ мудрыхъ мужей, которые наставятъ тебя на путь истинный и научатъ обуздать твой дикій народъ». Черезъ годъ, царь Борисъ и всѣ его вельможи склонили свои гордыя головы предъ святынею таинства крещенія и Болгары до сего дня приписываютъ свое обращеніе въ христіанство краспорѣчивой проповѣди Меодія. Вотъ почему въ ихъ школахъ и церквахъ Меодій изображается съ картиною въ рукѣ.

Спустя нѣсколько времени послѣ обращенія Болгаріи въ христіан-

ство, появилась въ Константинополѣ депутація какихъ-то странныхъ людей, говорившихъ на славянскомъ языкѣ. Они были посланы западными славянскими народами, слившимися тогда въ одно великое королевство, Моравію, которое, конечно спасло бы восточную Европу отъ смуть и варварства, если бы не помѣшала этому зависть и вражда соеѣднихъ Германцевъ *). Слова, съ которыми депутація обратилась къ императору Михаилу, приведены Несторомъ, кievскимъ лѣтописцемъ: «Когда же Славяне приняли христіанскую вѣру, тогда Ростиславъ, Святополкъ и Коцелль послали къ царю Михаилу, говоря: земля наша крестилась, но у насъ нѣтъ учителей, которые бы насъ наставляли, учили и толковали святаыя божественныя книги; мы же сами не разумѣемъ ни греческаго языка, ни латинскаго; отчего и учать насъ кто такъ, а кто иначе: такимъ образомъ мы не понимаемъ разума и силы библіи, почему и просимъ васъ: пришлите намъ учителей, которые могли бы научить насъ библейскимъ словамъ и ихъ разуму».

Царь Михаилъ, услыхавъ это, созвалъ всѣхъ своихъ философовъ и пересказалъ имъ слова славянскихъ князей. Философы отвѣчали ему: «Въ Фессалоникахъ есть человекъ, именованъ Левъ. У этого человека есть два сына, разумѣющіе славянскій языкъ и оба искусные философы. Царь, выслушавъ это, послалъ въ Фессалоники ко Льву, сказавъ: «пришли къ намъ скорѣе сыновей своихъ Меѳодія и Константина». Левъ, услыхавъ это, послалъ ихъ немедленно. Оба пришли къ царю, который сказалъ имъ: «славянская земля прислала ко мнѣ просить учителей, которые могли бы имъ истолковать книги Св. Писанія, чего крайне желаютъ они».

Затѣмъ, царь упросилъ обоихъ братьевъ принять на себя трудъ истолкованія и они пошли въ славянскую землю къ князьямъ Ростиславу, Святополку и Коцеллу. Пришедши туда, начали составлять славянскую азбуку и перевели на славянскій языкъ Апостоль и Еванге-

---

*) Что касается до исторіи великаго государства Моравіи, см. „Исторію Богеміи“ Палацкаго, въ нѣмецкомъ переводѣ. Краткій очеркъ Моравіи и описаніе нѣкоторой части ея территоріи можно найти въ „Путешествіи по Карпатамъ“ Лондоля, Макмилланъ и К^о.

ліе. Сильно обрадовались тогда Славяне, слыша на своемъ языкѣ величіе Божіе! Послѣ этого, перевели они псалтирь, октоихъ и прочія книги. (Несторъ Шлецера *)). Монахъ Храбръ писалъ въ XI вѣкѣ: «Если вы спросите одного изъ славянскихъ писателей, кто изобрѣлъ ихъ письмена и перевелъ книги на славянскій языкъ? Каждый изъ нихъ, не колеблясь, отвѣтитъ: «Святой философъ Константинъ, нареченный Кирилломъ, и братъ его, Меодій, изобрѣли наши письмена и перевели книги Св. Писанія на языкъ славянскій.» Если же вы спросите ихъ, въ какое время случилось это событіе? они отвѣтятъ вамъ: «во дни Михаила, императора греческаго, Бориса, царя болгарскаго и Ростислава, князя Балатонскаго *), въ лѣто отъ сотворенія міра 6363, (— 855 по Р. Х.)».

Весьма основательное предположеніе, что салоницкіе апостолы не были Эллинами по происхожденію, но славянскими гражданами византійскаго города, опирается не столько на ихъ знаніи такого языка, который Греки признавали языкомъ варварскимъ, сколько на ихъ заботливости сдѣлать свою миссію средствомъ къ утверженію языка славянскаго, а не къ распространенію языка греческаго.

Трудъ Кирилла и Меодія относится къ 855 г. Былъ ли языкъ славянскій письменнымъ языкомъ до того времени—вопросъ нерѣшенный. Слѣдующія соображенія даютъ однакоже право предполагать существованіе болѣе древнихъ письменъ. Во первыхъ: если допустить предположеніе, что языкъ славянскій не достигъ еще тогда извѣстной степени развитія, — то Кириллъ, при дословномъ переводѣ книгъ Св.

---

*) Описаніе дѣятельности Кирилла и Меодія между западными славянами см. въ прекрасномъ сочиненіи Графа Красинскаго: «Исторія религій славянскихъ народовъ.» Шафарикъ высказываетъ предположеніе, весьма правдоподобное, что большая часть славянскаго перевода изготовлена была еще до отъѣзда братьевъ изъ Салоники. Нарѣчія Славяны, жившихъ къ сѣверу и къ югу отъ Дуная, были въ тѣ времена, по всей вѣроятности, настолько схожи одно съ другимъ, что книга, писанная на одномъ изъ нихъ была понятна всѣмъ Славянамъ. Сынъ и послѣдникъ Бориса былъ самъ авторомъ нѣсколькихъ книгъ.

*) „Славяне на озерѣ Балатонѣ, Балатенѣ или Платенѣ“, въ юго-западной части Венгріи.

Писанія, былъ бы, конечно, поставленъ въ необходимость прибѣгать къ значительнымъ позаймствованіямъ изъ языка греческаго; а равно не имѣлъ бы возможности передать почти всѣ выраженія и эпитеты оригинала соотвѣтствующими имъ славянскими словами *). Во вторыхъ: азбука, которою писаны древнія славянскія рукописи, носитъ слѣды періода, предшествовавшего введенію христіанства и, какъ полагають, первоначально вырѣзывалась на трости, на манеръ руническихъ письменъ.

Эта азбука носитъ названіе « глаголической », отъ буквы « глаголь ». Полагають, что такъ называемая кирилловская азбука была введена, какъ болѣе легкая, сравнительно съ первоначальными письменами, какъ для списыванія, такъ и для изученія. Нѣкоторыя изъ ея буквъ суть знаки глаголическія, нѣсколько измѣненные, другія заимствованы изъ языка греческаго.

Преданіе приписываетъ изобрѣтеніе ея Св. Кириллу, а исторія доказываетъ, что кириллица распространена повсемѣстно ученикомъ его Климентомъ, первымъ епископомъ Болгаріи. Она введена въ употребленіе у всѣхъ славянскихъ народовъ, принадлежащихъ къ восточной церкви *).

Христіане—греки, проживавшіе въ Салоникахъ, всегда имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько церквей и монастырей, но мы тщетно искали тамъ какого либо зданія или монумента, посвященнаго памяти миссіонеровъ, которымъ обязана греческая церковь тѣмъ, что представительницей ея, на конгрессахъ Европы, является могущественная

---

*) Въ противоположность переводамъ Св. Писанія, которые имѣемъ мы на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и др. языкахъ,—и въ которыхъ теологическіе термины всѣ почти заимствованы изъ греческаго и латинскаго языковъ,—въ славянскомъ переводѣ термины эти большею частью передапы соотвѣтственными славянскими выраженіями. Такъ напр. слово „теологія“ переведено „богословіе“, „ортодоксальный“ — „православный“ и т. д.

*) Сравнительная давность глаголической и кирилловской азбуки долго составляла предметъ споровъ между славянскими учеными. Только весьма недавно рѣшено было, что первая изъ нихъ—наиболѣе древняя. Чтобы заручиться авторитетомъ римскаго двора, изобрѣтеніе глаголической азбуки приписывалось Св. Иерониму; нывѣ же относятъ его къ болѣе древнему періоду, предшествовавшему раздѣленію церквей.

славянская держава, — Россія. Ни одна часовня, ни одинъ памятникъ, даже ни одинъ домъ, ни одинъ алтарь не связанъ съ воспоминаніемъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ. Монахи, которыхъ мы спрашивали объ этомъ предметѣ, не знали и не хотѣли вовсе ничего знать о великихъ славянскихъ миссіонерахъ. Это равнодушіе Грековъ девятнадцатаго столѣтія болѣе краснорѣчивымъ образомъ свидѣтельствуетъ о національномъ характерѣ перевода Кирилла, чѣмъ индигетъ, паложенный папою въ 1016 на славянскую азбуку и признаніе мудрымъ предшественникомъ этого папы еретикомъ посвященнаго въ архіепископы Меѳодія *) свидѣтельствовали о народномъ духѣ проповѣдей Меѳодія.

Переводу литургіи и книгъ Св. Писанія на родной языкъ славянская церковь обязана тѣмъ, что никакое внѣшнее вліяніе Рима, или Константинополя, не могло вполнѣ лишить ее національнаго характера. Мало того. Это богослуженіе и книги Св. Писанія служили связующимъ звѣномъ между славянскими народами и въ то время, когда одни изъ нихъ были послѣдователями греческой, а другіе латинской церкви. Въ 1862 году исполнился тысячилѣтній юбилей апостоловъ Салоникъ. Юбилей этотъ отпразднованъ болѣе, чѣмъ восемьюдесятью милліонами Славянъ христіанскаго вѣроисповѣданія, безъ различія сектъ и названій, отъ Праги до Тихаго Океана, отъ Балтійскаго моря до Салоникъ.

---

*) Меѳодій, для полученія разрѣшенія папы на установленіе обрядовъ славянскаго богослуженія, предпринималъ два путешествія въ Римъ, и былъ тамъ посвященъ въ архіепископы Панноніи и Моравіи, съ предоставленіемъ ему права привести въ исполненіе всѣ его предначертанія. Однако, еще при жизни Меѳодія, права его были ограничены; а, послѣ его смерти, Солунскій соборъ (1016) призналъ славянскихъ миссіонеровъ еретиками, а славянскую азбуку изобрѣтеніемъ дьявола. Не малымъ доказательствомъ прочности національныхъ основъ служить то обстоятельство, что славянское богослуженіе и понынѣ сохранилось въ нѣкоторыхъ частяхъ римско-католической Далмаціи и Кроаты не только не памѣрены отказаться отъ него, но, напротивъ того, принимаютъ мѣры къ замѣнѣ богослуженія латинскаго славянскимъ во всѣхъ своихъ церквахъ. Въ Богеміи славянская біблія выдержала тяжелую борьбу, составляющую предметъ одной изъ самыхъ длинныхъ и серьезныхъ главъ въ исторіи церкви.

Глава VII.

ОТЪ САЛОНИКЪ ДО МОНАСТИРА.

Мы посѣтили Салоники въ іюль, когда объѣзжаютъ страну торговцы шелкомъ. Другъ передъ другомъ спѣшатъ они тогда захватить лучшихъ лошадей и щедро оплачиваютъ турецкіе конвои. Паша, заваленный огромнымъ количествомъ паспортовъ, прислалъ намъ необходимыя бумаги только поздно вечеромъ, наканунѣ нашего отъѣзда; и при томъ, не далъ никакихъ инструкцій сопровождавшему насъ конвою и не позаботился приберечь для насъ хорошихъ лошадей. Вслѣдствіе этого, конвойные были невнимательны и отказывались повиноваться нашимъ приказаніямъ, а приведенныя лошади оказались такъ дурны, что мы вынуждены были отослать ихъ обратно. Такимъ образомъ, намъ удалось выѣхать только черезъ нѣсколько часовъ послѣ восхода солнца.

Первѣю станціею былъ городъ Энидже, близъ древней Пеллы, въ девяти часахъ ѣзды отъ Салоникъ и почти въ такомъ же разстояніи отъ Водены. Путь нашъ лежалъ по равнинѣ, большею частью, совершенно пустынной; тамъ и сямъ видѣлись курганы, происхождение которыхъ до сихъ поръ необъяснено. Равнина пересѣкается новою «Султанскою» дорогою, сооруженіемъ мошенническимъ, въ полномъ смыслѣ

этого слова. Во первыхъ, дорога очень дурно устроена. Лѣтомъ она тверда, какъ камень; зимою представляетъ непроходимое болото. Во вторыхъ, дорога эта сооружена обманомъ. Паша собралъ экстренную подать съ поселянъ, предупредивъ ихъ, что работы по устройству дороги будутъ оплачены; но, получивъ деньги, положилъ ихъ къ себѣ въ карманъ и заставилъ жителей работать даромъ. Не мало семействъ были разорены, благодаря этой «двойственной» операціи.

«Султанская» дорога проходитъ черезъ рѣку Вардаръ. Для переправы черезъ рѣку, строится мостъ на Вардарѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ приступлено къ сооруженію этого моста, протекло такъ много времени, что мосту давно уже слѣдовало быть готовымъ; но это вовсе не соответствовало видамъ строителей. Они начали постройку съ обоихъ береговъ, и, доведя мостъ почти до середины рѣки, гдѣ она наиболѣе глубока, остановились. За тѣмъ, перебросили надъ пучиною, съ одного края моста на другой, подвижныя доски. При появленіи путешественника, доски быстро убирались, пока онъ не выплачивалъ требуемой строителями платы. Паша наконецъ принялъ мѣры къ прекращенію этой разбойнической «штуки». Тѣмъ не менѣе, когда мы проѣзжали, мостъ былъ въ весьма плохомъ положеніи.

По ту сторону рѣки, стоитъ обширный новыи ханъ, (постоялый дворъ), съ нѣсколькими отдѣльными помѣщеніями. Здѣсь мы завтракали. Сильная жара удержала насъ въ комнатахъ, далеко за полдень. Рѣшившись наконецъ двинуться въ дальнѣйшій путь, мы съ завистью смотрѣли на буйволовъ, отдыхавшихъ у берега; — только головы и горбы ихъ виднѣлись надъ водою. Это огромное животное есть единственное созданіе на всей долинѣ Вардара, которое не носитъ на себѣ слѣдовъ дурнаго обращенія. Лѣнивый и упрямый отъ природы, буйволъ такъ силенъ, что не боится жестокихъ ударовъ погонщика, и такъ полезень, что не можетъ быть оставляемъ безъ ухода. Налюбовавшись привольнымъ отдыхомъ буйволовъ, — мы, съ невольнымъ вздохомъ, стали слѣдить глазами вдоль дороги за усиліями выносливыхъ лошадей, которые везли на внутренніе рынки страны нескончаемые обозы съ желѣзомъ изъ Кардифа и хлопчатую бумагою изъ Манчестера.

Солнце уже садилось, когда мы достигли слегка вздымающейся поляны, гдѣ, какъ предполагають, находилась древняя Пелла. Между дорогою и возвышенностью, видна большая цистерна; а по ту сторону дороги, ханъ, окруженный деревьями. Нѣкоторые камни съ изваяніями, видѣвшіеся въ стѣнахъ хана, обратили на себя вниманіе британскаго консула въ Салоникахъ и онъ испросилъ позволеніе дѣлать раскопки въ окрестностяхъ. Его рабочіе только что принялись за дѣло. Мы застали яму, вырытую ими у основанія развалившейся грубой турецкой стѣны, и, спустившись туда, нашли обломки древней глиняной посуды.

Отъ Пеллы около двухъ часовъ ѣзды до Энидже. У насъ было рекомендательное письмо къ одному изъ сановитыхъ Болгаръ этого города и мы послали его съ «запѣмъ», который долженъ былъ встрѣтить насъ за стѣнами Энидже и отвести на предназначенный намъ ночлегъ. Однако же никого не показывалось. Приходилось слѣдовать за другимъ запѣмъ въ гостиницу. Вдругъ однакоже, неожиданно появился изъ гостиницы его товарищъ и очень бойко доложилъ, что отдалъ письмо Болгарину и рассчитывалъ, что онъ самъ выѣдетъ къ намъ на встрѣчу. Затѣмъ, давъ намъ нѣсколько небрежныхъ и весьма неопредѣленныхъ указаній касательно мѣстопохожденія отведенной намъ квартиры, онъ снова удалился пировать въ гостиницу. Его товарищъ, сердито ворча, потащилъ насъ изъ одной улицы въ другую. Наши лошади спотыкались на дурно вымощенныхъ аллеяхъ и вѣтви огромныхъ деревьевъ нерѣдко заставляли насъ сгибаться на сѣдлахъ. Уже стемнѣло, и, послѣ десяти-часовой ѣзды по жарѣ, холодъ наступившей ночи пронизывалъ насъ до костей.

Наконецъ мы остановились у воротъ двора, гдѣ находился нашъ желанный *конакъ* *). Здѣсь встрѣтилъ насъ хозяинъ дома и въ сму-

---

*) Турецкое слово, употребляемое для обозначенія резиденціи губернатора, или же „отведеннаго на почлегъ помѣщенія“. Оно вошло въ употребленіе между Славянами: даже въ Кроаціи „конатчити“ значить „привести почъ“.

щеніи объяснилъ, что выѣзжалъ къ намъ на встрѣчу, но, къ сожалѣнію, вѣроятно, не «въ тѣ ворота». Онъ говорилъ погречески; но жена его обратилась къ намъ съ обычнымъ славянскимъ привѣтствіемъ: «Добро дошлѣ» *). Предназначенная для насъ комната, въ верхнемъ этажѣ, была очень просторна и устлана коврами; одна изъ стѣнъ вся состояла изъ оконъ, большею частью не снабженныхъ стеклами. Мы усѣлись на диваны въ ожиданіи нашего багажа. Тутъ произошло передъ нами величайшее нарушеніе почтительности и общественныхъ обычаевъ, — какое мы когда либо — видѣли въ Турціи. Нашъ главный конвойный вошелъ въ комнату и, безцеремонно усѣвшись на противоположномъ концѣ дивана, забричалъ: «воды». Мы немеленно встали и вышли изъ комнаты. На вопросъ хозяина, что могло насъ обеспокоить, мы молча указали ему на «заптія», въ углу дивана. Хозяинъ тотчасъ же вывелъ его и самъ изъ вѣжливости ушелъ велѣдъ за нимъ. Но мы пригласили его вернуться, посадили къ столу; а жена его, по нашей просьбѣ, заперла дверь, оставивъ Турка въ темнотѣ на улицѣ.

Подводы съ нашимъ багажемъ сбились съ дорогъ. Прошла цѣлая вѣчность, пока наконецъ дождались мы своихъ вещей. Постели были посланы и чай, рисъ и цыплята поданы на столъ. Послѣ страшной усталости, сонъ мало освѣжилъ насъ. Но самое худшее было еще впереди. На слѣдующее утро лошади не явились въ назначенное время, — и мы съ ужасомъ видѣли, какъ проходили одинъ за другимъ прохладные утренніе часы.

Наконецъ заптій пришелъ доложить, что кираджи, прежде чѣмъ двинуться въ дальнѣйшій путь, требуютъ уплаты за вчерашнее путешествіе. Замѣтивъ, что и самъ заптій поддерживаетъ ихъ требованіе, мы тотчасъ же спросили: «Эти кираджи, вѣроятно, Турки?» Догадка наша оказалась справедливою. Теперь было ясно, въ чемъ дѣло. Кираджи задумали вернуться въ Салоники. «Если они вернутся въ Са-

---

*) „Добро дошлѣ“ форма множ. ч. женск. рода. На что вошедшій отвѣчаетъ: „Болиѣ васъ пашли“.

лонки», — отвѣчала я; — «то мы не дадимъ имъ ни одного піастра. Пусть заптіи тотчасъ же сходятъ къ драгоману съ нашими паспортами и достанетъ намъ другихъ лошадей». Услышавъ объ этомъ, кираджи стали просить хоть полцѣны. Мы, съ своей стороны, требовали полного повиновенія, не допуская никакихъ сдѣлокъ. Тогда они стали ссылаться на то, что одна изъ лошадей заболѣла. «Въ такомъ случаѣ, убирайтесь все вы съ вашими лошадьми. Мы уже сказали, что возьмемъ другихъ». Пѣсколько разъ драгоманъ выходилъ изъ дому, отправляясь къ мудиру, и каждый разъ Турки убѣждали его вернуться, обѣщая повиноваться — всемъ нашимъ требованіямъ. Наконецъ, истощивъ все доводы, они стали небрежно и беспорядочно наваливать багажъ на подводы. Бѣдный драгоманъ, не поддерживаемый заптіями, положительно не могъ сладить съ кираджами; турецкая одежда еще болѣе умаляла его значеніе.

Солнце между тѣмъ поднималось все выше и выше. Мы не хотѣли покинуть Энидже, не побесѣдовавъ еще разъ съ хозяиномъ, и, когда багажъ и Турки отправились наконецъ въ путь, пригласили къ себѣ Болгарина. Онъ сообщилъ намъ мало новаго, но вполне подтвердилъ свѣдѣнія, полученныя нами изъ достовѣрныхъ источниковъ въ Салоникахъ.

Въ Эниджѣ считается 6,000 домовъ, на половину — турецкихъ наполовину — болгарскихъ. Мусульмане все — Османлисы. Христіане здѣсь, какъ и во всей странѣ, принадлежатъ къ славянской расѣ; Грековъ только двое: епископъ и школьный учитель. Важнѣйшіе изъ Болгаръ говорятъ погречески ради торговыхъ цѣлей; но женщины вовсе не знаютъ этого языка. Что касается до движенія религіознаго, то, во время нашего пребыванія въ Эниджѣ, два униатскіе священника изъ Болгаръ совершали богослуженіе въ частномъ домѣ. Постройка церкви не была еще окончена. Число обращенныхъ, опредѣлявшееся первоначально въ 50 и 60 семействъ, уменьшилось до 45, когда оказалось, что надежды на изыятіе отъ уплаты податей не оправдываются. Оно, безъ сомнѣнія, опять возрастетъ если новая церковь, по обрядамъ и внѣшней обстановкѣ, будетъ походить на тѣ храмы, къ кото-

рымъ привыкли Болгаре: они «убѣдятся тогда, что папа не стремится латинизировать ихъ, но желаетъ только замѣнить патріарха». Руководствуясь этимъ соображеніемъ, греческій епископъ всячески старался помѣшать окончанію храма, и, въ случаѣ неудачи своихъ пнтригъ, надѣялся, по крайней мѣрѣ, добиться постановленія, воспреещающаго римско-католикамъ подражать православному стилю при постройкѣ церкви, церковнымъ украшеніямъ и богослуженію. Нѣкоторые Болгаре считаютъ униатовъ обманщиками; но нашъ хозяинъ, повидимому, не составилъ себѣ опредѣленнаго мнѣнія объ этой сектѣ. Что касается до него лично, то онъ не рѣшился бы измѣнить вѣрѣ своихъ отцовъ; но, съ другой стороны, благоразумно сомнѣвался, чтобы можно было порвать челоуѣка за то, что онъ замѣнитъ въ своихъ молитвахъ имя ненавистнаго ему патріарха именемъ папы, котораго вовсе не знаетъ. «Намъ нужно», говорилъ онъ, «покровительство и кое-какая первоначальная помощь, чтобы стать на ноги. Мы недостаточно богаты, чтобы содержать двѣ школы. Греческій епископъ настаиваетъ, чтобы мы содержали школу греческую. При настоящемъ порядкѣ вещей, мы желали бы только, чтобы паставникъ этой школы зналъ не одинъ греческій, но также и болгарскій языкъ. Но, пользуясь покровительствомъ иностранной державы, мы нашли бы возможность основать школу съ учителемъ Болгариномъ и стали бы посылать туда нашихъ дѣтей. Римскіе эмиссары обѣщаютъ намъ и богослуженіе, и обученіе въ школахъ на родномъ языкѣ, и хотя мы, безъ сомнѣнія, предпочли бы достигнуть этихъ благъ пнымъ путемъ, тѣмъ не менѣе лучше получить ихъ черезъ посредство папы, чѣмъ не получить вовсе.»

Отъ Эниджи до Водены намъ предстояло всего шесть часовъ ѣзды; но, такъ какъ мы выѣхали поздно, приходилось, какъ вчера, совершить большую часть путешествія подъ палящими лучами солнца. Мы отдыхали на постояломъ дворѣ маленькой деревушки Св. Георгія, населенной Болгарами, но имѣющей греческую школу. Этотъ ханъ не снабженъ отдѣльными помѣщеніями; жара была однакоже таѣ велика, что не было никакой возможности оставаться на открытомъ воздухѣ;

пришлось обѣдать въ конюшни на галлерей, устроенной вокруг балкоу, поддерживающихъ крышу.

Во времени нашего отъѣзда изъ селенія небо покрылось облаками и три послѣднiе часа путешествiя въ этотъ день были истиннымъ наслажденiемъ. Миповавъ рѣку Карасмакъ, берега которой пестрѣли стадами пасшагося скота, мы, съ каждымъ шагомъ, приближались къ долину Водены. Утомительное одпообразiе безлѣсной равнины смѣняется наконецъ здѣсь тѣнью холмовъ, переплетающеюся зеленью растительности и бурными потоками. Уже наступилъ вечеръ, когда мы въѣхали въ долину. Въ тутовыхъ садахъ, окаймлявшихъ дорогу, пѣли соловьи и легкой вѣтерокъ качалъ пунцовыя чашечки померанцевъ въ полномъ цвѣту.

Поровнявшись съ бассейномъ, осѣненнымъ могучими чинарами, мы остановили лошадей, чтобы вдоволь налюбоваться чудною картиною. Мы стояли на днѣ пропасти, куда пятью широкими уступами спадаетъ рѣка; безчисленные мелкiе протоки, неожиданно появляясь изъ густой растительности, покрывающей вершину откоса, съ страшною быстротою стремятся въ долину, представляя поразительную смѣсь пѣны и зелени. Вверху, на утесѣ, у самой вершины водопада, стоитъ Водена, нѣкогда Эдесса Македонянъ, и ея минареты несутся вверхъ въ лазурь неба, надъ рѣкою, блистая на солнцѣ, точно осыпанные брилліантами.

Въ Воденѣ мы очень удачно помѣстились въ домѣ Швейцарца, торговца шелкомъ. Сами хозяева находились въ отсутствiи; но управляющiй фабрикою Болгаринъ, воспитанный въ Вѣнѣ, былъ намъ извѣстенъ, какъ человекъ очень порядочный и образованный. Кромѣ рекомендацiи хозяина дома, мы привезли ему письмо отъ одного изъ его болгарскихъ друзей и онъ принялъ насъ очень привѣтливо. Намъ подали ужинъ въ просторной, свѣтлой комнатѣ, имѣвшей только одинъ недостатокъ, именно: съ двухъ сторонъ стѣны состояли изъ ряда оконъ, что въ жаркiе часы дня обращало комнату въ теплицу.

Опасаясь новыхъ безпорядковъ во время нашего дальнѣйшаго путешествiя, мы послали про- ить мудира посѣтить насъ. Онъ не замедлилъ явиться и оказался самымъ толстымъ, самымъ глупымъ и са-

мымъ грубымъ Туркомъ, какого намъ когда либо удавалось встрѣтить. Мы пытались, при его помощи, найти возможность продолжать наше путешествіе на Касторію; но вдругъ явилось съ тысячу разнородныхъ препятствій. Власть воденскаго мудира, какъ подчиненнаго салоникскому пашѣ, простиралась только до Острова, т. е. всего на три часа разстоянія отъ Водены, — въ Островѣ же не было ни чиновниковъ, ни лошадей. Мудиръ утверждалъ, что дорога между Островомъ и Касторіею кишитъ разбойниками и что онъ не знаетъ и пикто въ Воденѣ не можетъ сообщить намъ, найдемъ ли мы что либо похожее на дорогу, между Касторіей и Наумомъ близъ Охридскаго озера. Все это заставило насъ вернуться къ плану, которому мы должны были бы слѣдовать съ самаго начала, и рѣшиться ѣхать прямо на Монастиръ. Такимъ образомъ, послѣ новыхъ безконечныхъ переговоровъ, мы наняли болгарскихъ кираджей, съ турецкими же извозчиками мы положительно отказались имѣть дѣло.

Эти хлопоты заняли такъ много времени, что мы рѣшились остаться въ Воденѣ еще на одинъ день, чтобы сколько нибудь осмотрѣть городъ. Когда жара спала, нашъ любезный хозяинъ предложилъ намъ сдѣлать прогулку. Водена имѣетъ довольно своеобразный характеръ и напоминаетъ собою Венецію; только вмѣсто каналовъ, здѣсь текутъ вдоль улицъ бурные горные потоки. Прямо надъ водою, возвышаются красивыя дома наиболѣе зажиточныхъ гражданъ. Въ числѣ гражданъ много купцовъ, родомъ Швейцарцевъ и Болгарь. Нижніе этажи домовъ — каменные, верхніе — деревянные; стѣны выкрашены бѣлою краскою съ голубыми украшеніями. Мѣстомъ городского гулянья служитъ аллея вдоль рѣки, усаженная тѣнистыми чипарами. Здѣсь мы видѣли группы мусульманъ, расположившихся тѣснымъ кружкомъ и занятыхъ серьезно бесѣдою. Нашъ хозяинъ сообщилъ намъ, что въ этой аллеѣ нерѣдко происходятъ важныя совѣщанія и что въ настоящую минуту Турки сильно озабочены введеніемъ новаго регулярнаго подоходнаго налога. До сихъ поръ имъ удавалось платить, (какъ говорилъ намъ и салоникскій консулъ), по одному піастру тамъ, гдѣ райя платитъ по двѣнадцати. Вотъ почему, они собрались для совмѣстнаго обсужденія мѣръ

могущихъ парализовать дѣйствія новой системы. Такъ какъ оцѣнка собственности по новой системѣ будетъ производиться агентами изъ магометанъ, то, частію благодаря національному пристрастію, частію съ помощью подкупа, Турки расчитываютъ на благопріятный для нихъ исходъ имущественной переписи.

Загѣмъ мы отправились взглянуть на то мѣсто утеса, откуда берутъ камень для постройки школы. Берегъ, на которомъ стоитъ городъ, до такой степени крутъ, что оказывается удобнѣе поднимать камень къ мѣсту постройки посредствомъ ворота, чѣмъ возить его по дорогѣ. Красота лежавшаго передъ нами ландшафта неволью вызвала у насъ выраженіе искренняго восторга, «Да, славное мѣстечко», — отозвался одинъ изъ Болгаръ, — «и конечно въ рукахъ у Турка! Свинья всегда заберется въ лучшій огородъ!» Хозяинъ сосѣдняго дома пригласилъ насъ въ свой садъ и, усѣвшись на коврѣ, разостланномъ на краю утеса, могли мы вдоволь налюбоваться невыразимою прелестью видовъ, едва ли имѣющихъ во всемъ свѣтѣ что либо себѣ подобное! Направо отъ насъ, съ обѣихъ сторонъ Водены, горы, постепенно понижающимися уступами, спускались въ долину рѣки Вардара, пурпуровый отблескъ которой сливался съ блистающею вдали поверхностью моря, и на виднѣющемся берегѣ морскаго залива, гдѣ мѣстность снова идетъ въ гору, бѣлѣди облитыя свѣтомъ стѣны Салоники. Налѣво представлялась глазамъ совершенно другая картина. Отъ водопадовъ Водены и пышныхъ шелковичныхъ садовъ тянулась вдаль длинная цѣпь лѣсистыхъ холмовъ; надъ ними поднимался второй и третій рядъ холмовъ все выше и выше, болѣе и болѣе группируясь и достигая зенита своей высоты на вершинахъ горы Олимпа, широкое и сильное чело котораго сверкало золотыми отливами въ лучахъ заходившаго солнца. Такія картины приковываютъ вниманіе очарованнаго зрителя на цѣлые часы, пока каждая черта, каждый оттѣнокъ свѣта и тѣни не запечатлѣтся на долго въ памяти. Пройдутъ годы, и среди скучныхъ однообразныхъ стѣнъ улицъ и гостинныхъ, стѣнитъ только закрыть глаза, чтобы вызвать въ своемъ воображеніи чудный образъ живой природы. Глубокое наслажденіе — унести навсегда въ своей па-

мяти виды Водены, конечно, было выше всякой оцѣнки, за то и дорогою же цѣною пришлось намъ поплатиться за него! Засидѣвшись въ саду послѣ захода солнца, мы обѣ схватили лихорадку.

На слѣдующее утро, измученные сильною болью и тяжестью въ головѣ, мы однако все таки спѣшили выѣхать. Но кираджи, само собою разумѣется, опоздали, и въ третій разъ намъ пришлось путешествовать верхомъ въ самый палящій зной.

На значительномъ разстояніи отъ Водены окрестность сохраняет все тотъ же очаровательный характеръ. Дорога ведетъ вдоль рѣки по роскошной долинѣ. Оглянитесь назадъ и вы будете еще болѣе поражены красотой ландшафта! Скоро мы поровнялись съ шлагбаумомъ, у котораго Албанцы собираютъ пошлину съ пѣшихъ путешественниковъ. Къ великому нашему удивленію, насъ никто не потревожилъ. Проводники крикнули сторожу, что мы путешествуемъ съ паспортами и, на наши вопросы, объяснили, что дорожная пошлина взимается только съ «бѣдныхъ». Черезъ два часа, мы неожиданно спустились къ озеру Острово. Не будь такъ сумрачно это маленькое озеро, оно имѣло бы довольно привлекательный видъ; посреди него сверкаетъ живописный островокъ съ мечетью. Преданіе гласитъ, что мечеть эта стояла нѣкогда въ центрѣ деревни, вполнѣдствіи затопленной водою. Нынѣшняя деревня Острово находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Жилые дома въ ней все деревянные и въ полуразвалившемся видѣ. Ханъ, въ которомъ остановились мы, ничѣмъ не лучше ихъ.

Вслѣдствіе крутизны береговъ, заппіи здѣсь нѣшіе и смѣняются каждые полчаса; маленькія будки служатъ имъ стаціями.

Поднявшись на противоположный берегъ, мы скоро достигли хана Горничева, гдѣ намъ предстояло провести ночь. Къ немалому нашему неудовольствію и досадѣ, помѣщеніе здѣсь было такъ дурно, что, еслибы не страшный холодъ, господствовавшій на этой высотѣ, мы, конечно, предпочли бы переночевать въ своей палаткѣ. Но объ этомъ нечего было и думать. Пришлось устроиваться кое-какъ въ крошечной комнатѣ верхняго этажа съ глиняными стѣнами и поломъ, безъ стеколъ въ окнахъ и безъ порядочныхъ запоровъ у дверей. Не смотря на уста-

лость, мы съ нетерпѣніемъ ожидали разсвѣта, чтобы покинуть наше ужасное жилище; но, увы, не тутъ то было! Болѣзнь приковала насъ къ постели и намъ оставалось только терпѣливо переждать періодическіе пароксизмы лихорадки.

Сначала кираджи теряли терпѣніе, заптіи возмущались, а поселяне, какъ обыкновенно бываетъ, когда путешественниковъ сопровождаетъ турецкій конвой, объявили, что не могутъ достать никакихъ съѣстныхъ припасовъ. Но наша настойчивость превзошла ихъ упрямство. Мы были обѣ слишкомъ больны, чтобы двинуться въ путь. Конвой былъ отпущенъ. кираджи успокоены обѣщаніями, что всѣ издержки ихъ, во время нашей невольной остановки, будутъ уплачены сполна. Поселяне видя, что Турки удаляются и что мы обращаемся къ нимъ на ихъ родномъ языкѣ, принесли намъ молока, дичи и дали корма лошадямъ. Но, къ вечеру перваго дня, здоровье наше не улучшилось. Мысль умереть въ этомъ ужасномъ ханѣ не давала намъ покоя. Мы рѣшились отправить письмо къ монастырскому консулу, къ которому отослали прежде этого бывшія у насъ рекомендательныя письма. Мы просили консула прислать за нами какой нибудь экипажъ. Въ Турціи на сто городовъ и мѣстечекъ едва ли найдется одно, гдѣ подобнаго рода просьба была бы исполнена, — и, можетъ быть, во всемъ свѣтѣ нѣтъ другаго дома, гдѣ больные путешественники встрѣтили бы такой пріемъ и такія истинно-дружескія заботы, какія оказаны были намъ въ гостепріимной семьѣ м-ра и м-рсы Чарльзъ Кальвертъ въ Монастирѣ.

Глава VІІІ.

ДРЕВНЯЯ БОЛГАРСКАЯ СТОЛИЦА И СОВРЕМЕННЫЙ ТУРЕЦКИЙ ГОРОДЪ.

„Въ концѣ X столѣтія, Самуиль, царь болгарскій, выбралъ центромъ администраціи Охриду. Мѣсто это было выбрано очень удачно, въ виду быстрого и удобнаго сообщенія съ проживавшими въ Македоніи Славянами, болгарскими подданными, которые поставляли лучшихъ рекрутовъ въ болгарскую армію. Въ Охриду же была перенесена и резиденція болгарскихъ патріарховъ. Въ смыслѣ стратегическомъ, Охрида также имѣла не малыя преимущества: она была однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ на „Via Egnatia“, великомъ торговомъ пути, соединявшемъ Адриатику съ Болгаріею, Фессалониками и Константинополемъ, представляла большія удобства при выборѣ Самуиломъ мѣстъ нападенія на византійскіе города Македоніи: Гелласъ, Деракіумъ и Никопольскъ. Руководствуясь всѣми этими соображеніями, Самуиль выбралъ Охриду столицею основаннаго имъ болгаро-славянскаго королевства“. Финлей. Исторія византійской и греческой имперіи. Т. I. стр. 438.

„Если вы вступите въ бесѣду съ Турками, они произведутъ на васъ впечатлѣніе людей чрезвычайно попятливыхъ и способныхъ къ управленію; но обратите вниманіе на приложеніе ихъ теорій къ практикѣ и вы убѣдитесь, что нѣтъ людей менѣе годныхъ къ власти. Все, что есть на свѣтѣ наиболѣе низкаго и позорнаго, раззорительнаго и бесчестнаго, у нихъ въ ходу. Кому приходилось болтать съ изящнымъ турецкимъ чиповникомъ, за бутылкою вина, въ отелѣ, или вести съ нимъ пріятную бесѣду въ увѣшанномъ коврами кіоскѣ на берегахъ Босфора, тотъ съ трудомъ повѣритъ, чтобы сожженіе домовъ и обезчещеніе женъ въ Дамаскѣ, разореніе деревень и убійства христіанъ въ Сиріи были дѣломъ рукъ турецкой администраціи, во главѣ которой стоятъ люди, столь развитые, любезные и,—прежде всего,—столь вѣжливые“. Пальгравъ. Центральная и восточная Аравія. Т. I., стр. 229.

Въ теченіи двухъ недѣль, которыя провели мы въ Монастирѣ, обѣ мы были такъ еще слабы послѣ болѣзни, что нечего было и думать о далекихъ экспедиціяхъ по окрестностямъ. Поѣздки верхомъ въ сосѣд-

ніе монастыри и посѣщеніе школъ, въ прохладные часы дня, вотъ все, что мы могли себѣ позволить. Что касается до нашего личнаго удовольствія, то необходимость отказаться отъ путешествія въ страну албанскихъ озеръ была большимъ для насъ разочарованіемъ. Красота мѣстоположенія и видовъ въ окрестностяхъ этихъ озеръ обѣщала намъ истинное наслажденіе. Съ другой стороны, такъ какъ нашею главною цѣлью было посѣщеніе тѣхъ провинцій Турціи, кои наименѣе знакомы европейцамъ; то мы утѣшали себя мыслью, что албанскіе озера прекрасно описаны въ путешествіи м-ра Деера. Мы слышали также, что готовится въ печать и другое описаніе той же мѣстности, вышедшее изъ подъ пера и кисти одной весьма талантливой леди *).

Но всѣ эти соображенія не могли примирить насъ съ необходимостью миновать Охриду, городъ не только замѣчательный по необыкновенной красотѣ мѣстоположенія, но и интересный въ смыслѣ историческомъ, какъ древній болгарскій «градъ о ста мостахъ». Здѣсь, въ концѣ X вѣка, Самуилъ, царь болгарскій, основалъ столицу могущественной монархіи, какъ бы бросая тѣмъ гордый вызовъ византійскому императору. Мы не станемъ утомлять читателя описаніемъ войнъ, доставившихъ Василию II постыдный титулъ, «Болгаробойца»; но позволимъ себѣ рассказать небольшую любовную исторію, героинею которой является дочь царя Самуила, а героемъ—одинъ изъ первыхъ королей Сербіи. Мы тѣмъ охотнѣе останавливаемся на этой легендѣ, что легенда эта касается столкновенія между могущественною въ ту пору Болгаріею и родственнымъ ей, болѣе западнымъ государствомъ,—Сербіею, съ исторіею которой намъ скоро придется имѣть дѣло. Самый предметъ спора между ними,—обладаніе городами на Адриатикѣ,—служитъ подтвержденіемъ факта, къ которому мы еще вернемся, именно, что первые короли южной Сербіи владѣли и сѣвѣрною Албаніею, и что государство, включавшее въ себѣ Черногорію, простиралось до Алессіо и Эльбассана *).

*) См. «Чрезъ Македонію къ албанскимъ озерамъ». Мистриссъ Уокеръ.

*) Первые правители Сербіи назывались собственно «жупанами»; но «лѣтописецъ Діоклей» даетъ имъ титулъ королей, «reges». Еще недавно «на слѣдственномъ нашю Скутари» въ Албаніи былъ потомокъ одной изъ принявшихъ магометанство вѣтвей старыхъ сербскихъ князей Зеты.

Царь Самуилъ, задумавъ распространить предѣлы своего царства до моря, взявъ Дураццо, занятый византійскимъ гарнизономъ, и двинулъ свою рать на Дульциню, городъ принадлежавшій молодому сербскому королю Владиміру. Началась война. Владиміръ былъ оттѣсненъ въ горы, гдѣ войско его терпѣло тяжелыя нужды и лишения; сербскій король рѣшился тогда купить миръ цѣною своей свободы. «Добрый пастыръ кладетъ жизнь за овцы своя», сказала молодой король, если вѣрить древней лѣтописи, — и за эти самыя слова, между прочимъ, былъ впоследствии причисленъ къ лику святыхъ. Самуилъ отвезъ своего племянника въ Преспу, городъ въ окрестностяхъ Охриды, гдѣ былъ крѣпкій замокъ, въ которомъ хранились сокровища царя. Преспа былъ также въ то время резиденціей царевой семьи и, между прочимъ, дочери Самуила, Козары, княжны удивительной красоты, сострадательной и пажобной.

Благочестивый Владиміръ, стоя на молитвѣ въ своей темницѣ, былъ утѣшенъ видѣніемъ ангела, возвѣстившаго ему близкое освобожденіе. Тотъ же ангелъ явился Козарѣ, молившейся въ своемъ дворцѣ, и повелѣлъ ей омытъ со смиреніемъ ноги плѣнниковъ ея отца. «Исполняя велѣніе ангела,» Козара омыла, въ числѣ другихъ плѣнниковъ, и ноги Владиміра, причемъ поражена была его благородною осанкою, спокойствіемъ и достоинствомъ. Она вступила съ нимъ въ бесѣду и не мало удивлялась его мудрости и благочестію. Узнавъ потомъ, что плѣнникъ принадлежитъ къ царскому роду, Козара, тронутая его несчастіями, почувствовала къ нему глубокое влеченіе и, прощаясь съ нимъ, низко склонила свою царскую голову. Рѣшившись освободить благороднаго плѣнника, она посѣтила къ отцу своему, царю Самуилу, и, бросившись къ ногамъ его, умоляла его: «Государь мой и отецъ, я знаю, что вы думаете выдать меня за-мужъ, какъ требуетъ обычай въ мои годы, прошу и умоляю васъ, дайте мнѣ въ мужья вашего плѣнника, сербскаго короля, Владиміра, я умру скорѣе, чѣмъ выйду за-мужъ за другаго!» Царь, который глубоко любилъ свою дочь и зналъ, что Владиміръ равенъ ей по рожденію, обрадовался словамъ ея и согласился исполнить ея просьбу. Онъ тотчасъ же послалъ за плѣнникомъ. Вла-

димира вымыли, облекли въ царскія одежды и привели къ царю. Царь встрѣтилъ его благосклонно, поцѣловалъ, въ присутствіи всѣхъ савонниковъ своего королевства, и далъ ему въ жены дочь свою Козару. Свадьба была отпразднована съ царскою пышностью. Самуилъ возвратилъ Владиміру сербское королевство и отдалъ ему и бывшую его вотчину, Дураццо, съ прилежавшимъ къ нему округомъ. Затѣмъ, Самуилъ послалъ сказать дядѣ Владиміра, Драгомиру, что ему не слѣдуетъ уже болѣе скрываться и что онъ можетъ безопасно возвратиться въ свою землю въ Требинью. Все это и было исполнено.

Бросивъ мимоходомъ взглядъ на древнее болгарское царство, вернемся теперь къ современнымъ намъ днямъ турецкаго владычества, когда Охрида сдѣлалась гораздо менѣ значительнымъ городомъ, чѣмъ городъ и военная крѣпость Монастиръ. Этотъ послѣдній городъ расположенъ весьма живописно на одной изъ окопечностей обширной равнины и защищенъ съ боку могучею цѣпью горъ, изъ которыхъ сѣвѣнный гребень одной горы, Перистери, достигаетъ высоты 7,500 фут. По-мимо греческаго названія, Монастиръ имѣетъ также и славянское имя, по-славянски называется онъ: «Битоля». Турки же, соединяя оба имени въ одно, называютъ этотъ городъ: «Толл-Монастиръ».

Разнообразію названій Монастира соотвѣтствуетъ и населеніе его, почти столь же разнообразное, какъ и въ Салоникахъ, только состоящее изъ другихъ ингредиентовъ. Евреи здѣсь многочисленны, но не превосходятъ числомъ другія національности; магометане — всѣ османлисы; Славяне паселяютъ преимущественно окрестности и всю соосѣдную страну. Грековъ нѣтъ вовсе; но представителями ихъ языка и интересовъ выступаютъ зажиточные и хитрые Цинцары. Исторія этого племени, получившаго свое прозваніе отъ сосѣднихъ Славянъ, весьма любопытна. Оно составляетъ отрасль народа, именующаго себя Румынами, и населяетъ Валахію, Молдавію и часть Трансильваніи. Не подлежитъ сомнѣнію, что Цинцары нѣкогда были весьма многочисленны въ Фессалоникахъ и Македоніи. Нынѣ они занимаются торговлею въ турецкихъ городахъ къ югу отъ Дуная, населяютъ сербскія

деревни и пасутъ свои стада на Пиндѣ и Балканахъ. Нѣкоторые считаютъ румынскій языкъ, и до сихъ поръ сохранившійся между ними латинизированнымъ варварскимъ нарѣчьемъ; другіе же, наоборотъ, искаженнымъ латинскимъ языкомъ. Въ послѣдніе годы, у Ципцаръ введены греческія школы и Греки успѣли убѣдить ихъ, что они, по происхожденію, македонскіе Греки, латинизированные во времена имперіи; вслѣдствіе сего, Ципцары стали отождествлять свои интересы и антипатіи съ греческими и содѣйствовать фанариотскому епископу въ его стремленіи подавить славянскій элементъ. Жестокій, хитрый и разбойный характеръ Ципцаръ, живущихъ въ Турціи, лишаетъ ихъ того уваженія и симпатіи, которыя могли бы внушить ихъ трудолюбіе и умъ; между тѣмъ, какъ честность и добродушіе угнетенныхъ Болгаръ вызываетъ невольное сочувствіе даже и тамъ, гдѣ уровень ихъ умственнаго развитія очень низокъ, (напр. въ окрестностяхъ Монастира). Во время нашего путешествія, единственная болгарская школа въ Монастирѣ принадлежала униатамъ и находилась подъ вѣдѣніемъ униатскаго священника. Болгарскій учитель школы былъ у него въ подчиненіи.

Въ Монастирѣ, въ Охридѣ и во всей окрестной мѣстности, населеніе магометанское гораздо многочисленнѣе христіанскаго. Во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ, положеніе безоружной и лишенной всѣхъ правъ раи въ особенности достойно сожалѣнія. Открытыя убійства здѣсь совершаются весьма часто и проходятъ безнаказанно. Мы приведемъ здѣсь два случая, слышанные нами отъ вѣрныхъ людей.

Знакомая намъ дама съ мужемъ и однимъ изъ своихъ друзей проводила воскресный день въ деревнѣ, близъ Охриды. Любуясь предестнымъ и мирнымъ пейзажемъ, кто-то изъ этихъ друзей замѣтилъ: «Сюда уже, конечно, не проникали жестокость и звѣрство». Въ ту же секунду, въ рощѣ, у ногъ ихъ, въ группѣ христіанъ, отдохавшихъ въ тѣни деревьевъ, раздался выстрѣлъ и одинъ Болгаринъ упалъ на траву мертвымъ, другой изувѣченъ. Убійцею оказался турецкій заптій, нѣчто въ родѣ сельскаго полицейскаго. Этотъ человекъ питалъ злобу противъ болгарскаго старшины, который принужденъ былъ предать его

суду по весьма важному обвиненію. Заптіи былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму за кражу со взломомъ, и, по истеченіи сорока дней, не только выпущенъ на свободу, но и принятъ вновь на службу заптіемъ; то есть, ему предоставлена полная возможность жестоко отомстить общинѣ за понесенное имъ заслуженное наказаніе. Спрятавшись за деревомъ, близъ того мѣста, гдѣ старшина сидѣлъ за обѣдомъ со своими друзьями, заптіи выстрѣлилъ въ него изъ пистолета; но пуля попала въ сидѣвшаго около старшины молодого человѣка и убила его на-поваль. Трое другихъ заптіевъ, находившихся въ роцѣ, не сдѣлали ни малѣйшей попытки задержать убійцу. Молодой, безоружный Болгаринъ, другъ убитаго, поднялъ было руку, но сильный ударъ заптіа порвалъ ему артерію и сдѣлалъ калѣкою на всю жизнь. Трусливый убійца бѣжалъ въ лѣсъ, что было бы, впрочемъ, совершенно излишнею предосторожностью, еслибъ не случайное присутствіе въ городѣ европейскаго консула. Мудиръ былъ мертвецки пьянъ и, когда ему пришлось явиться на мѣсто преступленія, онъ съ трудомъ могъ отдать заптіамъ приказаніе преслѣдовать ихъ товарища. Заптіи гнались за нимъ только до тѣхъ поръ, пока не скрылся изъ подъ гѣлазъ находившагося въ роцѣ народа, и потомъ вернулись и доложили, что всѣ поиски были напрасны. Между тѣмъ, обнаружилось, что ихъ видѣли разговаривавшими съ убійцею, и что, послѣ того, онъ быстро скрылся въ чащѣ.

Спустя нѣсколько времени, случилось и другое подобное преступленіе. Одинъ ихъ наиболѣе зажиточныхъ Болгаръ въ Охридѣ далъ въ займы Турку довольно значительную сумму денегъ. Такъ какъ Турокъ не уплатилъ долга въ срокъ, то Болгаринъ, потерявъ терпѣніе, вошелъ въ сдѣлку съ мудиромъ и посадилъ должника въ тюрьму. Черезъ нѣсколько дней, мудиръ выпустилъ его на свободу; но это снисхожденіе ни къ чему не послужило. Сынъ Турка рѣшился отомстить кровавою местию за позоръ отца. Онъ воспользовался минутою, когда райя отдыхалъ подъ деревомъ, и, подкравшись осторожно, выстрѣлилъ въ него изъ ружья. Купецъ умеръ отъ раны; убійца же разгуливаетъ на свободѣ.

Такого рода убійства случаются ежедневно и пока жертвами являются раиц, власти не обращают на них ни малѣйшаго вниманія. Но, и въ случаѣ преданія убійцы суду, обличеніе его почти невозможно, такъ какъ христіане не допускаются свидѣтелями по уголовнымъ дѣламъ. Вы спросите, можетъ быть, почему христіане не сопротивляются? Вопервыхъ, они безоружны, во вторыхъ, — оскорбленіе магометанина христіанствомъ, даже въ случаяхъ самозащиты, весьма строго наказывается мусульманскими судами.

Не лишнимъ будетъ привести здѣсь рассказъ объ ужасномъ происшествіи, служащемъ доказательствомъ всему этому. Одинъ изъ покойныхъ великихъ визирей, путешествуя по провинціямъ съ цѣлю творить судъ и правду и искоренять злоупотребленія, остановился по пути въ г. Монастиръ. Онъ напалъ въ судѣ на дѣло о двухъ мальчикахъ, христіанинѣ и мусульманинѣ, которые подрались и оба сильно были избиты. Христіанинъ перенесъ долгую и серьезную болѣзнь, мусульманинъ — умеръ. Визирь, разсмотрѣвъ дѣло, присудилъ христіанина къ смертной казни. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Турціи случаи смертной казни весьма рѣдки. Подсудимаго, обыкновенно, присуждаютъ только къ извѣстному числу ударовъ плетью, и половины которыхъ однакоже онъ не можетъ вынести и умираетъ: или же — къ заключенію въ ужасномъ вертепѣ гдѣ онъ, безъ сомнѣнія, гибнетъ, но все таки онъ не приговоренъ къ смертной казни. Вотъ почему приговоръ, произнесенный надъ мальчикомъ христіаниномъ, произвелъ весьма сильное и тяжелое впечатлѣніе. Вѣдь онъ только защищался, принявъ сторону одного изъ своихъ друзей, притѣсняемыхъ мусульманами, и къ тому же онъ самъ былъ раненъ. Каждый чувствовалъ, что, въ виду всѣхъ этихъ смягчающихъ обстоятельствъ, наказаніе было крайне строго, и что, съ другой стороны, такой приговоръ, въ устахъ высшаго представителя центральной администраціи, равнялся объявленію, что къ христіанину, защищавшемуся противъ ударовъ мусульманина, должна быть примѣняема самая строгая степень наказанія. Въ экипажъ визиря было брошено прошеніе о помилованіи; и консулы старались добиться пересмотра этого рѣшенія. Все было напрасно. Цѣлю приговора было именно

внушить христіанамъ тотъ самый выводъ, противъ котораго они возмущались. Представленія консуловъ оставлены безъ послѣдствій; граждане, подававшіе прошенія, наказаны и сосланы. Визирь (Турокъ, получившій европейское образованіе и прекрасно говорившій по-французски), вмѣсто того, чтобы выѣхать немедленно, какъ намѣревался, отложилъ свой отъѣздъ до совершенія казни и сѣлъ въ экипажъ, только убѣдившись, что несчастный мальчикъ дѣйствительно умеръ.

Болгары не могутъ не чувствовать, что, пока страна управляется Турками, всякое сопротивленіе злоупотребленіямъ власти тщетно; но христіане сербскаго княжества, которые, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ одного поколѣнія, наслаждались свободою, совѣмъ иначе относятся къ несправедливости и насилію; во время нашего пребыванія въ Монастирѣ, случилось слѣдующее происшествіе, указывающее на большую независимость и отважность Сербовъ.

Сербскій купецъ, торгующій виномъ, имѣлъ несчастье влюбиться и жениться на чужой сторонѣ. Жена его, турецкая подданная, не захотѣла разстаться со своею семьею и ему пришлось проживать большую часть года близъ Монастира. Сербъ слылъ за очень богатаго человѣка и между высшими чиновниками города составилъ заговоръ выманить у него значительную сумму денегъ. Съ этою цѣлью, они извели на него ложное обвиненіе и отыскиали человѣка, согласившагося засвидѣтельствовать, подъ присягою, что, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, во время осады Бѣлграда, онъ, вмѣстѣ съ сербскимъ купцомъ, занимался грабежомъ, съ условіемъ дѣлить добычу пополамъ. Теперь будто бы онъ требовалъ своей доли изъ заработка. Ложность обвиненія была совершенно очевидна; тѣмъ не менѣе, оно послужило предлогомъ къ аресту сербскаго купца и заключенію его въ тюрьму. Немедленно, вслѣдъ за тѣмъ, купецъ получилъ слѣдующее предложеніе: «Заплатите такую-то сумму и вамъ возвратятъ свободу». — «Я никому ничего не долженъ и ничего не заплачу», — отвѣчалъ онъ. Дѣло дошло до свѣдѣнія консуловъ, которые не замедлили войти съ представленіями. Опасаясь, чтобы жертва не ускользнула у нихъ изъ рукъ, власти уменьшили свои требованія на половину. Сербъ отказалъ также рѣшительно, какъ и въ

первый разъ. Въ это время прибылъ въ Монастиръ «реvisorъ», Суби-бей. Ревизоръ обязанъ — посѣтить тюрьмы и лично распросить каждаго арестанта о причинахъ его заключенія. Такъ какъ исторія ареста Серба была извѣстна консуламъ, то не представлялось возможности ни замять дѣла, ни заставить арестанта молчать. Однако, сдѣлана была новая попытка и купцу предложена была свобода за 100 піастровъ. И на этотъ разъ, Туркамъ пришлось убѣдиться, что они имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, не робкимъ. Онъ отвѣчалъ по прежнему: «Дѣлайте со мною, что хотите. Я не заплачу ни одной пары». При такихъ обстоятельствахъ, оставалось только судить его, какъ можно скорѣе, и отпустить на поруки. Онъ освобожденъ и друзья его совѣтовали ему немедленно покинуть городъ, до отъѣзда «ревисора».

Мы упомянули о «реvisorѣ» и считаемъ нужнымъ объяснить здѣсь его обязанности и цѣль его объѣздовъ. Отъ времени до времени, нерѣдко, по настоянію одного изъ европейскихъ пословъ, турецкое правительство посылаетъ такъ называемыхъ «ревисоровъ» объѣхать провинцію, съ цѣлью искорененія мѣстныхъ злоупотребленій и взыванія за эти злоупотребленія. Если бы понадобились доказательства развращенности и подкупности турецкихъ чиновниковъ, то результаты каждаго путешествія этихъ ревисоровъ могли бы доставить ихъ въ изобиліи. Во время пребыванія нашего въ Монастиръ, не проходило ни одного дня, безъ обнаруженія какихъ нибудь безпорядковъ и нарушеній закона; мы слышали, что Суби-бей отличался какъ проицательностію въ открытіи злоупотребленій, такъ и энергіею въ ихъ преслѣдованіи. Но что пользы преслѣдовать «мелкихъ чиновниковъ», если наши и ихъ секретаря остаются безнаказанными? Весьма неблагопріятное впечатлѣніе произвело на насъ извѣстіе, что не этотъ, а другой реvisorъ, объѣзжавшій западныя провинціи, рѣшился преслѣдовать за вопіющія злоупотребленія одно высшее должностное лицо — и что же? Ревизоръ этотъ былъ немедленно же отозванъ. Мы тогда невольно стали бояться, чтобы такой примѣръ не умѣрилъ проицательности и энергіи нашего Суби-бея.

Разъ какъ-то, въ консульство пришелъ одинъ изъ мудировъ. Это

былъ человѣкъ честный и добродушный и лицо его сіяло удовольствіемъ, когда онъ сталъ рассказывать съ торжествомъ о благополучно окончившейся въ его участіи ревизіи Суби-бея. Съ приличнымъ случаю сожалѣніемъ, онъ замѣтилъ однако же, что изъ всѣхъ, одновременно съ нимъ «проэкзаменованныхъ» мудировъ, онъ одинъ только остался «незапятнаннымъ». Но и этотъ, единственный въ своемъ родѣ, мудиръ сознавался, что, если его и нельзя было обвинить въ несправедливости и взяточничествѣ; то, съ другой стороны, въ его «мудирликѣ» господствовалъ полный безпорядокъ: мѣстные мусульмане не уважали законовъ, а шайки албанскихъ разбойниковъ опустошали дороги. По въ этомъ не было его вины. Ободренный вниманіемъ ревизора, мудиръ рѣшился объяснить ему свое полное безсиліе ввести какія либо улучшенія, если его авторитетъ не будетъ поддерживаемъ лучшими чиновниками, нежели мѣстные заиги. Ревизоръ, конечно, обѣщалъ ему, что все будетъ сдѣлано, по его желанію, что корпусъ регулярнаго войска предоставленъ будетъ въ его распоряженіе, и самъ онъ получитъ званіе «каймакама.» «Если угодно Богу!» произнесъ мудиръ въ заключеніе.

Къ сожалѣнію, это едва ли не единственный примѣръ. Если бы на его мѣсто назначенъ былъ новый турецкій чиновникъ, корыстолюбивый и жестокий, то онъ, конечно, встрѣтилъ бы у всѣхъ своихъ подчиненныхъ полную готовность немѣшать ему въ грабежѣ, съ условіемъ имѣть свою долю въ добычѣ. Но, человѣкъ честный, проникнутый желаніемъ дѣйствовать справедливо и установить порядокъ, не замедлитъ убѣдиться, что противъ него и традиціи его предшественниковъ и сослуживцы; центральное управленіе ставитъ его въ положеніе, зависящее отъ мѣстныхъ мусульманъ, которые окажутъ ему содѣйствіе и поддержку, только въ томъ случаѣ, если онъ съ своей стороны будетъ терпѣть старый порядокъ вещей. Увы, не одни только мусульмане занимаются злоупотребленіями и служатъ орудіями мошенниковъ!.. Мы уже упоминали о томъ достойномъ сожалѣнія фактѣ, что въ Румелии греческіе епископы являются въ числѣ гнусныхъ прхлѣбателей губернаторовъ, пользующихся самою дурною репутаціею. Племенная ненависть и стремленіе къ наживѣ побуждаютъ не мало людей и изъ райи

быть всегда готовыми къ услугамъ могущественнаго мусульманина, по первому знаку и приглашенію. Эти христіане, будучи самыми гнусными представителями своей общины, безъ сомнѣнія, еще болѣе перадивы къ дѣлу и безнравственны, чѣмъ ихъ сотоварищи, Тѣрки; вотъ почему, тѣ путешественники, наблюденія которыхъ ограничиваются официальными кружками, имѣютъ полное основаніе утверждать, что христіане, по ихъ мнѣнію, хуже Турокъ. Но эти паразиты возбуждаютъ въ болѣе честныхъ своихъ соплеменникахъ тоже чувство ужаса и омерзѣнія, которое они внушаютъ и намъ. Лучшіе представители христіанъ въ Турціи горько жалуются, что матеріальный гнетъ турецкаго правительства еще меньшее зло, чѣмъ безнравственность его официальныхъ органовъ. Только тѣ изъ райи, которые низкопоклонны и безсовѣстны, имѣютъ возможность проложить себѣ дорогу къ службѣ. Законныя просьбы остаются безъ удовлетворенія. Искренность и независимость характера преслѣдуются. Всюду — свободный, открытый путь къ наживѣ и шпіонству. Вообще, испорченность общественныхъ правъ въ Турціи достигаетъ высшихъ предѣловъ.

Въ Монастирѣ остановились мы, между прочимъ, для собранія разныхъ справокъ о дорогахъ и о средствахъ добраться изъ Македоніи до южной границы сербскаго княжества. Бѣдственное положеніе, въ которомъ явились мы къ нашимъ гостепріимнымъ хозяевамъ, произвело на насъ такое вліяніе, что, съ одной стороны, намъ стыдно было признаться имъ, что мы думаемъ посѣтить всѣ интересныя мѣстности въ этомъ дикомъ округѣ старой Сербіи; а съ другой стороны, мы не могли никакъ сладить и съ самими собою: не могли отложить до другаго времени улыбавашагося намъ плана нашей романтической поѣздки. Послѣ долгихъ колебаній, рѣшили мы наконецъ ѣхать изъ Монастира прямо въ Бѣлградъ и, по дорогѣ туда, осмотрѣть поле Коссовой битвы и другія подобнаго рода замѣчательныя мѣстности, которыя встрѣтятся намъ на пути. Въ самомъ дѣлѣ, это, кажется, все, что только возможно было предпринять намъ, при тогдашнемъ положеніи нашихъ физическихъ силъ, да и то еще въ такомъ только случаѣ, если окажется, по собранымъ свѣдѣніямъ, что по бѣлградской дорогѣ можно проѣхать въ

экипажѣ. Самый дальній пунктъ, который рѣшились мы посѣтить на турецкой территоріи, былъ городъ Новый Базаръ. Дорога между этимъ городомъ и «Битолією» была одна изъ самыхъ прямыхъ и бойкихъ внутреннихъ дорогъ, и потому мы рассчитывали собрать вѣрныя свѣдѣнія объ ней въ Монастирѣ. Но мы разочаровались въ этомъ. На наши распросы у людей разнаго званія, намъ сообщали самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія, такъ, что мы вынуждены были обратиться наконецъ за свѣдѣніями къ живущимъ здѣсь иностранцамъ. Консулъ здѣшній и жена его сказали намъ, что имъ удалось, съ грѣхомъ пополамъ, проѣхать по этой дорогѣ въ экипажѣ до Вельцы. Въ Вельцахъ, какъ удостовѣряетъ гидъ Кона, можно раздобыться экипажемъ и доѣхать въ немъ до города Приштины у Коссова поля. Что же касается до пути изъ Приштины до сербской границы, то объ этой дорогѣ не знала, не вѣдала ни одна живая душа, такъ, что можно было подумать, что Новый Базаръ гдѣ-то въ далекомъ, далекомъ захолустьѣ турецкой имперіи, а не въ семидесяти только часахъ разстоянія отъ Монастира. Наконецъ, намъ по-благопріятствовала счастливая случайность. Черезъ Монастирѣ проѣзжалъ какой-то полякъ, офицеръ турецкой службы, и онъ-то сообщилъ намъ, что проѣзжалъ по всему этому пути и знаетъ навѣрно, что по всей этой дорогѣ можно проѣхать въ экипажѣ. Тутъ уже и другіе кое-кто припомнили, что, дѣйствительно, это такъ, и что по этой дорогѣ когда-то проѣзжали фургоны съ гаремами правительственныхъ особъ. Основываясь на этихъ неоспоримыхъ данныхъ, мы наняли крытый экипажъ съ двумя крѣпкими лошадьми, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, въ помощь къ нимъ припрягались волы. Какой-то цыганъ, въ отдѣльномъ фургонѣ, повезъ нашъ багажъ. Консулъ же, съ своей стороны, далъ намъ одного очень умнаго молодого Албанца, который состоялъ у него на службѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ сопровождалъ насъ въ качествѣ *каваса*.

Глава IX.

КРАЛЕВИЧЪ МАРКО, ЕГО ЗАМОКЪ. И ЕГО ИСТОРИЯ.

КРАЛЬ. Господь да покараетъ тебя, сынъ Марко! Ни памятника, ни потомства не будетъ у тебя, и прежде, чѣмъ духъ твой покинетъ тѣло, ты будешь слугою турецкаго султана!

ЦАРЬ. Господь да поможетъ тебѣ, другъ Марко! Свѣтель будетъ ликъ твой въ совѣтъ, востеръ твой мечъ—въ битвѣ. Никогда никакой герой не превзойдетъ тебя. Имя твое будетъ въ памяти людей до тѣхъ поръ, пока свѣтить будутъ — солнце и мѣсяцъ. Такъ говорили они, и такъ всему этому суждено было сбыться.

Сербская легенда: „Судъ Марка“.

Не смотря на комфортъ и любезное обхожденіе, которыми пользовались мы во время пребыванія нашего въ Монастиръ, нельзя сказать, чтобы намъ было непріятно промѣнять современный турецкій городъ на ту атмосферу поэзіи и романтизма, которая окружаетъ мѣста сербскаго средневѣковаго могущества. Къ числу такихъ мѣстъ принадлежитъ мѣсто, о которомъ поведемъ мы теперь рѣчь, — замокъ Марка Кралевича, то есть, — сына Короля, — Марка. Замокъ этотъ громоздится на одной изъ скаль, неподалеку отъ Прилѣна, и составляетъ одну изъ

самыхъ рѣдкихъ развалинъ, оставшихся въ такихъ размѣрахъ отъ феодальнаго могущества въ этой части Турціи.

Какъ Скадаръ или Скодра, представляетъ какъ-бы звѣно, соединяющее Сербовъ и Албанцевъ, точно такъ-же и Прилѣпа, или Перлѣпе, есть такое-же звѣно, соединяющее Болгаръ и Сербовъ. Народонаселеніе города Прилѣпа и его округа собственно все болгарское; но именно то самое обстоятельство, что здѣсь, вблизи Прилѣпа, — замокъ Кралевича Марка, заставляеть всю эту мѣстность и окрестности ея тяготѣть къ Сербіи, съ которою связаны они старыми историческими и легендарными нитями, хранящимися въ народной памяти.

Кто такой былъ Марко и какъ въ дѣйствительности звали его — неизвѣстно. Былъ на этотъ разъ опугана непроницаемую паутиной исторической легенды, въ глубинѣ которой едва виднѣется неясный контуръ сказа о чемъ-то быломъ, сказа, нельзя не сознаться, довольно интереснаго. Разсказъ этотъ, впрочемъ, такъ длиненъ, что если тешеръ начнемъ мы съ него; то, пожалуй, устанемъ и потомъ не захотимъ вовсе карабкаться на гору и осматривать башню замка Марка Кралевича. По-этому, съ позволенія читателя, займемся сперва замкомъ, принявъ за отиравную точку маленькій монастырь, который расположенъ у подошвы трехъ-угесной замковой скалы, въ разстояніи пѣсколькихъ десятковъ сажень отъ Прилѣпа.

Монахамъ этого монастыря, быть можетъ, пріятно было-бы показать намъ развалины этого замка и разсказать кучу разнаго рода легендъ. По крайней мѣрѣ, мы въ правѣ были думать такъ, судя по ихъ предупредительной любезности въ отношеніи къ намъ въ прежнее время, когда входили мы съ ними въ сношеніе черезъ посредство славянскаго переводчика; но на этотъ разъ славянскаго переводчика нашего оставили мы дома. По-этому обратилось къ монахамъ одно лицо изъ нашей партіи съ вопросомъ на турецкомъ языкѣ, — и обратилось, надо замѣтить, самымъ дружелюбнымъ образомъ. И что-же? Мигъ одинъ, — и нѣтъ тѣни прошлаго, — все измѣнилось, все какъ-бы кануло въ воду. На Болгаръ нашелъ какой-то столбнякъ, — куда дѣвалась ихъ любезная предупредительность! Они вскорѣ

оставили насъ одпѣхъ, предоставивъ намъ продолжать путь, какъ зна-емъ, къ замку и осматривать его безъ всякаго сісего (спутника), если не считать имъ тамошняго сторожа. Мы сдѣлали было попытку поправить дѣло: но попытка паша оказалась безуспѣшною. Плохо зная болгарскій языкъ, мы начали такъ: «Мы хотѣли бы видѣть Марка»... но потомъ остановились, стараясь припомнить слѣдующее слово. Монахъ пожалъ плечами. съ улыбкой, какъ-бы говоря безъ словъ «какъ-бы ни хотѣлось вамъ видѣть его, — вы его не увидите», и потомъ промолвилъ: «Господи, прости насъ, грѣшныхъ! Марко умеръ болѣе четырехъ сотъ лѣтъ назадъ тому». Все это — такъ; однако-же, — если только вѣрны всѣ сказанія о немъ, — то и это — не бѣда. Развѣ мы не могли-бы увидеть его, если-бы только «рѣшились» дожидаться дня его праздника или «славы» и спрятаться въ этотъ день въ маленькую часовню, гдѣ погребены нѣкоторые изъ членовъ его семьи. Въ полночь, двери часовни, по словамъ легенды, растворяются настѣжъ и туда въѣзжаетъ Марко, въ полномъ вооруженіи, на своемъ любимомъ, лпхомъ конѣ, — знамени- томъ конѣ, Шарацѣ *).

Оставленные одинъ продолжать путь къ развалинамъ, какъ знаемъ, — мы, вышедши изъ монастыря, полѣзли по прямому направленію и вскорѣ убѣдились, что въ настоящемъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, дорога въ обходъ, — самая длинная, по видимому, дорога, — оказывается однако-же самымъ близкимъ путемъ. Эта обходная, болѣе легкая дорога, — старый подъемъ къ замку, — идетъ вокругъ нижней части горы. Если-бы мы пошли по ней, — то избѣжали-бы карабканья, по бѣлымъ плитамъ скалы, на которыхъ мужскіе сапоги скользили какъ-бы па льду. Подъ конецъ, однако-же добрались мы до открытой платформы, которая, говорятъ, была старымъ «place d'armes». Здѣсь скала развѣтвляется и отроги ея идутъ: одинъ къ верху прямо, другой — на право и третій — налѣво. Лучшій видъ на вершины этихъ отроговъ, — съ самаго низкаго изъ нихъ. На него и взошли мы. Тамъ

---

*) Шарацъ — буквально „пестрый“, — вѣроятно, „лѣгкій“.

нашли мы массу огромныхъ камней, какъ-бы поддерживаемыхъ одинъ другимъ въ равновѣсїи и папоминающихъ, съ перваго взгляда, «качающіеся камни», однако-же — камни эти не качались.

На вершинѣ горы стоитъ огромная башня въ развалинахъ. Дорога однакоже туда или, — лучше сказать, — тропинка преграждена была какою-то низенькою сѣрой фигурой; фигура эта загораживала самую узкую часть тропинки и, казалось, завистливо стерегла проходъ къ башнѣ. Фигура держалась такъ долго на одномъ и томъ-же мѣстѣ, что мы успѣли подойти къ ней близко и рассмотреть наконецъ, что это — горная коза, — послѣдній часовой въ этой феодальной твердынѣ. Добравшись до высшаго пункта скалы, мы нашли на немъ стѣны, но, посреди этихъ стѣнъ, не уцѣлѣло ни одной комнаты съ крышею, такъ, что, не смотря на обычные названія одного напримѣръ мѣста «пороховымъ погребомъ», другаго «дамскою прядильнею» и проч., все они одинаково похожи были на какія-то овчарни. На самой высшей точкѣ скалы лежитъ громадный камень, обнесенный внизу каменною галлереей, подъ сводомъ которой идетъ небольшой корридоръ. На вершинѣ этого массивнаго камня виднѣются развалины кельи, прозванной простонародьемъ «кіоскомъ Марка». Въ этомъ кіоскѣ, по словамъ болгарскихъ л гендѣ, сидитъ онъ и бросаетъ издали взоры на всехъ приближающихся къ его замку, друзьями ли, или врагами. На стѣнахъ кіоска до сихъ поръ видны слѣды грубыхъ фресковъ, съ изображеніемъ лошадей и собакъ. Сами мы не видали этихъ фресковъ, но много слышали объ нихъ прежде, — да къ тому же и нашъ заптій, которому удалось взобраться на громадный камень, чего не смогли мы сдѣлать, не въ состояніи былъ удержаться отъ выраженія восторга, при видѣ удивительныхъ рисунковъ на стѣнахъ кіоска. По прямому направлению внизъ отъ этого самаго высокаго пункта, виднѣется контуръ какой-то низкой пещеры, проходъ къ которой идетъ по плитной скалѣ. до такой степени крутой и гладкой, что, при первомъ же взглядѣ на нее, становится ясною необходимостью въ прорубленныхъ на плитнякѣ ножныхъ ступняхъ. Нѣкоторые изъ этихъ ступней, по формѣ своей, напоминаютъ лошадиныя подковы. Конечно, крайне неумѣстно было

бы спрашивать, не Шарацемъ ли сдѣланы эти ступни? Съ высокаго пункта горы, у подошвы которой растилается городъ, а далѣе, по ту сторону его, сбрисовывается равнина, — ландшафтъ живописенъ и могъ бы даже претендовать на необыкновенную прелесть, если бы не недостатокъ въ деревьяхъ. Вообще видъ этотъ, хотя и менѣе изящный, имѣетъ нѣкоторое сходство съ видомъ изъ замка Благан, въ Герцеговинѣ.

Возвращаясь въ Прилѣпъ, по обыкновенной проѣзжей дорогѣ, мы замѣтили нѣсколько могилъ, высѣченныхъ въ скалѣ, и проѣзжали мимо стѣнъ какой-то небольшой церкви. На склонѣ горы стоитъ развалившаяся часовня, внутри которой виднѣется нѣсколько образовъ и склеповъ, а на высоко воздымающейся отдельной горѣ расположено монастырь, откуда, говорятъ, великолѣпный видъ. Замокъ Марка, и въ томъ состояніи разрушенія, въ какомъ теперь находится, само собою разумѣется, гораздо обширнѣе по размѣрамъ, чѣмъ какая нибудь сторожевая башня или албанская кула. Замокъ этотъ вызываетъ воспоминаніе не объ убѣжищѣ какого нибудь предводителя разбойничьей шайки, — а скорѣе — о резиденціи какого нибудь феодальнаго сувереннаго государя, и относится ко временамъ, когда карьеры, подобныя карьерѣ Кралевича и его собратій, были возможны въ Турціи. Отсюда видъ этого замка придаетъ оригинальный мѣстный колоритъ той исторіи Кралевича Марка, къ которой мы теперь приступимъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей.

Нѣкоторымъ писателямъ какъ-бы на роду уже написано — проводить параллели, точно такъ, какъ нѣкоторымъ ораторамъ прибѣгать къ игрѣ словъ. Но, безъ сомнѣнія, параллель неудачная непріятна болѣе даже, чѣмъ неудачная игра словъ.

Съ этого замѣчанія начинаемъ мы исторію Кралевича Марка, чтобы хотя нѣсколько охладить раздраженіе, безъ котораго нельзя не относиться къ тѣмъ писателямъ о характерѣ Кралевича Марка, которые называли его сербскимъ «*Roi Arthur*». Конечно, Марко напоминаетъ короля Артура, но только на столько, на сколько оба они, и тотъ и другой, — являются героями объемистыхъ легендарныхъ цикловъ; но

ни въ одной изъ легендъ Марко не занимаетъ положенія d'un Roi, да и самый характеръ. Артура, какъ главы кружка палладиновъ, какъ борца за гибнущее дѣло, какъ безупречнаго рыцаря и христіанскаго короля, скорѣе воплощенъ вовсе не въ Маркѣ, а въ послѣднемъ изъ сербскихъ царей, Лазарѣ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ легенды объ Маркѣ, за исключеніемъ впрочемъ одной только, относятся уже къ фазису, болѣе позднему по времени. Онѣ болѣе низки по тону и болѣе слабы, чѣмъ пѣсни сербскаго гуслярства, болѣе рашія. Эти-то болѣе низкопараящія пѣсни именно потому и приурочены къ Кралевичу, что самъ онъ, по характеру своей личности, является типическимъ представителемъ болѣе низкаго уже періода: рядъ его подвиговъ начался тогда уже, когда завершился рядъ болѣе высокихъ подвиговъ героевъ царства.

Эти легенды рисуютъ передъ нами контуры правовъ въ Сербіи, во время того темнаго періода, когда мусульмане, низпровергнувъ христіанское управленіе, не вполне успѣли еще замѣнить его своимъ собственнымъ. Въ это время, политика султановъ выказывала, — какъ нѣкоторымъ писателямъ угодно было выражаться, — «безпримѣрное уваженіе къ чувствамъ и правамъ побѣжденныхъ»: впрочемъ «права эти и чувства» уважались только до тѣхъ поръ, пока побѣдители не утвердились прочно въ странѣ и не стали въ такое положеніе, что безбоязненно могли «поширать» побѣжденныхъ. До тѣхъ же поръ, пока не было еще возможности отдѣлываться тѣмъ или другимъ способомъ отъ всякаго выдававшагося, вліятельнаго христіанина, султанамъ необходимо было нускать въ ходъ ласки и лесть по отношенію къ выдававшимся аристократамъ, чтобы склонить ихъ на свою сторону. Поэтому-то, въ теченіи этого промежутка времени, мы видимъ этихъ аристократовъ въ рядахъ войскъ султановъ, въ ихъ азіатскихъ походахъ, а также и противъ латинянъ за границей Турціи; они у себя дома дѣлаютъ попытки покровительствовать своимъ соотечественникамъ, защищая ихъ отъ произвольныхъ дѣйствій мусульманскихъ хищниковъ.

Марко Кралевицъ представляетъ намъ типъ этого рода славянскихъ

аристократовъ-внззей, въ ихъ крайне ложномъ и, слѣдовательно, подъ часъ совершенно невыносимомъ положеніи. Такимъ образомъ разсмотрѣніе дѣйствій и качествъ, приписываемыхъ народною поэзіею Кралевичу Марку, представляетъ особенный интересъ въ томъ еще отношеніи, что характеръ его это—характеръ типическій. Изучая его, мы можемъ составить себѣ понятіе, какъ смотрѣлъ сербскій народъ на своихъ вождей, во время нервыхъ трехъ столѣтій, слѣдовавшихъ за мусульманскимъ погромомъ. Жизнь Марка, какъ полагаютъ, обнимаетъ весь этотъ переходный періодъ. Она длится триста лѣтъ, и въ теченіи этой длинной жизненной карьеры, онъ испытываетъ всѣ тѣ фазисы постепеннаго паденія, какія, — нѣтъ никакого сомнѣнія, — выпадали на долю всему тому сословію, котораго былъ онъ по своему происхожденію типическимъ представителемъ, отъ первоначальнаго блеска его до полнаго паденія.

Марко начинаеть жизнь блестящимъ образомъ. Онъ былъ однимъ изъ юношей «избраннаго кружка воспитанниковъ» царя Душана. Воспитанниковъ этихъ царь Душанъ предназначалъ на должности правителей въ своемъ царствѣ, которое онъ надѣялся оставить послѣ себя болѣе могущественнымъ и болѣе просвѣщеннымъ, чѣмъ было оно при немъ. Не смотря на высокое происхожденіе и воинственныя наклонности, Кралевичъ любитъ учиться и въ послѣдствіи находитъ приложение прибрѣтеннымъ познаніямъ. Протоіерей даетъ ему уроки въ письмѣ и чтеніи книгъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, и, во время послѣдняго похода царя, молодой Марко является въ качествѣ секретаря и хранителя его завѣщанія.

Такого весеннее время жизни Марка. Но преждевременная смерть его покровителя застаеть Марка еще не сформировавшимся, еще не окрѣпшимъ; слѣдуютъ моменты колебанія и затѣмъ его поцуукрощенный духъ начинаетъ бродить по дивимъ дебрямъ заблужденій, особенно сродныхъ тогдашнему тревожному времени! У Марка—хорошія намѣренія. Онъ—добръ и безупречной нравственности; но у него нѣтъ определенной, установившейся цѣли. Ему не достаетъ нравственной энергии. Онъ не въ состояніи, — не колеблясь нисколько, жертвовать малы-

ми цѣлями для цѣлей великихъ. Онъ не въ состояніи подчинить своего эгоизма идеалу. Онъ слишкомъ гордъ. Равному себѣ онъ, казалось, никогда не уступить мѣста... а оканчивается тѣмъ, что онъ подпадаетъ подъ вліяніе людей, которые несравненно ниже его: Марко становится турецкимъ вассаломъ!

Это—первый шагъ къ низу. Но, въ теченіи нѣкотораго времени, роковыя послѣдствія этого шага еще не обнаруживаются во всемъ ихъ объемѣ. Марко продолжаетъ еще быть борцемъ, передъ которымъ трепещетъ мусульманинъ и которому плететь онъ кружево лести: легенды упоминаютъ о его тогдашнихъ подвигахъ въ лагерѣ, замкѣ и при дворѣ. Тихо, но неотвратно наступаетъ однако же перемѣна къ худшему. Князевичъ подвергается оскорбленіямъ отъ Турокъ. Правда, и, этотъ разъ, ему удалось выполнить свою знаменательную месть надъ личностью оскорбителя; но здѣсь въ перспективѣ виднѣтся уже конецъ его дружескимъ отношеніямъ къ Туркамъ. Съ этого момента, все болѣе и болѣе чуждается онъ политической арены. Самые подвиги его перерождаются. Они становятся либо подвигами истребителя чудовищъ—либо простыми доблестными проявленіями физической силы, возбуждающими удивленіе сербскаго охотника и поселянина. Съ теченіемъ времени, подвиги эти становятся все болѣе и болѣе миѳическими, такъ, что, подъ конецъ, съ трудомъ можно отличить мѣстные, теряющіяся въ глубинѣ замирающихъ миѳовъ язычества, легенды о Маркѣ отъ легендъ, относящихся собственно къ древнимъ лѣснымъ божествамъ.

Все глубже и глубже заходитъ, по словамъ легенды, въ лѣсъ Марко до тѣхъ поръ, пока посестрима его, вила, или горная нимфа, не объявляетъ ему, что онъ «долженъ умереть». Въ послѣдній разъ видимъ мы этого рыцаря, блиставшаго нѣкогда въ христіанскомъ станѣ и потомъ долго бывшаго гордостью падишаховыхъ армій, распростертымъ на своемъ кафтанѣ у горнаго ключа, съ шапкой, надвинутой на глаза: онъ умираетъ, покинутый всѣми, подобно утомленному гайдуку—разбойнику, стоящему виѣ закона. Да, онъ умираетъ гайдукомъ! Триста лѣтъ спустя послѣ того, какъ воинственные вельможи Сербіи перешли на сторону мусульманъ, вымеръ, какъ кажется, окончательно въ густыхъ

чашахъ лѣсовъ и самый послѣдній отпрыскъ независимыхъ Сербовъ, олицетворившійся въ гайдукъ!

Марко не оставляетъ послѣ себя ни потомства, ни памятника. Словомъ, къ которому принадлежалъ онъ, сошло въ глухія, ни кѣмъ не чтимыя могилы. Турки, которымъ помогло водвориться въ Европѣ это сословіе, не допускали, чтобы кто либо изъ потомковъ христіанъ сохранялъ за собою то положеніе, которое занимали пѣкогда сербскія вельможи. Славянская раса дошла въ имперіи султана до того, что единственными представителями ея стали либо раи, либо ренегаты.

Такова исторія Марка! Но не менѣе фазисовъ его жизненной карьеры пѣютъ значенія и его добродѣтели и пороки, приписываемые ему народною поэзіею. Сербскій Кралевичъ Марко никогда не является угнетателемъ нисшихъ классовъ; напротивъ того, мы всегда находимъ въ немъ бойца за народъ, защитника народа отъ обидъ, наносимыхъ ему Турками. Кромѣ того, мы видимъ въ Маркѣ силача, воспѣтаго поселенцами: мужественно сокрушаетъ онъ всякаго Турка, съ которымъ вступаетъ въ борьбу. Самъ султанъ не осмѣливается прекословить ему, даже тогда, когда убиваетъ онъ визиря. «Изъ каждаго Турка», — говоритъ султанъ, — «могу я сдѣлать другаго визиря; но гдѣ могу найти другаго Марко?» Кромѣ того, если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, въ ранніе годы, Марко, «ни передъ чѣмъ не трепещетъ, кромѣ Бога и правды». Онъ судитъ справедливо, даже во вредъ самому себѣ. Марко почитателенъ къ своимъ родителямъ: къ дурному отцу и къ матери высоко-нравственной, какъ римская или спартанская, или, лучше сказать, христіанская матрона. Наконецъ, Марко гостепріименъ и щедръ. Онъ — другъ несчастныхъ. Любитъ малыхъ дѣтей, другъ — *«ильмыахъ»* животныхъ. Онъ пребываетъ постоянно вѣрнымъ своей религіи, такъ какъ онъ, хотя и вассалъ султана, но не покидаетъ православной вѣры. *)

---

*) Разъ какъ-то, въ Босніи, слышали мы, — слѣпой кобзарь пѣлъ близку о Маркѣ — уличной толпѣ. Тогда эта состояла изъ православныхъ, латинцевъ и мусульманъ и всѣ были равно заинтересованы въ славянскомъ богатырѣ. Бандуристъ былъ латинянинъ и вздумалъ сдѣлать сего героя — католикомъ.

Безъ сомнѣнія, картина эта имѣетъ и свою темную сторону. Вотъ она! Марко грубовать правомъ и пьеть очень много. Мало этого. Онъ въ послѣдствіи впадаетъ даже въ страсть къ пьянству и впадаетъ столь неожиданно и сильно, что чуть ли не напоминаетъ въ этомъ отношеніи скандинавскаго Берзерка. **) Доброжелательный ко всѣмъ, онъ однако же беспощадеиъ къ тѣмъ, кто съ нимъ грубъ и невѣжливъ, хотя бы то была и женщина. Его слишкомъ грубый поступокъ съ одной барышней, которая отказала ему въ рукѣ и при этомъ улыбнулась, бросаетъ тѣнь на его безкорыстное заступничество за многихъ дѣвицъ, бывшихъ на краю гибели.

Другія особенности темперамента Марка замѣчательно характеристичны, какъ оригинальныя свойства той первобытной еще рассы, къ которой принадлежалъ онъ. Напримѣръ: хотя суровый сербскій герой не довольствуется одною женою, хотя онъ является спасителемъ не одной женщины: однако же источникъ всего этого не любовь, онъ дѣлаетъ это не подъ вліяніемъ страсти (*sous l'influence de la belle passion*). Съ другой стороны Марко совершенно неповиненъ, ни взглядомъ, ни жестомъ, ни словомъ, ни въ одномъ изъ тѣхъ подозрительнаго свойства любовныхъ похожденій, которыя трубадуры считали совершенно извинительными.

Другая рѣзко отмѣченная черта въ характерѣ Марко — это — его закоренѣлая антипатія къ османлисамъ, — антипатія, которая не потухла до нашихъ дней въ груди ренегатовъ — сербскихъ вельможъ, боснійскихъ мусульманъ. Глубоко ненавидя Азіатцевъ, Марко отъ души ненавидитъ и Африканцевъ. Разъ взять онъ былъ въ плѣнъ маврскимъ

Тогда одинъ изъ присутствовавшихъ въ толпѣ слушателей магометанинъ прервалъ его и, ударивъ, закричалъ: «Какъ ты смѣешь дѣлать изъ Марка католика, когда мы, въ теченіи четырехсотъ лѣтъ, — мы, и то, не смогли сдѣлать изъ него мусульманина?»

**) Въ одной изъ легендъ, сербскій вельможа предостерегаетъ слугъ своихъ, чтобы они не слишкомъ спѣшили привѣтствовать Марко, не дѣловали его мантии и не брали у него сабли; потому, что Марко бываетъ иногда „въ дурномъ расположеніи духа и сильно навеселъ“. Когда бросятся къ нему, онъ вдругъ, пожалуй, поскачетъ на своей лошади и передавитъ всѣхъ.

королемъ. Въ плѣну этомъ, невыносимѣе и тягостнѣе для него всякой темницы было ухаживанье за нимъ одной принцессы. Подъ конецъ, когда надежда освободиться изъ плѣна заставляетъ его рѣшиться бѣжать съ этой принцессой, онъ до тѣхъ поръ только выносить ея присутствіе, пока она не дѣлаетъ попытки обнять его своими черными руками. Тогда онъ, въ неистовствѣ, полный отвращенія, обнажаетъ саблю и отрубаетъ ей голову. Въ этомъ тяжкомъ грѣхѣ смиренно кается онъ потомъ. Воздвигаются церкви и монастыри, чтобы загладить этотъ грѣхъ; но, несмотря на это, совѣсть Марко не спокойна. Когда онъ рассказываетъ объ этомъ грѣхѣ своей матери, онъ считаетъ нужнымъ, въ оправданіе свое, коснуться внутреннихъ своихъ ощущеній: «О, мать! Когда я увидалъ ее вблизи себя, всю черную, и эти ея бѣлые зубы, блестящіе, я былъ не въ состояніи совладать съ собою!»

Болѣе поразительно и болѣе оригинально послѣднее выраженіе ненависти Марка къ мусульманамъ, когда наступилъ часъ его смерти. На мелкіе куски раздробляетъ онъ свое копье, чтобы кто-нибудь изъ Турокъ не могъ имъ выказываться. Коня своего убиваетъ онъ, чтобы кто-нибудь изъ Турокъ не вздумалъ заставить его возить воду и дрова, въ годы его старости. Мечъ свой раскалываетъ онъ на четыре части, чтобы не могъ имъ воспользоваться магометанинъ и чтобы христіанство не прокляло его, какъ человѣка, давшего оружіе врагу; самую могилу, свою желаетъ онъ утаить, скрыть ото всѣхъ, чтобы никто изъ Турокъ не радовался его смерти. До сихъ поръ еще сербскій поселянинъ, глубоко ненавидящій мусульманъ, вѣритъ, что найдетъ еще себѣ практическое осуществленіе то глубокое отвращеніе, которое питалъ къ мусульманамъ Марко въ геройской душѣ своей. «Когда времена исполнятся, Кралевичъ возстанетъ изъ пещеры, гдѣ онъ спитъ, и деблестно поведетъ на бой Сербовъ, чтобы изгнать вторгшагося завоевателя изъ ихъ отечества».

Вотъ все, что относится собственно къ типическому характеру Марка.

Весьма долгое время полагали, что Марко—это—только типъ, — что первообраза, отъ котораго отвлеченъ и сложился потомъ этотъ

типъ вовсе не существовало въ дѣйствительности. Но, нѣсколько лѣтъ назадъ тому, какой-то усердный собиратель монетъ представилъ въ бѣлградскій музей нѣсколько монетъ, найденныхъ въ сѣверной Македоніи съ надписью: «Марко Краль». По всѣмъ имѣющимся даннымъ, имя это не могло принадлежать никакой иной личности, кромѣ какой-либо сербской исторической личности. Начались изслѣдованія. Стали рыться въ старыхъ лѣтописяхъ и открыли, что Марко Кралевичъ дѣйствительно былъ королемъ въ Прилѣпѣ и игралъ тамъ историческую роль.

Нашли, что онъ дѣйствительно былъ, какъ гласило преданіе, сыномъ историческаго «Краля Вукашина», одного изъ областныхъ правителей при царѣ Душанѣ. Территорія области Вукашина простиралась отъ Македоніи до Адриатическаго моря и двумя главными крѣпостями ея были такимъ образомъ: на западъ — Скадаръ, а на востокъ — Прилѣпъ. По случаю скоростижной смерти Душана, управление государствомъ и попеченіе о малолѣтнемъ сынѣ Душана перешло къ Кралю Вукашину, какъ къ самому почетному лицу въ царствѣ послѣ Душана и онъ, желая удержать въ своихъ рукахъ власть, умертвилъ вѣроломно ввѣреннаго его попеченію малолѣтняго сына Душана.

Марко не принималъ никакого участія ни въ самомъ преступленіи, ни въ результатахъ его. Разошедшись съ своимъ отцомъ, онъ оставался вѣрнымъ старой царской династіи. Только тогда уже, когда не стало ни молодаго царя, ни преступнаго Краля, отца его, и когда сербскій народъ собрался для избранія новаго царя, — Марко выступилъ кандидатомъ, считая, что онъ болѣе всѣхъ другихъ претендентовъ имѣетъ правъ на вакантный тронъ. Впослѣдствіи же, когда предпочли ему Лазаря Гребляновича, графа Сирмскаго, — онъ никакъ не могъ простить этого сербскому народу. Кажется, у обманувшагося въ своихъ надеждахъ Кралевича вырвались тогда, въ порывѣ негодованія, угрозы, такъ какъ мы видимъ, что тотчасъ, послѣ вступленія своего на престолъ, отличавшійся постоянно кротостію Лазарь созываетъ собраніе вельможъ и проситъ ихъ помочь ему обуздать строitivaго Марка. Подъ конецъ-же, когда принятыя имъ къ обузданію Марка мѣры не

подѣйствовали, онъ лишаетъ его удѣла. Тогда Марко, раздраженный и лишенный удѣла, бросился въ лагерь Турокъ и предложилъ свой мечъ султану, какъ кажется, въ виду тѣхъ азіатскихъ походовъ, которые предпринимали магометане противъ магометанъ-же и которые поѣтому имѣли притягательную силу для авантюристовъ разнаго рода изъ христіанъ, для которыхъ въ настоящемъ случаѣ было совершенно все равно — на какой сторонѣ ни сражаться, такъ какъ и на той и на другой сторонѣ были одни только магометане. Цѣль ихъ была — прославиться на войнѣ и обогатиться военною добычею.

Говорятъ, будто-бы султанъ, въ вознагражденіе заслугъ, далъ Марку номинальную инвеституру «Басторіи и Арголиды» (?); но, когда Амуратъ двинулся противъ Сербіи, — тогда будто-бы наслѣдникъ Вукашина возвратилъ себѣ обладаніе своимъ собственнымъ замкомъ близъ Прилѣпа. Вотъ почему, Сербы знаютъ Марка только, какъ Кралевича, — Болгары-же прилѣпскіе зовутъ его «Марко Краль»..

Участіе Марка во многихъ войнахъ за султана турецкаго — несомнѣнно; но нѣтъ данныхъ и нѣтъ вовсе никакого основанія заключать, что онъ шелъ когда-либо противъ родной своей страны. Мало этого. Кажется даже невѣроятнымъ, что-бы могъ онъ равнодушно и какъ-бы по привычкѣ воевать и противъ какого-либо другаго народа христіанскаго вѣроисповѣданія. Но крайней мѣрѣ, изъ историческихъ разсказовъ объ немъ извѣстно, какъ сокрушался онъ, когда требовали отъ него, что-бы онъ сражался противъ православнаго князя румынскаго. Честный въ своихъ отношеніяхъ-къ сюзерену, Марко Кралевичъ пришелъ на поле сраженія; но, когда увидалъ людей его собственной вѣры въ боевомъ строю противъ магометанъ, — самого-же себя на сторонѣ невѣрныхъ, — ужасъ овладѣлъ его душой, «О, Боже!» — воскликнулъ онъ, — «сокруши въ этотъ день всѣхъ тѣхъ, кто сражается противъ христіанъ и прежде всего — Марка!» Потомъ, бросаясь на пики христіанъ или, какъ говорятъ нѣкоторые, заѣзжая все глубже и глубже въ болото, онъ переносилъ смиренно сыпавшіяся на него со всѣхъ сторонъ и вполнѣ заслуженные имъ укоры.

Представленіе объ такой, проливнутой раскаяніемъ смерти, — хотя

и недѣйствителенъ фактъ такой смерти, — рѣзко запечатлѣно въ народной поэзіи. Взятое въ связи съ антипатіей Марка къ Туркамъ, всю жизнь длившейся, гордое отношеніе его къ мусульманамъ и заступническая борьба его за угнетенныхъ изъ среды его собственныхъ соотечественниковъ, — все эти смягчающія обстоятельства содѣйствовали тому, чтобы набросить, въ глазахъ Сербовъ, покрывало на одно пятно на щитѣ ихъ любимаго героя, именно то, что онъ служилъ султану. Они не могутъ отрицать этого, они и не скрываютъ этого; но они смотрятъ на это, не какъ на преступленіе, а скорѣе какъ на бѣдствіе. Дѣйствительно, они считаютъ это послѣдствіемъ проклятія, изреченнаго на Кралевича его отцемъ, когда Кралевичъ помѣшалъ ему стать царемъ.

Къ несчастію, современные ученые, въ пылу увлеченія мелочно-кропотливой системой изслѣдованій современной Германіи, рѣшились, кажется, не давать спокойно влачить свои дни заблужденіямъ на счетъ «крестьянскаго героя»: не давать имъ лежать въ туманѣ и, благодаря этой туманной обстановкѣ, сохранять уваженіе къ себѣ. Какой-то авторъ сдѣлалъ попытку выставить на сценѣ небольшого театра въ Бѣлградѣ Марко Кралевича не въ его традиціонномъ видѣ, — спасающимъ угнетенныхъ и совершающимъ чудесные подвиги, — а въ томъ видѣ, въ которомъ не выставляли его ни преданіе, ни исторія, — стоящимъ въ боевыхъ рядахъ на сторонѣ Турокъ въ битвѣ между ними и Сербамъ.

Объявленіе исторической пьесы, какъ всегда бываетъ, привлекло въ скромный театръ многочисленную толпу зрителей и, въ томъ числѣ, многихъ даже изъ самаго бѣднаго класса. Выходъ на сцену каждаго героя преданій встрѣчали восторженными рукоплесканіями. Но, когда Марко, много-любимый Марко, предсталъ предъ зрителями въ столь ненавистномъ видѣ, — неожиданныя дрожь пробѣжала по толпѣ зрителей: вмѣсто восторженныхъ рукоплесканій, разлилось по театру, — не шиканье и свистъ, какъ ожидали, — а угрюмое безмолвіе, безмолвіе людей вмѣстѣ и озадаченныхъ и огорченныхъ.

Казалось однакоже, что народъ до самаго конца пьесы все еще

падѣлся, что Марко что-нибудь да сдѣлаетъ, чтобы выдти изъ ложнаго положенія; но вотъ наконецъ онъ покидаетъ сцену, — и ни одного искупительнаго дѣйствія, ни одного слова! Тогда одно простое какое-то сердце не смогло долѣе вытерпѣть и раздался какой-то мужицкій голось, прерываемый рыданіями: «Нѣтъ, нѣтъ, — Марко — не измѣнилъ!»

Глава X.

БОЛГАРСКІЕ ГОРОДА: ПРИЛѢПЪ И ВЕЛЕСЪ.

Отъ Монастира до Прилѣпа около шести часовъ разстоянія и намъ, въ самомъ дѣлѣ, понадобилось шесть и шесть очень длинныхъ часовъ, чтобы перебраться черезъ невоздѣланную и пыльную полосу земли, которая отдѣляетъ одинъ отъ другаго эти два города.

На самомъ выѣздѣ изъ города Монастира, вниманіе наше обратила на себя церковь, въ недавнее время выстроенная для себя Болгарами, въ которой однакоже, какъ узнали мы потомъ, епископъ настаиваетъ, чтобы богослуженіе совершалось на греческомъ языкѣ. На половинѣ дороги между Монастиромъ и Прилѣпомъ, — переправа черезъ рѣку Черную. На той сторонѣ рѣки начинается уже съ каждымъ шагомъ слабѣть греко-цинцарскій элементъ, болгарскій-же элементъ становится болѣе и болѣе преобладающимъ и въ церкви и въ школѣ.

Контуръ цѣпи бабуновскихъ горъ, на вершинѣ одной изъ которыхъ находятся развалины замка Кралевича Марка, начинаютъ обрисовываться въ дали, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Прилѣпа и, при видѣ яснѣе и яснѣе выступающихъ на отдаленномъ фонѣ горъ и рѣки, растутъ болѣе и болѣе нетерпѣніе скорѣе достигнуть конца путешествія.

Прилѣпъ — городъ съ населеніемъ отъ шести до семи тысячъ жителей. Ежегодно бываетъ въ немъ ярмарка. Это — одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ въ Болгаріи. Базаръ въ Прилѣпѣ очень и очень порядочный и городъ этотъ можетъ, по справедливости, гордиться имъ. По случаю ярмарки, въ Прилѣпѣ стекаются поселяне изъ окрестностей и, говорятъ, стоитъ посмотрѣть на этихъ поселянъ. Въ округѣ этого города женщины великорослы, дородны, сильны, дѣятельны и промышленны. Кажется это оттого, что имъ не дозволяется выходить замужъ ранѣ тридцатилѣтняго возраста. Поздніе браки эти установлены съ тою цѣлью, чтобы: 1) родители, потратившіе труды и издержки на ихъ воспитаніе, были вознаграждены работами дочерей, и 2) чтобы дочери, въ раннюю пору жизни, не были обременяемы большими семьями. Подобный же обычай преобладаетъ въ нѣкоторыхъ изъ сельскихъ округовъ Сербіи, гдѣ мужчины женятся въ молодыхъ лѣтахъ, выбирая себѣ хозяйку въ полной силѣ возраста. Этотъ установившійся, въ слѣдствіе обычая, порядокъ вещей поразилъ насъ, какъ очень неудобный и, по всей вѣроятности, очень непріятный женщинамъ, такъ какъ въ основаніи его лежитъ идея эксплуатаціи женщины, полученія отъ нея возможно большей дозы труда; но мужчины оправдываютъ порядокъ этотъ его результатами, утверждая, что домашній комфортъ, общественная нравственность и прекрасное физическое развитіе расы преобладаютъ въ округахъ, гдѣ держатся обычая такого рода браковъ. Впрочемъ, обычай этотъ встрѣчается только въ селахъ; въ городахъ же, какъ въ Сербіи, такъ и въ Болгаріи, женщины держатся обычая восточнаго: выходятъ за мужъ въ очень молодомъ возрастѣ и отцвѣтаютъ быстро.

Письмо, которымъ снабдилъ насъ англійскій консулъ нашъ въ Монастирѣ доставило намъ въ Прилѣпѣ радушный пріемъ въ домѣ одного богатаго болгарскаго купца. Двѣ комнаты предоставлены были въ полное наше распоряженіе. Изъ нихъ одна — парадная, а другая — жилая. Жилая комната была очень велика, хорошо убрана подушками и коврами и такъ чиста, что мы рѣшились приготовить себѣ постели.

вмѣсто нашихъ недѣльныхъ складныхъ кроватей, на диванахъ, — и не раскаивались: никакого безпокойства во время сна не послѣдовало.

Купецъ и его семейство ведутъ торговлю табакомъ, который въ изобиліи растетъ на прилѣпской равнинѣ. Одинъ изъ братьевъ хозяина завѣдуетъ дѣлами по торговлѣ съ Вѣной. Къ несчастію, хотя самого его и не было дома; но вѣнскія, его наклонности остались и были замѣтны: въ комнатѣ висѣли часы съ музыкаю, каждую четверть часа игравшіе разныя аріи. Мы были предупреждены относительно этихъ часовъ и намъ угрожали, что исполняемая ими аріи будутъ роковыми для сна; но, на этотъ разъ, добрые наши хозяева не забыли, что часы мѣшали спать ихъ прежнимъ посетителямъ. Только что мы, послѣ тщетныхъ сѣтовацій на часы, приготовились лечь въ постели, какъ одна изъ горничныхъ попросила у насъ позволенія войти въ нашу комнату. Мы позволили. Она вошла, влѣзла на диванъ и остановила часы.

Кивилизованный владѣлецъ этихъ часовъ и солидный, маститый старецъ. — хозяинъ дома, — члены семьи, состоящей изъ пятерыхъ братьевъ. Всѣ они, съ своими женами и дѣтьми, живутъ въ домахъ, выходящихъ на одинъ дворъ, защищенный высокою стѣною. Подобнаго рода семейныя ассоціаціи или «задруги» встрѣчаются повсюду въ Болгаріи и, конечно, весьма благотворны для христіанъ, живущихъ подъ безправнымъ режимомъ Турокъ. Гарантируя наличность въ каждой задругѣ извѣстнаго числа мужчинъ для защиты женщинъ отъ оскорбленій, онѣ обезпечиваютъ, вмѣстѣ съ гѣмъ, существованіе и безопасность вдовъ и сиротъ, въ лонѣ ихъ родственниковъ. Кромѣ того, при обработкѣ земли, доставляютъ онѣ средство обходиться, при самыхъ усиленныхъ полевыхъ работахъ, безъ «наймитовъ» и даютъ младшимъ сыновьямъ возможность работать у себя дома, не приобѣгая къ отхожимъ промысламъ. Кромѣ того, — семья, такимъ образомъ организованная изъ однихъ своихъ членовъ, — не имѣетъ никакого основанія и повода опасаться шпионовъ. Мало того, — старыя связи, старыя воспоминанія и обычаи легко сохраняются при подобной организаціи, противодѣйствующей вмѣстѣ съ тѣмъ весьма силь-

но и всякимъ иностраннымъ нововведеніямъ. Но выше всего то, что, при подобномъ устройствѣ, находятъ себѣ должное удовлетвореніе естественныя родственныя привязанности; молодыя женщины охраняются отъ искушеній и молодые люди привыкаютъ къ порядку, имѣя постоянно передъ глазами комфортабельно и хорошо дирижируемый домъ. Да, этой объединенной семейной жизни Болгары много, кажется, обязаны сохраненіемъ и своей національности и высокой чистоты нравовъ, хотя и доводится жпть имъ подъ чужеземнымъ игомъ и часто бокомъ-бокъ съ народамъ самымъ безнравственнымъ.

Впрочемъ, отрицать нельзя, — цѣль этихъ семейственныхъ общинъ состоитъ, конечно, главнѣйшимъ образомъ въ самозащитѣ и самоохраненіи и что, когда минуетъ опасность, онѣ окажутся ненужными и едвали долго продержатся, при несоотвѣтственности ихъ съ подвижною снoшеній и индивидуальною предпринимчивостію, господствующими въ современномъ обществѣ.

Въ Прилѣпѣ — три христіанскія школы: одна для цинцарскихъ купцовъ, пожелавшихъ, чтобы дѣти ихъ учились погречески, и двѣ — для Болгаръ. Въ этихъ школахъ до четырехъ сотъ учениковъ. Правительственнаго контроля надъ школами не существуетъ. Болгарскія книги идутъ изъ разныхъ мѣстъ: изъ Филиппополя, Пешта, Вѣны, Бѣлграда. Для нѣкоторыхъ учебныхъ книгъ взяты за образецъ сербскіе учебники, для другихъ — американскіе. Главнымъ преподавателемъ въ одной изъ школъ, при нашемъ посѣщеніи Прилѣпа, былъ Сербъ. Онъ говорилъ намъ, что у него въ школѣ дѣти могутъ читать на родномъ его сербскомъ языкѣ такъ же хорошо, какъ на ихъ собственномъ. Ученики показывали намъ свои тетради чистописанія: пишутъ они очень хорошо. Оказалось, что знакомы они и съ картой. Мы спросили, умѣютъ ли они пѣть? На это намъ отвѣчали сперва: «нѣтъ»; но потомъ подвели къ намъ какаго-то большаго мальчика, готовившагося въ священники, и онъ уныло затянулъ псаломъ. Скоро рассказали мы, что вызвали его пѣніе, такъ какъ оно оказалось немелодичнымъ, монотоннымъ и съ посовыми звуками.

Не замѣчая обычнаго образа Кирилла и Меодія, мы сдѣлали по

этому предмету вопросъ. Послѣ нѣсколькихъ побочныхъ объясненій относительно отсутствія образа, намъ довелось, на самомъ дѣлѣ, убѣдиться, что дѣти хорошо знаютъ исторію этихъ національныхъ апостоловъ, но знаютъ наизусть, и не успѣли еще переварить заученнаго ими; такъ какъ они смѣшивали личность переводчиковъ славянской библіи съ личностію одного изъ патріотическихъ гражданъ Прилѣпа, который, во главѣ своихъ согражданъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ учрежденіи ихъ школы.

Прилѣпъ былъ однимъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ тому, греческое духовенство жгло славянскія книги. Въ силу этого факта, полагая, что здѣсь подарки книгами—подарки очень приятные, мы подарили нѣсколько книгъ и нашимъ хозяевамъ и школьному учителю и лучшимъ ученикамъ. Особенно интересовались всѣ «Исторію Сербіи» и очень желали имѣть эту книгу.

Едва успѣли мы вернуться домой, какъ намъ сказали, что какой-то болгарскій священникъ желаетъ видѣть насъ. Онъ пришелъ къ намъ съ просьбою, чтобы мы и ему дали книгу. Мы подарили ему «Новый Заветъ». Раскрывъ его и увидавъ, что онъ — на обще-употребительномъ народномъ языкѣ, онъ тотчасъ же началъ читать его въ слухъ, громко. Другимъ пылкимъ любителемъ книжнаго чтенія оказался маленькій племянникъ нашего хозяина: онъ раскрылъ одну изъ нашихъ азбукъ и началъ читать поучительное описаніе: «домашней сошки». Маленькія дѣвочки собрались съ любопытствомъ слушать его. Замѣтивъ это, мы взяли у него книгу и подарили ее одной изъ дѣвочекъ, сказавши мальчику, что онъ будетъ имѣть возможность пользоваться книгою всякій разъ, когда предложитъ читать ее своимъ сестрамъ. Мать этихъ дѣтей услышала это и сообщила другимъ женщинамъ и всѣ онѣ стали отъ души благословлять насъ за косвенный намекъ мужчинамъ на то, что и женщинамъ также не слѣдуетъ быть чуждыми книжнаго ученія. Отцы семействъ, получивши такой урокъ, объявили намъ, что они желали-бы завести и женскую школу и что у нихъ есть и мѣсто и деньги на это, но они не знаютъ, какъ и гдѣ добыть учительницу.

Разговоръ, завязавшійся по поводу книгъ, привелъ къ извѣстной степени задушевности: однакоже, такъ какъ наше рекомендательное письмо къ хозяину было не отъ кого либо изъ соплеменниковъ членовъ семейства, то, не смотря на задушевность, мало выказали они довѣрія къ намъ и видимо старались избѣгать вопросовъ о положеніи страны. Впрочемъ, это для насъ не было особенно важнымъ; такъ какъ по этому предмету мы знали уже все, что было намъ нужно, изъ другихъ источниковъ: но, къ несчастію, мы нашли ихъ въ такой же степени нерасположенными и къ сообщенію намъ какихъ либо сказаній о Кралевчѣ Маркѣ, не смотря на то, что Прилѣпъ, вотчина его, изобиловалъ, какъ говорили намъ, легендами объ этомъ героѣ. Послѣ постигшей насъ неудачи, намъ посчастливилось однакоже достать книгу народныхъ поэмъ. Въ ней нашли мы нѣсколько мѣстныхъ болгарскихъ легендъ; но всѣ эти сказанія оказались значительно ниже сербскихъ легендъ. Всѣ онѣ—запутанны, тривіальны и полны турецкихъ словъ. Какъ грандіозный образецъ quasi религіознаго сказанія, приведемъ здѣсь болгарскую легенду, которой, на сколько намъ извѣстно, нѣтъ еще въ переводѣ ни на какомъ языкѣ. Она называется:

ЗАВИСТЛИВАЯ СТАРУХА.

БОЛГАРСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Въ Бозѣ почилъ Петръ,—святая душа,—черногорскій владыка *).
 Умерла и мать его старая,—душа грѣшная.
 Въ рай былъ позванъ святой ея сынъ;
 Въ слѣдъ за нимъ пошла мать старая,—душа грѣшная.
 «Ты постой, мой сынъ, подожди меня, мать свою;
 Дай и мнѣ съ тобой войти въ свѣтлый рай,
 Вѣдь и я хочу тамъ съ тобою быть.»

---

*) Петръ, четвертый владыка изъ династіи Неманья, причисленъ къ лику Святыхъ.

Обернулся владыка святой и сказалъ:

«Не легко, мать старая, душа грѣшная, войти въ свѣтлый рай:

Врата райскія, врата узкія, — грѣшко на грѣшко, заперты,

Только настежъ открыты стоятъ врата ада широкія.

Знать, забыла ты, мать, какъ жила на землѣ?

Ты богата была, ты не знала и счета богатству;

У тебя было много всего: табуны и стада, верограды, дома;

Но лукавый — силенъ, — овладѣлъ онъ тобой!

И забыла ты Христа — Господа, не давала ты нищимъ милостынь.

Разъ пришли къ тебѣ двое, въ рубищѣ, изъ христовой нищей братіи.

Подъ окномъ твоимъ, съ утра до ночи, надрываючись,

Пѣли пѣсни они, — пѣсни жалкія, къ сердцу доброму доступныя,

Но не тронулось, о мать старая, сердце грѣшное, нечестивое:

Корку хлѣба лишь зачерствѣлаго, трехнедѣльнаго, ты имъ сунула,

Да и тутъ еще, не одумавшись, съ гнѣвомъ крикнула:

«Да за тѣмъ ли Ты, о Боже, золотой мой, добрый Боже,

Надѣлилъ меня богатствомъ, чтобы эти побродяги,

Чужеземцы, Турки, Нѣмцы, какъ волковъ голодныхъ стая,

Всѣ меня бы обирали, все добро-бъ мое тащили,

А, по смерти моей, дѣти вдругъ бы нищими остались?»

Душа грѣшная, мать бѣдная, не бродягъ тогда оттолкнула ты,

Не бродяги, вѣдь, то были, а святой Николай и святой Илія.

Я напомню тебѣ и еще другой грѣхъ. Вспомни, мать моя,

Какъ, бывало, кумой, крестной матерью у чужихъ пиновала ты,

Забывала лишь ты своихъ крестниковъ,

Не дарила ты имъ одѣялъ и чулокъ, красныхъ шапочекъ,

По обычаю народному, стародавнему, христіанскому.

Предстоять теперь передъ Господомъ дѣти малыя, neodѣтыя,

Крестной матерью забытыя, на тебя, мать старая,

Душа грѣшная, Богу Всевышнему, Милосердому жалуются.

Но, постой, моя мать, вотъ еще одинъ грѣхъ я напомню тебѣ,

Какъ вино золотистое, какой мѣрою продавала ты?

Не клялась ли ты страшною клятвою дальнимъ путникамъ,

Что вина золотистаго мѣру полную наливаешь имъ,

Ну, а вспомни же, мать, цѣлыхъ триста драхмъ

Ключевой воды подливала ты къ сотнѣ драхмъ вина золотистаго.

Да, — такъ діаволъ силенъ, поддалась ты ему, душа грѣшная.

Обличу я тебя и еще, мать несчастная, злополучная.

У сосѣда бѣднаго муку чистую, не-сорную, занимала ты,

Возвращала жъ ему муку заглаю, муку сорную, нечистую».

Во грѣхахъ такихъ обличая мать, подошелъ святой къ краю пропасти:

Черезъ пропасть ту перекинуть былъ — мостъ веревочный.

На ту сторону, къ раю свѣтлomu, перешелъ святой.

Въ адѣ за вѣкъ вошла, душа грѣшная, мать старая,
Но не выдержала душу грѣшную—мостъ веревочный,
Носирель такъ рветъ, оборвалася онь и низринулася
Душа грѣшная въ преисподнюю ада темнаго.

Въ субботу, святой Петръ сталъ главою архангеловъ.

Тамъ три года прошло, три года, три дна и три мѣсяца,

Тамъ владыка святой за мать грѣшную все молится:

«Ты впрости, Великій Боже, Милосердый, Добрый Боже,
Душу грѣшную, соблазненную, твоего Петра мать старую.»

— Во впрости ты за мать старую! «такъ сказалъ Господь,
Вѣдь, великая она грѣшница.»

Вотъ еще прошло снова три года, три дна и три мѣсяца,

Тамъ владыка святой за мать грѣшную все молится.

И на третій день, на послѣдній день, такъ сказалъ Господь:—

«Я мольбѣ твоей внялъ, святой Петръ. Душа грѣшная

Твоей матери прощена теперь.

Ты ступай скорѣй къ морю синему,

Тамъ веревку своей и спусти ее

Въ преисподнюю ада темнаго.

Той веревкою ты мать вытащишь.

И скажи, святой Петръ, чтобъ за мать твою

Души грѣшныя, счетомъ семьдесятъ, схватилися,

И ихъ вытащи, съ своей матерью, ты на вольный свѣтъ!»

Къ морю синему, бурливому, Петръ отправилася,

Спялъ онь поясъ свой, свилъ веревку онь

И спустилъ ее въ преисподнюю ада темнаго.

Но веревка та—коротка была: душа грѣшная,

Мать старая глубоко на дно ада темнаго провалилася.

Шляпу спялъ святой; перо красное, что на ней носилъ,

Тотчасъ выдернулъ, онь связалъ его съ той веревкою

И спустилъ ее въ преисподнюю ада темнаго,

Глубоко на дно въ преисподнюю та веревка опустилася,

Звучнымъ голосомъ крикнулъ Петръ святой:

«Душа грѣшная, мать старая, получила ты прощенье!

Вотъ за эту вервь длинную ухватись скорѣй, я на Божій свѣтъ тебя
вытащу,

Да и вы, души грѣшныя, счетомъ семьдесятъ,

Ухватитесь всѣ за мать мою, всѣхъ васъ вытащу я на вольный свѣтъ.»

Душа грѣшная, мать старая за веревку ухватилася;

Какъ ичелвинный рой души грѣшныя мать обынали,

Но со злостію мать старая на нихъ крикнула:

«Отступитесь, холонье! Я, вѣдь, мать Петра святаго!

У груди его посела и вспоила и вскормила, колыбельны пѣсни пѣла.

Вы жь—святаго не кормили, пѣсень вы ему не пѣли;
 Такъ за что же вы хотите выдти съ «матерью святаго?»
 Съ высоты небесъ услыхалъ Господь крикъ завистливый.
 Въ этотъ самый мигъ оборвалась ненадежная вервь крученая.
 Еще глубже въ преисподнюю провалилась душа грѣшная.
 Свой судъ праведный сотворилъ Господь, а святой сказалъ своей матери:
 «Душа грѣшная, осужденная, заслужила ты муки адскія.»

Отъ Прилѣпа до Велеса около двѣнадцати часовъ разстоянiя. Значить слишкомъ много для одного дня, особенно же если останавливаться пережидать жаръ. Поэтому мы рѣшились выѣхать изъ Прилѣпа послѣ обѣда съ тѣмъ, чтобы провести ночь къ Везиръ-Ханѣ у самаго подножiя Бабуновскаго прохода. Преддверiе этого прохода собственно начинается въ разстоянiи около двухъ часовъ ѣзды отъ Прилѣпа; но намъ говорили даже, что еще скорѣе и при этомъ предупреждали, чтобы мы, послѣ въѣзда въ это преддверiе, не сѣли въ экипажъ. Изъ всего этого мы вывели заключенiе, что вовсе не стоитъ ѣхать въ экипажъ и рѣшились ѣхать верхомъ. Но, мы на опытъ извѣдали, что сдѣлали большую ошибку. Въ то время, какъ перебирались мы черезъ равнину, жаръ стоялъ крайне изнурительный; вслѣдъ же за тѣмъ, когда въѣхали въ преддверiе горнаго прохода, вдругъ сильно засвѣжѣло. Это подѣйствовало на насъ самымъ неприятымъ образомъ и заставило испытать тѣ неприятыя ощущенiя, которыя испытали мы когда-то въ Гарнишовѣ. Эта «неприятная» часть путешествiя; прозванная нами такъ въ противоположность «приятной» части, которая за нею слѣдовала, угрожала намъ еще въ теченiи нѣсколькихъ дней. Совершенно вѣрно говорятъ, что очень трудная вещь—рѣшить вопросъ: въ какое время года лучше всего путешествовать по Болгарiи? Зимой тамъ въ долинахъ ужаснѣйшiй холодъ; лѣтомъ—палая зной; весной—невообразимо-дурныя дороги, и въ горной области разливы рѣкъ; наконецъ осенью здѣсь—болѣзни и болѣзни, такъ, что большая часть мѣстъ становится почти необитаемою отъ лихорадокъ.

Когда выѣзжаете вы изъ Прилѣпа по дорогѣ къ Велесу, по лѣвую руку блеститъ передъ вами рѣка Прилѣпка, а вдаль возвышается за-

момъ Кралевича Марка и цѣпь бабуновскихъ горъ. Тамъ и сямъ по дорогѣ видѣются нѣсколько небольшихъ грудъ развалинъ. Впрочемъ, всѣ эти развалины, какъ слышали мы, нестары, за исключеніемъ только развалинъ кулъ, которыя до послѣдняго времени занимали Гайдунъ. Теперь же живутъ въ нихъ заплѣти. Кулы лежатъ на самой возвышенной точкѣ бабуновскаго прохода. Здѣсь обыкновенно останавливаются отдыхать, взобравшись на самый высокій пунктъ горъ по отвратительной турецкой дорогѣ и приготовляясь спускаться внизъ по менѣе отвратительной турецкой также дорогѣ.

Спускъ, конечно, не только труденъ, но и очень опасенъ. Наши бѣдныя лошади скользили самымъ отчаяннымъ образомъ и безпрестанно переходили съ одной стороны дороги на другую, отыскивая групповикъ, то есть, полосу земли, не вымощенную Турками. Огромная доза вниманія требовалась отъ насъ, для спуска съ горы безъ «головоломнаго приключенія.» Тѣмъ не пріятнѣе было это намъ, что выпало на нашу долю вовсе не кетати: послѣ голой, неприглядной, македонской равнины Бабуны, намъ хотѣлось бы вдоволь полюбоваться лѣсистыми долами, къ которымъ приближались мы, спускаясь внизъ по горнымъ уступамъ,—а тутъ все вниманіе поглощается мыслию о самосохраненіи. А на зло еще, и окрестности, мимо которыхъ приводилось проѣзжать, были живописныя: какъ живописны напримѣръ остроконечныя вершины обрывистыхъ зеленыхъ скатовъ горы, на которой лежитъ небольшое село Ченица, посреди полотнища золотистаго поля!

На слѣдующій день, остановились мы переждать жаръ въ Ханъ-Врановцѣ. Здѣсь посчастливилось намъ добыть себѣ прохладный темный уголокъ въ какой-то «творожной» сушильнѣ, гдѣ мы и отдохнули. Во Врановцѣ нашли мы жертву болгарскихъ понятій о гостепріимствѣ, то есть, родственника того семейства, въ домѣ котораго предстояло намъ остановиться въ Велесѣ. Онъ выѣхалъ такъ далеко въ палящій зной только для того, чтобы насъ встрѣтить. Когда спалъ жаръ, мы тронулись въ путь. Дорогою насъ порастрясло очень сильно, особенно же, когда мы проѣзжали по полосѣ земли совершенно дикой какой-то, которая лежитъ не въ дальнемъ разстояніи отъ Влеса. Да къ

тому же, одна из наших лошадей заснула ногу. Не смотря однакоже на все это, когда подъезжали мы к цѣли нашего путешествія и стали просить, чтобы насъ впустили въ нашу квартиру черезъ задній входъ, который былъ у насъ передъ глазами, на просьбу нашу не обратили нисколько вниманія и безжалостно потащили насъ по поднимающейся круто въ гору улицѣ къ парадному фасаду дома. Вотъ какъ кончилась во второй разъ, (въ первый разъ случилось это во время нашего путешествія между Константинополемъ и Бѣлградомъ), попытка наша дѣлать поѣздки по внутреннимъ областямъ Турціи въ экипажѣ. Несчастные, безпомощные, гаремы, правда, въ такихъ случаяхъ перевозятся такъ же, какъ и мы, по нѣкоторымъ отдѣламъ дороги, въ таликахъ; но консулу Гану, который, въ интересахъ проектированной имъ дороги, рѣшился сдѣлать попытку проѣзда въ экипажѣ по проселочнымъ дорогамъ, подобную нашей, она удалась, благодаря легкой повозкѣ съ хорошими лошадьми, на всемъ протяженіи отъ Бѣлграда до Салоникъ.

Велесъ лежитъ на берегахъ Вардара, который здѣсь образуетъ уже полноводную рѣку и служитъ лѣсопромышленникамъ воднымъ путемъ для сплава плотовъ внизъ къ Эгейскому морю. Берега рѣки круты и высоки. Каравкающійся по этимъ берегамъ вверхъ городъ развертывается передъ глазами зрителя, какъ кажется, не мало хорошихъ домовъ. Положеніе города, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ столько удобствъ для торговли, что становится нисколько неудивительнымъ, что городъ этотъ съ раннихъ временъ сталъ очень важнымъ и, сравнительно съ другими, болѣе цивилизованнымъ городомъ.

Велесъ—чисто болгарскій городокъ. Изъ числа 4,000 домовъ, изъ которыхъ состоитъ онъ, только 1,000 домовъ принадлежатъ отчасти Туркамъ и отчасти Цинцарамъ, между тѣмъ, какъ 3,000—собственность Славянъ-христіанъ. При такой обстановкѣ, неудивительно, что здѣшніе Болгары были, въ теченіи долгаго времени послѣ турецкаго погрома, хранителями извѣстнаго запаса ихъ національной письменности. Въ одномъ изъ ихъ монастырей находился, какъ говорили, складъ ихъ цѣнныхъ MSS, (манускриптовъ), и въ самомъ городѣ су-

ществовала когда-то болгарская типография. Все это придает много вѣскости факту, который, при ближайшемъ знакомствѣ съ христіанами европейской Турціи, прямо бросается въ глаза каждому путешественнику, именно, что времена турецкаго ига, самая раннія, не были самыми худшими во всѣхъ отношеніяхъ и что послѣдніе девяносто лѣтъ были для Болгаръ самымъ тяжелымъ временемъ. Славянскіе патріархаты существовали здѣсь до конца прошлаго столѣтія, а до тѣхъ поръ, пока не были уничтожены эти патріархаты, принимались, какъ кажется, постоянно въ соображеніе льготныя условія въ пользу національной свободы христіанъ-славянъ.

Более четырехъ сотъ лѣтъ хранились въ Велесѣ книги и не подвергались никакимъ катастрофамъ въ этотъ длинный періодъ османлискаго ига. Но едва только выступилъ, въ качествѣ посредника между христіанами Велеса и турецкимъ правительствомъ, греческій епископъ, какъ тотчасъ же послѣдовало отъ этой духовной особы приказаніе развести на базарной площади костеръ и на этомъ кострѣ сожжены были всѣ книги. Говорятъ, — только тридцать лѣтъ прошло со времени этого факта. Вотъ почему, славянскіе подданные Порты, до тѣхъ поръ, пока будетъ она отказываться отъ назначеній въ болгарскія общины славянскаго духовенства и навязывать имъ духовенство чужеземное, не въ состояніи будутъ подавить въ себѣ тайной мысли о большихъ стѣпеніяхъ, чѣмъ въ первую эпоху ея владычества. Лѣтъ пять или шесть назадъ тому, болгарское движеніе развилось въ такой степѣни, что угрожало серьезными безпорядками. По словамъ вождей изъ среды самаго народа, «власти увидали, наконецъ, что изъ Болгаръ никакъ нельзя будетъ сдѣлать Грековъ и что соглашеніе между Болгарами и Греками никогда не достигнетъ осуществленія. «Такимъ образомъ», — говорили они, — «добились мы того, что нѣкоторые изъ консуловъ приѣхавъ нашу сторону въ видахъ умпротворенія края. Тогда наконецъ позволили намъ совершать службу на нашемъ собственномъ языкѣ и сажали утверждать и завѣдывать нашими школами».

Велесскіе Болгары, безспорно, люди съ упорнымъ характеромъ. Это обнаруживается и въ слѣдующемъ случаѣ, о которомъ недавно

сообщено намъ письмомъ. Депутатъ греческаго епископа, объѣзжая епархію для сбора дохода прибылъ въ Велесъ и, приступая къ совершенію службы въ церкви, сталъ читать молитву погречески. Народъ тотчасъ же прервалъ его и потребовалъ, чтобы онъ читалъ послavianски. Депутатъ возразилъ было, что онъ не знаетъ послavianски. «Ну, такъ у насъ есть», — отвѣчали ему, — «люди, которые знаютъ послavianски» и, вслѣдъ за тѣмъ, служба была совершена послavianски, согласно съ ихъ желаніемъ. Но, независимо отъ упорства въ отстаиваніи своихъ правъ, велесскіе Болгаре, на самомъ дѣлѣ, заботятся о распространеніи у нихъ образованія и изъ среды ихъ, насколько намъ извѣстно, можно уже и теперь указать, правда, не на многихъ, но, по крайней мѣрѣ, на одного дѣятельнаго поклонника прогресса, Хаджу Тренко, о которомъ уже говорили мы, какъ о попечителѣ школы для дѣвочекъ въ Софіи.

Конечно, Болгары въ Велесѣ, ведущіе торговлю съ югомъ, говорятъ погречески, точно такъ, какъ тѣ Болгары, которые торгуютъ съ странами, лежащими на сѣверъ отъ Дуная, говорятъ поиѣмецки. Купецъ, въ домѣ котораго остановились мы, говорилъ очень плавно погречески; но жена его и семейство не знали погречески ни слова. Европейскіе путешественники, не знающіе славянскаго языка или даже и имѣющіе объ немъ нѣкоторое понятіе, часто составляютъ себѣ ошибочное представленіе о пространствѣ, на которомъ говорятъ по турецки и гречески, внутри европейской Турціи; потому, что, живя въ славянскомъ городѣ, входятъ въ соприкосновеніе только, такъ сказать, съ вѣшнимъ и притомъ, крайне не многочисленнымъ, слоемъ гражданъ, по большей части, знакомымъ либо съ греческимъ, либо съ турецкимъ языкомъ. Домъ, въ которомъ жили мы въ Велесѣ, принадлежалъ богатому купцу. Меблированъ былъ этотъ домъ на европейскій ладъ. Хозяинъ дома одѣтъ былъ во французскій костюмъ, очень обыкновенный въ турецкихъ городахъ, именно: на немъ были широкіе бѣлые шаровары, черный стуртукъ и на головѣ маленькая красная феска. Манеры его обличали въ немъ какъ разъ столько свѣтскаго доска, сколько нужно было, чтобы сгладить ту кору грубости, которая лежитъ на

виѣшности Болгаръ и изъ подъ которой ярко пробивается солидный и острый умъ, который особенно характеризуетъ болгарское племя. Впрочемъ, до тѣхъ поръ, пока не освободятся Болгары отъ ига своихъ деспотовъ, тяготящаго надъ ними,—едва ли совершенно отдѣлаются они отъ своихъ теперешнихъ недостатковъ, какой-то угрюмой робости и неискренности.

Школьнымъ учителемъ въ Велесѣ — священникъ, извѣстный своею ученостію во всей Болгаріи. У насъ было рекомендательное письмо къ нему. Онъ пришелъ къ намъ и много рассказывалъ намъ о болгарскомъ движеніи. Въмѣстѣ съ хозяевами, онъ утверждалъ, что положеніе страны очень похоже на то, о которомъ мы упоминали уже, изображая условія жизни въ окрестностяхъ Прилѣпа, Монастира и Салоникъ. Магометане здѣсь очень часто убиваютъ христіанъ, чтобы расквитаться съ ними такимъ образомъ въ своихъ долговыхъ обязательствахъ и такимъ же образомъ раздѣлываются и со всѣми тѣми христіанами, которые вздумаютъ, въ какомъ-бы то ни было дѣлѣ, стать имъ поперегъ дороги. Разбой въ горахъ случаются постоянно. Положить конецъ всѣмъ этимъ беспорядкамъ — нѣтъ возможности. Для этого необходимо, чтобы турецкіе губернаторы стали строго и безотлагательно преслѣдовать и наказывать мусульманъ, а на это они отнюдь не рѣшатся, такъ какъ губернаторство ихъ въ полной зависимости отъ того, на сколько оно приноситъ пользы элементу мусульманскому. Горькія жалобы слышатся повсюду въ Болгаріи на сборъ податей, по вновь введенному порядку. Когда взымались натурой подати, дѣла, казалось, шли уже такъ дурно, что нельзя было представить себѣ чего-нибудь еще хуже. Теперь же, когда поселянъ не имѣющихъ никакой возможности доставлять для продажи на рынокъ сельскихъ произведеній, принуждаютъ платить подати деньгами, масса притѣсеній еще болѣе возросла. Такъ какъ въ настоящее время правительству Порты нужно много денегъ, то подати взымаются теперь и съ мусульманъ, точно также, какъ и съ христіанъ, хотя и не въ одинаковомъ размѣрѣ. Мусульмане, какъ извѣстно, лѣнливы, а потому неудивительно, что они быстро дошли до окончательнаго разоренія и что много мѣстныхъ землевладѣльцевъ изъ

мусульманъ стараются продать свои помѣстья. Но продажа эта имъ не удается. Никто не хочетъ покупать ихъ помѣстій, отчасти потому, что для этого нужны деньги, а денегъ нѣтъ; а отчасти, въ слѣдствіе шаткости землевладѣнія: кто изъ христіанъ рѣшится пріобрѣсти такое помѣстье, улучшивъ которое, онъ безпрестанно рисковалъ бы потерять его? Не-обезпеченность поземельнаго владѣнія въ рукахъ христіанскаго элемента здѣсь почти тождественна съ необеспеченностію, о которой передавали мы, говоря объ условіяхъ жизни въ Босніи.

Во всѣхъ большихъ комнатахъ занимаемаго нами дома въ Велесѣ, обращенная къ рѣкѣ сторона состояла изъ оконъ и оконъ безъ рѣшетчатыхъ ставней;—венеціанскія же сторы въ этихъ странахъ вовсе неизвѣстны. Зной былъ ужасенъ, жаръ въ комнатахъ — пестершимый! Мы чувствовали себя цѣлый день, какъ бы «тающими на солнцѣ».

Но, вотъ наступила вечерняя прохлада. Мы отправились было въ школы; но школы были уже закрыты. Мы такъ и не видали ихъ. Поэтому и принуждены принять на вѣру показанія объ нихъ другихъ. Намъ сообщили, что въ цинцарской школѣ отъ 30 до 40 учениковъ, а въ болгарскихъ, — двухъ школахъ, — 500 учен. Въ городѣ, кромѣ того, есть еще достопримѣчательность, заслуживающая, какъ говорили намъ, осмотра, — это какой-то болгарскій монастырь. Точно также, какъ и школы, намъ неудалось его видѣть. Впрочемъ, относительно любви къ просвѣщенію въ Велесѣ, свѣдѣнія наши нѣсколько выиграли въ основательности, благодаря находчивости нашего драгомана: онъ расположилъ на одномъ изъ улчныхъ прилавковъ кипу книгъ, полученныхъ имъ отъ салоникскаго миссіонера и объявилъ, что распродаетъ ихъ. Тотчасъ же стали стекаться съ разныхъ сторонъ съ разными требованіями покупатели. Особенно расхватывали «Старый Завѣтъ». Это собственно былъ не весь Старый Завѣтъ, а только нѣсколько книгъ изъ него, переведенныхъ на современный болгарскій языкъ. Эти нѣсколько книгъ переплетены были вмѣстѣ подъ заглавіемъ: «Старый Завѣтъ» отдѣльными экземплярами, изъ которыхъ каждый стоилъ по полкронѣ. Вскорѣ весь запасъ книгъ распроданъ былъ въ Велесѣ и знакомый нашъ священникъ очень сѣтовалъ, что мы не привезли большаго за-

паса книгъ. Нѣкоторые изъ старшинъ, купившихъ книги, считали втихомолку число пророческихъ книгъ и спрашивали потомъ очень подозрительно: почему нѣтъ *всею* Завета? Каждому изъ нихъ необходимо было объяснять, что это уже изданіе такое, — что отъ насъ независѣло вовсе включать или не включать нѣкоторыя книги и что у насъ не было намѣренія сократить нѣкоторыхъ писателей.

Въ *Иривѣнѣ*, — городѣ примыкающемъ историческими своими сказаніями *озамѣ* королевича Марка къ сербской исторіи, — школьный учитель былъ Сербъ родомъ и повидимому сильно интересовался сербскими легендами. Въ Велесѣ же, гдѣ историческія сказанія чисто и исключительно болгарскія, не было вовсе спроса на сербскія сочиненія по исторіи и народной поэзіи, и особенно требовались религіозныя книги на болгарскомъ языкѣ. По поводу этого, нельзя не сдѣлать замѣчанія, что образъ обработки Болгарами своего языка существенно отличенъ отъ разработки своего языка Сербами. Выработываемый теперь въ Сербіи литературный языкъ заимствованъ изъ разговорной рѣчи пастуха и и горца; коренной словарь его — словарь народныхъ пѣсенъ и произношеніе его заимствовано у воиновъ-гусяровъ Герцеговины и Черногоріи. У Болгаръ же напротивъ — языкъ простаго народа выродился въ испорченный ужасный *patois*, полный иностранныхъ словъ: греческихъ, турецкихъ и смѣшанныхъ греко-турецкихъ съ неяснымъ выговоромъ и не-благозвучнымъ акцентомъ. Однимъ словомъ, — если что иибудь можетъ оправдывать Грековъ въ томъ, что они никакъ не могутъ понять: какъ это Болгаринъ не хочетъ разстаться съ роднымъ своимъ языкомъ, то оправданіе это въ пользу Грековъ подскажутъ вамъ собственныя ваши уши, когда вы услышите болгарскій языкъ, послѣ греческаго. Впрочемъ Болгары смотрятъ, какъ на собственно свой древній языкъ, — на языкъ славянскій Кирилла и Меодія и стараются, (точно такъ какъ Греки въ Аѳинахъ языкъ древне-греческій), принять его за образецъ и основу при обработкѣ своего теперешняго языка. Если имъ удастся воскресить этотъ чудный старый языкъ съ его горловыми звуками, этотъ языкъ, столь богатый глубиною выраженія; то они окажутъ огромную услугу всему славянскому міру и ихъ націо-

нальшая жизнь найдеть себѣ выраженіе въ одномъ изъ благороднѣйшихъ проводниковъ человѣческой мысли!

Издатель одной болгарской газеты въ Велесѣ поставилъ себѣ цѣлью сдѣлать свою газету понятною Сербамъ, Кроатамъ и Болгарамъ. Это удалось ему на практикѣ и онъ сказывалъ намъ, что древне-славянскій языкъ снабдилъ его словами и оборотами, понятными всѣмъ южнымъ Славянамъ.

Кромѣ ратоис болгарскаго, сербскій также языкъ, которымъ говорить все вообще населеніе Бѣлграда, пожалуй, менѣе всѣхъ изъ южно-славянскихъ нарѣчій музыкаленъ и выразителенъ. Но чистый сербскій языкъ, на которомъ черногорскіе адвокаты защищаютъ свои дѣла передъ судомъ въ Цетиньѣ, весьма пріятенъ для слуха, выразителенъ и благозвученъ. Учитель бѣлградской гимназіи рассказывалъ намъ, что между учениками гимназіи было нѣсколько мальчиковъ съ горъ на южной границѣ и что когда они и мѣстные бѣлградскіе мальчики повторяли тотъ же самый урокъ; то удареніе и выговоръ первыхъ настолько отличались отъ ударенія и выговора вторыхъ, насколько отличается декламація ораторовъ отъ болтовни обезьянъ.

Въ числѣ книгъ, которыя распродали мы въ Велесѣ, переводъ «Ветхаго Завѣта» на болгарскій языкъ обязанъ былъ появленіемъ своимъ въ свѣтъ трудамъ американца доктора Риггса. Переводъ же «Новаго За-вѣта», предпринятъ Іоанномъ Неофитомъ, теперешнимъ настоятелемъ Рыля, — монастыря на Родопѣ, въ разстояніи четырехъ дней пути къ северо-востоку отъ Велеса. *) Такъ какъ мы въ настоящую нашу поѣздку не посѣтили даже монастыря въ Велесѣ, а монастыря рыльскаго и подавно; то мы приѣдемъ сюда лѣтомъ какъ побуде и переберемся черезъ хребетъ горъ, чтобы посѣтить и описать самый обширный изъ болгарскихъ монастырей, монастырь рыльскій, единственный, въ которомъ удалось удержать за собою почву національному элементу.

---

*) Черезъ Истрию, Каратову и Кюстендиль.

Глава XI.

ПОСѢЩЕНІЕ РЫЛЬСКАГО МОНАСТЫРЯ, ВЪ АВГУСТѢ МѢСЯЦѢ 1862 ГОДА.

Путешественнику, ѣдущему по горной дорогѣ изъ Стамбула въ Бѣлградъ, предстоитъ тащиться много утомительно-долгихъ дней по болотистой, лихорадочной, фракійской равнинѣ. До самаго Филиппополя глазъ его не видитъ горъ. Только подъѣзжая къ этому городу, путешественникъ замѣчаетъ наконецъ рисующуюся вдаль на западъ горную кайму Родопа и на сѣверѣ отдаленную цѣпь Балканъ. Спустя день потомъ, добирается онъ до горъ и, — если предположить, что онъ постоянно будетъ держаться почтовой дороги, — переѣзжаетъ Балканы по западному и самому бойкому проходу Капу—Дербентъ, или черезъ Трояны Ворота (Porta Trajana).

Что касается до насъ, то мы, хотя и ѣхали по этой бѣлградской дорогѣ; но не держались почтовой дороги на всемъ протяженіи нашего пути. Намъ хотѣлось посѣтить старый болгарскій Рыльскій монастырь. Монастырь этотъ, — какъ говорили намъ посѣщавшіе его лица, — въ ущельѣ горной родопской цѣпи, у подошвы одной изъ самыхъ высокихъ горъ этой цѣпи. — «Рыло». По-этому мы свернули съ почтовой дороги по прямому направленію къ этимъ горамъ и, переѣхавъ Балканы че-

резь проходъ, называемый «Кистербендъ», съѣдали привалъ, въ первый разъ, у минеральныхъ водъ Баньи и, во второй, — въ небольшомъ городкѣ Самаковѣ.

Горная равнина, на которой лежитъ Самаковъ, перерѣзана букетомъ проѣзжихъ дорогъ: изъ Болгаріи, Македоніи, Албаніи и Фракіи. Вотъ почему, равнина эта и образуетъ какъ бы rendez-vous, (мѣсто сходимости), но — не для путешествующихъ коммерсантовъ, какъ можно было бы ожидать, а для живущихъ вблизи этихъ дорогъ лицъ разнаго званія, когда имъ приходится бѣжать изъ одного пашалыка въ другой. Расчитывая на непремѣнную остановку въ этой мѣстности, турецкія власти даютъ обыкновенно пройти извѣстному промежутку времени между совершеніемъ преступленія и началомъ преслѣдованія бѣжавшаго преступника.

Мы прибыли въ Самаковъ, заручившись письмомъ къ одному изъ наиболѣе богатыхъ обитателей его Христіанъ. Христіанинъ этотъ принялъ насъ радушно и отвелъ въ назначенную намъ комнату. Комнату эту огибаль вокругъ широкій диванъ. Укладывая на этомъ диванѣ подушки для устройства себѣ постелей, мы приготовили на всякій случай пару заряженныхъ пистолетовъ. Пистолеты эти, конечно, мы не оставили на виду, а скрыли и, безъ сомнѣнія, не сказали объ нихъ никому ни слова. Впрочемъ одно уже то, что мы скрыли пистолеты, свидѣтельствовало о томъ, что мы были предупреждены относительно здѣшнихъ порядковъ, то есть, что, хотя съ цѣлю усмиренія возстанія, и разрѣшено было тайно каждому Болгарину имѣть средства къ защитѣ своихъ женщинъ отъ магометанскихъ фоблазовъ; однакоже всякій христіанинъ, не взирая на то, что мусульмане открыто расхаживаютъ пездѣ съ поясами, изъ за которыхъ торчатъ пистолеты, если у него есть пистолетъ или другое какое-нибудь оружіе, долженъ непремѣнно заботиться, что бы отнюдь никто не видалъ этого оружія.

Самаковъ къ западу отъ Константинополя былъ первымъ мѣстомъ, гдѣ, какъ убѣдились мы, мѣстные жители во-все не понимаютъ греческаго языка. Но отъ этого населеніе этого города не стало населеніемъ варварскимъ. Напротивъ, — въ Самаковѣ были двѣ прекрасныя шко-

лы: одна — для мальчиковъ, другая — для дѣвочекъ. Обширное, помѣстительное школьное зданіе, въ которомъ вовсе не замѣтно недостатка въ свѣжѣмъ воздухѣ, построено изъ дерева и ярко раскрашено въ мѣстномъ вкусѣ. Надъ дверями надпись, гласящая, что зданіе «выстроено старшинами общины, безъ всякой чьей-бы то ни-было помощи»: намекъ на безучастіе въ этой постройкѣ греческаго епископа и турецкаго правительства. Мы посѣтили обѣ школы, помѣщающіяся въ этомъ зданіи. Подробно осматривали внутреннее помѣщеніе школъ, всѣ учебныя пособія, учебныя карты, тетради учениковъ и ученицъ. Слушали, какъ пѣли и читали дѣти и наградили лучшихъ — ученика въ мужской, — и ученицу въ женской школѣ, подаривъ имъ по экземпляру Поваго Завѣта на болгарскомъ языкѣ.

Другой интересный предметъ въ Самаковѣ: община болгарскихъ монахинь. Общину эту намъ довелось посѣтить вотъ при какихъ благопріятныхъ условіяхъ. Едва мы успѣли расположиться въ назначенной намъ комнатѣ, какъ внезапно вошла къ намъ съ привѣтливою улыбкой молодая женщина, въ черномъ платьѣ и въ короткой тальмѣ. Къ крайнему нашему изумленію, женщина эта стала говорить съ нами по-нѣмецки. Она объявила намъ, что она — австрійская славянка и приѣхала сюда изъ Вѣны съ матерью. Мать ея долго была служанкою у одного нѣмецкаго врача. Когда же она умерла, то старый докторъ посоветовалъ ей искать убѣжища въ здѣшней монастырской общинѣ. Образовалась эта община, — рассказывала она, — въ Самаковѣ, въ честь Св. Іоанна Рыльскаго, и признаетъ духовной главою своею настоятеля рыльскаго монастыря. Община эта составлена изъ опредѣленнаго числа пожилыхъ женщинъ. Каждая изъ этихъ женщинъ взяла потомъ къ себѣ по одной молодой женщинѣ, — жить вмѣстѣ съ нею, служить ей и, послѣ ея смерти, сдѣлаться ея наслѣдницею. Члены общины поддерживаютъ свое существованіе работою: онѣ прядутъ и ткутъ. Изъ избытка отъ своихъ заработковъ успѣли онѣ построить себѣ церковь. Не стараясь выказываться въ дѣлахъ виѣшней благотворительности, всѣ онѣ гордятся тѣмъ, что сами на содержаніе свое не принимаютъ ни отъ кого никакой помощи. Просить подаянія считаютъ онѣ столь

же унизительнымъ, какъ и мы, свѣтскія женщины. Добрыми дѣлами, черезъ которыя можно достигнуть святости, считаются, по ихъ мнѣнію, слѣдующія пять: 1) трудолюбіе, 2) послушаніе, 3) воздержаніе отъ мяса, 4) пошеніе чернаго одѣянія и 5) паломничество въ Іерусалимъ. Паломничество въ Іерусалимъ составляетъ эпоху въ безмятежной жизни каждой изъ общинницъ: тутъ центръ, возлѣ котораго группируется все: и ожиданіе искупленія грѣховъ, и воспоминанія прошлаго и рассказы, полныя поэзіи, о приключеніяхъ во время паломничества. У членовъ общины нѣтъ общности имущества. Нѣкоторыя изъ нихъ сравнительно богаты, другія — бѣдны. Нѣкоторымъ въ издержкахъ на паломничество помогаютъ ихъ родственники, другія принуждены выжидать, пока накопится достаточная для покрытія всѣхъ издержекъ паломничества сумма изъ заработковъ. Съ деньгами въ рукахъ, общинницы, обыкновенно вдвоемъ, отправляются въ путь и идутъ сперва одни, до встрѣчи съ какою нибудь изъ тѣхъ паломническихъ партій, которыя постоянно проходятъ черезъ Болгарію въ Іерусалимъ. Встрѣтивъ одну изъ такихъ партій, онѣ примыкаютъ къ пей и идутъ вмѣстѣ съ нею. Партіи эти обыкновенно переѣзжаютъ черезъ море въ Іоппу, пробираются оттуда къ святому городу и находятъ тамъ пристанище въ монастырѣ. Въ этомъ монастырѣ могутъ онѣ оставаться цѣлый годъ, участвуя, въ теченіи этого года, во всѣхъ празднествахъ и торжествахъ. Собираясь домой въ обратный путь, онѣ обыкновенно запасаются разными священными предметами и непременно приносятъ съ собою оттуда изображеніе св. мѣсть, — картину, представляющую какое-то чудное сочетаніе яркихъ красокъ и золота; на этой картинѣ блестятъ и святыя мѣста и святыя лица и рельефно выдается фигура черта, съ рогами и хвостомъ, — какъ бы фигура эта совершенно неизбѣжна, въ виду угрюмыхъ ликовъ Святыхъ. Выслушавъ всѣ эти рассказы объ общинѣ отъ посѣтившей насъ общинницы, мы отправились, вмѣстѣ съ нею, въ общину. Дорогой мы принуждены были перескакивать съ одного большаго камня на другой; такъ какъ улица, тянувшаяся вдоль рѣки, по направленію къ общинѣ, была очень грязна и камни служили единственнымъ болѣе удобнымъ средствомъ сообще-

ція. Войдя въ ворота общины, очутились мы на чистомъ и сухомъ дворѣ. Дверь этого обнесенъ была оградою и, посреди его, стояла небольшая милостивая церковь. За церковь, тянулись садики общинницъ съ небольшими въ глубинѣ этихъ садиковъ келейками, въ каждой изъ которыхъ было не болѣе двухъ комнатъ, именно: маленькой кухни и обнесенной вокругъ диваномъ гостиной. Тутъ мы сдѣлали первый визитъ. Первый визитъ сдѣлали мы матери настоятельницы общины; потомъ одной общинницѣ очень старой, отличающейся своимъ жезнію; у этой общинницы была знаменитая картина изъ Иерусалима и всѣ молодыя общинницы особенно любили эту старицу за ея безконечныя рассказы о паломническихъ приключеніяхъ. Между прочимъ, посѣтили мы также и общинницу, наставницу и патронатку нашей проводницы: она заставила свое «милое дитя», проводницу нашу, показать намъ разныя маленькія драгоценности и лучшія ея воскресныя платья.

Паступила потомъ — вечерня. Мы слушали службу въ сумракѣ церкви. Послѣ окончанія ея, одна изъ молодыхъ общинницъ шепнула намъ съ сверкающимъ взоромъ: «О, если бы вы могли понять, съ какимъ умиленіемъ молились сестры за успѣхъ храбрыхъ Черногорцевъ! Какъ усердно молили онѣ Господа, чтобы «Всеблагій» даровалъ доблестную храбрость и единодушіе всѣмъ христіанамъ. А между тѣмъ, великія христіанскія державы», — шептала она, — «правда ли, что онѣ составляютъ маленькую горсть храбрыхъ Черногорцевъ сражаться однихъ? О другихъ ничего не скажу я. Они заслуживаютъ то, что терпятъ! У нихъ нѣтъ человѣческаго сердца! Но Черногорцы — воины креста. Нѣтъ націи во всемъ христіанствѣ, которая бы сражалась съ повѣрными такъ, какъ они!» Мы хотѣли было захватить съ собою до слѣдующаго дня эту общинницу, чтобы она развила намъ поподробнѣе то, что проговорила вскользь; но сочтено было настоятельницею болѣе приличнымъ, чтобы она оставалась дома въ общинѣ. Уходя, мы подарили ей Новый Завѣтъ на болгарскомъ языкѣ, а она отдала намъ четрами изъ плетеннаго шолга съ крупными жемчужинами, — подаркомъ,

шастровъ въ тридцать, уменьшившимъ на эту цифру ту сумму, которую копила она на паломничество къ святымъ мѣстамъ.

Въ день пребыванія нашего въ Самаковѣ, не разъ принимался идти дождь, такъ, что, на слѣдующее утро, яркое солнце, при восходѣ, бросало лучи на сильно освѣженную дождемъ и позелѣвшую землю. Люди и лошади отдохнули вполне. Всѣ мы отправились теперь въ путь, въ хорошемъ расположеніи духа. Ъхали мы быстрою рысью. Блестящая оружіемъ кавалькада наша бодро скакала и была весела. Она состояла изъ хорошо одѣтыхъ запѣевъ, двое изъ которыхъ служили кавасами у филлиппопольскаго паши, изъ нашего драгомана и Юнійца, отправленнаго съ нами британскимъ консуломъ, съ тою цѣлю, чтобы предоставить намъ выгоду имѣть на своей сторонѣ хотя одинъ христіанскій мечъ, въ случаѣ, еслибы въ горахъ напали на насъ двоюродные братья нашихъ братьевъ — христіанъ. Болгаринъ, кучерь экипажа, въ которомъ приходилось намъ проѣхать въ жаръ равнину, боялся оставлять своихъ лошадей и вовсе не слѣзалъ съ козелъ; по мальчику, сыну его, дана была привилегія на пѣшеходство, и, идя босикомъ, онъ скоро перегналъ всѣхъ насъ. Конечно, наше хорошее расположеніе быстро бы исчезло, если бы мы, послѣ переѣзда черезъ равнину, переездили изъ экипажа на предназначенныхъ намъ верховыхъ лошадей, — тѣхъ «печальныхъ клячъ», которыя добыты были для насъ мудиромъ въ Самаковѣ; но, къ счастью, этого не случилось. Бакшинъ склонилъ нашихъ конвойныхъ перемѣняться съ нами лошадьми и мы не могли надивиться предразсудку, распространенному здѣсь относительно лошадей, приученныхъ «возить барыню», когда увидали подъ собою обыкновенныхъ турецкихъ лошадей, превосходно выѣзженныхъ и выступающихъ гордо и осторожно подъ непривычнымъ боковымъ сѣдломъ, на которомъ помѣщается наѣздница въ амазонкѣ, съ висячимъ подоломъ и съ развѣвающимся вуалемъ на головѣ. Хорошо выдрессированная турецкая лошадь восхитительна для ѣзды! Она годна и для дальнихъ поѣздокъ, и для обыкновенной ѣзды и для парадныхъ прогулокъ. Независимо часовъ копь несетъ васъ ровно и легко по отвратительной дорогѣ и, когда вы вѣзжаете въ городъ, — онъ — поднимаетъ голову и

идеть параднымъ шагомъ, какъ бы выказывая и ваше достоинство и свое собственное.

Но нѣчто большее, чѣмъ быстрая и красивая ѣзда, потребовалось отъ лошадей, когда мы покинули равнину. Нужно было взбираться на безтропныя скалы и, при спускѣ съ этихъ скалъ, оспаривать ложе у горныхъ потоковъ. Когда мы добрались наконецъ до высшей точки скалистой горной гряды, передъ нами раскинулся клочекъ горной долины, гдѣ назначена была, на нѣсколько минутъ, остановка для отдыха. Одинъ изъ конвойныхъ указалъ намъ могилы какой-то разбойничьей шайки, перебитой и зарытой здѣсь въ землю. «До послѣдняго времени» сказалъ онъ, — «это была самая опасная дорога во всей горной цѣпи. Недавно софійскій паша отправилъ здѣсь на тотъ свѣтъ шайку разбойниковъ и головы убитыхъ велѣлъ вывѣсить на нѣсколько дней на жердяхъ. Это остановило разбой на нынѣшнее лѣто». Нѣсколько минутъ спустя послѣ этого, конвойные обратили наше вниманіе на глухой звукъ подъ лошадиными копытами и объяснили, что звукъ этотъ происходитъ отъ того, что чудесные «подземные» кабаны подкопали всю эту часть горы.

Теперь шелъ спускъ, совершенно почти невысказанный для лошадей и однакоже до того болѣзненный для человѣческой ноги, что мы продолжали ѣхать верхомъ гораздо дольше, чѣмъ позволяла безопасность. Одинъ изъ запѣвѣвъ указалъ намъ на чистое, каменистое дно ложбины, по которой вода струилась въ водоемъ или цистерну. Эта небольшая цистерна Балканъ *), съ ея чистою свѣтлою водою, съ ея сѣрыми камнями и величественными соснами, — одинъ изъ тѣхъ пейзажей, которые вполнѣ вознаградили бы художника за его путешествіе изъ Англій, лишь для того, чтобы привезти этотъ пейзажъ домой въ своемъ портфелѣ. Мы сѣли на краю цистерны и могли бы просидѣть тамъ до сихъ поръ; но солнце было уже на закатѣ, а дорога, по всемъ указаніямъ,

---

*) Турецкое названіе Балканъ, хотя обыкновенно присвоено собственно только сѣверной цѣпи балканскихъ горъ или Гемусу, дается, въ этой части Турціи, вообще всемъ горнымъ хребтамъ.

шестичасовая, потребовала, вместо шести, десять часовъ. Первое, что поразило наши взоры, послѣ того, какъ мы сѣли на лошадей, — былъ видъ на буковые лѣса, обрамливавшіе травянистую долину, въ концѣ которой рисовалось очертаніе сѣрыхъ стѣнъ. «Здѣсь», замѣтили наши конвойные, — «граница владѣній, уступленныхъ старыми султанами великому рыльскому монастырю». Едва успѣли мы проѣхать эту границу, какъ на встрѣчу намъ выѣхала монастырская стража. Она была одѣта въ бѣлыя полотняныя рясы съ малиновыми кушаками. Во главѣ ея стоялъ человекъ, котораго, по костюму, можно было признать за Албанца, но онъ величалъ себя Сербомъ, очевидно, разумѣя то подъ этимъ народнымъ именемъ, что онъ принадлежалъ къ вѣрѣ Сербовъ. Шеренги вооруженныхъ людей, пѣшихъ и конныхъ, нарушали безмолвіе пустыни и оживляли, полный таинственной прелести, длинный, темный лѣсъ. Когда мы въѣхали въ лѣсъ, спустившись съ горы, на пути черезъ узкую, примыкающую къ горѣ долину, потянулись, съ обѣихъ сторонъ, вереницы видовъ, съ каждою минутою, становившихся болѣе и болѣе великолѣпными. Виды эти были особенно поразительны прелестію, по своей исключительности; такъ какъ горные пейзажи, между сѣверомъ Албаніи и Дунаемъ, обыкновенно болѣе дики, чѣмъ живописны. Амфитеатры горъ, покрытыхъ лѣсами, которымъ смѣсь бука и дуба съ соснами даетъ издали синевато-зеленый видъ, — и нѣсколько скалистыхъ пропастей, — вотъ характеръ пейзажа, соотвѣтствующаго точь въ точь славянскому названію «планина», то есть «лѣсная гора.» Безъ сомнѣнія, уединенные лѣсные виды имѣютъ особенную привлекательность, а ущелье рыльское — одинъ изъ такихъ именно видовъ. Покрытая лѣсомъ гора заканчивается тамъ и сямъ живописными крутыми, утесистыми вершинами самой фантастической формы. Съ этихъ скалъ лѣсъ сбѣгаетъ внизъ массаи. Массы эти разбиваются внизу на группы и рощи, на паркоподобныхъ луговинахъ, которыя окаймляютъ вьющуюся по долинѣ рѣку. На долинѣ, въ сторонѣ, на право, возвышается какое-то большое зданіе. Мы приняли было его за монастырь; но оказалось, что это — домъ, построенный отдѣльно и вдали отъ монастыря для богомольцевъ, которые стекаются сюда на извѣстные дни.

Для того же, чтобы подъѣхать къ монастырю, слѣдовало проѣхать вдоль всю долину. Горы по бокамъ долины сѣживаются все болѣе и болѣе. Вотъ, кажется, какъ бы онѣ еще разъ совѣмъ замыкаются, и вдругъ предстаютъ предъ вами какъ-бы втиснутыя въ треугольникъ горъ высокія башни и массивно-выпуклые купола монастырскихъ церквей. У воротъ монастыря стояли стройными рядами отшельники съ длинными бородами, въ длинныхъ рясахъ и съ длинными покрывалами на клубукахъ. Съ важнымъ видомъ привѣтствовали они насъ, радушно приглашая войти во св. врата. Въ то время, какъ входили мы въ св. врата, — раздался звонъ колоколовъ, — христіанскихъ колоколовъ! Знаете ли вы, что значитъ слышать звуки колоколовъ въ мусульманской странѣ? И притомъ, — не въ городѣ или селахъ, гдѣ они запрещены и гдѣ ихъ звонъ сопровождался бы тысячью оглушительныхъ голосовъ разъяренной толпы, — но въ дикой пустынѣ Балканъ, гдѣ они прерываютъ пустынную тишину монастырскаго воздуха? — Да, эффектъ былъ поразителенъ! Но, мы такъ были утомлены, перекарабкиваясь цѣлый день съ одного мѣста на другое, что, проходя чрезъ монастырскій дворъ и по галлереймъ монастыря, едва-ли ощущали что нибудь, кромѣ охватившей насъ мирной прелести и тишины отшельнической обители. По галлереймъ дошли мы до предназначенной намъ комнаты, пестро разрисованной и съ мягкими щегольскими диванами. Мы расположились въ ней и намъ подали на ужинъ столько циплять, фруктовъ и конфетъ, что достаточно было бы для утоленія, какого угодно, голода. Кромѣ того, подали рису, сметаны и огромный стеклянный кувшинъ превосходнаго вина. Да, сверхъ того, еще открыли мы въ комнатѣ небольшой шкафъ въ стѣнѣ, въ которомъ были поставлены бутылка вина и конфеты про запасъ, въ наше полное распоряженіе.

Но въ эту ночь мы не нуждались ни въ чемъ, кромѣ сна.

На слѣдующее утро, мы были приглашены къ настоятелю въ его приемную комнату и застали его съ двумя или тремя почтенными монахами, одного изъ которыхъ, съ длинною сѣдою бородою, мы наканунѣ, по ошибкѣ, приняли за настоятеля. Настоящій настоятель человекъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста и худощавый съ утонченно-интел-

лектуальнымъ выраженіемъ лица, необыкновеннымъ среди Болгаръ, которые, по большаі части, дородные и полные люди, скорѣе, съ лукавымъ, чѣмъ съ умнымъ выраженіемъ лицъ. Впрочемъ настоятель монастыря, Іоаннъ Неофитъ, — незаурядная личность. Имя его стоитъ на заглавномъ листѣ болгарскаго Новаго Завѣта въ современномъ переводѣ. Глубокое знаніе своего роднаго языка, какъ древняго, такъ и новаго, вмѣстѣ съ желаніемъ содѣйствовать воспитанію и принести пользу своему народу, побудили его принять предложеніе одного протестанскаго миссіонерскаго общества и предпринять этотъ переводъ съ древне-болгарскаго на современный болгарскій языкъ. У Неофита, въ монастырѣ, складъ священныхъ книгъ и, видя, что у насъ нѣсколько такихъ книгъ, онъ убѣждалъ насъ принести пользу нашимъ путешествіемъ, распространяя эти книги въ пародѣ, во время проѣзда по славянскимъ областямъ Турціи. Неофитъ сказывалъ намъ, что американскіе миссіонеры въ Константинополь, которые переводятъ священные книги, ведутъ съ нимъ переписку и что двое изъ нихъ въ этомъ году навѣстили его. Послѣ того, показывалъ онъ намъ любопытные старыя документы, въ одномъ изъ которыхъ, между прочимъ, изложена первоначальная исторія монастыря. Надпись на башнѣ, возвышающейся на монастырскомъ дворѣ, гласитъ, что башня эта существовала уже во дни могущественнаго царя Св. Душана, который соединилъ Сербію и Болгарію въ одно царство. Но самый ранній хрисобулъ относится къ концу XIV вѣка: онъ данъ лицомъ, имевшимъ себя Іоанномъ Шишманомъ, благовѣрнымъ царемъ и самодержцемъ всѣхъ Болгаръ и Грековъ, т. е. Грековъ въ Болгаріи.

Слѣдующіе за тѣмъ документы были турецкіе фирманы, которые многіе изъ болѣе богатыхъ монастырей могли покупать у первыхъ султановъ. Монастырь рыльскій, въ силу своихъ привилегій, не состоитъ, (подобно вестъ — министерскому аббатству), въ зависимости отъ епископа, вслѣдствіе чего онъ и могъ сохранить свой исключительно — болгарскій характеръ. Онъ состоитъ изъ ста пятидесяти монаховъ, изъ которыхъ у каждаго по послушнику. Послушникъ монаха становится обыкновенно впослѣдствіи его преемникомъ. Въ цѣломъ, составъ мо-

настыря доходить до четырехъ сотъ человѣкъ. Женщинъ въ монастырѣ вовсе нѣтъ и даже сказано, что бы ни одна изъ нихъ не жила на монастырской землѣ! Правило это однакоже не распространяется на посѣтителей монастыря и родственницъ богомольцевъ. Доходы монастыря завсягь отчасти отъ горныхъ пастбищъ, отчасти отъ приношеній богомольцевъ. Въ послѣднее столѣтіе монастырь щедро былъ одѣляемъ съверными его единовѣрцами, и монахамъ разрѣшено было собирать пужную для возведенія новой церкви сумму, прося пожертвованій, во время путешествія, предпринимаемаго съ этою цѣлью по Россіи, Сербіи и Австріи.

Знакомство, — которое выказалъ глава этого монастыря, — съ исторіею своей страны и съ настоящими нуждами своихъ соотечественниковъ, его заслуги въ дѣлѣ перевода Св. Писанія, — все это поразило насъ, какъ фактъ, страннымъ образомъ противорѣчившій слышанному нами въ Константинополѣ сообщенію, будтобы греческій патріархъ не назначаетъ природныхъ Болгаръ епископами въ болгарскія епархіи, потому, что вовсе нѣтъ природныхъ Болгаръ достаточно образованныхъ. Послѣ услышали мы, что Іоаннъ Неофитъ былъ указанъ соотечественниками его и что они просили его въ епископы, но, со стороны завистливыхъ фанаріотовъ, единственнымъ результатомъ такого признанія его достоинствъ было удаленіе его въ этотъ разобщенный со всѣмъ міромъ, пустынный монастырь Балканъ. Что касается до настоящей дѣятельности Неофита, то у него, здѣсь, въ монастырѣ, литографскій станокъ и онъ поговариваетъ даже о заведеніи типографіи. Хотя на глазахъ у завистливаго фанаріотскаго духовенства свѣтъ долженъ быть тщательно скрывается подъ спудомъ; тѣмъ не менѣе однако же едвали можно сомнѣваться, чтобы вліяніе такого настоятеля, какъ Неофитъ, не отражалось на молодыхъ ученикахъ его въ монастырѣ рыльскомъ и чтобы они, во время своихъ разѣздовъ за подаваемъ, не были способны «сѣять», точно также, какъ и «пожинать».

Одно замѣчаніе настоятеля особенно поразило насъ. Мы сказали ему, что первый славянскій монастырь, который удалось намъ посѣтить, былъ цетинскій монастырь, въ Черногоріи. Его брови нахмурились и, послѣ минутнаго колебанія, онъ произнесъ: «Собщаются, что этотъ

монастырь отданъ теперь въ руки мусульманъ и сожженъ». Мы спросили его, гдѣ онъ читалъ объ этомъ. — Въ выпискѣ изъ «Journal de Constantinople». «И это все», — вскричали мы, — «такъ не огорчайтесь же. Этотъ журналъ сжигалъ Цетинью и перебивалъ все население Черногоріи бесчисленное количество разъ, въ послѣдніе два или три года».

«Но, — полагаете ли вы,» — спросилъ настоятель, — «что великія державы будутъ смотрѣть спокойно и допустить, чтобы этотъ монастырь былъ сажженъ?» — «Мы питаемъ вѣру и полагаемъ, что нѣтъ. Франція сдѣлаетъ все, отъ нея зависящее, чтобы спасти монастырь». — «Франція», сказалъ онъ, — «можетъ быть; но Англія»? Чувствуя себя глубоко сконфуженными, мы отвѣчали, что недостатокъ живаго участія, выказываемый Англіею относительно славянскихъ христіанъ Турціи, происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ ея невѣдѣнія, какъ живутъ они въ Турціи и что, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ нихъ вовсе даже и не слышали никогда имени турецкихъ Славянъ». «Я думалъ точно также, какъ вы сейчасъ сообщили,» — возразилъ онъ — «тоже самое говорили мнѣ и Американцы. Однакоже очень жаль, что такая обширная страна, дѣти которой пользуются полною свободою путешествовать, гдѣ хотятъ, и печатать, что хотятъ, остается въ столь глубокомъ невѣдѣніи быта христіанъ въ Турціи, съ которой она находится въ столь короткихъ отношеніяхъ. Впрочемъ», — прибавилъ онъ, — перемѣняя тонъ, — «что мнѣ за дѣло до этого? Я живу здѣсь, какъ мышь въ норѣ, и болгарскій народъ нашъ — мирный народъ. Не угодно ли вамъ пройтись по монастырю? Онъ вполнѣ заслуживаетъ подробнаго осмотра; по, прежде чѣмъ пустимся въ экскурсію, постоимъ здѣсь, на этой открытой галлерей, и полюбуемся обширною массою лѣса. Вотъ она поднимается вверхъ возлѣ самаго монастыря, за башнею, на дворѣ. Замѣьте, лѣсистая эта гора служитъ монастырю вмѣстѣ и стѣной и оградой.»

Церковь, стоящая на монастырскомъ дворѣ, новая, такъ какъ прежняя сгорѣла до тла. Освященіе новой церкви послѣдовало въ 1839 году на деньги, собранныя, по большей части, изъ пожертвованій. Зда-

ние это въ формѣ греческаго креста, съ куполами и сводами, разрисованными, какъ внутри, такъ и снаружи. Внутри церкви, своды поддерживаютъ массивныя колонны. Иконостасъ въ церкви — очень красивъ. Онъ сдѣланъ изъ золоченнаго дерева цинцарскими токарями, которые исполняютъ все подобнаго рода работы въ Турціи. Изъ образовъ указывали намъ на Главу Христа, сообщая что она написана природнымъ Болгарикомъ — изъ Самакова, который учился живописи въ Москвѣ. Пошибъ этой иконы напоминалъ смягченный византийскій стиль современной русской школы. Въ храмъ были, между прочимъ, странные богомольцы, — пастухи съ Балканъ. Они говорили на какомъ-то варварскомъ латинскомъ нарѣчїи и называли себя Римлянами, а между тѣмъ живутъ, какъ дикіе. Они пасутъ стада въ Балканахъ. Женщины, когда мужчины находятся въ отсутствїи, защищаютъ хижины. Женщины эти, подобно Албапкамъ, извѣстны своей мѣткой стрѣльбой. Дикій ихъ образъ жизни обозначался въ ихъ замѣчанїяхъ, которыя позволяли они себѣ дѣлать громко, на нашъ счетъ. Видя, что мы — иностранки и ходимъ въ сопровожденїи конвойной стражи, они сочли несомнѣннымъ, что мы недобровольно пришли сюда и, указывая на насъ, спросили: «Изъ какой страны онѣ *«похищены»*?

Еслибы не было такихъ монастырей, какъ рыльскій, эти пастухи вовсе бы не имѣли никакого понятїя о богослуженїи; по сюда они ходятъ въ извѣстныя дни къ службѣи для исповѣди причащенїя. Вопросъ, насколько поучительна этому темному люду служба на языкѣ, котораго онъ не понимаетъ, остается открытымъ; но сами мы были свидѣтельницами того, на сколько, въ подобныхъ случаяхъ, можетъ принести пользы наглядное назиданїе, путемъ священныхъ изображенїй. На стѣнахъ церкви помѣщено много такихъ изображенїй и, между прочимъ, фреско — Рождества Христова. Надобно замѣтить, что болѣе старыя изъ такихъ фресковъ представляютъ уже, по большей части, какія-то неясныя изображенїя, относительно которыхъ можно, по крайней мѣрѣ, сказать, что тѣ, кто преклоняются предъ ними, не поклоняются «подобію чегобы-то-нибыло на небѣ или на землѣ.» Но современные изображенїя не таковы: они натуральны. Такъ, напримѣръ, на фрескѣ Рож-

чества Христова изображена прямо выхваченная изъ жизни восточная сцена. Одинъ изъ пастуховъ — богомольцевъ замѣтилъ эту фреску и, въ восторгѣ, воскликнулъ: «Смотри — вотъ Рождество Христа!» Женщины столпились вокругъ него и онъ указывалъ имъ: младенца, мать, звезду, пастырей, быка, осла, — давая, вмѣстѣ съ тѣмъ, соответственные объясненія.

Послѣ осмотра монастыря, мы слушали вечерню, въ продолженіе которой монахи по временамъ снимали свои клобуки и оставались нѣкоторое время съ непокрытыми головами и ихъ длинныя волосы развѣвались по ихъ синнамъ. Пѣніе было хорошо; — голоса — чудесные; но мотивъ — монотоненъ и гнусливъ.

Намъ показалось, что здѣшнее пѣніе лучше нѣсколько того, которое слышали мы въ греческихъ церквахъ, но еще не достигло той степени совершенства, какъ сербское пѣніе псалмовъ, въ которомъ западное вліяніе подѣйствовало на идею, по видимому, преобладающую на Востокѣ, какъ и въ Шотландіи, что есть что-то святое въ пѣніи черезъ носъ.

Самая интересная часть рыльскаго монастыря — его старая башня. Въ ней помѣщается и самая старая церковь монастыря. О времени, въ которое построена эта церковь, можно вывести заключеніе изъ того, что она помѣщена высоко отъ земли, въ стѣнѣ башни, безъ оконъ и безъ всякихъ отверстій, за исключеніемъ одного, надъ двернымъ входомъ, которое сдѣлано для того, чтобы черезъ него можно было бросать камни и лить кипящее масло на нападающихъ. Башня эта — вовсе не часовня Св. Іоанна Рыльскаго, который жилъ и умеръ отшельникомъ, молясь въ пещерахъ и дуплахъ деревьевъ. Это даже — не мѣсто его погребенія, которое находится нѣсколько подальше на горѣ. Говорятъ, что башня эта была построена въ очень давнія времена для защиты монастыря отъ разбойниковъ и, безъ сомнѣнія, была полезна и впоследствии въ бѣдственные дни мусульманскаго фанатизма, когда монашеская жизнь, полагать надобно, требовала храбрыхъ людей. У подошвы башни, стоитъ келья, куда заключаются помѣшанные и откуда выводятся они въ церковь для чтенія надъ ними заклинательныхъ мо-

литвъ. Монахъ спрашивалъ насъ, находятся ли такія лица въ нашей странѣ? Мы отвѣтили: «Да; но, вмѣсто тѣсныхъ келлій, мы помѣщаемъ ихъ въ просторныя и обильныя воздухомъ жилища и, вмѣсто священника, водятъ ихъ къ доктору.» «И они поправляются?» «Поправляются иногда; но, — увы! — не всегда.» «Удивительно!» — воскликнулъ онъ — «тоже самое и у насъ.» Последнее мѣсто, заслуживающее посѣщенія, — часовня склепа, гдѣ мы замѣтили множество череповъ на алтарѣ. Намъ сказывали, что положить черепъ на алтарь здѣсь значитъ оказать большую почесть усопшему, за что родственники его охотно платятъ. Также говорили намъ, что и здѣсь, какъ въ греческихъ частяхъ Турціи, умершіе разрыгаются для того, чтобы судить, по состоянію ихъ тѣлъ: въ раю-ли или въ аду ихъ души.

На слѣдующее утро, уѣзжая, мы не могли добиться разрѣшенія оставить что нибудь, въ вознагражденіе за гостепріемство въ монастырѣ, кромѣ пожертвованія, по нашему умотрѣнію, на украшеніе церкви. Сами же увезли съ собой подарки, на память: курьезно выточенныя деревянныя ложки, портретъ стараго краля Шнимана и новое жизнеописаніе Св. Іоанна Рыльского, изображающее его жизнь, чудеса и погребеніе.

Глава XII.

ГОРОДЪ ЮСТИНИАНА.

Когда мы доѣхали до Велеса, вся умственная дѣятельность наша поглощена была заботою, какъ выбраться оттуда. Лошадь, засѣкшая себѣ дорогою ногу, конечно, повреждена была не слишкомъ значительно; однакоже нѣкоторое время вовсе не могла быть въ ѣздѣ. Нашъ возница хотѣлъ, чтобы мы дождались его въ Велесѣ, пока онъ съѣздитъ назадъ въ Монастирь за другою лошадью. Но нечего было и думать объ этомъ. Мы заплатили ему бакшишъ и дали объяснительное письмо къ консулу въ Монастирь, отправивъ другое, такого же содержания, письмо къ консулу, по турецкой почтѣ.

Когда отдѣлались мы такимъ образомъ отъ нашего прежняго возницы съ экипажемъ, какъ намъ было продолжать путь? Верховъ? Но дорога въ Скопье проходила чрезъ знойную равнину, — къ тому же, мы чувствовали себя слишкомъ еще слабыми и неполнѣй оправившимися отъ болѣзни и не могли рѣшиться на ѣзду верхомъ; въ продолженіи цѣлаго дня. Въ таликѣ, запряженной буйволами, по обычаю страны? Но буйволы идутъ въ три раза тише самыхъ лѣнливыхъ лошадей и могутъ идти только въ теченіи немногихъ часовъ прохлады. Видя насъ въ такомъ затруднительномъ положеніи, нашъ драгоманъ подошелъ къ

намъ съ предложеніемъ отъ хозяина дома, которое, въ той формѣ, въ какой было высказано, довольно странно звучало. «Послушайте», сказалъ онъ, «позвольте мнѣ объяснить вамъ, какъ Турки перевозятъ своихъ женщинъ изъ мѣста въ мѣсто, и какъ сами они дѣлаютъ перевозки, когда бываютъ больны. Здѣсь никто не ѣздитъ въ бричкахъ, а вотъ въ какой экипажѣ. Небольшая комнатка съ дверью и окнами прикрѣпляется къ жердямъ, — концы же этихъ жердей къ седламъ лошадей. Лошади идутъ сбоку жердей спереди и сзади и такимъ образомъ везутъ эту комнату; — люди же идутъ подвое на каждой сторонѣ, чтобы поддерживать эту комнату. Турки называютъ такой экипажъ «*так-тараваномъ*» *).

Такимъ образомъ, не оставалось ничего болѣе, какъ ѣхать въ «носилахъ» и, какъ видно изъ предыдущаго описанія, въ очень неряшливо-сдѣланныхъ носилкахъ. Стороны этихъ носилокъ ничѣмъ не были обиты. Въ носилкахъ не было вовсе мѣстъ для сидѣнія и онѣ были недостаточно длинны, чтобы въ нихъ можно было лежать, растянувшись. Къ тому же, онѣ были очень узки, такъ что въ нихъ нельзя было комфортабельно сидѣть вдвоемъ, рядомъ; при всякомъ же другомъ разсѣживаньѣ, одна изъ насъ неизбѣжно рисковала настезь растворить дверь. Кроме того, поддерживавшія носилки жерди, хотя и были прикрѣплены къ деревяннымъ седламъ лошадей, но прикрѣплены самымъ неряшливымъ образомъ худо захлестнутыми узлами и беспрестанно соскакивали, такъ, что у этой «*piccola camera*» не было устоя и она беспрестанно склонялась то въ ту, то въ другую сторону. Смотрѣвшіе за носилками люди, которыхъ было немного, очень мало обращали вниманія на равновѣсіе носилокъ и, если бы не нашъ кавассъ, страстно любившій дѣлать замѣчанія и распоряжаться вокругъ себя, — странности, которыя, на этотъ разъ, послужили намъ ко благу, — мы вывалились бы не одинъ разъ изъ этихъ носилокъ. Жаръ солнца, лучи котораго ударили въ низкую, темную крышу комнатки, устранили мы,

---

*) Мы произносимъ это слово такъ, какъ оно было произнесено передъ нами, — можетъ быть, — произнесено и неправильно.

прививъ нѣсколько простыней надъ крышей и образовавъ такимъ образомъ надъ нею бѣлое покрывало. Конечно, всякія попытки видѣть что нибудь въ странѣ, которую проѣзжаешь такимъ образомъ, — были бы напрасны; поэтому всѣ пейзажи по сторонамъ дороги между Велесомъ и Скопье, останутся у насъ вовсе неописанными.

Наша полуденная остановка была въ Капланъ-Ханѣ. Тамъ почувствовали мы, что погода хочетъ мѣняться. Кираджи наши предсказывали, что на завтра будетъ гроза. Мы выѣхали опять въ «тактараванъ», но велѣли осѣдлатъ нашихъ лошадей и вести сбѣоку. Вскорѣ, когда жаръ сталъ спадать и день клониться къ вечеру, начали мы опасаться, судя по медленному движенію впередъ нашихъ послоковъ, слишкомъ поздняго прибытія въ Скопье, а потомъ уже потеряли всякую надежду добраться туда въ нашихъ посилкахъ засвѣтло. Мы вышли изъ нихъ и очутились на какой-то равнинѣ. Равнина эта казалась пустынною и была опоясана низкими горами; надъ головой у насъ было сѣрое небо, освѣщенное тусклымъ закатомъ; въ отдаленіи видѣлся замокъ Скопья. Ощущеніе необыкновенной свѣжести едва ли было бы болѣе освѣжительнымъ средствомъ, чѣмъ ощущеніе свободы для нашихъ долго бывшихъ въ скорченномъ положеніи членовъ. Мы, обыкновенно, очень щадили нашихъ лошадей, боясь, какъ бы не загнать ихъ быстрой ѣздой; но близость ихъ почлежныхъ стойлъ и не слишкомъ тяжелая дорога нѣсколько оправдывали насъ въ томъ, что мы тотчасъ же пустили ихъ въ галопъ, стремясь насладиться быстрою ѣздой. Пустившись такимъ образомъ въ галопъ, мы прибыли къ цѣли назначеннаго па этотъ день нашего пути, въ Скопье, въ лучшемъ расположеніи духа и гораздо менѣе утомленные, чѣмъ чувствовали себя или «воображали», что чувствовали, выѣзжая изъ Велеса.

Изъ небольшого оконца «тактаравана» на пути намъ удалось однако же бросить нѣсколько взглядовъ на село «Таоръ», которое Гашъ отождествляетъ съ «Таурезіумомъ», — родиною императора Юстиніана. Попріѣздъ въ Скопье, гдѣ комфортабельно расположились мы въ чистомъ домѣ цинцарскаго купца, достали мы наши книги, и перечитали всѣ преданія, какія только могли найдти относительно императора

Юстиниана и мелькнувшей передъ нашими взорами колыбели его. Готы, подвиги которыхъ смѣшивали нѣкогда съ подвигами Славянъ, и нѣкоторыя личности этой національности съ чисто-славянскими личностями, — долго считались роднымъ Юстиниану народомъ и самое имя его, «Юстинианъ», долгое время производилось отъ готскаго слова. Къ счастью, филологія помогла въ этомъ случаѣ опровергнуть ошибку. «Управда» не подводится болѣе — подъ «aufrichtig» пасильственнымъ образомъ. Филологія рѣшила, что это — чисто-славянское слово, равнозначущее слову «Юстинианъ». Въ пользу этого рѣшенія говорить и самое имя отца императора, Истокъ, которое также теперь приведено къ своему истинному славянскому корню. Любопытна особенно и та черта дѣятельности царской Юстиниана, которая также нѣкоторымъ образомъ указываетъ на его славянское происхожденіе: это то, что знаменитый византійскій императоръ предстаетъ передъ нами въ ореолѣ царя, прославившагося компилятивнымъ кодексомъ законовъ. Надобно замѣтить, что у каждаго славянскаго племени, въ раннюю пору его исторической жизни, царь-законодатель — лицо болѣе уважаемое, чѣмъ царь-полководецъ или завоеватель: будетъ ли это — чешскій — Крокъ, царица ли — Любуша, польскій ли — Бракусъ, славянскій ли — Святоплукъ, сербскій ли — Душанъ или же, — ближе къ нашему настоящему времени, — Петръ Великій въ Россіи и Св. Петръ Владыка — въ Черногоріи. Воинственность Славянъ считается второстепеннымъ достоинствомъ, между тѣмъ, какъ дѣятельность преобразователя, законодателя, — это главное достоинство, которое болѣе всего уважается въ славянскомъ героѣ *).

Къ своему родному селу, Таору, Юстинианъ выказалъ вниманіе. Въ видахъ защиты, онъ обнесъ его четырех-угольною стѣною съ че-

*) Что касается теперешняго черногорскаго князя, Mr. Stillman рассказываетъ объ немъ слѣдующее: „Я самъ слышалъ, какъ турецкія должностныя лица въ Албаніи хвалили его за справедливость и довѣріе, которое онъ внушаетъ къ себѣ, въ выраженіяхъ, напоминавшихъ похвалы, расточаемыя лѣтописцами Гарунъ-аль-Рашиду. Если завяжется споръ на границѣ между Туркомъ и Христіаниномъ и Турокъ считаетъ себя правымъ, спорящіе, обыкновенно, обращаются къ черногорскому князю-судьѣ, предпочитая его турецкимъ судьямъ.“ Herzegovina. W. J. Stillman. Longmans. 1877.

тырьми башнями, въ стилѣ фортификаціи, носящемъ названіе «tetrapylon». По всему своему родному округу возстановлялъ опъ или же «строилъ» вновь города и села, — въ особенности же заботился о главномъ городѣ округа. — Скопъ. Городу этому, заново обстроивъ его и украсивъ, далъ опъ имя: «Justiniana Prima» и сдѣлалъ его резиденціею архіепископа Иллиріи. Блескъ этого города продолжался до тѣхъ поръ, пока болгарскій царь Самуилъ не основалъ резиденціи въ Охридѣ и не перенесъ туда архіепископскаго престола изъ Скопья. Тогда, кажется, и самое имя «Justiniana Prima», отождествленное съ престоломъ архіепископа, перенесено со Скопья на новую столицу, Охриду. Прокпій говоритъ, что весьма трудно было бы описать тѣ церкви, тѣ великолѣпные дома, пропшлен, рыночныя площади и фонтаны, которыми изукрашено было Скопье въ то время, когда городъ этотъ назывался «Justiniana Prima». Изобильно снабжено было Скопье и водою, посредствомъ водопровода. Вообще — благосостоянію этого города положены были столь твердыя основы, что городъ этотъ долго продолжалъ быть однимъ изъ красивѣйшихъ и самыхъ богатыхъ городовъ въ томъ краѣ. Во время сербскаго господства, Скопье процвѣтало подъ именемъ Скоплье, какъ вольный городъ, съ большою ежегодною ярмаркой. и экземпляры монетъ этого вольнаго города видѣть можно и теперь въ бѣлградскомъ музеумѣ. Въ 1347 году Скопье было мѣстопребываніемъ того великаго сербскаго собора, на которомъ Стефанъ Душанъ принялъ поднесенный ему титулъ «царя» и обнародовалъ извѣстный кодексъ законовъ, носящій его имя. Здѣсь также митрополитъ Сербіи возведенъ былъ на степень независимаго патріарха.

Такъ какъ послѣдній царь Сербіи выступилъ противъ Турокъ на Коссовомъ полѣ, къ сѣверу отъ Скопья, то городъ этотъ сталъ, однимъ изъ первыхъ, добычей завоевателей. Нѣкоторыя преданія говорятъ даже, что Скопье досталось Туркамъ прежде боя, какъ часть наслѣдства Марка Кралевича. Совершенно вѣроятенъ расказъ, что въ самый годъ Коссовской битвы, султанъ Баязеть колонизировалъ Скопье турецкими поселенцами, такъ, что Скопье подпало подъ турецкое иго задолго до другихъ частей сербскаго царства.

Тягостное вліяніе завоевателей отражалось, конечно, на городѣ сперва слабо. Ранніе поселенцы — Турки постепенно стали строить себѣ въ городѣ красивыя мечети. Въ 1686 году путешественники описывают Скопье еще цвѣтущимъ городомъ. Даже въ прошломъ году рагузскіе (дубровникскіе) и венеціанскіе купцы часто посѣщали Скопье и оставили свои имена на столбахъ главнаго его хана (отеля). Но теперь Рагуза, (Дубровникъ), болѣе уже не вольный городъ, а Скопье — вымирающее, жалкое мѣстечко, жители котораго страдаютъ разными болѣзнями отъ вредныхъ испареній неосушенныхъ болотъ. Еще болѣе грустный «*фатумъ*» постигъ Ново-Бердо, городъ въ двухдневномъ разстояніи къ сѣверу отъ Скопья. Монеты вольнаго города Ново-Бердо мы также видѣли въ музеумѣ, въ Бѣлградѣ. Во дни сербскаго господства, Ново-Бердо былъ знаменитъ своими богатыми серебряными копиями и назывался «матерью городовъ». Посѣтившій же въ 1858 году Ново-Бердо майоръ Захъ нашелъ тамъ всего «шестнадцать» домовъ, изъ коихъ «одинъ» былъ христіанскій и «пятнадцать» магометанскихъ домовъ. Мусульмане, потомки азіатскихъ переселенцовъ, увѣряютъ, что въ Ново-Бердо, было нѣкогда до 6000 домовъ. Это однако же — половина только той цифры, на которой настаиваютъ христіане. Одною изъ причинъ упадка этого города было сосѣдство одного замка, лежащаго теперь въ развалинахъ, но до послѣдняго времени бывшаго резиденціею наслѣдственныхъ владѣльцевъ. Въ числѣ этихъ владѣльцевъ «наслѣдственныхъ» были самоуправные албанскіе старѣйшины, которые, во времена турецкихъ безпорядковъ, бросили свои горы и выбрали себѣ новаго рода дѣятельность: грабежъ цвѣтущихъ сербскихъ городовъ. Подъ конецъ, однакоже всѣ эти «наслѣдственные владѣльцы» погибли, во время возстанія противъ турецкаго правительства.

Въ Скопѣ мы занимали, заранѣе приготовленную для насъ, квартиру въ домѣ одного тцинтарскаго купца, который жилъ въ самой здоровой части города, на берегу рѣки Вардара. Хозяинъ нашъ былъ ворчливый старикъ, поразившій нашихъ слугъ своею чрезвычайною экономностію, соблюдаемою въ домашнемъ быту, не смотря на то что,

онъ былъ очень богатъ. Въ день выѣзда нашего, вошли въ садъ, гдѣ мы гуляли, какой-то молодой человекъ и красивая молодая женщина въ богатой одеждѣ и мы услыхали, что у нихъ — семейный праздникъ. Молодымъ людямъ, кажется, хотѣлось вступить съ нами въ разговоръ; но языки ихъ связывало присутствіе ихъ крестнаго отца, — хозяина дома.

Нездоровый климатъ Скопья, вошедшій въ пословицу, пробудилъ въ насъ опасенія, какъ бы не схватить, въ наше пребываніе тамъ, лихорадки. Перемена погоды, на этотъ разъ, спасла насъ отъ этой болѣзни, хотя нашъ кавассъ жаловался на нездоровье и носилъ на лицѣ какой-то багроватый оттѣнокъ, во все время нашего пребыванія въ Скопѣ. Во избѣжаніе риска, мы рѣшились пробыть здѣсь не болѣе одного дня и потомъ отправиться чрезъ качаникскій проходъ къ Гратчанинскому монастырю, а оттуда въ городъ Приштину на Коссовомъ полѣ. Но каймакамъ Скопья прислалъ убѣдительно просить насъ остаться въ Скопѣ, по крайней мѣрѣ, два дня, чтобы дать ему время приискать для насъ экипажъ, въ которомъ мы могли бы «совершить путешествіе» вплоть до Гратчаницы. Мы согласились на эту просьбу и рѣшились посвятить второй вечеръ въ Скопѣ посѣщенію цитадели или замка въ Скопѣ.

Цитадель Скопья расположена на низкомъ «плато» изъ скалъ. Плато это, должно быть, было укрѣплено еще въ глубокой древности. Когда мы проѣхали ворота верхомъ на лошадахъ, и остановились внутри цитадели, — намъ объявили, что, собственно говоря, намъ бы не слѣдовало позволять проѣхать верхомъ ворота цитадели, но что разрѣшили намъ это, въ виду того, что, такъ какъ мы не понимаемъ обычаявъ страны, то насъ могла бы оскорбить просьба: «сойди съ лошадей». Въ крѣпости оказалось не много жалкихъ на видъ турецкихъ артиллеристовъ и все здѣсь носило какой-то пустынный и меланхолическій отпечатокъ. Тутъ было прежде мѣстопробываніе каймакама; но его «сераи», (дворецъ), сгорѣлъ недавно и онъ живетъ въ городѣ теперь; обгорѣлыя же стѣны его заброшеннаго жилья придаютъ еще болѣе угрюмости сумрачному виду цитадели.

Взобравшись по сдѣланной въ стѣнѣ лѣстницѣ на одну изъ зубчатыхъ бойницъ, мы наслаждались рѣдкимъ, хотя и не красивымъ, видомъ на поверхность земли безъ растительности и на горы съ низкими вершинами.

На сѣверо-востокѣ равнина, на которой стоитъ Скопье, окаймлена низкой цѣлью горъ, называемой Турками Кара-дагъ или «черною горною цѣлью», а славянами—«болгарскимъ Черногорьемъ». Запѣи сказывали намъ, что горы эти населены отчасти Албанцами и отчасти Болгарами. Къ сѣверу идутъ боковые хребты Шааръ-Планины, (древней «Scardus»). Въ этихъ хребтахъ лежатъ источники рѣки Вардара, которая течетъ по равнинѣ, на которой стоитъ Скопье. Часть этой равнины занята рисовыми полями, а восточная половина ея подъ болотистымъ озеромъ, поверхность котораго опредѣляетъ Гань въ «одну» часть пути въ длину и въ «одну» также часть—въ ширину. Озеро это легко можно было бы осушить, но оно не осушено и потому жители Скопья страдаютъ сильно лихорадками. Съ занятого нами пункта, на одной изъ бойницъ цитадели, могли мы различить обѣ горныя дороги, или,—вѣрнѣе,—горныя тракты, проходящія чрезъ Скопье. Дорога, по которой совершали мы наше путешествіе, ведетъ изъ Македоніи въ Старую Сербію и Боснію; другая же, съ востока на западъ, идетъ, чрезъ проходъ въ Шааръ-Планинѣ, къ Призрѣну и соединяетъ Фракію съ сѣвornoю Болгаріею, съ Албаніей и Адриатическимъ моремъ.

Единственнымъ сколько нибудь красивымъ зданіемъ, поразившимъ наши глаза въ Скопѣ, была мечеть съ чрезвычайно изящнымъ минаретомъ. Проводникъ сказалъ намъ, что «зданію этому четыреста лѣтъ»,—желая выразить этимъ, что оно-такъ старо, какъ только можно предположить здѣсь существованіе мечети; такъ какъ четыреста лѣтъ—время, приписываемое приблизительно магометанскому запятію славянскихъ земель. Сказать, что какое-либо зданіе «существуетъ четыреста лѣтъ», значитъ—сказать, что оно воздвигнуто «первыми завоевателями»; сказать же, что «ему болѣе четырехсотъ лѣтъ»—описательный способъ отнести его къ христіанскимъ временамъ. «Теперь»,—

прибавилъ зацѣпъ, — «не строятъ болѣе красивыхъ мечетей, — одиѣ только какія-то жалкія, вымазанныя бѣлою краскою!»

Нашъ хозяинъ увѣрилъ насъ, что здѣсь у Грековъ вовсе нѣтъ школы. Такимъ образомъ, посѣтили мы, на слѣдующій день, одну только славянскую школу. Прежде еще, отмѣтили мы въ этомъ самомъ направленіи и именно въ Скопѣ точку исчезновенія греко-цицицарскаго вліянія. Между тѣмъ, какъ въ Монастирѣ у Цицицаровъ есть школы и существуетъ стремленіе устранить изъ этихъ школъ Болгаръ, въ Прилѣпѣ у нихъ только одна школа, а у Болгаръ двѣ; въ Велесѣ у нихъ также одна только школа и притомъ гораздо малочисленнѣе славянскихъ школъ, — въ Скопѣ же у нихъ уже вовсе нѣтъ школы. Скопѣ, въ самомъ дѣлѣ, — такой пунктъ, въ которомъ болгарскій элементъ сталкивается съ сербскимъ; въ сербскихъ же округахъ ни Румынъ, ни Грековъ никакъ не могутъ такъ утвердиться, что бы вовсе заслонить собою элементъ славянской. Повидимому, историческая гордость и ожиданіе возвращенія, въ «одинъ изъ прекрасныхъ дней», господства, — которыя даютъ Греку такое положительное стремленіе «вездѣ вибдраться» между Болгарами, — встрѣчаетъ преграду этому стремленію въ исторической гордости и честолюбіи Сербовъ. Цицицарскіе купцы въ Скопѣ — самые зажиточные обитатели этого города; но школьнымъ учителемъ тамъ былъ Сербъ-христианинъ и въ его модельнѣ встрѣтили мы изображенія древнихъ сербскихъ царей и героев, которые процвѣтали въ то время, когда Скопѣ было мѣстомъ сербскаго собора.

Въ Скопѣ — три славянскихъ школы: въ двухъ изъ нихъ до 60 учениковъ, а въ третьей, которая обширнѣе, до 100. Христиане построили здѣсь большую церковь, повидимому, не безъ хлопотъ и, кажется, разрѣшеніемъ постройки этой церкви одолжены они тому обществу, что Скопѣ было когда-то мѣстопробываніемъ консула. Въ округахъ, между Скопьемъ и Нишемъ, есть мѣста, гдѣ христиане, получивъ дозволительный фирманъ отъ султана на возведеніе церкви, видали возводимое ими зданіе церкви раза по два разрушаемымъ соседними мусульманами и только, послѣ издержекъ и труда, необходимыхъ

для возведенія въ третій разъ зданія, удавалось имъ наконецъ сохранить свою церковь. Если бы какая нибудь исторія въ такомъ родѣ связана была съ церковью Скопья; то мы, вѣроятно, услышали бы объ пей; но мы не слышали здѣсь даже и обычныхъ жалобъ на греческаго епископа. Впрочемъ, во время нашего посѣщенія Скопья, епископъ былъ въ отсутствіи и викарій его, вѣроятно, служилъ на языкѣ, на которомъ угодно было народу слушать службу.

Во время нашего визита въ школы, въ Скопья, — къ намъ пріѣхалъ какой-то купецъ. Купецъ этотъ очень желалъ насъ видѣть, потому, что, какъ говорилъ онъ, слышалъ объ насъ въ прошломъ году въ Босно-Сераѣ. Онъ имѣлъ торговые сношенія съ этимъ городомъ и говорилъ намъ, что доставлялъ туда хлопокъ изъ Сереса, (Сѣра), и табакъ изъ Прилѣпа. Далѣе, — рассказалъ онъ намъ, что отецъ его — Черногорецъ, изгнанный изъ Горы за нарушение законовъ; самъ же — онъ скопилъ себѣ капиталъ, торгуя по разнымъ мѣстамъ, а теперь поселился въ Скопья. Расчитывая на его личное, опытомъ добытое, знакомство съ разными частями страны, мы спросили его: «Какъ, по его мнѣнію, боснійскіе и албанскіе мусульмане — лучше ли райи держать себя?» Онъ отвѣтилъ, что самые жестокіе, самые хищные и самые своевольные мусульмане въ Турціи — Албанцы въ Инекѣ, Дьяковѣ, Призрѣнѣ, Прилѣпѣ, и вообще магометане близъ Прилѣпа. Боснійскіе мусульмане — большіе притѣснители, однакоже — только потому, что «они — мусульмане», но они говорятъ на томъ же самомъ языкѣ, какъ мы; между тѣмъ, какъ Албанцы и Османлысы, и не говоря на нашемъ языкѣ, — враги наши — мусульмане ли они или нѣтъ. Мы спросили его, находятъ ли онъ, что Албанцы вѣрны своимъ обѣщаніямъ, когда обѣщаютъ покровительство и миръ. «Да», — отвѣчалъ онъ. Если самый свирѣпый Арнаутъ дастъ «бессы», — «слово мира», — бѣднѣйшему райи, то онъ свято сдержитъ его; у Боснійцевъ же нѣтъ такого талисмана и они едвали полагаютъ, что священно-обѣщаніе, данное христіанину.

Глава XIII.

БАЧАНИИЪ.

Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда изъ Скопья, стукъ и грохотъ, какъ-бы опрокинутой у дверей нашего дома, брички далъ намъ знать о прибытіи экипажа, обѣщаннаго каймагамомъ. Мы вышли для осмотра экипажа и нашли, что лошади — спосны, возница — арабъ, экипажъ, какъ увѣрили насъ, — самый лучший экипажъ въ томъ краѣ и употреблялся для перевозки гаремовъ тамошнихъ богатыхъ сановниковъ между Скопьею и Салониками, (Солунью). Поэтому экипажъ этотъ заслуживаетъ подробнаго описанія. Представьте себѣ небольшія дроги на четырехъ колесахъ, безъ всякихъ приступокъ и безъ всякаго сидѣнья; на этихъ дрогахъ четыре жерди поддерживаютъ наметъ, съ котораго спускаются внизъ занавѣски. Занавѣски эти разрѣзаны на полосы, на которыхъ вовсе нѣтъ ни пуговицъ, ни спурковъ; такъ, что онѣ не защищаютъ ни отъ солнца, ни отъ дождя и, когда дуетъ вѣтеръ, развѣваются, какъ флаги, или ударяютъ по лицамъ сидящихъ внутри экипажа.

За пользованіе этимъ «смейнымъ» экипажемъ, въ теченіи двухъ дней, самой подходящей платой, какъ намъ сказали, было-бы не болѣе «двухъ сотъ» піастровъ. Владѣлецъ же экипажа, сопровождавшій его, за просилъ съ насъ «семьсотъ» піастровъ. Мы предоставили торговаться

заптіямъ и крайне были удивлены, когда, послѣ долгихъ переговоровъ, цифра запроса не понизилась. Это была старая исторія; владѣлецъ экипажа былъ магометанинъ и заптіи не хотѣли выпустить изъ рукъ добычи. Мы вынуждены были наконецъ послать нашего кавасса къ губернатору съ слѣдующимъ извѣщеніемъ: «Два дня тому назадъ, каймагамъ уговаривалъ насъ подождать здѣсь, обѣщая экипажъ. Экипажъ этотъ теперь прибылъ; но владѣлецъ требуетъ плату, которая, какъ всѣ увѣряютъ, баснословна. Мы согласны заплатить обыкновенную плату за экипажъ, то есть, «двѣсти» піастровъ,—онъ же проситъ «семь сотъ». Что намъ дѣлать?»

Было уже поздно, когда мы послали кавасса; такъ, что можно было предполагать, что губернаторъ отправился уже въ свой гаремъ и его подчиненные откажутся отъ обсужденія этого дѣла. Кавассъ просилъ, чтобы мы позволили ему взять съ собой, по особой къ нему довѣренности, буюрди; но буюрди былъ у каймакама, у насъ же не было ничего, кромѣ фирмана. Глаза кавасса заблестали, когда мы сказали ему, что это за документъ. Онъ схватилъ его съ восторгомъ изъ нашихъ рукъ и быстро удалился. Черезъ полчаса времени приблизительно, воротился онъ въ сильномъ волненіи. Губернаторъ ушелъ на ночь домой; подчиненные же его наслаждались «кейфомъ»; но, при видѣ фирмана, узбаши тотчасъ же пробудился, бросился на владѣльца экипажа, какъ левъ, и сказалъ ему, что мы слишкомъ еще добры, что даемъ что-нибудь за пользованіе экипажемъ. Узбаши извѣстилъ насъ потомъ, что мы можемъ дать за экипажъ, сколько намъ будетъ угодно;—тарифъ собственно—«двѣсти» съ чѣмъ-то піастровъ; но, еслибы разсудилось намъ даже вовсе не платить ничего, то все будетъ уплачено изъ суммъ правительства.» Изумленіе нашего хозяина экипажа было очень сильно. Теперь, когда стало извѣстно, что у насъ есть фирманъ, исчезла вся затруднительность нашего положенія. Стало ясно, что мы можемъ продолжать наше путешествіе безъ всякихъ исторій, уплачивая «честно» за все, что забирали.

На слѣдующее утро, мы выѣхали изъ Скопья не очень рано, конечно; но бывшая наканунѣ гроза освѣжила воздухъ и намъ нечего было больше бояться жара. Верховыя лошади наши были бодры и мы быст-

ро неслись впередъ; между тѣмъ, какъ экипажъ нашъ, съ его мелькавшими колесами, сопровождалъ насъ, подобно средневѣковому «саггосіо.» Для этого «семейнаго» экипажа имѣлось въ виду слѣдующее назначеніе: давать намъ пріютъ, въ случаѣ ливня; но экипажъ скрипѣлъ такъ ужасно, что мы старались, по возможности, держаться отъ него подалеже, такъ, чтобы не слышать скрипа, и потому, конечно, не могли добраться до него до дождя, если бы онъ собрался.

Въ небольшомъ разстояніи отъ Скопья проѣзжали мы мимо развалинъ юстиніанова водопровода и нарочно сворачивали съ дороги, для ближайшаго его осмотра. Водопроводъ дѣйствовалъ приблизительно на разстояніи двухъ часовъ и снабжалъ Скопье водой изъ рѣки, вытекавшей изъ Кара-дага: близъ самого города видна желобина въ землѣ; — по этой желобинѣ шли сооруженія, которыя оставили теперь послѣ себя однѣ развалины. До сихъ поръ еще сохранился отъ юстиніанова водопровода двойной рядъ сводовъ, приблизительно до 120. Всѣ они — овалыные. Между этими большими сводами встрѣчаются — своды поменьше, изъ которыхъ нѣкоторые — овалыные, другіе же — продолговаты. Съ одного свода сбѣгаетъ потокъ воды. Подъ тѣнью другаго, — различили мы небольшіе бахчи дынь и арбузовъ. У бахчей, куря табакъ, сидѣлъ Турокъ въ бѣлой чалмѣ. Странно было встрѣтить такимъ образомъ, какъ бы въ сопоставленіи, представителей двухъ завоевательныхъ расъ: Римлянина, который стрѣлялъ, и оттоманскаго Турка, который разрушаетъ.

Продолжая путь, достигли мы, черезъ нѣсколько времени, горъ, которыя опоясываютъ лихорадочную скопійскую равнину. Отсюда, чтобы добраться до зеленаго возвышеннаго Коссова поля, надо было проѣхать черезъ Качаникскій проходъ, — длинное узкое горное ущелье, по которому бѣжитъ рѣка Лепеница.

Для приведенія этого прохода въ такой видъ, чтобы онъ сталъ удобнымъ для проѣзда артиллеріи, проложена была здѣсь дорога турецкимъ правительствомъ, но не безъ значительныхъ затрудненій. Въ одномъ мѣстѣ пробить топсель въ скалѣ; въ другихъ же мѣстахъ, недостатокъ рѣчнаго берега для дороги заставилъ прибѣгнуть къ сооруженіямъ: перекинуты извѣстнаго рода деревянные мосты и устроены пло-

тины на деревянныхъ сваяхъ. Видъ такого рода сооруженій въ одномъ изъ захолустьевъ европейской Турціи сильно поразилъ современныхъ путешественниковъ Заха и Гана и они осыпали эту постройку значительной дозой похвалъ; однако же, въ послѣдствіи, одинъ изъ нихъ, осматривая ближе сооруженія, замѣтилъ, что часть построекъ произведена была изъ сыраго лѣса. Спустя нѣсколько времени, путешественникъ этотъ встрѣтился какъ-то съ инженеромъ, подъ руководствомъ котораго была построена эта дорога, и рассказывалъ намъ, что онъ сдѣлалъ ему сообщеніе, по поводу открытаго имъ упущенія, прибавивъ: «Ваша дорога — очень хороша теперь; но, черезъ годъ или два, она будетъ «очень сомнительна» и даже вовсе небезопасна». Инженеръ, европейскій ренегатъ на турецкой службѣ, пожалъ плечами и отвѣчалъ: «И это также хорошо знаю, какъ и вы». Лѣтъ пять спустя послѣ этого разговора, мы проѣзжали по этой дорогѣ въ Качаникъ и дорога стала уже «вовсе небезопасною». Въ мостахъ образовались щели и столбы, поддерживающіе мосты надъ крутыми уступами, подгнили.

Качаникскій проходъ заселенъ Албанцами. Албанцы пользуются теперь большимъ расположеніемъ въ Австріи; такъ какъ, въ случаѣ захвата сербо-болгарскихъ областей, Австрія рассчитываетъ на этихъ головорѣзовъ, для удержанія въ зависимости Болгаръ и Сербовъ. Чуть ли не въ виду всего этого, наблюдательный и дальновидный консулъ Ганъ, съ живѣйшимъ удовольствіемъ, приходилъ къ заключенію, что постройка качаникской дороги выполнена жителями сосѣднихъ деревень, — сталобытъ, — Арнаутами. Если только вѣрно это, то фактъ этотъ, дѣйствительно, замѣчательнъ. Зовите Албанцевъ грубыми, разбойниками и, какъ вы хотите; но, посмотрите однако же, — при небольшомъ даже обученіи, какъ могутъ они быть полезны! Впрочемъ, спутникъ консула былъ другого мнѣнія. Обстоятельство это, по его убѣжденію, допускало и другое объясненіе. Онъ сказалъ намъ: «Хотя Качаникскій проходъ и занимаютъ Арнауты; но — невѣроятно, чтобы турецкій губернаторъ, которому слѣдовало выстроить дорогу, сталъ разыскивать рабочихъ въ горныхъ нещерахъ, въ виду близъ лежащей скопійской равнины и другихъ сосѣднихъ областей, населенныхъ дѣтельными Болга-

рами-христианами. Въ настоящемъ случаѣ я, — (до другихъ мнѣ нѣтъ дѣла, — пусть кто хочетъ утверждаетъ противное), — вполне убѣжденъ, — и это согласно вполне съ прецедентами, — что рабочихъ искали и находили именно близъ Скопья и въ смежныхъ болгарскихъ селахъ». Конечно, не намъ рѣшать, которое изъ этихъ двухъ мнѣній — вѣрно. Быть можетъ, «le juste est au milieu»; но, въ пользу послѣдняго мнѣнія, привести можно свидѣтельства самихъ Албанцевъ, изъ которыхъ двое, въ качествѣ заплѣтыхъ, провожали насъ черезъ горное ущелье. Заплѣтымъ этимъ, очевидно, казалась очень дикою мысль, что султанъ требовать будетъ работы отъ мусульманъ, тогда, какъ можно получить ее тамъ же отъ райевъ. Во время путешествія, заплѣти эти дали намъ понять нѣкоторыя характеристическія черты ихъ мѣстныхъ соотечественниковъ. Черты эти, хотя и не много общали съ утилитарной точки зрѣнія, были, однако же, болѣе въ соответствіи съ природными свойствами Арианговъ. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ мы остановились полюбоваться видомъ, и нашъ кавассъ сказалъ одному изъ заплѣтыхъ, что мы нашли мѣсто это красивымъ. Звонкимъ смѣхомъ разразился тогда этотъ заплѣтый и пробормоталъ: «Красиво — въ самомъ дѣлѣ, красивое мѣсто для разбойниковъ!» Потомъ объяснилъ онъ намъ, что на этомъ самомъ мѣстѣ шайка изъ 40 воровъ имѣла жаркую схватку съ прежнимъ каймакамомъ Скопья, который вынужденъ былъ выступить противъ нихъ съ вооруженнымъ отрядомъ и, въ награду за поражение шайки, сдѣланъ былъ панюю. Только два дня назадъ тому, здѣсь же, гдѣ мы стояли, захвачено было шестеро разбойниковъ. Въ другомъ мѣстѣ, заплѣтый нашъ просилъ кавасса, чтобы онъ обратилъ наше вниманіе на домъ, видѣвшійся въ отдаленіи на вершинѣ лѣсистой горы. Передъ этимъ домомъ расчищенъ былъ небольшой клочекъ земли подъ рисовое поле и видѣлось нѣсколько зеленыхъ лужаекъ. Съ этого высокаго пункта обитатели дома могли слѣдить за всѣми приближавшимися со всѣхъ сторонъ къ Качаникскому проходу личностями. «Вотъ», — сказалъ нашъ заплѣтый, — «образцовый сторожевой домъ! Лучше его нѣтъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Домъ такого рода, подобно всѣмъ куламъ*),

*) Кула или башня — турецкое названіе, даваемое, въ этихъ мѣстахъ, всѣмъ укрѣпленіямъ или укрѣпленнымъ домамъ и даже полицейскимъ сельскимъ станамъ.

стоять одиноко на выгодно выбранных крѣпкихъ позиціяхъ. На утесахъ, гдѣ стоятъ они, обыкновенно вовсе нѣтъ деревень и рѣдко стоятъ, вмѣстѣ съ ними, болѣе трехъ албанскихъ домовъ. Издалека нельзя было рассмотреть, какъ защищенъ былъ сторожевой домъ, на который обращено было наше вниманіе. Албанскія кулы, которыя удавалось намъ не разъ видать послѣ, обыкновенно служили мѣстомъ жительства нѣсколькимъ братьямъ съ ихъ семьями. Обитатели кулъ обыкновенно защищались, стрѣляя изнутри изъ сдѣланныхъ въ кулѣ отверстій и гарантировали себя такимъ образомъ отъ всякаго рода нападеній враговъ, кромѣ нападенія врасплохъ. Во время пути, передъ нами мелькнули вдругъ въ сторонѣ двѣ женщины. «Посмотрите попристальнѣе на этихъ женщинъ!» вскричалъ нашъ заптій. «Женщины эти умѣютъ отлично стрѣлять изъ ружей.» — «Онѣ — магометанки?» спросили мы. — «Конечно, — магометанки». «А что же на нихъ нѣтъ яшмаковъ?» — «Да, въ самомъ дѣлѣ на нихъ нѣтъ яшмаковъ: онѣ никогда не носятъ ихъ, да зачѣмъ же имъ и носить яшмаки: вѣдь онѣ храбрѣе и неприступнѣе любого мужчины».

Послѣ подобныхъ характеристикъ обитателей Качанинскаго прохода, нечего было удивляться, что проходъ этотъ считается въ сербскихъ легендахъ мѣстомъ извѣстной встрѣчи Марка съ арнаутскимъ бандитомъ Мусеой. Мы замѣтили уже, что султанъ Амуратъ или, — какъ называютъ его, повсюду, — «турецкій царь Муратъ», когда велъ свою армію на Косово поле, останавливался, какъ полагаютъ, въ Скопѣ. Изъ этого, ничѣмъ недоказаннаго, факта истекло распространившееся повсюду мнѣніе, что, вѣроятно, султанъ перебрался на Косово поле черезъ Качанинскій проходъ. Въ виду этой гипотезы, нѣкоторые Сербы изъ княжества потратили даромъ много искренняго негодованія на послѣдняго своего царя Лазаря, упрекая его въ томъ, что онъ не напалъ на своего мусульманскаго врага въ то время, когда врагъ этотъ находился въ ущельѣ; другіе же, по этому поводу, обвиняютъ даже въ измѣнѣ Марка Кралевича, взводя на него, будто бы онъ завладѣлъ измѣнническимъ образомъ проходомъ и предоставилъ его во власть враговъ. Но, турецкіе источники прямо говорятъ, что султанъ отправился изъ Кю-

стендила въ Каратову, гдѣ нѣкоторое время и стоялъ лагеремъ. Оттуда же—армія его двинулась черезъ долину р. Моравицы. Потомъ, у самаго мѣстечка «Дальняя Кукарка», указываютъ на окопъ, какъ на мѣсто, гдѣ разбита была палатка султана Мурада, во время стоянки здѣсь лагеремъ, въ его походъ на Коссово. Единственною натуральною преградой движенію Турокъ по этому пути могла быть необходимость переправы черезъ р. Моравицу; но, если вѣрить свидѣтельству турецкихъ лѣтописей, Турки преодолѣли это препятствіе и перешли рѣку.

Что касается до перехода огромной турецкой арміи черезъ узкій и длинный Качаникскій проходъ, то, при тогдашней дорогѣ, едва ли переправа черезъ него такой массы войска была возможна, если бы даже движенію войска и не препятствовали Сербы, на сторонѣ которыхъ были тогда и Албанцы *).

Разъ какъ-то завязался у насъ интересный разговоръ объ этомъ предметѣ съ однимъ сербскимъ офицеромъ. Мы сравнивали наши личныя замѣтки, выведенныя изъ мѣстныхъ наблюденій, съ выдержками изъ «Путешествія Гана» и изъ «Исторіи оттоманской имперіи Гаммера». Сербскій офицеръ былъ того мнѣнія, что, если Турки шли дѣйствительно поэтому пути и вышли на гратчанинскую равнину, а не въ Качаникъ, то этому вовсе не противорѣчитъ мѣстность, гдѣ ихъ ожидали Сербы, за рѣками Лабой и Ситницею; такъ, что, по всей вѣроятности, будущіе изслѣдователи этого вопроса и мѣстности подтвердятъ справедливость нашего предположенія.

Была битва также и у Качаника и нашъ запитіи не приминуть упомянуть объ этомъ. Битва эта происходила тремя столѣтіями позднѣе великой Коссовской битвы. Турки, въ этой битвѣ, отбросили авангардъ австрійской арміи, которая расположена была въ то время

---

*) Въ Коссовской битвѣ участвовалъ знаменитый албанскій герой Георгій Кастріоти, называемый Турками Скандербегомъ. Говорятъ, онъ отсвѣтовалъ царю Лазарю напасть на Турокъ ночью, увѣряя съ характеристическимъ хвастовствомъ, что, для окончательнаго пораженія врага, пужень дневной свѣтъ въ темнотѣ же почи много Турокъ убѣжить съ поля битвы. Самъ Скандербегъ пережилъ Коссовскую битву, какъ бы затѣмъ, чтобы, въ послѣдствіи, геройски защищать свою собственную родную страну.

лагеремъ по сосѣднимъ долинамъ. Это предварительное неудачное дѣло повлекло за собою отступленіе всей австрійской арміи, которая покинула такимъ образомъ на мѣсть врага тѣхъ христіанскихъ жителей страны, которыхъ склонили обѣщанія Австріи къ принятію участія въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Пейзажъ Качаника не такъ грандіозенъ. Отдѣльнаго описанія онъ не стоитъ. Впрочемъ, какъ вообще пейзажи въ лѣсистыхъ, прорѣзанныхъ рѣкою ущельяхъ, онъ дико живописенъ. Вблизи выхода изъ ущелья, дорога замкнута оригинальною преградой изъ скалъ, сбѣгающихъ съ вершины берега до самаго уровня рѣки. Виднѣющіяся около этого самаго мѣста развалины моста показываютъ, что было время, когда это противупоставленное выдвинувшимся на рѣчномъ берегу скалами препятствіе устранялось переѣздомъ черезъ рѣку; теперь же дорога идетъ прямо, — черезъ тоннель, который, по надписи надъ входомъ, приписывается пашѣ Скопья, жившему въ 1794 году. Проѣхавъ этотъ тоннель, вы приближаетесь, по ту сторону его, къ самому лучшему пункту, откуда можно бросить послѣдній, прощальный взоръ на Качаникскій проходъ. Видъ съ этого пункта на ущелье поразителенъ!

Продолжая путь, вы замѣчаете, что обрывистые берега рѣки становятся отложе, до того самаго мѣста, гдѣ рѣка Нередимка, бѣгущая къ вамъ на встрѣчу, сливается воды свои съ водами р. Лепеницы. Въ самомъ углу ихъ соединенія стоитъ разоренный Качаникскій замокъ, а такъ называемый городъ Качаникъ разбросанъ по лѣвому берегу р. Нередимки и будетъ на право отъ васъ, когда выѣдите вы изъ горнаго ущелья.

За стѣнами Качаника, нашли мы главныхъ его жителей, выстроившихся въ линію, чтобы насъ встрѣтить. Жители эти есѣ — Албанцы; но костюмъ ихъ показываетъ уже, что они живутъ на самой границѣ сербскаго округа. вмѣсто албанской фустанеллы, на нихъ была простая короткая бѣлая туника и не было вовсе тѣхъ длинныхъ, какъ у Албанцевъ, — рукавовъ, которые спускаются у нихъ съ малиновой, вышитой золотомъ куртки. Старшина выступилъ, при нашемъ приближеніи, съ привѣтствіями на середину дороги и потомъ повелъ насъ че-

резь городъ или, — лучше сказать, — не повелъ, а сталъ прыгать, впереди насъ, съ мѣста на мѣсто по кучѣ муссора, гдѣ, быть можетъ, когда-то, въ самомъ дѣлѣ, былъ городъ; теперь же съ одной стороны, лежали развалины какого-то зданія, бывшаго когда-то дворцомъ; съ другой тянулись дома, которымъ, казалось, не простоять и дня. Улицы были пусты. На прилавкахъ и въ самыхъ лавкахъ во все не видно было никакого товара; вмѣсто товара, лавки заняты были какими-то одиночными, сонными фигурами. Какъ ни много видали мы жалкихъ турецкихъ мѣстечекъ, — между всѣми ими Качаникъ какъ-то ужъ особенно былъ поразителенъ!

Здѣсь обнаруживалось, кромѣ того, одно изъ самыхъ худшихъ явленій. Качаникъ былъ не только въ дурномъ положеніи, но въ положеніи, которое становилось, съ каждымъ днемъ, все хуже и хуже. Намъ нужно было выяснитъ себѣ это явленіе. Объясненія пришлось ожидать недолго. На первый же нашъ вопросъ относительно населенія, мы получили отвѣтъ, что городъ состоитъ изъ «семидесяти» магометанскихъ домовъ и, въ числѣ ихъ, нѣтъ «ни одного дома райи».

Проѣхавши по улицѣ, мы остановились передъ какими-то воротами и одинъ изъ Албанцевъ громко закричалъ, чтобы ихъ отворили. Затѣмъ, онъ взялъ за поводъ нашихъ лошадей и втащилъ ихъ на обширный дворъ съ разбросанными въ углубленіи его жилищами и остановилъ ихъ передъ какимъ-то низкимъ домомъ. Здѣсь мы слѣзли съ лошадей и насъ повели черезъ кухню въ предназначенную комнату, гдѣ мы и расположились на диванѣ. Подали кофе. Арнаутъ, стоя передъ нами и говоря по-албански, просилъ нашего кавасса передать намъ, что домъ этотъ — его и что у него въ этой самой комнатѣ, гдѣ находились мы, ночуютъ обыкновенно, при проѣздѣ черезъ Качаникъ, всѣ паши, беги и консулы. Далѣе, — онъ просилъ сообщить намъ, что самъ онъ — великій бегъ и что, подъ его покровительствомъ, намъ ничего не слѣдуетъ бояться.

Такъ какъ въ Скопѣ подвергался обсужденію вопросъ: найдется ли кто либо изъ магометанъ, въ Качаникѣ, кто бы рѣшился принять насъ къ себѣ въ домъ; то мы выразили признательность за гостепримство

бега фразою, настолько обработанною, насколько позволяло только обработать наше знаніе греческаго языка. Фраза эта, даже въ переводѣ кавасса на албанскій языкъ, не утратила, какъ кажется, своего характера и бегъ, видимо, остался ею доволенъ и сталъ увѣрять насъ опять, что у него намъ «нечего бояться.» Такъ какъ это «*μη φοβηθε*» повторялось нѣсколько разъ; то мы не удержались и прервали его заявленія вопросомъ: «почему мерещится ему безпрестанно, будто бы мы чего-то должны бояться?» При болѣе близкомъ знакомствѣ въ послѣдствіи съ Арнаутлукомъ, мы привыкли уже къ тому, что тамъ безпрестанно повторяли намъ «не бойтесь» и научились не считать этого «не бойтесь» несомнѣннымъ удостовѣреніемъ того, что намъ дѣйствительно «нечего было бояться.»

Вѣжливость не позволяла намъ осматривать помѣщеніе наше, пока въ комнатѣ былъ хозяинъ дома; но, когда онъ вышелъ, мы поздравили другъ друга, что комната наша—гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать, судя по неприглядной наружности самого дома. Комната эта, хотя и чрезвычайно низкая, была просторна и въ окнахъ были рамы; въ нѣкоторыхъ изъ рамъ были и стекла. Остальныя-же рамы были заклеены бумагой. Необыкновенная затхлость атмосферы въ комнатѣ и сдѣланное нами открытіе, что окна въ ней вовсе не отворяются, въ концѣ концовъ, вынудили насъ сдѣлать прорѣзы въ одной изъ заклеенныхъ бумагою рамъ. Вообще, всѣ комнаты въ турецкихъ домахъ имѣютъ между собою какое-то родственное сходство, такъ, что описаніе ихъ становится ненужнымъ для тѣхъ, кто видѣлъ нѣсколько изъ такихъ комнатъ; но, такъ какъ суровость климата въ сѣверныхъ провинціяхъ Турціи заставляетъ дѣлать нѣкоторыя отступленія отъ общаго, всѣмъ извѣстнаго, типа турецкихъ комнатъ; то мы воспользуемся настоящимъ случаемъ и опишемъ нашу арнаутскую комнату въ Качаникѣ, рискуя даже повторить то, что извѣстно уже нашимъ читателямъ. Потолокъ въ комнатѣ былъ рѣзной работы; стѣны, необитыя обоями, выкрашены въ самые яркіе цвѣта, — въ настоящемъ случаѣ, эта окраска выполнена была грубо и безвкусно, но; въ болѣе богатыхъ турецкихъ домахъ, она бываетъ часто выполнена арти-

стически. Къ несчастію, великолѣпная рѣзная работа служитъ обыкновенно принономъ насѣкомымъ; такъ, что комнаты, «съ потолками изъ кедра и выкрашенные въ зеленый цвѣтъ», часто, буквально, кишать бесчисленными роями пресмыкающихся. Во многихъ комнатахъ, какъ мы замѣтили уже, двѣ стороны — всѣ въ окнахъ; но въ горныхъ областяхъ, гдѣ воздухъ холоднѣй и цивилизаціи меньше, вообще отверстій въ жилыхъ домахъ не много, и отверстія эти — малы и прикрыты свѣшивающимися краями кровель. Прямо передъ окнами стоитъ диванъ съ подушками. Передъ диваномъ — выступъ, въ видѣ горки, сдѣланной на полу, обыкновенно, изъ дерева и покрытой ковромъ. Ступить въ обуви на это покрытое ковромъ возвышеніе считается нарушеніемъ обычая. Между этимъ возвышеніемъ и дверью видѣется также возвышеніе, но нѣсколько поменьше и непокрытое ковромъ, а часто и даже просто изъ одной земли. Это возвышеніе предназначается для слугъ, шкафа и печи. Шкафы здѣсь, съ бесчисленными полками и ящиками внутри, очень удобны. Печи, по формѣ, очень похожія на ульи, и разрисованныя бѣлой и зеленой краской, устья снаружи сквозными круглыми дырочками, въ которыхъ мы не разъ пекли яблоки къ ужину. Вокругъ печекъ желѣзныя рѣшетки, на которыя вѣшаютъ платье для просушки. На стѣнахъ, сверхъ того, вѣшалки для платья верхняго, въ разныхъ частяхъ комнаты. Наконецъ, подъ самымъ потолкомъ, довольно помѣстительная полка, на которую ставятъ китайскія блюда и другія цѣнные вещи.

Вотъ обычная жилая комната мусульманскаго дома въ этой части Турціи!

Что касается «кіоска», то это — поэтической букетъ турецкаго жилья. Въ немъ одновременно — къ вашимъ услугамъ и обширный очагъ и какое-то сквозное помѣщеніе, все — въ окнахъ, большихъ, открытыхъ окнахъ, и комфортабельная софа и воздухъ, воздухъ, свѣжій воздухъ!

Къ несчастію, бѣдные Турки, изъ подражанія Европѣ, очень часто изгоняютъ, какъ изъ своихъ комнатъ, такъ и изъ одежды много такого, что очень хорошо-бы они сдѣлали, если-бы сохранили непри-

росновеннымъ. Съ другой-же стороны, они удерживаютъ у себя, даже въ хорошихъ домахъ, кое-какіе абсурды, существованіе которыхъ ничѣмъ не оправдывается. Къ числу этихъ абсурдовъ можно отнести: во 1-хъ), обыкновеніе спать въ тѣхъ-же самыхъ комнатахъ, гдѣ они сидятъ и ѣдятъ, и прятать свои одѣяла, на день, въ шкафы; во 2-хъ), доставленіе пріюта милліардамъ насѣкомыхъ, которыя портятъ мебель, ковры и платья; въ 3-хъ), дозволеніе плесени накопляться подь окнами, подь диванами, — словомъ, — всюду. Этотъ послѣдній абсурдъ соединенъ въ турецкихъ домахъ съ полнымъ отсутствіемъ путей и средствъ удаленія нечистотъ на извѣстное разстояніе отъ жилищъ.

Конечно, намъ надо было много испытать и вынести, такъ сказать, самолично, чтобы говорить рѣшительно, что Турки грязны въ своемъ домашнемъ образѣ жизни, особенно же, въ виду той степени чистоплотности, которая обусловливается ихъ беспрестанными торжественными омовеніямъ. Совершенно вѣрныхъ свѣдѣній по этому предмету изъ личнаго опыта мы, признаться сказать, сообщить не въ состояніи. Слышанныя-же нами отъ другихъ свѣдѣнія, большею частью, шатки и одни другимъ противорѣчатъ. Напримѣръ, одинъ господинъ, долго жившій въ Турціи, завѣрялъ насъ, что какого-бы франческаго фасона платье ни носилъ Турокъ, ничто не можетъ заставить его не соблюдать своего религіознаго омовенія; другой же рассказывалъ, что у него много знакомыхъ Турокъ, которые до такой степени оевропеизировались, что носятъ, обыкновенно, вмѣсто туфель, сапоги и ограаничиваются въ своихъ омовеніяхъ вспрыскиваніемъ своей обуви. Далѣе, — лица, считавшія себя знакомыми съ Турками и знавшіе ихъ, какъ завѣряли, по собственному опыту, — говорили намъ, что Турки, хотя и моютъ руки и лица, но бѣлье мѣняютъ очень рѣдко; другіе-же не-менѣе авторитетные люди, въ прямое противорѣчіе этому, увѣряли насъ, что Турки мѣняютъ бѣлье каждый день. Что касается до собственного нашего наблюденія, то мы не можемъ умолчать, что вообще оттоманскіе седдаты и должностныя лица, а также Греки, мушны, женщины и дѣти, и Албанцы, всѣхъ возрастовъ и вѣроисповѣданій, какъ показалось намъ, отвратительно нечистоплотны.

Изъ славянскихъ сосѣдей ихъ менѣе всѣхъ чистоплотны — Черногорцы. Они однако-же стыдятся этой нечистоплотности, оправдываясь тѣмъ, что, въ теченіе большей части года, семьи ихъ бываютъ очень плохо снабжены водой. Съ другой стороны, Болгары болѣе всѣхъ чистоплотны. Въ этомъ отношеніи есть большое сходство между ними и Голландцами. Къ тому-же Болгары опрятны и бережливы въ одеждѣ и обуви. Дунайскіе Сербы менѣе грязны, чѣмъ ихъ сосѣди, — Германцы. Вообще, Сербы любятъ свѣжій воздухъ и въ домахъ у нихъ всегда устроена весьма хорошая вентиляція. Они вообще болѣе Европейцы, и хотя не такъ отличаются еще кипучею дѣятельностію; но любятъ очень дѣятельность, и на «отсутствіе предпримчивости» смотрятъ, какъ на одну изъ гибельныхъ сторонъ «турецкаго» характера. Собратья ихъ по происхожденію, мусульманскіе бегі Босніи, особенно любятъ спѣжной бѣлизны бѣлье. Дома у нихъ поразительно чисты. Того же самаго придерживаются и Босняки — христіане, на сколько дозволяетъ имъ бѣдность. Въ самомъ дѣлѣ, степень чистоплотности есть одинъ изъ такихъ характеристическихъ признаковъ, который рѣзкоотличаетъ Христіанъ — Славянъ, въ сферѣ ихъ быта, отъ южныхъ ихъ единовѣрцевъ, Грековъ, съ которыми ихъ смѣшиваютъ такъ часто.

Вскорѣ послѣ того, какъ устроились мы въ нашей комнатѣ, въ Качаникѣ, «прибыла» къ намъ депутація отъ женской семьи бега. Вздумавъ посѣтить насъ, семья эта прислала депутацію просить насъ, чтобы мы выслали нашихъ слугъ изъ дома. Мы, конечно, согласились на эту просьбу. Бегъ, увидавши слугъ нашихъ на почтительномъ разстояніи отъ дома, «даровалъ свободу» своей женской семьѣ и самъ куда-то ушелъ. Тогда, въ одно мгновеніе, комната наша наполнилась арнаутскими женщинами и мы впились другъ въ друга глазами! — Черезъ нѣсколько минутъ безмолвнаго созерцанія, послѣдовало съ нашей стороны — разочарованіе и къ намъ въ сердце закралось чувство какого-то стравненія.

Такъ какъ въ Турціи, такъ и всюду, существуетъ обыкновеніе, чтобы барыни, являясь съ визитами, разодѣвались самымъ лучшимъ образомъ; то мы ожидали увидѣть нѣсколько изящныхъ экземпляровъ албанскихъ костюмовъ. Ничего не бывало. Дамы пожаловали къ намъ въ

«полной небрежности» албанекаго «deshabillé.» Одна изъ дѣвушекъ говорила немного послavianски и мы спросили ее: — «Да, неужели же у вашихъ хозяекъ нѣтъ костюмовъ получше?» Оказалось, что костюмы получше есть, но бѣдныя созданія не осмѣлились показать ихъ намъ, изъ опасенія возбудить въ насъ зависть. Дѣвушка, заботясь о поддержаніи достоинства своей барыни, стала-было описывать ея нарядъ съ дукатами; но хозяйка вдругъ запальчиво оборвала ее, закричавъ громко: «кто говоритъ о дукатахъ? Попрдержжи языкъ!» Такъ какъ темъ разговоръ о платьяхъ, (на которой, при подобныхъ свиданіяхъ, очень часто основывали мы весь нашъ разговоръ), не посчастливилось, да, къ тому же, и все наше знаніе славянскаго языка ограничивалось знаніемъ очень небольшого запаса славянскихъ фразъ; то мы, наконецъ, придумали занять нашихъ гостей разсматриваніемъ картинокъ въ болгарской азбукѣ. Къ группѣ женщинъ присоединился «при сей вѣрной okazji» мальчикъ, лѣтъ около двѣнадцати отъ роду. Къ нашему удивленію и къ величайшему изумленію всѣхъ остальныхъ присутствовавшихъ женщинъ, оказалось, что мальчикъ знаетъ всѣ славянскія буквы и бойко читалъ азбуку. Какъ кажется, дѣйствительно, это очень живой ребенокъ; но, подобно всѣмъ мальчикамъ, которыхъ намъ случалось встрѣчать въ гаремахъ, по образу обхожденія съ окружающими его женщинами, онъ очень похожъ былъ на молодаго индѣйскаго пѣтуха, среди стада глупыхъ куръ.

Занятія наши вдругъ прервалъ внезапно поднявшійся крикъ женщинъ. Толпа ихъ тотчасъ же высыпала вонъ изъ комнаты, набрасывая грязныя покрывала на свои прекрасныя, грязныя лица, наталкиваясь одна на другую и, въ суматохѣ, роняя съ ногъ туфли. «Казусъ» этотъ разъяснился тотчасъ же, когда въ комнату вошелъ нашъ кавассъ съ мискою супа. Но, послѣ уже этой «исторіи», мы случайно какъ-то и совершенно неожиданно вышли въ кухню изъ комнаты и застали тамъ двухъ или трехъ женщинъ, между тѣмъ, какъ драгоманъ нашъ въ той-же самой кухнѣ варилъ себѣ пищу. «Ага», — произнесъ онъ, — «дамы наши вовсе не таковы, какими приивыдаются! Когда имъ понадобится

быть въ кухнѣ, — онѣ не обращать на мое въ ней присутствіе никакого вниманія».

На слѣдующее утро, передъ самымъ отъѣздомъ, мы сдѣлали открытіе, что «великій бегъ Качаника» былъ ничѣмъ инымъ, какъ содержателемъ постоялаго двора и, въ этомъ только качествѣ, обыкновенно, и давалъ пріютъ болѣе выдававшимся гостямъ въ собственномъ своемъ домѣ, въ болѣе удобныхъ его комнатахъ. Безъ всякой щепетильности, потребовалъ онъ у насъ за «все» столько-то шастровъ, какъ самый обыкновенный ханкеи (содержатель гостиницы).

По выѣздѣ изъ Качаника, en route, къ Гратчаникскому монастырю, намъ предстояло переѣхать черезъ р. Нередимку. Съ этою цѣлю, а также и для того, чтобы выбраться невредимыми изъ Качаника, съ его «страшными» улицами, мы тотчасъ же сѣли верхомъ на нашихъ лошадей и потомъ ѣхали верхомъ еще въ теченіи слѣдующихъ двухъ часовъ по выѣздѣ изъ Качаника. Дорога, вьющаяся каймою, вдоль берега Лѣпеницы, идетъ по обрывистому и искобужденному страшными рытвинами грунту; однакоже, къ крайнему нашему удивленію, слѣдовавшій за нами экипажъ нашъ уцѣлѣлъ, оставшись невредимымъ.

Горы, образующія западную цѣпь Качаникского прохода, сталкиваются здѣсь съ восточной окраиной Шааръ-Планины и центральную точку ихъ соединенія образуетъ пирамидальная гора Люботернъ, достигающая 3600 футовъ высоты. Ѣхавшій впереди насъ завитій, указавъ на покрытую облаками ея вершину, вскрикнулъ: «Посмотрите, вонъ тамъ, у самой вершины этой громадной горы, озеро! Берега этого озера — покрыты снѣгомъ. Изъ самаго этого озера и вытекаетъ вотъ эта рѣка; но, собственно говоря, рѣка эта дѣлаетъ много изгибовъ и часто совсѣмъ пропадаетъ, просачиваясь подъ скалами на склоны горы, передъ тѣмъ, какъ спуститься внизъ сюда». Ни подтвержденія, ни опроверженія этого оригинальнаго мнѣнія не удалось услыхать намъ потомъ ни отъ кого; такъ какъ не довелось какъ-то встрѣтить никого, кто бы взбирался на вершину горы.

Горныя цѣпи развернулись теперь передъ нашими изумленными взорами и вдругъ обрисовалась обширная, горная Коссовская равнина,

простирающаяся до самой Митровицы, на сѣверной окраинѣ, на разстояніи четырнадцати часовъ пути со скоростью ѣздака. Равнина эта лежитъ на высотѣ, среднимъ числомъ, 1700 футовъ надъ уровнемъ моря и образуетъ водораздѣльную линію Эгейскаго моря и Дуная *).

---

*) Вся поверхность этой равнины была, безъ сомнѣнія, когда-то озеромъ. Часть этого озера сохранилась и до сихъ поръ, въ видѣ болота. Изъ этого болота вытекають *четыре* рѣки, изъ которыхъ двѣ: Лѣвеница и Передимка впадаютъ въ Вардаръ (Аксиусъ),—двѣ же другія Лаба и Ситница нѣтятъ свои воды, черезъ Ибаръ и Моравицу, въ Дунай.

Глава XIV.

ПОЛЕ КОССОВСКОЙ БИТВЫ *).

„Провлять будь Вукъ Бранковичъ! Огъ измѣнилъ царю на коссовской битвѣ. Но имя Милоша да будетъ въ памяти сербскаго народа, пока стоять будетъ миръ и Коссово!“

Сербская легенда.

„Не говорите мнѣ, что тщетно пролита кровь храбрыхъ. Во всѣ времена плетъ она свой вопіющій голосъ“.

Ирѣченіе сэръ Вальтеръ-Скотта.

Утро, въ которое мы добрались до Коссова, было переменчиво: то облачно, то ясно. Обыкновенно, предвѣщая это пасмурный день. Вѣтеръ съ снѣжныхъ вершинъ дулъ свѣжій и колыхалъ вѣтви въ дубовомъ лѣсу, открывая взорамъ небольшія ярко-зеленыя прогалины и тучныя пастбища, къ которымъ, по кустарнику и каменистому склону горы, пробирались пасшіяся лошади и скотъ. Мы почувствовали вдругъ, что перемѣнили желгя равнины Востока на зеленые холмы и орошенныя долины Европы. Къ несчастію, только зелень, да вода, да вѣтеръ напоминаютъ теперъ Европу на Коссовомъ полѣ. Старыя лѣтописи говорятъ, что прежде было не то. Когда турецкая армія въ первый разъ показала на Коссовомъ полѣ, часть этой равнины была великолѣпно

---

*) Название Коссово поле всегда переводилось Нѣмцами „Amselfeld“ т. е. поле черныхъ дроздовъ, скворцовъ.

обработана и покрыта селами. Дороги и мосты здѣсь были предметами особенной заботливости правительства. Сербскіе соборы, обыкновенно, собирались на совѣщанія въ окрестностяхъ Коссова и въ прилежащихъ городахъ: Скопль, Новобердъ и Призрѣнъ бывали большія ярмарки, которыя составляли одни изъ извѣстнѣйшихъ «rendez-vous» иностранныхъ купцовъ. Да, въ тѣ дни, дѣйствительно, Коссово принадлежало Европѣ, — и государству, хотя не вполне развитому, а все-таки дѣятельному и прогрессирующему. Но, Коссово завоевано, и стало, — увы! — мѣстомъ пастбища турецкихъ лошадей въ одно, точно такое же, непривѣтливое, пасмурное утро, какъ сегодняшнее утро, — пятьсотъ лѣтъ назадъ тому.

Обширная Коссовская равнина, расположенная въ полости горъ и лежащая какъ бы у дверей дунайской Сербіи, Босніи и Албаніи, во все время, по самому уже характеру мѣстности, какъ бы обречена была служить полемъ битвъ и считается и до сихъ поръ мѣстомъ, гдѣ сраженіе могло бы еще разъ рѣшить судьбы окрестныхъ земель. Первою битвою на Коссовомъ полѣ, о которой сохранилось воспоминаніе, была битва между старымъ Стефаномъ Неманей и византійскимъ феодальнымъ владѣльцемъ близъ-лежащаго замка Свѣтчани. Битва эта освободила Сербовъ этого края отъ послѣднихъ притязаній византійскаго сюзеренства. Затѣмъ, на Коссовомъ полѣ появились въ первый разъ Турки, съ цѣлю нашествія на Сербію; но, на этотъ разъ, были здѣсь разбиты и прогнаны съ поля битвы. Послѣ того, въ 1448 году, была здѣсь извѣстная битва, въ которой венгерскій полководецъ Янъ Гупіады бился съ Турками цѣлыхъ три дня, тщетно стараясь отбить у нихъ завоеванную ими страну. Но, «великою коссовскою битвою» была битва, въ которой послѣдній царь Сербіи встрѣтилъ мусульманъ, завоевателей страны. Воспоминаніе объ этой битвѣ такъ еще свѣжо до самаго настоящаго времени, что ни-одинъ изъ современныхъ путешественниковъ не можетъ проговорить нѣсколькихъ мнунтъ съ природнымъ Сербомъ безъ того, чтобы не услышать отъ него въ разговорѣ какого-нибудь воспоминанія о Коссовѣ. Послѣ пяти столѣтій, беспрестанно припоминаются уроки, данныя пораженіемъ: потеря страны — вѣчно-колючій

шипъ! Мы самивидѣли, собственными своими глазами, какъ повздорившіе между собою Сербы поинкли головами и разошлись въ разныя стороны, сконфуженные укоромъ: «Да перестанете ли вы пререкаться, какъ отцы ваши передъ коссовской битвой?!» Потомъ сами мы слышали собственными нашими ушами фразу одного сербскаго поселянина, котораго похвалилъ кто-то за то, что онъ привезъ какъ-то разъ много дровъ: «Да, правда, давно бы ужъ пора намъ, Сербамъ, пособрать такими ворохами, какъ привезъ я, *«нашъ»* лѣсъ съ Коссова поля!»

Кто долго проживетъ въ Сербіи и изучитъ сербскія народныя легенды и пѣсни, — дойдетъ подъ конецъ, до того, что ему покажется, будто бы онъ самъ принималъ участіе въ коссовской битвѣ: такъ обстоятельно очерчена въ нихъ каждая подробность, такъ живо изображены мотивы и дѣйствія, такъ рѣзки черты, такъ рельефны контуры обрисованныхъ въ нихъ характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

«То было — на прекрасный св. Вита день, іюня 15-го 1389 г., когда Турки, съ своими вассалами, подъ предводительствомъ османскаго султана, Амурата, вступили въ бой съ соединенными силами Сербовъ, Босняковъ и Албанцевъ, собранными на Коссовомъ полѣ для противодѣйствія дальнѣйшему турецкому нашествію на ихъ земли. Соотвѣтственныя силы вступившихъ въ бой враговъ опредѣляются очень разнообразно, такъ какъ та и другая сторона доводитъ силы своего противника до цифры въ 300.000 и заявляетъ, что сама была численностію въ три раза меньше. Гордостью Сербовъ была ихъ тяжелая каваллерія.

Турецкія лѣтописи говорятъ, что вечеромъ, наканунѣ битвы, обсуждался вопросъ: не полезно ли будетъ попытаться испугать лошадей врага, поставивъ ряды верблюдовъ впереди турецкаго авангарда. Старшій сынъ Амурата, Баязетъ, былъ противъ примѣненія этой военной хитрости, такъ какъ хитрость эта обнаруживала педовѣріе къ Аллаху. Великій визирь признавалъ ее непужною, потому, что, когда въ послѣдній разъ открылъ онъ корабль, то прямо напалъ на обѣщаніе побѣды. Беглеръ-бегъ Тимуръ-Ташъ рѣшилъ окончательно вопросъ, объявивъ, что скорѣе верблюды побѣгутъ отъ сербской каваллеріи, чѣмъ

сербская каваллерія отъ верблюдовъ. Турокъ приводило въ смущеніе еще другое затруднительное обстоятельство. Всю ночь на пролетъ сильно дулъ вѣтеръ, со стороны христіанскаго лагеря на ихъ станъ. Полководцы опасались, какъ бы вѣтеръ, поднявши пылъ, не запорошилъ ею глаза ихъ войнамъ. Султанъ всю ночь провелъ въ торжественномъ настроеніи духа, давалъ клятвы, что битва эта будетъ его послѣднею битвою. Не разъ прибѣгалъ онъ къ молитвѣ и, передъ самымъ восходомъ солнца, пошелъ мелкій дождь и прибилъ пылъ. Вѣтеръ прекратился. Разгулявшееся потомъ ненастье и заблиставшее солнце—послужили сигналами къ началю битвы.

Между тѣмъ, въ лагерѣ Сербовъ военный совѣтъ мрачно озабоченъ былъ домашними распрями. У царя Лазаря было два пасынка: одинъ, Вукъ Бранковичъ, былъ высокаго рода и владѣлецъ богатѣйшихъ воеводствъ въ Сербіи, — другой, Милошъ Обиличъ, самый храбрый и самый благородный воинъ. Царь любилъ Милоша и довѣрялъ ему, какъ собственной душѣ своей. Вукъ возненавидѣлъ челоуѣка, который положеніемъ своимъ обязанъ былъ мечу, — одному мечу, — а между тѣмъ, случайно, какъ полагалъ онъ, — стоялъ выше его въ расположеніи царя. Взаимная ненависть обоихъ пасынковъ достигла высшей степени, въ слѣдствіе ссоры между ихъ женами. Ссору эту долженъ былъ рѣшить поединокъ. На поединкѣ Милошъ сбросилъ съ коня своего противника, но удержался и не воспользовался своимъ положеніемъ, а великодушно предложилъ Вуку стать друзьями. Но Вукъ былъ завистливъ. Зависть же не прощаетъ. Посились слухи, будто бы турецкій султанъ, пытаясь ослабить противодѣйствіе Сербіи, входилъ въ переговоры съ нѣкоторыми изъ вельможъ Лазаря и предлагалъ корону тому изъ нихъ, кто рѣшится помочь ему низвергнуть царя, и будто-бы Вукъ Бранковичъ принялъ это предложеніе и согласился измѣнить во время предстоявшаго сраженія. И, дѣйствительно, какъ оказалось въ послѣдствіи, къ концу битвы, онъ увелъ своихъ воиновъ съ поля сраженія и потомъ требовалъ себѣ царскаго вѣнца у Амурата. Въ силу этого факта, народный голосъ Сербіи до сего дня прокликаетъ Вука Бранковича, какъ измѣнника родины. Впрочемъ турецкія лѣто-

васи ничего не говорятъ объ измѣнѣ Вука, — и современные историки Сербіи, по недостаточности доказательствъ, склоняются скорѣе на сторону того мнѣнія, что Вукъ былъ самый заурядный, слабый характеръ и оставилъ поле битвы потому, что считалъ битву потерянною.

Быть можетъ, Вукъ и Милошъ взаимно заподозрѣвали другъ друга въ намѣреніи принять предложеніе Амурата и Вукъ обрадовался случаю подкопаться подъ Милоша и подорвать довѣріе къ нему царя, взведя на него обвиненіе въ измѣнѣ. Но, довѣрчивый «къ собственной душѣ своей», Лазарь не торопился «вѣрить злу». Далекій самъ отъ всякаго коварства, онъ не подозрѣвалъ его и въ другихъ. Онъ не рѣшился «дѣйствовать», по одному личному подозрѣнію. Если возникло сомнѣніе въ вѣрности Милоша, то справедливость требуетъ, — полагалъ онъ, — дать ему удобный случай оправдаться публично, при чемъ, даже обвиняя его, онъ находилъ нужнымъ признать тѣмъ не менѣе его прежнія заслуги и выразить ему за нихъ признательность.

Вечеромъ, наканунѣ сраженія, царь сидѣлъ за столомъ со своими властариами. По правую руку его, сидѣлъ старый Югъ Богданъ, несшій обязанности правителя Македоніи, и, за нимъ, девять сыновей его, храбрые братья царицы Милицы. По лѣвую руку, сидѣлъ Вукъ Бранковичъ и за нимъ все другіе «волостели». Напротивъ царя, сидѣлъ Милошъ Обиличъ, а по обѣ стороны его, по-братимы его, Иванъ Казанчичъ и Милацъ Топлицкій. Каждый Сербъ, между Адриатическимъ моремъ и Дунаемъ, такъ же хорошо знакомъ съ именами всехъ перечисленныхъ здѣсь лицъ, какъ съ именами собственныхъ своихъ родныхъ братьевъ. Послѣ ужина началась обычная церемонія предложенія тостовъ. Вино лилось, — и царь, принимая изъ рукъ служителя драгоцѣнный золотой кубокъ, обратился къ своимъ воеводамъ съ слѣдующею рѣчью: «За здоровье кого изъ васъ всехъ, господа, выпить мнѣ этотъ кубокъ сегодня вечеромъ? Если за основаніе права на эту честь принять возрастъ, то мнѣ слѣдуетъ выпить за здоровье престарѣлаго Юга-Богдана. Если — санъ, то за здоровье Вука Бранковича. Если — расположеніе, то за здоровье моихъ шуриновъ, моихъ девяти братьевъ Юговичей. Если — красоту, то за здоровье Ивана Казанчича. Если — высоту

роста, то за здоровье Милана Топлицкаго. Но, если — доблесть, то за здоровье Милоша. И ни за чье иное здоровье не буду я пить сегодня, вечеромъ, какъ только за твое, Милошъ Обиличъ. Здоровье тебѣ, вѣрному! Здоровье и измѣннику: когда-то ты былъ вѣренъ: станешь теперь измѣнникомъ. Завтра, на Коссовомъ, — ты измѣнишь мнѣ, — покинешь меня, ради турецкаго султана! Пью однако твое здоровье. Теперь выпей же и ты! Выпей все до капли вино и сохрани на память обо мнѣ этотъ кубокъ, который дарю тебѣ».

Милошъ Обиличъ вскакиваетъ на свои легкія ноги и до земли преклоняется передъ царемъ. «Благодарю тебя», — восклицаетъ онъ, — «славный царь Лазарь! Благодарю тебя за твой тостъ, — и за твой тостъ и за подарокъ; но не благодарю тебя за твои слова. Я — не измѣнникъ. Никогда имъ не былъ и никогда не буду. Скорѣе лягу я костью на Коссовомъ, защищая вѣру, чѣмъ измѣню. Измѣнникъ тотъ, кто сидитъ съ тобою богъ о бокъ, кого касаются складки твоей одежды, — кто опоражниваетъ, вмѣстѣ съ тобою, кубокъ холоднаго вина! Лживый, проклятый Вукъ Бранковичъ! Довольно! Завтра «прекрасный день Св. Витта» и на полѣ сраженія увидимъ мы, кто будетъ вѣренъ и кто измѣнитъ. Что — до меня, то вотъ Богъ вамъ свидѣтель: «рука моя поразитъ турецкаго султана и нога моя будетъ стоять на его шеѣ!»

Вслѣдъ за тѣмъ, видимъ мы Милоша въ тайной бесѣдѣ съ своимъ побратимомъ Иваномъ Казанчичемъ. По словамъ легенды, онъ говоритъ ему:

«Обратимъ, Ивашъ Казанчичъ,
Ты узналъ-ли силы вражьи?
Мусульманскихъ много-ль воиновъ?»

Отвѣчалъ Иванъ Казанчичъ:

— «Я извѣдалъ силы вражьи.

Да, — могучъ — нашъ врагъ заклятый:

Если-бъ сербское все войско тотчасъ въ соль-бы обратилось,

То ее-бы не хватило на «одинъ» обѣдъ веѣмъ Туркамъ.

Да и много-же мѣста занялъ врагъ своимъ лагеремъ

И на мѣстѣ томъ ни клочка земли нѣтъ порожняго:

Лошадь съ лошадыя, воинъ съ воинномъ
 Въ кучу плотную тѣсно сдвинуты.
 Врагъ по Лабѣ стоитъ и по Ситницѣ
 И равнина вся мозгитская
 Отъ палатокъ Турокъ — нехристей
 Какъ отъ снѣга, забѣлѣлася.

Словно лѣсъ густой, — пшкы длинныя,
 А знамена ихъ, несмѣтныя, какъ, въ ненастный день,
 Тучи черныя, заслонили солнце ясное.
 Если-бъ съ неба вдругъ сильный дождь пошелъ, —
 Весь на войско нечестивое тотъ-бы дождь упалъ,
 А земля-бъ подъ нимъ «*вся*» суха была».

Но турецкихъ сплъ ужъ не хочетъ знать храбрый Обиличъ.
 Думу тайную, завѣтную, побратиму открываетъ онъ:

«Ты скажи мнѣ, братъ, гдѣ палатка тамъ султанская?
 Государю царю Лазарю даль я клятву нерушимую,
 Что убью я, — и хочу убить — я Мурада султана турецкаго
 И на шею его наступить ногой».

— «Да въ умѣ-ль ты, мой братъ, храбрый Обиличъ?

Далеко, среди самаго войска сильнаго, султанъ спрятанъ тамъ,
 Делибашами окруженная, тамъ, палатка его неприступная.

Если-бъ, храбрый братъ, Милошъ Обиличъ,
 Къ молодецкой смѣлой удали, да ко взору соколиному
 Крылья-бъ ты досталъ орлиныя,
 Да надъ лагеремъ, какъ орелъ, взвился-бъ
 И, — султана зорко высмотрѣвъ,
 На добычу стремглавъ сверху бросился,
 Можетъ быть, тогда-бъ крылья быстрыя, орлиныя,
 Тебя вынесли-бъ изъ вражьихъ рукъ —
 И явился-бъ ты невредимъ къ царю!»

Но не слушаетъ Казанчича Милошъ Обиличъ,

Заклинать его начиняетъ онъ:

«Побратимъ, Иванъ Казанчичъ,
 Думу тайную я открылъ тебѣ,
 Поклянись-же ты на честномъ крестѣ,
 Что не скажешь царю Лазарю про бесѣду нашу тайную,
 Чтобъ печалью не смутилось государево сердце доброе,
 Да и сербское войско храброе, на печальнаго царя глядячи,
 Передъ битвою великою, не утратило-бъ духа бодрого.

На слѣдующее утро, утро битвы, Милошъ вдругъ исчезъ изъ серб-
 скаго лагеря. Пошелъ-ли онъ выполнять свой длиннй обѣтъ, или-же, —

какъ шептало подозрѣнiе, — въ самомъ дѣлѣ, перешелъ на сторону враговъ, — ничего не было извѣстно. Вукъ Брапковичъ настаивалъ на послѣднемъ предположенiи. У царя Лазаря ныло сердце. Какъ-бы то ни было, но Милошъ исчезъ, — нѣтъ его! А «его» участiе въ сраженiи, «его» слово, «его» примѣръ, — все это было необходимо для войска, — и всего этого не было. Отрядъ войска, которымъ онъ долженъ былъ командовать, осталось безъ вождя и ропталъ. При такомъ стеченiи обстоятельствъ, шпионы приносили такiя извѣстiя о силахъ Турокъ, что, въ одиннадцатомъ часу утра, многiе изъ сербскихъ волостелей совѣтовали уже вступить въ переговоры съ султаномъ. Но, царь Лазарь не могъ допустить этого роковаго шага. Въ благородныхъ словахъ, онъ сдѣлалъ воззванiе къ мужеству воиновъ и выстроилъ ихъ въ боевой строй. Передъ битвой, вся армiя исповѣдывалась и прiобщалась. Сербскiй царь, въ своемъ религiозномъ значенiи «главы церкви», которое еще и до сихъ поръ сохранилось въ Россiи, торжественно разрѣшилъ отъ грѣховъ все войско и объявилъ, что всѣ, кто, исполняя долгъ вѣрности къ Кресту и къ нему, погибнуть въ бою, умрутъ мучениками за вѣру и отечество. Впереди строя, знамя креста несъ старшiй братъ царицы, храбрый Боско Юговичъ. Въ старой пѣснѣ поется:

«Вотъ, на буромъ конѣ, ѣдитъ Юговичъ, — краса Сербiи!
 На конѣ — чепракъ блещетъ золотомъ,
 Изумруды на немъ — ярче звѣздъ горять,
 А надъ всадникомъ знамя сербское колеблется
 И, какъ волны по немъ, съ тихимъ шелестомъ,
 Складки длинныя расходятся и закутываютъ всадника.
 Высоко вверху, надъ тѣмъ знаменемъ, блещетъ крестъ златой!
 Золотыя кисти толстыя по бокамъ креста спускаются
 И, колебяся, качаяся, ударяютъ въ плеча всадника.»

Замѣчательнъ поэтическiй исливнѣтъ народнаго пѣвца, выставившаго въ такомъ видѣ христіанскаго знаменосца: онъ совѣмъ закрытъ знаменемъ, личность его не выступаетъ впередъ, при выполне-

ни имъ возложенной на него обязанности. Прежде всего бросается въ глаза не онъ, — а знамя съ крестомъ.

Теперь обратимся снова къ турецкимъ лѣтописцамъ. Битва была въ полномъ разгарѣ. Лѣвое крыло османовъ дрогнуло и подалось было назадъ, когда Баязеть, по прозванію «Молнія», подлетѣлъ на помощь, раздробляя передъ собою и вскружъ себя головы враговъ своею желѣзною булавою. Потoki крови окрасили уже лезвія мечей въ гіацинтовый цвѣтъ и зеркально-ворошенную сталь копій — въ цвѣтъ яхонта. Уже массы отрубленныхъ головъ и валявшихся всюду фесокъ обратили въ покрытый тюльпанами разныхъ колеровъ цвѣтникъ мѣсто побоища, когда, словно взмывающая вверхъ съ труповъ хищная птица, поднялся изъ подъ груды убитыхъ — благодушный Сербъ. «Милошъ Обиличъ», — то былъ онъ, — ринулся черезъ густую толпу стражи, окружавшей султана, съ громкимъ крикомъ, что ему надо сообщить султану секретъ. Амурать далъ знакъ, чтобы его пропустили. Сербъ упалъ передъ нимъ на колѣна, прикинувшись, будто хочетъ цѣловать стопы его, схватилъ его за ногу, повалилъ на землю и вонзилъ въ его грудь кинжалъ. Султанъ былъ раненъ смертельно. Тысячи ножей обратились тогда противъ убійцы; но изумительно-ловко владѣя оружіемъ и легкій на ноги, Сербъ отбился отъ бросившихся на него Турокъ, отбросилъ ихъ въ сторону, и, сдѣлавъ три изумительные скачка, отдѣлался отъ своихъ преслѣдователей. Вотъ онъ уже — чуть не у самаго берега рѣки, — вотъ онъ уже хватается своего коня; но густая толпа Турокъ окружаетъ его, бросается на него, — одолѣла, увлекла!..

Судя по нѣкоторымъ историческимъ преданіямъ, надобно полагать, что Милошъ убитъ былъ тотчасъ же. Такое заключеніе однакоже противорѣчитъ общераспространенной молвѣ, по свидѣтельству которой раненый и истекавшій кровью Милошъ принесенъ былъ къ палаткѣ султана, продержанъ тамъ до окончанія битвы и, послѣ битвы, казненъ, вмѣстѣ съ другими плѣнниками, на глазахъ умиравшаго султана, который угасающими взорами слѣдилъ съ наслажденіемъ за совершеніемъ казни.

Рука Милоша, убившая османскаго султана, долго хранилась на

могилѣ Амурата, въ Бруссѣ, и, именно въ слѣдствіе этого дерзкаго поступка, вошло потомъ въ обычай у Турокъ, чтобы иностранцы, допускаемые на аудіенцію къ пади-шаху, отдавали свое оружіе на сохраненіе его слугамъ и даже позволяли держать себѣ руки.

Такъ описывается «подвигъ Милоша» его врагами. Представимъ теперь преданіе объ этомъ подвигѣ, которое въ ходу у его соотечественниковъ. Преданіе это, впрочемъ, разнится отъ предъидущаго описанія въ томъ только, что, по словамъ его, Милошъ явился передъ султаномъ съ двѣнадцатью товарищами, получившими доступъ къ султанской палаткѣ, въ качествѣ дезертировъ, и что онъ убилъ султана передъ самымъ началомъ сраженія. Въ томъ и другомъ случаѣ, — одинъ ли онъ предсталъ предъ султаномъ или же съ двѣнадцатью друзьями и передъ началомъ ли, или же въ самый разгаръ битвы, — подвигъ Милоша запечатленъ печатью «высокаго героизма» и заслуживаетъ, даже и въ наши дни, уваженія, какъ образецъ самопожертвованія. Милошъ, доведенный клеветою до отчаянія, рѣшился доказать патріотизмъ свой отважнымъ подвигомъ; въ Амуратѣ видѣлъ онъ — невѣрнаго, варвара и поработителя своей родины. Правда, онъ прибѣгъ къ хитрости, къ обману; но только на нѣсколько минутъ и только для того, чтобы получить доступъ къ своей жертвѣ, — потомъ же, онъ расплатился за «подвигъ честно, цѣною собственной своей крови. Между тѣмъ, — битва продолжалась. Амуратъ, хотя и былъ при смерти, могъ однакоже отдавать приказанія, а Баязетъ воодушевлялъ Турокъ новою яростію, призывая ихъ отмстить за своего султана. Счастье въ битвѣ измѣнило Сербамъ и, въ самую критическую минуту боя, Вукъ Бранковичъ, командовавшій резервомъ, увелъ свои войска съ поля битвы, — войска, не нанешиа ниодного удара Туркамъ. Его храбрые воины, въ числѣ двѣнадцати тысячъ, позагали, что они отступаютъ, только съ цѣлію занять болѣе выгодныя позиціи; но невольное оставленіе ими поля битвы рѣшило судьбу дня. Эти двѣнадцать тысячъ были самою лучшею частію сербскаго войска, тою тяжелою каваллеріею, на которую надѣялись и которою хвастались Сербы. Какъ бы то нибыло, Босняки однакоже все еще держались и сражались очень стойко. Центръ,

подъ предводительствомъ доблестнаго царя Лазаря, бралъ верхъ надъ Турками.

Но вотъ—лошадь царя падаетъ отъ ранъ. Царь долженъ былъ замѣнить ее другою. На минуту скрылся онъ отъ взоровъ своихъ воиновъ и видъ всѣмъ хорошо извѣстной лошади Лазаря, вдругъ исчезнушаго изъ рядовъ, подалъ поводъ къ распространенію слуха, будтобы царь убитъ. Христіанскіе ряды дрогнули, и Лазарь, въ то самое время, какъ, опять сѣвши на лошадь, старался всемірно воодушевить войско и словами и собственнымъ своимъ примѣромъ, увлеченъ былъ въ сумятицу толпою, пораженною ужасомъ. Лошадь его оступилась—и онъ полетѣлъ въ ровъ, вмѣстѣ съ лошадью. Лазарь окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ и взятъ въ плѣнъ. Султанъ лежалъ въ предсмертной агоніи, когда привели къ нему сербскаго царя,—и, у ложа умирающаго Амурата, глаза Лазаря встрѣтились съ глазами Милоша. Все было сказано,—и царь торжественно благодарилъ Бога за сохраненіе ему жизни до момента, когда онъ видитъ умирающимъ Мурада и вѣрнымъ—Милоша! Свирѣпо спросилъ его тогда Баязеть, какъ смѣлъ онъ покушаться на жизнь его отца? Не смущаясь, царь возразилъ: «А твой отецъ,—какъ смѣлъ онъ сдѣлать нападеніе на мое царство?»—«Господарь!»—прервалъ его служитель,—«да развѣ ты о двухъ головахъ, или же—развѣ у тебя отрубленная голова тотчасъ же можетъ вырости опять?» Но, не обращая на него никакого вниманія, Лазарь продолжалъ: «А ты, Баязеть, сынъ Амурата, неужели ты думаешь, что, если бы у меня висѣла съ боку сабля, которой у меня теперь нѣтъ; то я задумался бы отправить тебя въ слѣдъ за твоимъ отцомъ?»

Баязеть приказалъ палачу ударить. Вѣрный Милошъ выразилъ желаніе раздѣлить съ царемъ предназначаемый ему ударъ, и, потомъ, ставши на колѣни передъ своимъ царемъ, распростеръ царскую мантию и принялъ на нее царскую голову.

Таковъ былъ копецъ послѣдняго христіанскаго царя Сербіи!

Первый турецкій царь началъ править Сербією, умертвивъ брата Лазаря,—Якова,—надъ едва остывшимъ трупомъ ихъ отца. Дѣйствія свои онъ оправдывалъ изрѣченіемъ изъ корана, что, «вмѣсто того, что бы да-

вать человѣку возможность производить смуты, лучше его убить.» (*)
Такимъ образомъ, Коссово было отрѣзано отъ Европы и стало теперъ па-
стищемъ лошадей турецкой кавалеріи.

(*) „Hammer, History of the Ottoman Empire“. Въ числѣ многообразныхъ мотивовъ, цитируется также слѣдующій: „Онъ полагалъ, — ему слѣдуетъ подражать примѣру Аллаха, который „одинъ“ и нѣтъ у него соперниковъ. Отсюда, — гдѣ божія на землѣ, — повелитель правовѣрныхъ“ — долженъ быть, подобно Аллаху, также „одинъ“ на своемъ престолѣ и править, безъ возможности ка-кого-либо соперничества.“

Глава XV.

МОНАСТЫРЬ ГРАТЧАНИЦКІЙ И ГОРОДЪ ПРИШТИНА.

Когда выберешься изъ лабиринта горъ на Коссово поле, то уже становится возможнымъ ѣхать и въ экипажѣ и даже двигаться впередъ крупною рысью. Впрочемъ, «такую благодать» приписать можно скорѣе «естественному» грунту дороги, чѣмъ «искусственному» ея усовершенствованію. Всѣ мосты на этой дорогѣ—такого «сомнительнаго» свойства, что гораздо безопаснѣе, приближаясь къ нимъ, выходить изъ экипажа и проходить по нимъ пѣшкомъ. Что касается до пейзажей по сторонамъ дороги, то путешественникъ ничего не потеряетъ, если проѣдти по этой дорогѣ даже въ закрытомъ наглухо экипажѣ. Съ каждымъ шагомъ, лѣсъ становится рѣже и рѣже, кое-гдѣ мелькаетъ трава,—и потомъ все-песокъ, песокъ и песокъ... Все здѣсь не говорить вѣско въ пользу развитія культуры и населенности. Предъ нами промелькнуло нѣсколько жалкихъ хановъ и какая-то бѣдная, какъ намъ сказали, албанская деревушка. Подусгнившія ея хижины были обнесены плетнями. Вотъ наконецъ новый, какъ зовутъ его Турки, ханъ,—«Уені-Кһапъ»,—но, на самомъ дѣлѣ, и это—какой-то полуразвалившійся, ветхій ханъ, который, по-видимому, удерживаетъ свое назва-

ніе «новаго» только потому, что, по близости, нѣтъ хана поновѣе его. Онъ стоитъ на берегу не-большой рѣки Передимки, которую мы, миновавъ ханъ, тотчасъ же и переѣхали. Полуденная паша остановка была въ ханѣ Сасли, въ мѣстности, гдѣ образуется зимою обширное саслійское болото, изъ котораго вытекаетъ рѣка Ситница. На берегу этой рѣки паслось стадо. Когда мы пріѣхали въ Сасли, — тамъ доили коровъ. Благодаря этому, намъ подали къ кофе великолѣпнаго молока. Потомъ, переѣхали мы Ситницу и миновали ханъ Ропавзе, замѣчательный въ глазахъ путешественника только тѣмъ, что онъ стоитъ на половинѣ пути, въ разстояніи пяти часовъ отъ Качаника и пяти также часовъ — отъ Приштины. Не-вдалекѣ, по ту сторону этого хана, дорога развѣтвляется: одна вѣтвь ея идетъ въ Гратчаницу, — другая — въ Приштину. Здѣсь, нѣсколько влѣво отъ дороги, на правомъ берегу Ситницы, виднѣется селеніе изъ тридцати христіанскихъ домовъ съ церковью. Гильфердингъ замѣчаетъ, что названіе этого селенія, Липпанъ, упоминается византійскими писателями еще въ XI столѣтіи и что въ старину оно было довольно замѣчательно тѣмъ, что здѣсь было мѣстопребываніе митрополита. На, право отъ дороги, между ханами: Сасли и Ропавзе, лежитъ болгарское селеніе Бабушь. До недавняго времени селеніе это замѣчательно было потому, что составляло собственность одного семейства, члены котораго освобождены были вовсе отъ платежа податей; такъ какъ предки ихъ, въ качествѣ лазутчиковъ, оказали услугу войску султана Амурата. Но, теперь, говорятъ, привилегія эта окончилась съ уничтоженіемъ танзимата. Поздно вечеромъ, приблизились мы къ подножію холмовъ, обрамливающихся съ востока Коссово и, черезъ ущелье между ними, пробрались, по отлогой, искусственно проведенной дорогѣ, къ монастырю, близъ деревни Гратчаницы. Когда мы приблизились къ монастырю, то прежде всего обрисовалась возведенная недавно часовня. Чрезвычайная скупность этой часовни и отсутствіе на ней всякихъ украшеній свидѣтельствовали, что христіане здѣсь боятся и теперь еще навлечь на себя неудовольствіе мусульманъ обширными зданіями. Какъ краснорѣчивый протестъ противъ жалкой бѣдности этой часовни, передъ нами выступила величе-

ственная древняя монастырская церковь, построенная за упокой души, (zaduchbina), одного изъ сербскихъ царей. Церковь эта походитъ издали на сплюснутую группу арокъ и куполовъ, увѣнчанную большимъ главнымъ куполомъ. Подходя ближе, вы замѣчаете, что четыре купола поменьше — оригинально переплетены и поддерживаются легкими арками. Купола эти вверху — остроконечны, — внизу же — круглы. Въ архитектурѣ этого рода все рассчитано на общій эффектъ. Стилъ византійской архитектуры, въ этомъ родѣ, — такъ изященъ что папоминаетъ архитектурный стилъ нѣкоторыхъ церквей въ сѣверной Италіи. Безъ сомнѣнія, признаки итальянскаго вліянія можно было бы встрѣтить и внутри церкви, во фрескахъ; но съ фресками, какъ и вообще со всѣмъ, что было внутри церкви, не слишкомъ много церемонились: все безпощадно дробилось и заслонялось, чтобы приспособить внутренность къ внѣшнему виду церкви. Благодаря этому, алтарь, середина храма, паперть, все это вышло какъ-то темновато и неграндіозно, въ сравненіи съ внѣшнею громадностью церкви. Ошибка эта въ Гратчаницѣ послужила, повидимому, предостереженіемъ строителю патриаршей церкви въ Ипекѣ; такъ какъ тамошній строитель пожертвовалъ внѣшнюю красоту церкви, желая дать христіанской общинѣ просторное и свѣтлое помѣщеніе. Между фресками въ Гратчаницѣ замѣтили мы фрески, на которыхъ изображены храмоздатели, царь Милютинъ и царица Симодина, дочь византійскаго императора, Андроника II. Палеологъ Милютинъ былъ отецъ того сербскаго царя, который соорудилъ Детчанскій храмъ, и дѣдъ царя Душана. Онъ царствовалъ отъ 1275 до 1321 года, и, говорятъ, построилъ не менѣе сорока восьми зданій съ религіозными и благотворительными назначеніями. Въ церкви замѣтили мы также высѣченныя на стѣнѣ привиллегіи, дарованныя Гратчаничному монастырю. Стѣну эту съ привиллегіями монахи называютъ своимъ архивомъ. Фресковыя изображенія Святыхъ пострадали отъ Турокъ, которые стрѣляли въ нихъ изъ пистолетовъ и даже повыколодили имъ глаза. Эта послѣдняя черта дикости обнаруживаетъ такъ много умышеннаго желанія оскорбить и излить свою злобу, что возмущаетъ Сербовъ болѣе, чѣмъ могло бы возмутить самое даже совершенное раз-

рушеніе изображеній Святыхъ, если бы подобное разрушеніе послѣдовало въ суматохѣ и пылу нападенія. Теперь эти поруганныя изображенія святыхъ такъ и оставлены на стѣнахъ церкви въ обезображенномъ видѣ, что бы никогда не изглаживалось изъ памяти ихъ поруганіе, и ихъ страдальческіе лики съ выколотыми глазами какъ бы зываютъ къ Богу о возмездіи. Точно также и въ сербскомъ княжествѣ, гдѣ восстановлено нѣсколько разрушенныхъ церквей, ослѣпленные эти изображенія оставлены не-возобновленными. Старый епископъ говорилъ намъ: «Изображенія эти намъ нужны. Это—архивъ вѣковъ притѣсненій,—и народъ нашъ не долженъ ихъ терять изъ виду, пока въ сербской странѣ—его притѣснитель!» Такое направленіе мыслей,—нельзя не замѣтить однакоже, — благотворно дѣйствовало на сохранность самыхъ фресковъ. Оно спасло ихъ отъ грубыхъ поповленій, съ помощію разныхъ, гибельныхъ для нихъ, развѣдающихъ веществъ, такъ, что нельзя не пожелать, что бы «мапія такой же охранительности» прикрыла и внѣшнюю скульптуру монастырскихъ церквей и монастырскія ограды. Новый соборъ въ Бѣлградѣ носитъ уже на себѣ отпечатокъ новѣйшаго фазиса вкуса Сербовъ, и потому памятники, подобные настоящей гратчаницкой церкви, пережившіе турецкій погромъ, надо всемірно беречь отъ усердія ревностныхъ возобновителей, беречь даже болѣе, чѣмъ отъ пашествія враговъ.

Между всеми фресками въ Гратчаницѣ уцѣлѣлъ совершенно неприкосновеннымъ одинъ только фрескъ въ самомъ верху купола, благодаря ли высотѣ его или же, какъ рассказываютъ монахи, благодаря загадочному страху, который обуялъ разрушителей и спасъ самую даже церковь. Сохранившійся фрескъ этотъ—Глава Христа Спасителя, которая, обыкновенно, изображается, въ восточныхъ церквахъ, въ верху куполовъ, въ колоссальномъ размѣрѣ, откуда смотритъ внизъ, какъ бы при благословеніи. Вообще концепція фрескового изображенія лика Спасителя стоитъ несравненно выше византійской рутинности и какаго-то безсилія новѣйшихъ школъ. Художникъ, который изобразилъ ликъ Спасителя, могъ бы соперничать съ Cimalea и Луциемъ Сиенскимъ. Гений его, подобно гению этихъ художниковъ, настолько могущественъ.

что смогъ сообщить силу и величіе самымъ этимъ условнымъ византийскимъ формамъ. Дѣйствительно, — ликъ Спасителя въ Гратчаницѣ — какаго-то суроваго типа, — можно даже предположить, что живописецъ, изображая его, какъ бы предвидѣлъ наступленіе мрачныхъ дней церкви. Страшные очи лика грозно смотрятъ изъ подъ бровей и суровый видъ его можетъ, въ самомъ дѣлѣ, внушить страхъ нападающимъ осквернителямъ святыни!

Въ Гратчаницѣ есть и кое-какіе остатки римскихъ древностей. Мы видѣли ихъ. Это — нѣсколько камней съ надписями и двѣ алтарныя, сохраняемыя въ церкви, каменные плиты. Ганъ предполагаетъ, что плиты эти привезены сюда изъ Виціанума (Vicianum), по большому военному тракту между Лиссомъ (Lissus), на Адриатическомъ морѣ, и Ниссомъ (Nissus), въ нѣсколькихъ дняхъ разстоянія отъ Дугая. Въ церкви, замѣтили мы также крышку съ крестомъ отъ какаго-то большаго каменнаго гроба.

Мы знали уже по собственному опыту, что такое — сербскіе монастыри, и потому надѣялись и въ Гратчаницкомъ монастырѣ найдти комфортъ и изобиліе во всемъ; но, па этотъ разъ, не суждено было сбыться нашимъ надеждамъ. Нельзя себѣ представить болѣе рѣзкой противоположности, какъ противоположность — въ состояніи монастырей въ княжествѣ и состояніи здѣшняго монастыря. Да къ тому же, и мы, въ самомъ дѣлѣ, пріѣхали въ монастырь въ «недоброй часъ». Передъ самымъ нашимъ приѣздомъ, взяли здѣсь подъ арестъ настоятеля монастыря и увезли отсюда. Правда, настоятель былъ кругомъ виноватъ и вполне заслуживалъ подобной «катастрофы»; но, — что весьма странно, — оказывалось, что катастрофа эта какъ бы давала какое-то право каждому пришлому мусульманину грубо обходиться съ монахами и вымогать у нихъ все, чего ни пожелаетъ его ненасытная душа. При такомъ положеніи дѣлъ, присутствіе въ монастырѣ нашихъ заптіевъ было истиннымъ бѣдствіемъ. Возмутительно было смотрѣть на наглость заптіевъ и на раболопство передъ ними монаховъ!.. Нѣсколько минутъ спустя, помощникъ настоятеля, (sub — prior), отвелъ въ уголъ нашего драгомана и сообщилъ

ему шопотомъ положеніе дѣлъ въ монастырѣ. Мы, разумѣется, узнавши объ этомъ, послали драгомана увѣрить помощника настоятеля, что завтра же отошлемъ изъ монастыря заптіевъ, сами же заплатимъ аккуратно за все, что заберемъ для себя въ монастырѣ. Исторія, которую рассказалъ намъ помощникъ настоятеля о походахъ и арестѣ своего настоятеля, была — очень возмутительная исторія. Ту же самую исторію рассказывали намъ потомъ и въ томъ же самомъ видѣ, или даже съ прибавленіями, которыя вовсе не сообщали ей лучшаго оттѣнка. Арестованный игумень еще слишкомъ молодъ для занятія мѣста игумена и, повидимому, достигъ этого мѣста подкупомъ. Онъ былъ человѣкъ властолюбивый и вспыльчивый и нажилъ себѣ много враговъ въ деревнѣ. На одномъ свадебномъ пирѣ, когда ракѣ, (родъ водки), разгорячило головы присутствовавшихъ, гратчаницкій игумень получилъ ударъ въ спину и отплатилъ за этотъ ударъ съ процентами, такъ, что обидчикъ полетѣлъ вверхъ ногами. При паденіи, онъ ударился обо что-то твердое и получилъ опасную рану. Семейство раненаго требовало у игумена удовлетворенія и вознагражденія за потерю работника за все то время, пока не заживетъ рана, всего же на всего, около 2000 піастровъ или около 160 руб. сер. Игумень нашелъ это требованіе слишкомъ значительнымъ и заявилъ, что, по его мнѣнію, достаточно и того, если онъ заплатитъ за леченіе раны доктору и помѣститъ больнаго въ монастырь и будетъ за нимъ ходить; но родственники настаивали на своемъ требованіи и — штрафъ былъ уплаченъ. Раненому стало легче и онъ, по обыкновенію, вышелъ на работу; но, спустя нѣсколько времени, простудился, послѣдовало воспаленіе въ полузажившей ранѣ и онъ — умеръ. Получившее за рану удовлетвореніе семейство его, признавая его смерть чистою случайностію, въ которой игумень не-виновенъ былъ нисколько, оставило — было дѣло это безъ всякаго дальнѣйшаго хода; но сосѣднія турецкія власти не преминули воспользоваться этимъ предлогомъ для «облегченія» монастырской кассы. Онѣ вмѣшались въ это дѣло и потребовали съ игумена штрафъ во второй разъ. Такъ какъ игумень не могъ, или же не хотѣлъ заплатить штрафа; то онѣ взяли изъ монастырской кассы все, какія только нашли тамъ,

деньги, арестовали игумена и увезли его подъ стражею въ Призрѣвъ. Въ послѣствіи, какъ мы слышали, присудили его къ тюремному заключенію на «семь» лѣтъ. Расказывавшіе намъ это, прибавляли, что, если бы только можно было положиться на то, что приговоръ этотъ, въ дѣйствительности, будетъ исполненъ въ точности; то былъ бы радъ весь околодокъ, что освободился отъ игумена но, къ несчастію, всѣ были убѣждены, что его продержатъ въ тюрьмѣ только до тѣхъ поръ, пока не убѣдятся власти, что онъ передавалъ имъ всѣ деньги, которыя у него были, потомъ же, его отпустить опять въ Гратчаницкій монастырь, съ условіемъ, чтобы онъ еще, какъ можно, болѣе собралъ для нихъ денегъ.

Небрежность гратчаницкихъ монаховъ отражается и на монастырской школѣ. Быть можетъ, монахи находятъ, что, живя въ захолустѣ Турціи, въ числѣ какихъ-нибудь четырехъ, пяти монашествующихъ, они-бы лучше сдѣлали, если-бы ограничились только присутствіемъ при богослуженіяхъ и вовсе не затѣвали никакихъ школъ. Но все-бы пошло иначе, если-бы назначить въ этотъ монастырь хорошаго настоятеля: тогда, безъ сомнѣнія, развился-бы и зародышъ настоящей монастырской школы и принесъ-бы добрые плоды. При такомъ-же взглядѣ на это дѣло, который господствуетъ теперь въ монастырѣ, настоящая монастырская школа стоитъ несравненно ниже всѣхъ школъ въ томъ околодкѣ.

Войдя въ немеблированную келью, гдѣ помѣщалась школа, увидели мы пятерыхъ жалкихъ мальчугановъ съ изорванными книгами подъ мышками. Книги эти были самыя краткіе бѣлградскіе катихизисы. Ученики читали отрывки изъ этихъ книгъ по-старо-славянски и по-сербски, и читали такъ проворно, что мы невольно заподозрили ихъ, что они читаютъ наизусть. Мы развернули книги въ другихъ мѣстахъ, — и ученики едва, едва могли разбирать по складамъ слова. Добродушный монахъ, учитель ихъ, извинялъ ихъ добросовѣстиѣ, чѣмъ весьма многіе изъ учительскаго званія. Онъ отосилъ «неуспѣхъ» учениковъ не къ ихъ лѣни, а къ собственному своему нерадѣнію. «Впрочемъ», — прибавилъ онъ, — «я учу ихъ только самымъ первымъ нача-

ламъ грамотности; — а потомъ, — Богъ дастъ, — перейдутъ они уже въ хорошую новую школу въ Приштинѣ». Жалкіе катихизисы у мальчугановъ были всё истрепаны и мы подарили имъ нѣсколько новыхъ катихизисовъ и два экземпляра Новаго Завѣта монахамъ. На слѣдующій день, еще одинъ монахъ пришелъ къ намъ въ Приштину и просилъ — себѣ также экземпляръ Новаго Завѣта, такъ какъ и опъ — гратчанпцкій монахъ, но, во время нашего посѣщенія монастыря, случайно, его не было дома. Передъ выходомъ изъ школы, мы рѣшились сдѣлать серьезное замѣчаніе на счетъ того, какъ поклонились намъ, когда мы вошли въ школу, ученики. При нашемъ входѣ туда, ученики, буквально, упали намъ въ ноги и валялись въ ногахъ у насъ, такъ, что это было, — если невозмутительно, то, по крайней мѣрѣ, удивительно смѣшно. Мы спросили, какъ можно было думать, что намъ пріятны такого рода пріемъ и привѣтствіе? Учитель ихъ отвѣтилъ за нихъ: «Турки выучили насъ этому. Достоинство Турокъ требуетъ, чтобы мы, христіане, пресмыкались передъ ними». — «Но мы — не Турки, — и влупать или допускать такое самоуничиженіе передъ христіанами — не только непристойно, но и грѣшно. Развѣ никто изъ васъ не былъ въ свободной Сербіи» — обратились мы къ дѣтямъ, — «и не видалъ, какъ держутъ себя тамъ ученики?» «Нѣтъ никто изъ насъ не былъ тамъ». При этихъ словахъ, ученики переглянулись и стали нѣсколько по-смѣлѣе. Они пригласили насъ потомъ въ церковь, сказавъ, что приведутъ туда изъ деревни человека, который былъ въ свободной Сербіи. Черезъ нѣсколько минутъ, они, въ самомъ дѣлѣ, привели его. На головѣ у него была чалма. Онъ былъ какъ-то неуклюжъ и вся наружность его вовсе не походила на наружность другихъ райевъ; но онъ — былъ разговорчивѣе монаховъ. Мы спросили его, падаютъ-ли въ ноги сербскіе ученики, такъ, какъ эти? — «Разумѣется, нѣтъ», отвѣтилъ онъ, — «но тамъ, въ Сербіи все — совсѣмъ иначе. У Сербовъ тамъ есть и хорошія дороги и хорошіе суды, — тамъ — и миръ и благоденствіе, здѣсь-же нѣтъ — ничего, кромѣ — безтолочи и гнѣта!» Часто потомъ, въ продолженіе нашего путешествія, привѣтствовали насъ въ школахъ подобными-же колѣнопреклоненіями, какъ

въ Гратчаницкомъ монастырѣ, и мы увѣрены, — не одиѣ мы, но вслѣдствіе образованный путешественникъ чувствовалъ не менѣе насъ грусти, при видѣ подобнаго самоуничиженія мальчугановъ. Но, то, что чувствовали мы, путешественники, при подобномъ самоуничиженіи нашихъ ближнихъ и христіанъ, не даетъ полнаго понятія о томъ, что чувствовать должны Сербы княжества, которымъ райи эти — братья по племени и часто — даже родственники. Монахи, купцы, негоціанты разнаго рода, постоянно переходятъ изъ турецкихъ провинцій въ свободную Сербію и, когда перейдутъ туда, гораздо болѣе самыхъ причинъ, заставившихъ ихъ покинуть «насиженныя гнѣзда», возбуждаетъ негодованія ихъ «раболѣпство», пока они не отвыкнутъ отъ него и не привыкнутъ къ обычаямъ новой страны. Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ. Молодой человекъ, работая въ Бѣлградѣ, нанесъ кому-то оскорбленіе и приговоренъ былъ къ содержанію въ рабочемъ домѣ. Старикъ отецъ его, христіанинъ изъ Болгаріи, полагая, что заключеніе въ рабочемъ домѣ продолжаться будетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не откупитъ сына, пришелъ въ Бѣлградъ; но засталъ, что опредѣленный срокъ заключенія скоро минетъ и заключенный будетъ выпущенъ изъ рабочаго дома на свободу, такъ, что, значитъ, не требуется подкупать никого. На радостяхъ, отецъ попросилъ аудіенціи у князя Михаила, чтобы поблагодарить его за милость къ сыну, за его прощеніе. Это было не совѣтъ пріятно князю, который всемирно старался искоренить въ своемъ народѣ привычку обращаться къ нему съ просьбами о разъясненіи или-же измѣненіи законныхъ приговоровъ. Князь чувствовалъ, что подобныя домогательства свидѣтельствуютъ о такомъ положеніи общества, при которомъ произволъ властелина считается выше закона, выше справедливости. Впрочемъ, такъ какъ старикъ пришелъ издалека и ему было-бы очень не по душѣ, если-бы онъ воротился домой, не увидавъ князя; то князь согласился принять его, и пошелъ въ комнату своего дворца, въ которой велѣно было ожидать его Болгарину. Едва только завидѣлъ князя, Болгаринъ тотчасъ-же упалъ онъ на колѣни и сталъ валяться у ногъ его съ распростертыми руками, касаясь одною рукою пола и потомъ прикладывая ее себѣ

ко лбу. Напрасно убѣждали его — встать, — напрасно увѣряли его, что это унижительное положеніе его болѣзненно дѣйствуетъ на князя. Бѣдный райя! Онъ никакъ не могъ понять, никакъ не могъ усвоить себѣ, какъ это можетъ болѣзненно дѣйствовать на другихъ унижительность его положенія! Сцену эту рассказывалъ намъ самъ князь. Одно воспоминаніе объ ней корчило его. «Вотъ какъ», — прибавлялъ онъ, — «подумалъ я тогда самъ про себя, — вотъ какъ надо представляться къ пашѣ!»

Когда мы собирались выѣзжать изъ Гратчаницкаго монастыря, на встрѣчу къ намъ, въ замѣнъ прежнихъ заплѣвъ, пріѣхали въ монастырь новыя заплѣты изъ Приштины: они прислали спросить, не желаемъ ли мы ѣхать до Приштины въ экипажѣ? Въ такомъ случаѣ, они убѣдятъ возницу довести насъ до Приштины, безъ всякой съ нашей стороны платы. Мы, разумѣется, не воспользовались этою отяготительною для третьяго лица услугою и отослали нашего бѣднаго возницу домой, согласно предварительному нашему съ нимъ условію, — сами же продолжали путь верхомъ. Путь отъ Гратчаницы до Приштины потребовалъ болѣе полутора часа ѣзды.

Городъ Приштина расположенъ на волнообразной равнинѣ, на которой небольшіе холмы черемѣшаны съ гладью равнины и плоскогорьями. Городъ — грязенъ и малъ, но издали красивъ, чѣмъ особенно обязанъ одиннадцати минаретамъ своихъ мечетей, выстроенныхъ, какъ говорятъ, турецкими женщинами, мужья которыхъ пали въ битвѣ на Коссовѣ. Небольшое плоскогорье, направо отъ города, особенно выдавалось своею живописностію: при нашемъ посѣщеніи, оно все сплошь усеяно было бѣлыми и зелеными воинскими палатками. Лѣтомъ, обыкновенно, здѣсь, въ полѣ, у города, стоитъ кавалерійскій полкъ. Турокъ и въ лагерѣ, какъ и въ городѣ, выказываетъ свой вкусъ, усиленная ослѣпительный блескъ бѣлаго цвѣта зеленымъ. Каймакамъ Скопья послалъ оттуда рекомендательное письмо объ насъ къ мудирю въ Приштину. Письмо это, какъ замѣтили мы, отлично подѣйствовало. Мудиръ, кромѣ того, что прислалъ къ намъ въ монастырь на встрѣчу новыхъ заплѣвъ изъ Приштины, приготовилъ намъ и комфортабельное помѣ-

щеніе въ этомъ городѣ. Отведенный намъ подъ помѣщеніе епископскій домъ, хотя и не вполне соответствовалъ европейскимъ понятіямъ о епископскихъ дворцахъ, (состоялъ онъ всего изъ четырехъ комнатъ: трехъ маленькихъ и одной большой); тѣмъ не менѣе былъ очень комфортабельнымъ лѣтнимъ жилищемъ. Самъ епископъ, фанариотъ, былъ, разумѣется, въ Константинополѣ: христіанская община, конечно, не жаловалась на его отсутствіе, — мы также, такъ какъ, благодаря этой счастливой случайности, имѣли возможность провести нѣсколько времени въ его просторной, прохладной и уютной комнатѣ, съ рядами оконъ, осѣненныхъ нависшею кровлею. Что лучше всего въ этихъ окнахъ, — это видъ: домъ стоитъ на откосѣ горы, — внизу — разстиляется, какъ развернутый свитокъ, весь городъ, за городомъ — тянется равнина и утопающіе въ синей дали холмы. Немедленно послѣ нашего пріѣзда въ Приштину, попросилъ позволенія «представиться намъ» мудиръ Приштины. Предъ нами предсталъ Албанецъ въ одеждѣ зеленаго цвѣта, подбитой мѣхомъ. Это былъ красивый еще старикъ, съ серебристыми волосами, съ черными, блестящими глазами, съ блѣднымъ цвѣтомъ лица и съ горделивою осанкою. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ помощникъ мудира въ разговорѣ, между прочимъ, закинулъ фразу о высокомъ происхожденіи своего начальника. Мы заинтересовались этимъ сообщеніемъ. Замѣтивъ это, мудиръ самъ объявилъ намъ свою фамилію, сказавъ, что онъ — изъ рода Гегговъ и что изъ этого рода Гегговъ никто въ ихъ сторонѣ не говоритъ ни слова по-турецки. Видя, что посчастливилось этой темѣ разговора, мы продолжали спрашивать его о другихъ родахъ въ сѣверной Албаніи и въ особенности поинтересовались разузнать, согласенъ ли онъ съ мнѣніемъ консула Гана, который увѣряетъ, что самые значительные роды въ сѣверной Албаніи, это — роды Измаила-паши и Махмуда Богона. Мудиръ вполне согласился съ этимъ, прибавивъ только, что «послѣдній въ родѣ Богоновъ» находился на службѣ у султана «Это — небольшой горбатый человѣкъ», — сказалъ онъ съ презрѣніемъ, сгорбившись и копируя «небольшаго горбатаго человѣка». Относительно нашего пріѣзда въ Приштину, мудиръ выразился, что онъ очень радъ, что имѣть удовольствіе видѣть насъ

въ Приштинѣ, прибавивъ, что когда-то самъ служилъ подъ англійскимъ начальствомъ и весьма былъ доволенъ обхожденіемъ съ нимъ Англичанъ и жалованьемъ, которое получалъ отъ нихъ за службу. Во время крымской компаніи, онъ сопровождалъ англійскаго консула, разъѣзжавшаго по ипекскому и детчанскому округамъ для вербовки рекрутъ. Детчанъ мы знали, — намъ, конечно, извѣстенъ былъ тамошній монастырь; такъ какъ это самый большой монастырь въ свѣтѣ. Когда удалился мурдиръ, сербскій Ходжа-баши пригласилъ насъ осмотрѣть христіанскую школу. Отъ школы этой, послѣ всего, что видѣли мы въ Гратчаницѣ, ожидали мы очень немного; но ожиданіе наше было пріятно обмануто. Классная комната въ школѣ была просторна, чиста, хорошо убрана и изукрашена текстами изъ славянской библіи, изображенными на дверяхъ и стѣнахъ. Тексты эти — работы учителя, Серба изъ Митровицы. Онъ сообщалъ своимъ ученикамъ столько свѣдѣній, что они не только хорошо писали, но и рисовали. Два великолѣпныхъ рисунка, изображающіе Мадонну и св. Георгія, подарены намъ были на память. Веселыя и здоровыя дѣти беззабѣчиво обнаруживали передъ нами свое умѣнье читать и считать; но въ географіи познанія ихъ были неудовлетворительны. Это удивило насъ, — такъ какъ на стѣнахъ висѣли хорошія географическія карты. Впрочемъ, мы сейчасъ же замѣтили, что карты висѣли такъ высоко, что нельзя было смотрѣть на нихъ, не почувствовавъ судороги въ шеѣ. Учитель, — самъ небольшого роста и очень опрятный господинъ, — увѣрялъ, что необходимо такъ высоко вѣшать карты, чтобы онѣ не были перепачканы руками дѣтей. Книги въ приштинской школѣ были всѣ изъ Бѣлграда; но такъ какъ онѣ были все для младшаго возраста; то мы спросили: нѣтъ ли въ школѣ сербской исторіи? Учитель, съ таинственнымъ видомъ, осмотрѣвшись вокругъ, пробормоталъ, что «есть; но онъ не смѣетъ употреблять въ школѣ этой исторіи открыто». — «Почему же это?» — «Потому, что въ нашу школу приходятъ часто офицеры турецкихъ кавалерійскихъ полковъ, кавалерійскими же офицерами въ турецкихъ поляхъ часто бываютъ и Венгерцы, и Козаки и Поляки, а они — умѣютъ читать по сербски». «Но, въ краткихъ, сухихъ фактахъ сербской исторіи, конечно, не заклю-

чается ничего революціоннаго и, вѣроятно, офицеры, собратья ваши по вѣрѣ, не рѣшатся, же выдумать на васъ какой-нибудь клеветы по этому поводу?» — «Можетъ быть, иные и пѣтъ; но только — не Поляки. Поляки же — болѣе Турки, чѣмъ сами Турки. Разъ какъ-то, одинъ польскій офицеръ подгрался печально, когда мы были заняты чтеніемъ сербской исторіи, и, заглянувъ черезъ плечо одного изъ учениковъ, вдругъ вскрикнулъ: «Ага! что я вижу? Книги эти — совсѣмъ другія, чѣмъ въ Болгаріи. Тѣ — духовныя, а тутъ что-то о сербской исторіи. Смотрите! Если я опять васъ поймаю, то донесу турецкимъ властямъ!» Я весь дрожалъ и не зналъ, что дѣлать и что возражать. Къ счастью, какъ-то случилось, что тутъ же былъ одинъ козакъ, дезертиръ русской службы, превосходнѣйшій человекъ, который былъ со мной въ большой дружбѣ: онъ вывелъ Поляка изъ классной комнаты и очень сухо замѣтилъ ему, что «они вовсе не для того посланы въ Приштину, чтобы вмѣшиваться въ дѣла сербскихъ школъ». Съ тѣхъ самыхъ поръ, читаемъ мы *тайкомъ* нашу отечественную исторію». Не стоитъ говорить, какую плохую услугу оказывалъ офицеръ-полякъ султану, совершенно безплодно раздувая искру ненависти въ душѣ христіанъ противъ ислама тѣмъ, что полагалъ препоны открытому изученію сербской исторіи, и это — въ такой мѣстности, гдѣ, при помощи народныхъ пѣсенъ, извѣстны самонаиболѣе историческія подробности каждому мужичинѣ, каждой женщинѣ и даже дитяти. Къ несчастію, подобный случай не исключительное явленіе. Послѣ того, слышали мы еще, что въ одномъ большомъ славянскомъ городѣ въ Турціи взяты были подъ секвестръ школьныя книги той же «Сербской исторіи». Само собою разумѣется, — самъ паша не читалъ этихъ книгъ; но кто-то шепнулъ ему о ихъ существованіи и что въ нихъ будто бы есть статьи, возбуждающія презрѣніе къ турецкому правительству. Этого было довольно. Фанатичные магометане подняли шумъ, греческій же епископъ, конечно, принялъ въ этомъ дѣлѣ участіе, по ненависти ко всему славянскому. Достойно замѣчанія, что одинъ изъ самыхъ интеллигентныхъ мусульманъ, родомъ славянинъ и собственникъ книгъ, этихъ опальныхъ «сербскихъ исторій», протесто-

валъ противъ ихъ секвестра, доказывая, что подобнымъ «секвестромъ» скорѣе можно возбудить презрѣніе къ турецкому правительству, чѣмъ всеѣмъ тѣмъ, что изложено въ сербскихъ учебникахъ исторіи. Мы читали эту «пресловутую исторію Сербіи» и можемъ вполне подтвердить справедливость мнѣнія интеллигентнаго мусульманина. Въ оттоманскомъ войскѣ Поляки, по увѣренію школьнаго учителя, ненавидятъ христіанъ болѣе даже, чѣмъ самые Турки. Къ сожалѣнію, нельзя не сознаться, что мы слышали объ этомъ не отъ одного школьнаго учителя. Весьма многіе говорили намъ о ненависти Поляковъ къ турецкимъ и другимъ христіанамъ, — и говорили тономъ особенно грустнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, — польскіе эмигранты одно время были слишкомъ склонны ненавидѣть славянъ — христіанъ въ Турціи, тѣмъ болѣе, что имъ покровительствовала Россія. Впрочемъ, въ послѣдствіи, стали они относиться къ нимъ съ большею разборчивостію и, при бомбардированіи Бѣлграда, Поляки и Венгерцы, какъ извѣстно, предлагали даже свои услуги сербскому правительству. Въ приштинской школѣ, кромѣ одной классной комнаты, есть еще и другая такая же просторная комната, въ которой очень хорошо можно было бы устроить классную комнату для дѣвочекъ; но здѣсь, какъ и вездѣ, нѣтъ учительницы, а обычай въ здѣшней мѣстности не позволяетъ, что бы учились вмѣстѣ мальчики и дѣвочки. Но, кромѣ того, есть и еще препятствіе. Если арнаутскіе мальчишшп-озорники обижаютъ по дорогѣ въ школу и мальчиковъ; то какая же бы участь постигла дѣвочекъ? Возраженіе это сдѣлалъ намъ сербскій ходжа-баши. Учитель сказалъ ему на это въ отвѣтъ: «А, знаете ли вы, что мнѣ недавно сказали власти? — Новый мудиръ объявилъ мнѣ, что султанъ желаетъ, чтобы «*все*» дѣти его подданныхъ, не исключая и дѣтей арнаутовъ, ходили въ школу. Теперь, когда албанскіе мальчики будутъ засажены за работу въ школу, и нашимъ ученикамъ можно будетъ спокойно ходить по улицамъ.» Ходжа-баши взглянулъ на насъ пристально, какъ бы желая удостовѣриться, на сколько поняли мы слова учителя, и пробормоталъ отрывисто: «Да, это будетъ отлично, если угомонятся и арнаутскіе мальчики и будутъ ходить въ школу, какъ и другіе!» Въ отношеніи къ женскому

образованію, нашъ Ходжа-баши былъ однакоже не очень либералевъ. Онъ замѣтилъ, что въ приштинской христіанской общинѣ есть много еще мальчиковъ, которые не умѣютъ ни читать, ни писать, и что будетъ не совсѣмъ-то ладно, если женщины выучатся читать и писать раньше мужчинъ. Выслушавъ это замѣчаніе, мы ничего не сказали ему, а только показали нѣсколько красиво переплетенныхъ книгъ, прибавивъ, что это: «исторіи и воспоминанія путешествій, написанныя женщинами». Онъ осмотрѣлъ ихъ со вниманіемъ и, позвавъ учителя, знавшаго латинскія буквы, попросилъ его прочесть ему заглавія книгъ и потомъ спросилъ: «Вы вполне увѣрены, что это — не письма и не пѣсни»? — «Вполнѣ», — отвѣтили мы. Тоже подтвердилъ и учитель. Тогда ходжа-баши сказалъ: «Если женщины пишутъ у васъ такія книги, то посмотримъ, не могутъ ли писать и у насъ такихъ же книгъ женщины». Когда ушелъ ходжа-баши, — учитель объяснилъ намъ, что обитатели Приштины обладаютъ талантомъ импровизаціи и что импровизаціи эти, сочиняемыя ими по поводу разныхъ случаевъ изъ ихъ собственной жизни, вставляють они въ свои народныя пѣсни. Импровизаціи эти, разумѣется, нерѣдко служатъ и для любовныхъ объясненій, такъ, что здѣсь составилось мнѣніе, что, если бы женщины умѣли писать, то у нихъ были бы, кромѣ импровизацій въ пѣсняхъ, еще цѣлыя виды и готовыхъ любовныхъ писемъ. Разумѣется, подобныя понятія существуютъ только о женщинахъ современной Сербіи. «Старинныя же сербскія дамы», — какъ видно изъ легендъ и старыхъ пѣсень — «писали, какъ мужчины». Какъ бы то нибыло, ходжа-баши, не смотря на всѣ свои предрасудки, — апостоль прогресса въ Приштинѣ. По его инициативѣ, построена здѣсь школа. Имъ-же отысканъ и привезенъ сюда учитель. Онъ-же руководитъ и небольшою здѣшнюю сербскою общиною, за отсутствіемъ епископа; и, не смотря на крайнюю его бѣдность, постоянно его выбирають представителемъ въ меджлисъ, такъ какъ онъ внушаетъ къ себѣ довѣріе своимъ поведеніемъ, да и смѣлъ: начинаетъ иногда говорить раньше Турка. Нѣтъ никакого сомнѣнія, — онъ бывалъ въ свободной Сербіи. Это видно съ перваго же взгляда. По примѣру людей, пожившихъ за границею, онъ держитъ

голову и выступаетъ, какъ человѣкъ. Невольно спрашиваешь себя: «зачѣмъ онъ вернулся сюда изъ свободной Сербіи»? Часто задавали мы себѣ подобные вопросы, смотря на людей, которымъ заблагоразсудилось вернуться въ свои родные города, не взирая на все то, что пришлось имъ переносить тамъ. Въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно, слышали мы слѣдующіе отвѣты. Если нѣкоторые изъ членовъ семейства уходятъ изъ Турціи за границу и остаются тамъ на всегда; то другіе, напротивъ, не могутъ никакъ вынести разлуки съ родиной и съ друзьями. Вообще, остаются, обыкновенно, за границую тѣ, кто уѣзжаютъ туда тогда еще, когда образъ жизни ихъ не установился; въ противномъ-же случаѣ, они, обыкновенно, не уживаются тамъ. Оставаясь и за границую такими-же лѣнливыми и беспорядочными, какими были въ Турціи, они, обыкновенно, не успѣваютъ сберечь достаточно средствъ для перевозки своихъ семействъ, и, черезъ нѣсколько времени, отправляются, обыкновенно, назадъ въ Турцію. Изъ Турціи отправляютъ они потомъ уже только дѣтей своихъ. Такъ молодой сынъ ходжи-баши былъ наканунѣ отъѣзда своего въ свободную Сербію.

Глава XVI.

СТАРАЯ СЕРБИЯ.

- «Есть сабя,—есть и истинная мѣра!»
Албанская пословица.
- «Шутки выказываютъ героя!»
Сербская поговорка.

Въ Приштинѣ,—въ самомъ сердцѣ Старой Сербіи,—очень кстати выяснитъ себѣ: какъ велико пространство земли, которое извѣстно подъ именемъ «Старой Сербіи», какова исторія этой страны, изъ какихъ элементовъ состоитъ ея народонаселеніе и въ какомъ оно положеніи?

Еще въ старинныя времена сербскаго царства, и тогда, кажется, «собственно Сербія» отличалась отъ «сербскихъ земель». Подъ именемъ послѣднихъ, разумѣлись всѣ страны, заселенныя сербскимъ племенемъ; какъ: Зета, Боснія, Герцеговина и пр.; Сербію же, въ тѣсномъ смыслѣ, называлась только мѣстность, гдѣ теперь — сербское княжество, вмѣстѣ съ тою полосой земли, которая лежитъ между южною частью сербскаго княжества и Македонію. На старинныхъ ландкартахъ европейской Турціи, изданныхъ тогда еще, когда всѣ Сербы были подданными Турокъ, показаны они *всѣ* подъ однимъ общимъ именемъ Сербовъ; теперь же, когда придунайскія земли освободились уже отъ турецкаго

ига, — земли же, отдаленныя отъ Дуная и смежныя съ Македонією, остаются еще подъ властію Турокъ, — составители географическихъ картъ даютъ имя Сербіи только территоріи, освободившейся отъ турецкаго владычества, остальная же полоса земли, еще несвободная, называется христіанскими ея обитателями «Древней или Старой Сербіей». Названіе это извѣстно не только между турецкими Славянами, но также между Австрійцами и Русскими; — турецкое же правительство и европейскіе консулы, проживающіе въ Турціи, не признаютъ его. Последніе, т. е. консулы, за исключеніемъ одного австрійскаго въ Призрѣнѣ, всѣ, — въ самомъ дѣлѣ. — живутъ такъ далеко отсюда, что многого изъ быта здѣшнихъ христіанъ вовсе не могутъ знать. Оффиціально извѣстно имъ, что Турки зовутъ эту страну Арнаутлукомъ и что часть ея населенія составляютъ магометане — Албанцы. Въ самой странѣ можно слышать оба эти названія: и Арнаутлукъ и Старая Сербія. Если вы укажете на что-нибудь, особенно разоренное, или же на какую-нибудь, особенно выдающуюся черту безправія; то и Турки и Сербы, въ одинъ голосъ, скажутъ вамъ: «Чего же можно ждать хорошаго отъ Арнаутлука?» Когда же остановитесь вы, въ изумленіи и восторгѣ, при видѣ какого нибудь древняго храма, и у васъ невольно вырвется восклицаніе: «Можно ли было думать, что встрѣтишь здѣсь такое изящное произведеніе архитектуры!» — священникъ, который, обыкновенно, замѣняетъ здѣсь «чичероне», изогнувшись въ три погибели, непременно шепнетъ вамъ: «Да, вѣдь, эта страна — Старая Сербія!»

Ни опредѣленныхъ политически, ни обозначенныхъ географически, границъ нѣтъ у Старой Сербіи. Границы ея остаются запечатленными только въ памяти христіанскихъ ея обитателей. Память же эта обусловливается историческою связью, существовавшей между племенами, населявшими Старую Сербію, — и потому очень трудно опредѣлить ея рубежи. Для составленія себѣ понятія объ этой странѣ и выясненія ея границъ по мѣстнымъ традиціямъ, укажемъ нѣкоторые пограничные географическіе ея пункты. На сѣверѣ, т. е. гдѣ Старая Сербія сливается съ южными частями нынѣшняго сербскаго княжества, лежитъ городъ Нови-базаръ и, далѣе, къ западу отъ него, тянется гряда холмовъ, такъ назы-

ваемая «Рогожна-Планина», оканчивающаяся узломъ горъ, переходящихъ въ черногорскую Берду. На югозападномъ рубежѣ старой Сербіи, стоитъ Призрѣнъ, бывший сербскій Царь-градъ, а за нимъ тянутся горныя гряды Скардуса, называемыя теперь Шааръ-Планиною. Какъ горы Герцеговины, сѣверной Албаніи и Черногоріи образуютъ горную линію на западѣ Старой Сербіи, по направленію отъ сѣвера къ югу, точно такъ и на востокъ ея, но, только по направленію съ юга на сѣверъ, идетъ линія горъ, начинаясь отъ замка Марка Кралевича, въ Прилѣпѣ, въблизи Скопья, вдоль болгарской Черной Горы, вплоть до Ниша. Нишъ стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ границы свободной Сербіи, но тамъ есть памятникъ, который соорудили Турки изъ череповъ Сербовъ гавшихъ въ бояхъ за свою независимость, и памятникъ этотъ, по словамъ Ламартина, указываетъ настоящую границу Сербіи.

Горы Старой Сербіи. На самой границѣ старой Сербіи и Черногоріи, видимъ мы самую высокую гору во всей европейской Турціи, высшія точки которой, отроги: Комъ и Дормиторъ, доходятъ отъ 8000 до 9000 футовъ надъ уровнемъ моря. Гора Люботернъ, около 6000 футовъ, какъ мы говорили уже, образуетъ восточную окраину Шааръ-Планины и одинъ изъ угловъ этой горы, — проходъ Качаникскій, — выходитъ къ Коссову полю.

Долины, города и проч. Самую сердцевину Старой Сербіи, какъ въ историческомъ, такъ и въ географическомъ отношеніяхъ, образуетъ соединеніе двухъ родственныхъ, по своему характеру, долинъ: Метохій и Коссовой. На самой Коссовой долинѣ, или же въ близости ея, лежатъ города: Приштина, Ново-Бердо, Гиланъ, Вучитернъ, монастырь Гратчаничскій и виднѣется мѣстность знаменитой старинной церкви Самодрема. Замокъ Свѣтчани, бывший когда-то резиденціею сербскихъ королевъ, расположенъ на возвышенности, на сѣверной сторонѣ, когда вы въѣзжаете въ эту долину. Къ западу отъ Коссовой долины, или Коссова поля, тянется долина Метохій, перерѣзанная пополамъ небольшою грядою холмовъ Голяшскихъ. Долина эта лежитъ въ самомъ центрѣ всѣхъ сербскихъ владѣній и въ самой плодородной полосѣ земли изъ всей сербской территоріи. Здѣсь основали свою столицу Неманиды и Стефанъ Душанъ

перенесъ сюда въ послѣдствіи и патріаршіи престолъ. Бывшій Царь-градъ Сербіи, Призрѣнъ, лежитъ въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ епископскаго города Ипека и, между этими двумя резиденціями, возноситъ свои купола въ лазурь неба знаменитый храмъ Детчанскій. Постройка этого храма такъ прославила его строителя, короля, что къ имени его обыкновенно, прибавлялось прозваніе «Детчанскій», такъ, что онъ сталъ извѣстенъ и въ исторіи подъ именемъ «Уроша Детчанскаго.» Въ народной сербской поэзіи Коссова долина, или Коссово поле, извѣстно, какъ поле битвы; долина же Метохиі, какъ садъ Сербіи. Полагать надобно, что эта мѣстность, входящая въ составъ Старой Сербіи, вмѣстѣ съ мѣстностью, которая составляетъ теперь южную часть новѣйшаго сербскаго княжества, въ древнія времена, населена была самою богатою и образованною частью сербскаго народа. Большая часть высшихъ знатныхъ сербскихъ родовъ, фамиліи которыхъ сохранились въ «сербской родословной книгѣ», *) кажется, имѣли свои «родовыя гнезда» въ этой части Сербіи; а попадающіеся здѣсь красивые храмы, — частію, въ развалинахъ, а частію еще сохранившіеся до сихъ поръ, — даютъ понятіе о любви къ изящнымъ искусствамъ, которая рано развила въ этой странѣ, превращенной теперь въ пустыню. Природные цари Сербіи были, какъ видно, очень щедры въ издержкахъ на дѣла религіозныя, благотворительныя и дѣла общественной пользы, и, обыкновенно, прибавляли къ своимъ именамъ прозвища тѣхъ урочищъ, гдѣ основывали какія-нибудь богоугодныя заведенія. Впечатлѣніе, оставленное въ умахъ поданныхъ благотворительностію ихъ царей, до сихъ поръ живетъ еще въ народныхъ легендахъ. Какъ обращикъ подобныхъ легендъ, приведемъ здѣсь слѣдующую любопытную легенду, мѣстомъ дѣйствія въ которой выставлена Гратчаницкая обитель, а сюжетомъ — обсужденіе положенія финансовъ на одномъ изъ соборовъ, созданныхъ послѣ смерти сербскаго царя, Неманья.

---

*) Книга эта хранится, какъ говорятъ, на Аеснскій горѣ. Копію съ нея показывалъ намъ Людовикъ Гэ, въ Аграмѣ.

Какъ закатится солнце красное
 И померкнетъ день, опечалится,—
 Мѣсяць ясный въ небѣ выступить,
 Съ нимъ покажутся звѣзды частыя,—
 Такъ, по смерти красна-солнышка царя Неманья,
 Во Гратчаницкій, чудный, божій храмъ,
 Старшій сынъ его, Савва Нѣманичъ,
 На совѣтъ собралъ сербскихъ властырей.
 Перечтеть ли кто звѣзды частыя?
 Отличить ли кто отъ звѣзды звѣзду?
 Передъ мѣсяцемъ свѣтять все равно,
 Все на землю смотреть ласково,—
 Такъ и властыри на совѣтѣ томъ,
 Передъ мѣсяцемъ—Саввой Нѣманьей,
 Все смотрѣли робко, ласково.
 Поручилъ онъ имъ дѣло важное:
 Разобрать, считать казну царскую.
 И такую рѣчь держать властыри:
 «Широко пораскинулся божій вольный свѣтъ,
 Много всякихъ въ немъ королей, царей,
 Но богаче всехъ былъ покойный царь:
 Шесть, вѣдь, башень серебромъ, золотомъ
 Царь наполнилъ съ верху до низу.
 Отчего-жъ теперь пусты башни тѣ?
 Куда дѣлася казна царская?
 Знать,—богатство все нашъ истратилъ царь
 На оружіе, да на бердыши, на коней, на силу браниую?»
 Всталъ тутъ царскій сынъ, Савва Нѣманичъ,
 И такую рѣчь повелъ къ властырямъ:
 «Эхъ, вы, властыри, не подумавши,
 Вы клеветецѣ на царя-отца
 И берете грѣхъ себѣ на душу.
 Правду-истину говорите вы,—
 Опустѣли башни царскія,
 Но отъ этого не прибавилось
 Ни оружія, ни бердышей,
 Новой сбруей не украсились
 Наши статные кони-браниые,—
 А повыросли по всей Сербіи храмы божіи,
 Черезъ рѣки перекинулись мосты легкіе,
 По болотамъ, топямъ пролегли пути.
 Въ Хиландарѣ, на Аѳонской горѣ, появились храмы чудные.
 Монастырь высокій Детчанскій,

Князь Савва

Студенитская лавра бѣлая,
 Все отцемъ моимъ построены.
 Да и бѣдный людъ изъ его казны
 Надбляежь былъ рукой щедрою.

Перейдемъ теперь отъ Старой Сербіи временъ Неманидовъ къ теперешнему ея положенію. До 1389 года, Старая Сербія была одною изъ самыхъ богатыхъ и цвѣтущихъ странъ во всей Сербіи; въ настоящее-же время, ее можно считать одною изъ самыхъ бѣднѣйшихъ и самыхъ несчастнѣйшихъ областей во всей европейской Турціи, за исключеніемъ развѣ только, сосѣдней съ нею, гористой Албаніи. Бѣдственный переломъ въ ея исторической жизни можно считать съ самаго момента побѣды Турокъ на Коссовомъ полѣ; но превращеніе этой страны изъ плодородной и цвѣтущей въ дикую и запущенную совершилось постепенно и шло слѣдующимъ путемъ. По условіямъ, установленнымъ между султаномъ и признавшими надъ собою его власть Сербами, церкви и мечети слѣдовало строить рядомъ и вмѣстѣ обитателямъ, безъ различія національности, пользоваться совершенною свободою въ дѣлахъ совѣсти и религіи. Но эти условія плохо соблюдались въ Сербіи, точно такъ, какъ и въ Болгаріи. Умѣренность и вѣротерпимость Турокъ длились только до тѣхъ поръ, пока Турки не укрѣпились прочно въ странѣ. Упрочившись же тамъ, они стали наносить сокрушительные удары всему тому, что прежде щадили. Изъ дѣтей, которые не были ими перебиты, дѣвочекъ увозили они въ гаремы, а мальчиковъ обращали въ янычаръ, — которые же изъ нихъ были постарше, тѣ едва успѣвали спасти себя отъ янычарства денежнымъ выкупомъ поголовнымъ, (вотъ происхожденіе харатча). Церкви, спасшіяся отъ разгрома или отъ превращенія въ мечети, были: или во 1-хъ, церкви слишкомъ небольшихъ размѣровъ, или во 2-хъ), церкви, которыя, по мѣстности своей, не годились быть мѣстами мусульманскаго богослуженія, или же наконецъ въ 3-хъ), церкви, за сохраненіе которыхъ

христиане добровольно обязывались вносить ежегодно большія суммы денегъ. Вотъ, почему Гратчаницкая и Детчипская обители и до сихъ поръ служатъ доходными статьями мусульманамъ. Не смотря на колоніи оттоманъ, появившіяся, вскорѣ послѣ Коссовской битвы, — въ Скопінѣ, Призрѣнѣ и Ново-Бердѣ, магометанство распространялось очень медленно въ Старой Сербіи, пока народонаселеніе этой страны было преимущественно чисто-сербское. Но, въ послѣдней половинѣ XVII столѣтія, совершились событія, вслѣдствіе которыхъ мѣстность эта была оставлена почти всѣми ея исконными обитателями. Въ XVII столѣтіи, Турки стали распространять свои хищническія набѣги на владѣнія германскаго императора. Они завладѣли Венгріею и осаждали Вѣну. Габсбургскій домъ началъ противъ нихъ серьезную войну, въ союзѣ съ сербскими христианами, жившими на южномъ берегу Дуная. Въ Адрианополѣ сербскій патріархъ встрѣтилъ Георгія Браковича, — единственную отрасль послѣднихъ царей Сербіи, — и помазалъ его на царство. Оба эти вождя, свѣтскій и духовный, рѣшились вооружить сербскій народъ и произвести возстаніе. Мы говорили уже въ другой главѣ о результатахъ этихъ дѣйствій. Австрія захватила Георгія Браковича, заподозрѣвъ его въ измѣнѣ, и до самой смерти своей содержался онъ узникомъ въ крѣпости, Эгерѣ. Австрійскіе полководцы дошли до Коссова поля; но были тамъ разбиты Турками и вынуждены были возвратиться въ Австрію. Вслѣдствіе этой неудачной битвы, большая часть народонаселенія центральной Сербіи увидала себя совершенно во власти Турокъ и, не находя никакой возможности оставаться жить въ своей странѣ, рѣшилась принять предложеніе императора и эмигрировать въ его владѣнія. Въ 1690 г., 37,000 семействъ, подъ предводительствомъ тогдашняго сербскаго патріарха Арсенія, вышли изъ своего отечества въ Австрію. Эти эмигранты состояли изъ остатковъ богатыхъ и знатныхъ жителей центральной Сербіи. Они предпочли скорѣе стать изгнанными изъ родины, чѣмъ безусловно подчиниться Туркамъ. Въ мѣстѣ новыхъ ихъ поселеній, на сѣверномъ берегу Дуная и Савы, образовалась изъ нихъ большая часть той знаменитой «Военной Границы», которая впослѣдствіи такъ вѣрно служила Австріи оплотомъ отъ хищническихъ набѣ-

говъ восточныхъ народовъ и отъ запаса заразительныхъ болѣзней съ Востока *).

Императоръ германскій обѣщалъ этимъ эмигрантамъ, что служба ихъ, подъ его державою, будетъ только *«временная»*, что онъ со временемъ отвоюетъ имъ ихъ земли, лишь бы пока помогали они ему охранять его страну, и что, во все это время, они будутъ пользоваться *«самоуправленіемъ»*, въ сферѣ дѣлъ гражданскихъ и религіозныхъ. Но, — время шло, — а *«старыя»* земли ихъ *«не отвоюывались»*, хотя и охотно надѣляли *«новыми»* землями этихъ храбрыхъ защитниковъ Австріи. Далѣе—выборъ патріарха у нихъ былъ стѣсненъ и вполнѣ подчиненъ капризу вѣнскаго кабинета, — санъ *«воеводы ихъ»* лишенъ прежняго своего значенія. Словомъ, — Сербовъ-эмигрантовъ стѣсняли все болѣе и болѣе и впослѣдствіи стали даже нѣкоторыхъ изъ нихъ заставлять перемѣнять вѣру, такъ, что, въ виду этихъ стѣсненій, многіе изъ нихъ покидали Австрію и перебрались въ Россію.

Въ настоящее время, Сербы княжества едва ли болѣе пылкіе патріоты, чѣмъ эти эмигрировавшія въ Австрію семьи, которыя уже около двухъ сотъ лѣтъ живутъ на чужбинѣ. Изъ австрійскихъ Славянъ весьма много молодыхъ людей поступаетъ на службу въ сербское княжество, а не въ Австрію. Съ самаго начала сербской войны за освобожденіе, сотни семей перебрались изъ Австріи въ свободную Сербію; когда же очищены будутъ южные округа Сербіи отъ Турокъ, то большая часть эмигрантовъ, какъ уже заявили, возвратится на свои старыя пепелища.

---

*) Въ началѣ 1875 и 1876 годовъ, «Военная Граница», которая первоначально служила христіанской Европѣ оплотомъ отъ Турокъ, обратилась въ оплотъ Ислама отъ христіанъ, — и хотя, на практикѣ, воспренятствовать обнаруженію симпатій обитателей этой Границы къ родственному имъ славянскому народонаселенію или же заручиться безусловнымъ повиновеніемъ тамошнихъ оффиціальныхъ лицъ, не найдено возможности; тѣмъ не менѣе однако же, на сѣверѣ, рубежи охранялись очень строго, такъ, что ни—одного вооруженнаго человека не пропускали въ Боснію. Турецкія жестокости происходили на глазахъ у Австрійцевъ. Были даже случаи нападенія мусульманъ на жизнь и имущество австрійскихъ подданныхъ, и нѣсколько разъ проходили они Туркамъ совершенно безнаказанно, благодаря твердой рѣшимости австро-венгерскаго правительства сохранить съ Турціею миръ, во что бы то ни стало.

Много-знаменательнымъ фактомъ этой непорванной связи австрійскихъ Сербовъ съ ихъ прежнимъ отечествомъ служитъ тотъ фактъ, что они отдѣлили на ихъ новой землѣ одинъ изъ участковъ и посвятили его памяти о своемъ прежнемъ отечествѣ. Выбранный ими участокъ этотъ называется: *«Фруска Гора»*. Это — холмистый полуостровъ между Дунаемъ и Савою. Тамъ вновь прибывавшіе эмигранты строили храмы, посвящая ихъ именамъ тѣхъ самыхъ Святыхъ, которыхъ имена носили храмы, въ ихъ прежнемъ отечествѣ, — туда же переносили они всё, какія оставались у нихъ, драгоценности и даже перенесли и кости своего послѣдняго царя, Лазаря. Мы посѣтили монастырь, гдѣ похороненъ Лазарь. Тѣло его сперва перевезено было съ Коссова поля въ Гратчаницкую обитель, а оттуда, въ Раванитцу, — въ церковь, находящуюся въ настоящее время въ сербскомъ княжествѣ; — теперь же окончательно перенесено въ Новораванитцу, выстроенную на Фруска — Горѣ. Въ день битвы на Коссовомъ полѣ, празднуется память царя Лазаря. Тысячи народа приходятъ въ этотъ день въ Новораванитцу издалека и благоговѣнно окружаютъ въ монастырѣ гробъ Лазаря. Большая картина, изображающая Коссовскую битву, сохраняется также въ этомъ монастырѣ. Она служитъ темой для поэмъ въ честь турецкихъ побѣдъ, и для легендъ, передаваемыхъ у себя Сербами отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Зная теперь, какъ утратила старая Сербія своихъ полуобразованныхъ исконныхъ жителей христіанъ, — разсмотримъ, какъ дошла она до состоянія *«безусловнаго»* порабощенія мусульманамъ.

Мѣста въ долинахъ, покидаемые эмигрантами, какъ въ первое время эмиграціи, такъ и въ послѣдствіи, заселялись появлявшимися изъ соседнихъ гористыхъ странъ Скипетарами или Албанцами или же, какъ называютъ ихъ Турки, Арнаутами.

Съ первыхъ временъ сербской исторіи, существовали нѣкоторыя мѣстности, гдѣ элементы: славянскій и албанскій, жили, какъ кажется, вмѣстѣ, рядомъ другъ съ другомъ. Но какъ далеко на сѣверъ шли поселенія Албанцевъ рѣшить трудно; что же касается до юга, то можно сказать навѣрно, что славянскія поселенія на албанской территоріи

простирались до Дураццо и Элбассона; такъ, что, даже до временъ Неманья, небольшое сербское княжество Зета включало въ себѣ и сѣверныхъ Скипетаръ и южныхъ Славянъ. Въ послѣдствіи, въ законахъ сербскаго царства упоминалось объ Албанцахъ, православныхъ и католикахъ, какъ о согражданахъ Сербовъ. Наконецъ, послѣ паденія сперва сербскаго царства, а потомъ и Зеты, находимъ Албанцевъ, подъ управленіемъ отдѣльныхъ, независимыхъ князей. Большая часть Албанцевъ, жившихъ на сѣверѣ у Адриатическаго моря перешла тогда въ латинство. Побѣдоноснымъ мусульманамъ былъ прямой расчетъ сдѣять распри между побѣжденными христіанами разныхъ вѣроисповѣданій. Вообще послѣдователей римско-католической религіи въ Турціи было менѣе, чѣмъ православныхъ, и, стало быть, менѣе опасно было надѣлать римско-католиковъ привилегіями. Между тѣмъ привилегіи эти еще болѣе усиливали вражду. Независимымъ Албанцамъ, большею частью, римско-католикамъ, жившимъ во враждѣ съ Черногорцами, о-противило служить постоянно отпоромъ разливу турецкаго могущества. Они рѣшились перейти въ подданство султана подъ тѣмъ условіемъ, что сохранять свободу вѣроисповѣданія и привилегіи своего прежняго, обычнаго образа жизни. Условія эти существуютъ и до сихъ поръ, но соблюдались и соблюдаются и теперь только среди племенъ, обитавшихъ и обитающихъ въ горахъ и въ такихъ мѣстахъ, куда турецкому войску трудно пробраться. Какъ скоро же Албанцы спустились въ старосербскія долины, тотчасъ же увидали они, что Турки отбросили съ ними всѣ церемоніи, какъ и съ прочими христіанами. Непостоянный же характеръ Албанцевъ и отсутствіе установившихся воззрѣній на какой-либо опредѣленный планъ дѣйствія ставили ихъ въ такое положеніе, въ которомъ они неспособны были терпѣливо выносить разныя притѣсненія. По-этому, часть албанскаго племени, извѣстнаго подъ названіемъ: «Клементинъ, вскорѣ же перебралась, вмѣстѣ съ Сербами, въ Австрію, остальная же часть постепенно увлечена была политическими видами Порты, т. е. отдѣлила совершенно свои интересы отъ интересовъ остальныхъ собратій своихъ, — христіанъ, и, въ вознагражденіе за свое ренегатство, получила позволеніе властвовать надъ всѣмъ ос-

тальнымъ тамошнимъ народонаселеніемъ. Изъ прежнихъ Албанцевъ римско-католиковъ оставалось въ старой Сербіи весьма мало; по ряду ихъ, время отъ времени, пополняются эмигрантами съ горъ. Новые переселенцы, обыкновенно, слѣдуютъ примѣру своихъ предшественниковъ и тотчасъ же становятся магометанами. И тогда даже, когда продолжаютъ они еще быть римско-католиками, Турки освобождаютъ ихъ отъ взноса харатча и они отбываютъ въ натурѣ воинскую повинность, помогая султанскимъ войскамъ усмирять своихъ согражданъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ только власти состоятъ изъ мусульманъ и магометанскіе законы соблюдаются въ судебныхъ учрежденіяхъ, — тамъ весьма много надо усилій, со стороны римско-католическихъ священниковъ, и сильной поддержки, со стороны представителей чужеземныхъ правительствъ, для предотвращенія перехода такъ называемыхъ «латинянь старой Сербіи,» Албанцевъ, въ исламъ. Разъ только въ какой-нибудь деревнѣ нѣскольکو семей перейдетъ въ исламъ, — возникаетъ застрашивание остальныхъ жителей деревни и длится до тѣхъ поръ, пока всѣ они не перейдутъ въ исламъ, такъ какъ ничто такъ не смущаетъ вѣроотступниковъ, какъ видъ въ другихъ того постоянства, отсутствіе котораго сознаютъ они въ себѣ самихъ. Люди, колеблющіеся въ вѣрѣ, обыкновенно, стараются лавировать между магометанствомъ и католичествомъ. Они носятъ магометанскія имена и слывуть въ обществѣ за магометанъ, оставаясь въ то же время дома христіанами. Мы будемъ имѣть случай говорить въ послѣдствіи о подобныхъ послѣдователяхъ римско-католической вѣры. Главные ихъ приходы: въ Гилаиѣ, Ипекѣ, Дьяковѣ и Призрѣнѣ. Теперь намъ остается только замѣтить, что Арнауы Старой Сербіи происходятъ изъ племени Гегговъ и, подобно всѣмъ Геггамъ, питаютъ глубокую ненависть къ южнымъ Албанцамъ, или Тоскамъ. Тоски, въ самомъ дѣлѣ, рѣзко отличаются отъ нихъ. Многіе изъ Тосковъ, въ нѣкоторой степени, поддались вліянію греческой цивилизаціи и представляютъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ, нѣкоторое сходство съ изящными, умными и непостоянными Греками. Съ другой же стороны, — у Гегговъ, отличающихся стойкимъ, мужественнымъ характеромъ и живущихъ долго въ славянскихъ частяхъ

страпы, течеть въ жилахъ много славянской крови. Въ самомъ дѣлѣ многія албанскія семьи въ тѣсной связи съ славянскими семьями; такъ какъ, лишь только Сербъ сдѣлается отступникомъ отъ своей вѣры, — онъ тотчасъ же перестаетъ называть себя Сербомъ и становится извѣстнымъ уже съ тѣхъ поръ подъ именемъ: Арнаута. Албанцы въ старой Сербіи выше ростомъ и статіе Албанцевъ Эпира. Они — чистоплотнѣе, и великолѣпный цѣнный костюмъ ихъ болѣе походитъ на костюмъ Черногорцевъ, чѣмъ на фустанеллу Тосковъ, съ разрывными рукавами. Сліяніе съ Сербами много смягчило характеръ Гегговъ. Болѣе высокомѣрные по характеру и болѣе упрямые, чѣмъ Тоски, Арнауцы, вновь поселившіеся въ древнемъ патріаршемъ городѣ Инекѣ, вполне оправдываютъ своимъ нравственными качествами замѣчаніе одного купца изъ Скопья, отозвавшася объ нихъ, какъ о «самыхъ буйныхъ изъ всѣхъ мусульманъ въ Турціи.» Ихъ противодѣйствіе Портѣ такъ же хорошо извѣстно, какъ и ихъ надменность въ отношеніи къ христіанамъ. «Бойся темнаго Бога», — говоритъ Арнаутъ Ипека, — «а что касается до султана, то дѣлай видъ, что — забылъ о его существованіи.» Они грабятъ райевъ и, обыкновенно, извиняютъ себя въ грабежѣ различіемъ религій: но, въ существѣ, имъ очень мало дѣла до религій и, конечно, между ними и Сербами меньше расовой ненависти, чѣмъ между Албанцами или же Сербами и Османцами. Сербы смотрятъ свысока на Албанцевъ, ставя въ вину имъ непостоянство ихъ, отсутствіе въ нихъ всякаго чувства законности и ихъ глубокое невѣжество; но они высоко ставятъ ихъ военные таланты. Во время сербской войны, они съ гордостію объявляли, что въ этой войнѣ приняло участіе очень много Албанцевъ и что съ тѣхъ поръ эти Албанцы вполне слились съ дунайскими Сербами.

Разсмотримъ теперь положеніе тѣхъ оставшихся сербскихъ семей, которыя уцѣлѣли до настоящаго времени и живутъ въ своемъ древнемъ отечествѣ. Благодаря эмиграціи своихъ соотечественниковъ и ренегатству Арнаутовъ, общины ихъ составляютъ столь малочисленную горсть христіанъ, что менѣе ея нѣтъ ни въ одной изъ областей европейской Турціи. По нарѣчію, одеждѣ и наружности, Старосербы вполне

схожи съ Сербѣми, живущими на южныхъ окраинахъ свободной Сербіи и, подобно имъ, отличаются храбростію. Военныя доблести ихъ уважаются мусульманами, сосѣдями ихъ; но они—тяжелы на подъемъ, и эта черта нерѣдко ставитъ ихъ въ самое невыгодное положеніе, какъ въ отношеніи къ Туркамъ, такъ и въ отношеніи къ Албанцамъ. Бываютъ случаи, когда побѣда всегда на сторонѣ людей рѣшительныхъ. Въ мирное время, выступаетъ особенно рѣзко коренное различіе между Старосербами и другими народностями Турціи. Понятія Старосербовъ о гражданскомъ порядкѣ и законѣ—совершенно не восточныя, но скорѣе—европейскія. Въ княжествѣ, гдѣ Сербы пользуются самоуправленіемъ, народное правительство возстановило всюду тишину и довольство и это — единственный край въ этихъ мѣстностяхъ, гдѣ уничтожены разбой и оффиціальныи подкупъ.

Въ Арнаутлукѣ слышали мы, какъ, ставя Сербовъ въ примѣръ Арнаутамъ, называли первыхъ «хорошими работниками»; но это, конечно, только при сравненіи Сербовъ съ лѣнивыми Арнаутами; такъ какъ Сербъ, безъ всякаго сомнѣнія, далеко уступаетъ Болгарину въ трудолюбіи и любви къ земледѣлію. Отсутствіе всякаго промышленнаго духа, вмѣстѣ съ крайнею ограниченностію всякаго практическаго смысла и духа подражательности другимъ европейскимъ націямъ, составляютъ главные недостатки Старосербовъ. Твердость, независимость, самоуваженіе, умѣренность въ житейскомъ быту, нѣкоторое благородство характера,—всѣ эти качества, хотя и слабо, однако отражаются въ характерѣ Старосербовъ; но, къ сожалѣнію, отражаются совершенно подъ другимъ угломъ освѣщенія, чѣмъ у другихъ Славянъ-христіанъ.

Правительство княжества неодобрительно относится къ эмиграціи Старосербовъ изъ Турціи въ свободную Сербію, къ своимъ братьямъ, не желая, чтобы опустѣлая, послѣ эмиграціи, территорія Старосербіи попала въ исключительное обладаніе магометанъ. Конечно, существованіе въ сосѣдствѣ Старой Сербіи свободнаго государства, образованнаго изъ ихъ соплеменниковъ, помогаетъ Сербамъ Старой Сербіи питать розовыя надежды на будущее, да и кромѣ того надъ Старо-сербією, точно такъ, какъ надъ Боснією и Болгарією, носится тѣнь славнаго

историческаго прошлаго; — на сторонѣ же Турокъ, — во-все — не то Азіатскіе Турки, побѣдившіе Сербовъ на Коссовомъ полѣ, оставили въ побѣжденной странѣ весьма немного колоній, да и эти немногія колоніи — разбросаны на значительномъ одна отъ другой разстояніи; албанскіе магометане представляютъ дважды сломленную, побѣжденную рассу. Это — Европейцы, потерявшіе не только свободу, но и религію, прошлое которыхъ — варваризмъ, настоящее — ренегатство и въ будущемъ у которыхъ — только два шанса: или, при случаѣ, вернуться вновь къ прежней религіи, или же, — окончательно слиться съ деспотическимъ государствомъ, подъ державою чужеземнаго правительства. Преданія о прошломъ, легенды, не умирая, живутъ только у Славянъ-христіанъ и, если имъ принадлежитъ прошлое, то стоитъ только возникнуть въ будущее, чтобы убѣдиться, что имъ же принадлежать будетъ и это будущее; потому, что, — рано или поздно, — по они должны же будутъ когда нибудь стать опять членами христіанской Европы. Родственныя съ Старосербами семьи, часто даже ихъ близкіе родственники, живутъ нерѣдко, въ качествѣ свободныхъ Европейцевъ-христіанъ, въ свободной Сербіи и Австріи; поэтому семьи, остающіяся въ Старосербіи, имѣютъ понятіе о томъ, что такое свобода и во многихъ членахъ этихъ семей, воспитывающихся за границей, безъ сомнѣнія, глубоко укореняется мысль о будущей свободѣ ихъ отечества. Но идеальный взглядъ Старосербовъ на жизнь не рѣдко обращается во вредъ имъ. Нерѣдко взглядъ этотъ нельзя бываетъ вовсе примирить съ безнадежнымъ порядкомъ вещей, царствующимъ въ Сербіи. Тогда они, въ испугѣ, бѣжать изъ своей родины. Положеніе страны, въ самомъ дѣлѣ, въ такой степени дурно, что можетъ привести въ отчаяніе всякаго благонамѣреннаго обитателя, — исключая, конечно, тѣхъ дурныхъ людей, которые любятъ ловить въ мутной водѣ рыбу. Порта, хотя и имѣла настолько эпергій, что успѣла погасить въ Албанцахъ духъ національной свободы и заставить своими преслѣдованіями значительную часть изъ нихъ стать ренегатами; однако же, никогда не задавалась она задачею довести вновь — обращенныхъ адептовъ до степени «солидныхъ» гражданъ. Всю заботу свою объ Арнауцахъ ограничиваетъ она только тѣмъ.

что беретъ рекрутъ съ Арнаутовъ и на мѣста ихъ прежнихъ «наслѣдственныхныхъ» губернаторовъ назначаетъ теперь турецкихъ чиновниковъ. Система здѣшней администраціи можетъ дать понятіе о социальномъ положеніи здѣшняго общества, и потому мы постараемся здѣсь очертить ее вкратцѣ. Въ городахъ Старосербіи мѣста губернаторовъ занимаются теперь турецкими чиновниками, — иногда османами, которые даже во все незнакомы и съ языкомъ страны, — иногда же на эти мѣста назначаются Албанцы, служившіе въ регулярномъ войскѣ. Чиновники эти поддерживаютъ свой авторитетъ, при помощи нѣсколькихъ «запѣвъ», и находящихся въ службѣ у нихъ «кавассовъ», — и весь этотъ, — необходимый губернатору, — персоналъ получаетъ главнымъ образомъ вознагражденіе за служебные труды, грабя народъ. Каждый мудиръ, каймакамъ или паша, платитъ впередъ за свое мѣсто и потому у каждаго, когда получить онъ мѣсто, главная цѣль, какъ можно, скорѣе выручить заплаченные за мѣсто деньги. Всѣ, какъ мусульмане, такъ и христіане, очень хорошо это знаютъ и, когда случаются у нихъ дѣла, всѣ разсчитываютъ на взятки, на подкупъ, для выигрыша дѣлъ. Но, кромѣ своего собственнаго обогащенія, губернаторъ долженъ еще собирать подать въ казну султана. Если мусульмане не внесутъ упдающей на ихъ часть подати, то губернаторъ долженъ «донять» недостающее съ христіанъ, — мусульманъ же не стоитъ беспокоить такими пустяками, — не то, — они, пожалуй, обидятся и подкупятъ лицъ, стоящихъ выше, а тѣ, пожалуй, отнимутъ у него мѣсто. Въ Приштинѣ подобныя катастрофы происходятъ постоянно. Мудиръ, котораго мы тамъ застали, былъ уже второй въ одномъ и томъ же году и, прежде нашего выѣзда изъ Старосербіи, онъ потерялъ это мѣсто. Предположимъ однакоже, что много губернатора застрашать нельзя: у него могутъ быть друзья между «сильными міра» и добрымъ путемъ отдѣлаться отъ него нѣтъ возможности. Тогда употребляютъ противъ него насиліе. Въ Шекѣ — каймакамъ твердо рѣшился собрать подать съ христіанъ, наравнѣ съ мусульманами. Ему дали даже отрядъ регулярнаго войска для приведенія его вполнѣ законнаго требованія въ исполненіе — и что же? — Арнауты подстерegli его и убили — изъ за куста! Это

происшествіе случилось во время нашего пребыванія въ Приштинѣ, именно, въ то самое время, когда намъ пришло на мысль разспросить, нельзя ли намъ изъ Приштины сдѣлать крюкъ на Ипекъ и оттуда проѣхать въ Детчанскую обитель. Мудирь объявилъ намъ тогда, что онъ никакъ не можетъ рѣшиться отпустить насъ по этому тракту; такъ какъ трактъ этотъ кишитъ вооруженными толпами Албанцевъ, убившихъ недавно ипекскаго каймагана и что Албанцы эти не обратятъ никакого вниманія даже и на фирманъ самого султана. Если же намъ непременно нужно побывать въ Детчанскомъ монастырѣ, то намъ, по его словамъ, слѣдовало ѣхать въ Призрѣвъ и тамъ просить пашу о снабженіи насъ, въ силу султанскаго фирмана, путевымъ конвоемъ изъ регулярныхъ солдатъ. Подъ ближайшею властію губернатора, состоитъ городской совѣтъ судебный или меджлисъ. Члены этого совѣта почти всѣ изъ мусульманъ и въ Старосербіи, именно, изъ вліятельныхъ арнаутскихъ вождей. Въ прошлыя времена, когда губернаторы назначались изъ туземныхъ уроженцевъ, губернаторъ всегда имѣлъ сплную партію въ этомъ совѣтѣ; такъ какъ большая часть членовъ была ему сродни; поѣтому вся сила была — въ губернаторѣ, и христіанамъ оставалось только, при помощи взятокъ, пріобрѣтать его благосклонность, всемѣрно задобривать его. Въ настоящее же время, хотя губернаторовъ и держатъ также на откупѣ; однакоже, такъ какъ они назначаются изъ среды, чуждой мѣстности; то у нихъ нѣтъ уже прежняго вліянія на членовъ меджлисса, и потому надо держать на откупѣ не одного губернатора, но и всѣхъ членовъ меджлисса, и, въ слѣдствіе этого, какъ самимъ намъ говорили христіане, положеніе ихъ теперь — гораздо хуже прежняго. Единственная употребляемая ими уловка, — это — постоянно возбуждать ссоры между чужеземцемъ губернаторомъ и мѣстными вліятельными членами меджлисса, — мусульманами; но, играть въ подобную игру — опасно; такъ какъ, — разъ обѣ грабящія стороны сойдутся и заключатъ между собою миръ, — бѣдная христіанская райя заплатится уже тогда исключительнѣйшимъ образомъ. Христіане могли-бы гораздо болѣе помогать другъ другу, если-бы достойные изъ ихъ единовѣрцевъ по-

стоянно засѣдали въ меджлисахъ; но, къ несчастію, случается это очень рѣдко. Въ Старой Сербіи, какъ и во всей почти европейской Турціи, мусульманское народонаселеніе скучивается, по большей части, въ городахъ, а христіане, для избѣжанія всякаго столкновенія съ ними, живутъ большею частію въ селахъ и деревняхъ. Въ слѣдствіе этого, городская община каждаго христіанскаго округа сравнительно очень немногочислена и эта малочисленность общины даетъ турецкому правительству предлогъ—ограничивать число выборныхъ членовъ отъ христіанъ, засѣдающихъ въ меджлисѣ, однимъ только членомъ, — или же, если въ общинѣ живутъ послѣдователи обонхъ христіанскимъ вѣроисповѣданій: римско-католическаго и православнаго, то—выбирать по два члена. Последнее постановленіе относится къ недавнимъ уступкамъ. Нѣкоторые губернаторы изъ Турокъ, которые иногда очень рады были бы имѣть побольше голосовъ христіанъ противъ мѣстныхъ мусульманъ, сами описывали намъ тѣ уловки, существующія на практикѣ, благодаря которымъ мусульмане лишаютъ райевъ всякаго значенія въ меджлисахъ. Во 1-хъ, голосъ у райевъ одинъ и не имѣетъ значенія противъ нѣсколькихъ голосовъ мусульманъ; во 2-хъ, райю держатъ въ меджлисахъ въ подчиненномъ положеніи, — онъ обязанъ подавать кофе и трубки мусульманамъ; въ 3-хъ, его высылаютъ изъ комнаты засѣданія, лишь только начнутъ разбирать что-нибудь поважнѣе. Въ слѣдствіе всего этого, весьма немногіе изъ христіанъ, исключая отъявленныхъ бѣдняковъ, добровольно рѣшающихся на всевозможныя униженія, соглашаются засѣдать въ меджлисахъ. Часто назначаютъ туда какого-нибудь «убогаго» и платятъ ему за это особое жалованье. Иногда же, при помощи интригъ, понадеетъ туда какая-нибудь креатура епископа или губернатора и тогда подобная личность становится бичемъ всей своей общины. Въ Старой Сербіи, благодаря отважности христіанъ, попадаютъ не рѣдко на эти мѣста и порядочные люди. Тѣ изъ нихъ, которые жилали въ свободной Сербіи, когда удается имъ занять эти мѣста, приносятъ въ душѣ твердую рѣшимость и заранѣе опредѣленную цѣль дѣйствій, которая не рѣдко усиливаетъ ихъ вліяніе и даетъ имъ часто возможность поддерживать интересы ихъ общины. Въ христіанскихъ

общинахъ собственно первое представительное выборное лицо — это — епископъ. Въ слѣдствіе этого, ничто такъ живо не затрогиваетъ Славянъ Турціи какъ случай, когда этотъ важный постъ переходитъ къ какому-нибудь Греку, не сочувствующему славянскимъ интересамъ. Въ большей половинѣ Старой Сербіи э Грекъ — епископъ сложилось, по нашему наблюденію, такое представленіе, что личность эта обыкновенно «подбѣраетъ» тѣ немногія пѣри, (деньги), которыя ускользнуть отъ Турокъ. Когда епископъ живетъ въ своей епархіи, то случается, что иногда хлопочетъ онъ о цеобращеніи христіанскихъ дѣтей сплюю въ магаметанство; но его такъ часто нѣтъ въ епархіи, что и эта дѣятельность его крайне не-значительна. Безъ всякаго сомнѣнія, на постахъ: епископскомъ и губернаторскомъ, какъ и на постахъ христіанскихъ представителей въ меджлиссахъ, попадаютъ счастливыя исключенія изъ общаго правила, но они — рѣдки. При теперешнихъ обстоятельствахъ, настоящій глава — хозяинъ христіанской общины — «главный старшина ея,» обыкновенно называемый Ходжа-баши. Личность эта выбирается всегда самими христіанами. Въ политическомъ отношеніи власть Ходжа-баши — почти ничтожна; но общественное вліяніе его — сильно и можетъ проявляться, какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону. Онъ припимаетъ большое участіе въ распредѣленіи податей между христіанами и постановляетъ рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ, возникающимъ между христіанами. Въ послѣдней функціи его власти помогаютъ ему «старосты», называемые здѣсь «кметями», — титуломъ, извѣстнымъ у всѣхъ славянскихъ племенъ, такъ, что онъ встрѣчается даже въ древней богемской рукописи: «Судъ Королевы Любуши.» Комната, въ которой помѣщались мы въ Приштинѣ, служила, обыкновенно, во время отсутствія епископа, мѣстомъ собранія этихъ кметей, которые сообща разбирали здѣсь гражданскія тяжбы; уголовныя же дѣла передаются въ судъ мудира, гдѣ, какъ мы говорили уже, свидѣтельства христіанъ не принимаются.

Обрисовавъ, такимъ образомъ, настоящее положеніе Старой Сербіи, закончимъ теперь наше описаніе изложеніемъ мнѣнія ея обитателей о теперешнемъ положеніи дѣлъ въ этой области.

По мнѣнію мѣстныхъ жителей, въ другихъ областяхъ имперіи, быть можетъ, мыслимы какія-нибудь улучшенія, и при существованіи теперешняго турецкаго правительства; но здѣсь—корень всего зла—въ самомъ правительствѣ. Зло, развѣдающее Старую Сербію, имѣетъ своимъ источникомъ—тотъ антагонизмъ, который существуетъ здѣсь между различными народностями и вѣроисповѣданіями. Первой заботой всякаго благоустроеннаго правительства должно быть уничтоженіе соперничества между разными народностями и религіями; а между тѣмъ, — самое турецкое господство именно и существуетъ и держится здѣсь, благодаря этому соперничеству, этимъ непрерывнымъ раздорамъ разныхъ національностей и религій. Однакоже ненавидимый и Сербами и Албанцами, азіатскій поработитель, съ самаго перваго дня своего владычества, умѣлъ искусно воспользоваться энергическою взаимною враждою покоренныхъ имъ національностей и постоянно поддерживалъ и поддерживаетъ эту вражду. Разъ только покончены будутъ взаимныя распри разныхъ народностей, — первымъ ихъ дѣломъ будетъ союзъ, съ цѣлію изгнанія изъ страны равно глубоко ненавидимаго имъ побѣдителя. И это, конечно, когда-нибудь, да случится. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ здѣшнія національности ждуть этой развязки съ нетерпѣніемъ. Правда, Арнауты держатся теперешней своей религіи, но держатся ея только изъ житейскихъ расчетовъ. Послѣднія попытки Порты — введенія у нихъ воинской повинности и чужеземныхъ правителей — пришлись такъ не по душѣ имъ, что они стали крѣпко задумываться, не выгодило-ли имъ перейти снова на другую сторону. Исповѣдованіе ими въ настоящее время магометанской вѣры — препятствіе не непреодолимое. «Вѣдь были-же они иѣкогда всѣ христіанами и, — разъ представься только имъ какая-нибудь выгода, — они тотчасъ-же сдѣлаются снова христіанами! Во время послѣдней войны съ Черногорцами, когда всѣ ждали, что сербское войско перейдетъ границу и соединится, съ цѣлію общихъ военныхъ дѣйствій, съ своими союзниками, Черногорцами, Арнауты собирали неоднократно совѣты у себя по этому поводу и разсуждали въ этихъ совѣтахъ слѣдующимъ образомъ: «Мы долго сражались съ Черногорцами и знаемъ ихъ за храбрыхъ

удальцовъ; однако-же мы — не прочь постоять противъ нихъ. У нихъ, вѣдь, вовсе нѣтъ иностраннаго оружія. Но, у дунайскихъ Сербовъ, говорятъ, есть и иностранныя пушки и офицеры, воспитанные въ заграничныхъ школахъ. Если они соединятся съ Черногорцами, то будетъ непременно *другая* битва на Коссовомъ полѣ. Насъ разобьютъ и предпишутъ намъ условія, какія имъ заблагоразсудится. Пойдемъ, спросимъ у людей, живавшихъ въ свободной Сербіи, какіе тамъ платятъ налоги? Имъ сказали, что сербское правительство беретъ съ каждаго землевладѣльца по *два* дуката подати. «Два дуката? — Мы заплатимъ ему по *три*, лишь бы только оно обѣщало не брать съ насъ рекрутъ въ низамъ». Имъ отвѣчали: «У Сербовъ нѣтъ вовсе низама: они не нуждаются въ немъ. Войско-же ихъ состоитъ изъ милиціи, которая носитъ свой національный костюмъ и не обязана отбывать военной повинности въ чужихъ земляхъ». — «Хорошо, хорошо», — воскликнули Арнауты, — «такъ намъ, пожалуй, лучше будетъ подъ властью сербскаго князя, чѣмъ подъ властью султана. Пускай Сербы вступятъ въ нашу страну, и тогда мы войдемъ съ ними въ переговоры черезъ игумена детчанскаго». Но, Сербы могли перейти границу и вступить въ Турцію, только въ случаѣ всеобщаго возстанія христіанъ, возстанія, которое, если-бы даже было успѣшно, повлекло-бы неминуемо за собою грабежи и опустошенія. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые лица, желая избѣжать подобаго разгрома, рѣшились вступить въ дипломатическія соглашенія. По ихъ убѣжденію, можно найти средство внести цивилизацію въ эту область турецкой имперіи, не уничтожая совершенно оттоманской державы. Эта сила — включеніе Старой Сербіи въ районъ области, подвластной христіанскому правительству свободной Сербіи. Правительство это, всѣми силами, старается водворить у себя порядокъ и, если оно расширитъ свои южные предѣлы, настолько, что захватить всю Старую Сербію; то скоро увидимъ, какъ прекратятся разбои въ этой послѣдней странѣ и всѣ классы и народности ея станутъ равноправными. Правда, теперешнее народонаселеніе этой страны и рѣдко, и лѣнливо, и лишено всякой организаціи; но, едва только гарантирована будетъ на плодородныхъ до-

лицахъ Метохи и Косова, безопасность личности и собственности, тотчасъ-же приученные къ европейскимъ порядкамъ и трудолюбивые эмигранты съ сѣверныхъ береговъ Дуная возвратятся на свои родныя пепелища и возвратятъ европейской культурѣ земли Старой Сербии.

Глава XVІІ.

ИЗЪ ПРИШТИНЫ ВЪ ВУЧИГЕРНЬ.

Въ Приштинѣ рассчитали мы нашихъ возницъ, которые сопровождали насъ изъ самаго Монастира. Ихъ сытые кони чрезвычайно пехудали. Мы же рѣшились отдохнуть здѣсь подольше. Поэтому, было бы совершенно излишне платить за то, въ чемъ не было надобности. Едва мы успѣли разстаться съ ними, какъ съ бѣдняками случилось большое горе. По обыкновенію, не желая платить за лошадей въ гостиницѣ, они пустили ихъ на траву. Около полуночи, въ одномъ изъ глухихъ мѣстъ повстрѣчалось съ ними нѣсколько Арнаутовъ. Они остановили ихъ съ лошадьми и, выдавая себя за заплѣвъ, стали придираться къ нимъ, зачѣмъ пустили они на траву лошадей, спрашивали ихъ имена и приставали къ нимъ всевозможнымъ манеромъ. Когда же возницы рѣшились, для выполненія требованія своихъ мучителей, угнать лошадей съ пастбища, они не досчитались трехъ изъ нихъ. Тогда только заронилось въ душѣ у нихъ подозрѣніе, не была ли полиція—шайкою копокрадовъ, которая запугивала ихъ разными угрозами нарочно, для того только, чтобы выиграть время и дать возможность своимъ товарищамъ увести тайкомъ ихъ лошадей. Но, было такъ темно, что ничего нельзя было разсмотрѣть. На слѣдующее утро, едва занялась

жаря, они бросились на поиски и, послѣ усердныхъ розысковъ, успѣли найти, но не лошадей, а отрѣзанные у лошадей и брошенные на землю хвосты ихъ. При этой находкѣ, извозчики убѣдились вполне, что животныя ихъ не забѣжали сами куда нибудь, а уведены кѣмъ-нибудь, и воротились въ городъ съ цѣлью испробовать, нельзя ли какъ-нибудь разыскать воровъ и украденныхъ лошадей. Они обратились къ нашимъ кавасаамъ съ просьбою засвидѣтельствовать, что лошади были ихъ собственностью передъ этою ночью, такъ какъ принята кавасовъ, какъ мусульманъ, могла быть принята, ихъ же цѣть. Одинъ изъ мусульманъ, какъ намъ объяснили, согласился идти, вмѣстѣ съ ними, подавать прошение. Едва узнавъ мудиръ о случившемся, какъ тотчасъ же пожелалъ дать иностраннымъ путешественницамъ понятіе о своемъ усердіи къ выполнению своего долга. Онъ тотчасъ же послалъ искать воровъ на базаръ и велѣлъ схватить первыхъ двухъ, которые попадутся за нѣмъ изъ пришлыхъ Албанцевъ. Потомъ, онъ далъ знать намъ, что вору пойманы, и что онъ отошлетъ ихъ въ цѣлихъ въ Призрѣнъ. Черезъ посредство нашего драгомана, спросили мы у нашихъ возницъ, думаютъ ли они, что схваченные Албанцы, въ самомъ дѣлѣ, вору. Они отвѣтили, что едва-ли это тѣ самые вору, которые украли лошадей, такъ какъ тѣ едва-либы рѣшились, тотчасъ послѣ кражи, отправиться на базаръ, но, вѣроятно, постарались бы скрыться съ лошадьми. «А намъ-бы хотѣлось», — замѣтили бѣдные наши возницы, — «чтобы мудиръ разыскалъ настоящихъ воровъ и возвратилъ бы намъ украденныхъ лошадей; въ этомъ-же родѣ, не принято еще никакихъ мѣръ.» — Мы вспомнили тогда одинъ изъ старыхъ законовъ царя Душана. Въ законѣ этомъ сказано, что, если въ какой-либо изъ областей судьи и выборные не съумѣютъ охранить своихъ участковъ отъ воровъ, или-же, когда случится воровство, — и вору не будутъ отысканы, и украденное ими не будетъ возвращено пострадавшему; то выборные и судьи обязаны вознаграждать обворованнаго путешественника изъ своей собственности.

Мнѣ кажется, что отчасти подобнаго рода законы надо было бы ввести и теперь здѣсь, чтобы оживить немного дѣйствіе правосудія въ Старой Сербіи. — Послѣ этого, мы обратились къ извозчикамъ съ вопро-

сомъ: «Почему-же они, если убѣждены, что захваченные Албанцы-непостоящіе воры, которые украли у нихъ лошадей, прямо не выскажутъ этаго и тѣмъ не освободятъ отъ тюрьмы невинно-захваченныхъ». Но ни-одинъ изъ кираджей не хотѣлъ и слышать объ этомъ. — «Всѣ Арнауты—воры! Если захваченные теперь и не украли именно нашихъ лошадей, то они, непременно, воровали ихъ у другихъ, или-же собираются красть лошадей у другихъ. — Самъ мудиръ назвалъ ихъ негодьями (mauvais sujets): паспорта ихъ найдены не въ порядкѣ, — и показанія ихъ объ личности разнятся между собою! Во всякомъ случаѣ, пускай сидятъ въ тюрьмѣ: безъ сомнѣнія, мудиръ выпуститъ ихъ тотчасъ-же, какъ только мы уѣдимъ». Такъ какъ лошади были не наши и кираджи болѣе уже не были у насъ въ наемныхъ обязательствахъ, то мы не находили болѣе основанія вмѣшиваться въ это дѣло, опасаясь, какъ бы, черезъ это вмѣшательство, не нанести разныхъ неприятныхъ хлопотъ другимъ. Исполненіе правосудія, очевидно вовсе не входило въ кругъ особенно интересующихъ мудра обязанностей: всѣ представленія наши по этому предмету принимались имъ, какъ бы требованіе мести съ нашей стороны. Когда какое-нибудь привиллигированное лицо, въ этомъ уголкѣ міра, обращается съ просьбою о правосудіи, то уже непременно кто-нибудь да будетъ наказанъ и наказанъ скоро, — а виноватъ-ли онъ или нѣтъ, — тутъ это совершенно безразлично.

Дорога между Приштиной и Вучитерномъ идетъ прямо по полю Коссовской битвы и пересѣкаетъ рѣку Лабу, которая отдѣляла нѣкогда два враждебные лагеря. Направо, дорога эта идетъ мимо разваливъ древняго храма Самодрема, — прославленнаго многими бывшими тамъ соборами, а также разсказомъ о послѣдней бывшей въ этомъ храмѣ обѣднѣ, за которой причащалось все сербское войско, передъ вступленіемъ въ бой на Коссовомъ полѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ убитъ былъ султанъ Амуратъ, возведена небольшая мечеть. Всѣ мѣстныя урочища, между этой мечетью и Приштиной, играютъ какую-нибудь роль въ легендахъ объ Милошѣ. Сами Турки показывают зданіе, въ которомъ будто бы похоронены визирь и его товарищи, убитые Милошемъ

въ отчаянной схваткѣ его, послѣ нанесенія смертельнаго удара султану. Турки показываютъ также пригорокъ, на вершинѣ котораго стоялъ Милошъ и поражалъ всякаго, кто осмѣливался приближаться къ нему. Всѣ могилы кругомъ этого пригорка — могилы Турокъ, которыхъ убилъ Милошъ. Но, самый интересный памятникъ теперь уничтоженъ. Это—три большіе камня, стоявшіе на одинаковомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Каждый изъ нихъ показывалъ мѣсто, до котораго достигалъ Милошъ въ одинъ изъ извѣстныхъ гигантскихъ прыжковъ, которыми онъ стремился спастись отъ своихъ преслѣдователей. Былъ и еще одинъ камень, который показывалъ то мѣсто, гдѣ упалъ онъ убитый. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда перестраивалась мечеть Мурата, камни эти взяты съ своихъ старыхъ мѣстъ и ими воспользовались, какъ матеріаломъ, при постройкѣ мечети. Если принять въ соображеніе, какъ долго камни эти лежали на своихъ старыхъ мѣстахъ; — то, конечно, вовсе нельзя полагать, что, употребляя ихъ въ дѣло, Турки имѣли въ виду нанести этимъ дѣйствіемъ оскорбленіе Сербамъ, точно такъ, какъ и британскіе поселяне не думаютъ-же нанести оскорбленіе потомкамъ Друзидовъ, — когда ломаютъ кирпичные валы ихъ, для возведенія оградъ у своихъ котеджей. Радужный шейхъ изъ Боккаро, угощавшій зимой путешественниковъ Гана и Заха чаемъ, служить и теперь еще сторожемъ могилы Амурата, но, во время нашего посѣщенія, онъ былъ въ отсутствіи въ Призрѣиѣ, черный-же, какъ арабъ, его «Юсумъ тененъ» былъ крайне несообщителенъ. Сперва, онъ вовсе было не хотѣлъ пустить насъ въ мечеть, не извѣстно — почему, потому ли, что мы женщины, или же потому, что гяуры. — Но когда Узбаша объявилъ ему строгій приказъ — отъ кого именно, — не знаемъ; то результатъ этого приказа оказался поистинѣ волшебный: насъ не только впустили въ мечеть, но даже, ни словомъ, ни жестомъ не намекнули о снятіи башмаковъ. Въ мечети было очень мало интереснаго для осмотра. Такъ называемая гробница Мурата очень жалкое подобіе такого-же рода гробницъ, находящихся въ Константинополѣ; т. е. это—очень простая комната, въ которой стоитъ гробъ. Тѣла здѣсь нѣтъ; оно увезено въ Брюсселю. Но надъ гробомъ виситъ шарфъ и къ концу этого шарфа прикрѣплена

султанская чалма. Это только часть той одежды, которая была на Амуратѣ въ то время, когда онъ получилъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, смертельный ударъ. Впрочемъ, прислужники увѣряютъ, что, «старыя замаранныя лохмотья выброшены вошь, а то, что мы видѣли, было вновь сдѣлано и прислано сюда изъ Стамбула». Чалма султана въ родѣ тѣхъ, которыя изображены на фигурахъ картинъ, въ залѣ Инычаръ. Это какой-то высокій, чудовищно сдѣланный изъ бѣлой ткани, головной уборъ, совершенно непохожій на тотъ красивый и весьма приличный тюбанъ, который и до сихъ поръ носятъ въ Босніи. На крышкѣ гробницы лежитъ небольшая красная феска, сотканная какъ будто бы изъ желѣзной проволоки. Она тоже вовсе непохожа на тѣ фески съ длинными кистями, которыя носятъ Албанцы и Греки. Намъ сказывали, что здѣсь же хранится и сабля Милоша Обилича, но, на вопросъ нашъ объ ней, сторожъ отвѣтилъ намъ, что ее взяли отсюда. — Оставивъ мечеть, мы сѣли на лошадей и отправились далѣе. Мы ѣхали, такимъ образомъ, съ полчаса времени, когда сопровождавшій насъ заптій остановилъ наше движеніе, чтобы показать то мѣсто, которое Турки называютъ «палаткой Мурата». Это была простая куча камней. Едва ли здѣсь была палатка Мурата, а скорѣй можно предполагать, что памятникъ этотъ относится ко времени другой какой-нибудь битвы на Коссовомъ полѣ. Потомъ, мы переправились черезъ рѣку Лабу, но, такъ какъ съ нами не было шодного христіанина изъ сосѣднихъ окрестностей, то мы и не могли отчетливо осмотрѣть той мѣстности, гдѣ шель отчаянный бой Сербовъ. Мы успѣли только тщательно оглядѣть холмы Голешскіе, (отъ слова-голь-голый), гдѣ, говорятъ, стоялъ лагерьмъ Вукъ Бранковичъ и гдѣ теперь водворилось безплодіе, вслѣдствіе проклятія, павшаго на Вука Бранковича. Но, если воспоминаніе о мѣстѣ, гдѣ, въ день битвы, стояло сербское войско, поблекло въ умахъ Сербовъ и слабо отражается въ ихъ мѣстныхъ преданіяхъ; то, не смотря на это, не забыли еще сербскіе народныя пѣвцы, ни числа павшихъ въ Коссовской битвѣ, ни самага рода смерти нѣкоторыхъ изъ своихъ героевъ. Такъ, старый Югъ Богданъ убитъ былъ первый и убитъ рано утромъ. Восемь братьевъ Юговичей, вслѣдъ за нимъ,

пали другъ за другомъ; за ними, храбрый банъ Страхиња, кровь котораго текла по колѣнамъ. Последняго Юговича, — знаменосца Боско, видѣли, какъ онъ «преслѣдовалъ враговъ, какъ ястребъ, преслѣдуетъ голубей и загналъ ихъ въ рѣку Ситницу, гдѣ изломанныя копы лежали кучами, кучами-же лежали и храбрые воины» и куда лошадь занесла и самого царя Лазаря. Уже совсѣмъ смерклось, когда мы все еще ѣхали по роковому Коссову полю, куда, когда-то, въ одно свѣтлое и теплое субботнее утро, по словамъ пѣвца, вышла дѣва изъ Коссова, чтобы ключевой водой омыть кровь у раненыхъ и виномъ смочить губы умирающихъ, и потомъ долго искала она между сегодняшними мертвыми своего вчера еще живаго жениха *).

---

*) Смотр. одну изъ самыхъ трогательныхъ сербскихъ легендъ: «Дѣва изъ Коссова».

Глава XVІІІ.

ВУЧИТЕРИЪ.

Мы ѣхали такъ тихо по дорогѣ черезъ Коссово, что совсѣмъ стемнѣло уже, когда добрались до Вучитерна. Драгоманъ нашъ встрѣтилъ насъ, съ недовольной миной, словами: «Здѣсь нѣтъ ничего ужинать». Однако же, квартира была уже имъ занята для насъ и вскорѣ мы очутились въ домѣ какого-то сербскаго священника. Отведенная намъ комната была безъ стеколъ въ окнахъ и даже безъ ставней, однако же, мы нашли въ ней коверъ изъ козьяго пуха. Въ то время, какъ мы начали устранивать себѣ занавѣски въ комнатѣ, вошла къ намъ попадья. Багажъ нашъ былъ вскорѣ внесень, и мы въ одну минуту сдѣлались съ попадьей большими друзьями. Она шепнула намъ тогда: «для васъ варится въ горшкѣ курица». «Почему же вы прежде прямо не сообщили намъ этой радостной вѣсти?» «А вотъ почему. — Священникъ и ходжабаши стояли передъ домомъ, какъ вдругъ подѣхалъ къ нимъ вашъ драгоманъ и спросилъ неожиданно объ ужинѣ, — между тѣмъ, какъ за спиной, позади драгомана, стояли турецкіе всадники. А вы знаете», продолжала попадья, — «одной курицы на всѣхъ не хватило бы, а если бы Турки услышали, что у насъ есть чѣмъ по-

ужинать, они бы ни за что не ушли отъ насъ въ ханъ». Кираджи наши изъ Приштинны не хотѣли ѣхать далѣ Вучитерна, и мы рассчитали ихъ. Такимъ образомъ, намъ предстоялъ здѣсь снова процессъ найма лошадей. Мы знали, что процессъ этотъ помѣшаетъ намъ выѣхать рано утромъ, и, такъ какъ хозяева наши показались намъ такого рода людьми, что отъ нихъ можно было получить нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія о странѣ, то мы рѣшились остаться здѣсь весь слѣдующій день. Рѣшеніе наше мы сообщили сыну мудира, который посѣтилъ насъ здѣсь вечеромъ, въ самую минуту нашего пріѣзда. На слѣдующее же утро, очень рано, явился къ намъ и самъ мудиръ. Наша комната не была еще прибрана и мы рѣшились принять его на шардакъ, — галлерей, въ родѣ крытаго балкона, величяной съ небольшою комнату, составляющей родъ пріемной въ большой части здѣшнихъ домовъ. Однако же, когда вышли мы къ нему, то не нашли, какъ полагали, что онъ возлежитъ, по турецкому обычаю, на подушкахъ въ этомъ шардакѣ: но увидѣли, что онъ сидѣлъ на стулѣ, на одной изъ верхнихъ ступеней крыльца. Арнаутскіе или боснійскіе мусульмане весьма рѣдко выказываютъ свое знакомство съ иностранными обычаями, и мы тотчасъ-же изъ этой маперы мудира держать себя вывели заключеніе, что онъ былъ османлисъ, желавшій блеснуть своимъ знаніемъ европейскаго этикета. Къ тому-же и одѣтъ онъ былъ особенно, по какому-то странному европейскому образцу: въ огромную розоваго цвѣта съ талією куртку, вполне обрисовывавшую всю неимовѣрную толщину его фигуры. Не смотря однако же на странную одежду вучитерскаго мудира, мы нашли въ немъ человѣка весьма умнаго и любезнаго, обязательно вызвавшася сообщить все, что только знаетъ онъ объ управляемой имъ мѣстности, хотя и былъ здѣсь самъ чужеземецъ и каждый разъ долженъ былъ самъ справляться, прежде отвѣтовъ на наши вопросы. Въ особенности поспѣшилъ онъ заявить намъ, что не всегда жилъ между варварами. Вовсе нѣтъ! Онъ былъ сперва мудиромъ въ провинціяхъ Румелин и сынъ его хорошо говоритъ по-гречески. Пользуясь его любезностью и выказаннымъ расположеніемъ къ образованію, — мы попросили у него позволенія — посѣтить здѣшнюю мусульманскую женскую школу.

Лицо мудира вдругъ вытянулось и въ присутствовавшіе при визитѣ переглянулись. Не въ первый разъ приходилось намъ обращаться съ подобною просьбой; но, въ первый разъ, теперь именно, рѣшились мы категорически высказать это наше желаніе. Первыя попытки наши проникнуть въ мусульманскія школы, обыкновенно, встрѣчали слѣдующія отговорки: или боленъ учитель, либо дѣти распущены по домамъ, или же, какъ случилось въ Приштинѣ, пятница—день свободный отъ школьныхъ занятій, — здѣсь же, — говорили намъ, — существуетъ арнаутская школа для дѣвочекъ, и однако же, женщины, какъ рассказывали намъ, остаются въ полномъ невѣжествѣ. Какъ согласить эти два факта? Безъ сомнѣнія, для разрѣшенія этого противорѣчія, надо лично осмотрѣть арнаутскую женскую школу. Мудиръ Вучитериа не успѣлъ придумать никакой отговорки, собрался съ духомъ и отвѣтилъ намъ, что просьба наша именно такова, какой слѣдовало ожидать отъ образованныхъ и просвѣщенныхъ путешественницъ; и далѣе, будто опъ увѣренъ. — что объ желаніи нашемъ узнаютъ съ большимъ удовольствіемъ въ Константинополѣ. Но, такъ какъ мы теперь въ Арнаутлукѣ, то, къ сожалѣнію, опъ долженъ признаться, что здѣшніе мусульмане—очень грубые фанатики. Однако же, не смотря на это, опъ постарается доставить намъ случай увидѣть желаемое. Входъ въ женскую арнаутскую школу рядомъ съ помѣщеніемъ его гарема, и потому, если мы удостоимъ посѣщенія его ханшу, то она и сынъ его проведутъ насъ въ школу. Посѣщеніе наше назначено было въ послѣобѣденное время, и все уже было улажено по этому предмету между нами, когда мы вспомнили о небрежномъ туалетѣ женщинъ въ Качаникѣ и поспѣшили замѣтить мудиру, что мы столько слышали о красотѣ и пышности албанскаго національнаго костюма, что весьма желали бы видѣть его. Опъ попялъ намекъ и обѣщаль, что у него, въ гаремѣ, мы увидимъ самыя роскошнѣйшія женскія туалеты во всемъ городѣ. Въ эту минуту, облако мрачныхъ думъ, проявившееся на лицѣ его, внезапно превратилось въ добродушнѣйшую улыбку, такъ какъ высказанное нами послѣднее желаніе убѣдило его, что все наши просьбы и требованія не имѣютъ другаго, болѣе важнаго, основанія, — кромѣ простаго женскаго любопытства.

Но, — вот наступило время нашего визита. Попадья вызвалась сопроводить насъ, — и по этому случаю принарядилась въ черное саржевое пальто и въ какое-то платье, обхватывавшее всю ее и волочившееся по полу и покроемъ своимъ весьма мало отличавшееся отъ длинной шубы. Мы сердечно рады были ея компаніи, и особенно потому, что она была очень живая, понятливая женщина и быстро и легко не только понимала нашу рѣчь, но и передавала ее другимъ. — Передъ входомъ въ гаремъ, было что-то въ родѣ швейцарской, гдѣ мы оставили нашихъ кавассовъ и драгомана, и гдѣ насъ встрѣтилъ знатокъ греческаго языка, сынъ мудира, — безобразная, небольшого роста личность, въ какомъ-то ободранномъ мундирѣ. Онъ провелъ насъ черезъ дворъ на шардакъ, гдѣ приготовлены были парадные ковры и подушки. Внизу лѣстницы, ведущей на шардакъ, встрѣтила насъ его мать. Ханша была полная собой старая турчанка, съ какимъ-то пугливымъ видомъ, и напоминала собою откормленную хищную птицу. Туалетъ ея показывалъ также претензію на иностранную моды, какъ и розовая шелковая куртка ея мужа; онъ былъ сдѣланъ изъ европейской каштановаго цвѣта кисеи и ея узкія панталоны и короткая юбка едва не лопались, съ трудомъ охватывая ея массивныя формы тѣла. Не смотря на поразительную толщину, она однако-же, казалось, несовсѣмъ еще отрѣшилась отъ страха возбуждать въ другихъ особой своей опасные для нея порывы очарованія ея красотой. Въ то время, какъ мы сидѣли на шардакѣ, распивая по глотку кофе, одинъ изъ запѣвѣвъ, хотѣвшій передать что-то по возложенному на него порученію ея сыну, — высунулъ свою голову изъ двери швейцарской. Хотя голова эта высунута была вдаль, но, при видѣ ея, послышался вдругъ страшный крикъ, и старая ханша нырнула съ шардака въ боковую дверь, съ такою поспѣшностью, которая была-бы подъстать развѣ только восемнадцати-лѣтней дѣвочкѣ. Фактъ этотъ напомнилъ намъ нѣсколько случаевъ, очевидцами которыхъ намъ часто приходилось быть въ женскихъ пароходныхъ отдѣленіяхъ, на Босфорѣ. Нырнувшая въ боковую комнату ханша, скоро вышла оттуда, и вступила въ какой-то, повидимому, очень живой разговоръ съ попадѣй. Разговоръ ихъ однако-же былъ прерванъ сыномъ ханши,

который, распростившись съ нами, вышелъ. и тогда дверь изъ внутреннихъ комнатъ отворилась, и оттуда высыпалъ цѣлый рой леди.

Черезъ нѣсколько минутъ, всѣ онѣ стѣснились на балконѣ, глядя во всѣ глаза на насъ, а мы — на нихъ. Многія изъ нихъ были стары и дряблы. Всѣ-же онѣ были одѣты въ самые разнообразныя костюмы: у тѣхъ, которыя были помоложе, блестѣли на головѣ красивыя уборы изъ мелкаго жемчуга и небольшихъ монетъ. Платья на нихъ были, большею частію, какъ у нашей попады, черныя, саржевыя, въ родѣ шубокъ, и совершенно непохожія на костюмы, которые видали мы на женщинахъ въ Турціи. Немолодыя эти дамы всѣ были такъ набѣлены и парумянены, что мы сперва думали, что на нихъ — маски; но, такъ какъ эти маскообразныя лица представляютъ совершенный идеалъ красоты, въ этой части свѣта; то мы рѣшили, что идеалъ этотъ ограничивается пунцовыми щеками и губами, бѣлымъ цвѣтомъ лица и дугообразными черными бровями, сильно насурмленными. Между этими дамами, находилась одна только свѣженькая, съ неразрисованнымъ лицомъ, молодая дѣвушка, — невѣста, — и, какъ мы поняли, невѣста — сына мудира. Она была одѣта лучше всѣхъ, въ великолѣпномъ костюмѣ. Все ея приданое было потомъ вынесено и показано намъ. Каждая штука была завернута въ особый красный платокъ.

Coquetterie de toilette требуетъ здѣсь, чтобы платокъ, въ которой завернута вещь, не уступалъ въ красотѣ самой вещи. Платки эти всѣ были, либо изъ кисеи, либо изъ подобнаго рода легкихъ тканей, и всѣ вышиты разноцвѣтнымъ шелкомъ съ золотомъ. Во всѣхъ узорахъ и во всей работѣ вышиванья вообще замѣтно было очень мало вкуса. Поэтому, намъ пришло на мысль спросить, «не въ школъ-ли вышивались эти платки?» «Нѣтъ. въ школъ дѣвѣнцы не работаютъ» «Отчего же? развѣ онѣ заняты тамъ безъ отдыха чтеніемъ и письмомъ». «Нѣтъ; всѣ дамы, которыхъ вы здѣсь видите, посѣщаютъ школу, но ни одна изъ нихъ не умѣетъ ни писать, ни читать.» «Такъ чему-же учатся въ нихъ?» «Читать наизусть наши турецкія молитвы.» «Понимаете-ли вы эти молитвы?» «Нѣтъ». «Говорить-ли изъ васъ кто-нибудь потурецки?» «Никто, — никто». Здѣсь вмѣшалась наша ханша. Ее очень забавляла

эта вытягиваемая съ нашей стороны, какъ говорила она, исповѣдь ея подручнищъ. «Я говору потурецки,» проговорила она, громко засмѣявшись и, указывая на всѣхъ собравшихся женщинъ, прибавила: «а эти женщины всѣ до одной—Арнаутки.» Соскучившись въ обществѣ этихъ женщинъ, мы заявили, наконецъ, наше желаніе отправиться въ школу; но ханша, самымъ любезнымъ образомъ, стала отклонять насъ отъ посѣщенія школы, увѣряя, что тамъ вовсе нечего дѣлать и что всѣ ученицы школы здѣсь на лицо. Быть можетъ, это *были* ученицы уже окончившія курсъ въ этой школѣ, такъ какъ здѣсь не было ни одной дѣвочки. Какъ-бы то ни было, но мы готовы были уже уступить и отказаться отъ посѣщенія школы, какъ случайно замѣтили неловкій жестъ ханши, которая обратилась къ попадѣ и мигнула въ нашу сторону, и до слуха нашего долетѣло съ презрительной улыбкой сказанное слово: «гяуры.» При этомъ словѣ: «гяуры», долетѣвшемъ до нашихъ ушей, въ умѣ нашемъ тотчасъ-же блеснула мысль о всѣхъ тѣхъ бесчисленныхъ уловкахъ, которыми хотѣли насъ отклонить отъ посѣщенія магометанскихъ школъ. Мы поняли тогда, что насъ не хотятъ пустить въ школу, какъ невѣрующихъ, и что причиною нашего устраненія отъ посѣщенія школъ—фанатическое къ намъ презрѣніе. Перебѣнивъ тонъ голоса и припавъ серьезный видъ, мы обратились тогда къ попадѣ съ слѣдующими словами: «Мудиръ далъ намъ позволеніе осмотрѣть школу, и потому,—есть-ли тамъ кто, или нѣтъ,—намъ все равно, мы пойдемъ теперь въ школу.» Проговоривъ эту рѣчь, мы встали, чтобы идти туда.

Какая суматоха поднялась тогда во всемъ шардакѣ! Испуганная ханша,—самодовольно-злобный видъ которой уступилъ тотчасъ-же мѣсто настоящему страху и умоляющимъ жестамъ,—немедленно бросилась со всѣхъ ногъ, въ домъ; арнаутскія женщины засуетились передъ нами, а мы, въ сопровожденіи попады, спустились съ лѣстницы, и отправились черезъ дворъ въ переднюю—позвать оставленную тамъ нашу свиту. Въ числѣ свиты, оказался и сынъ мудира. «Мы идемъ въ школу», сказали мы нашей свитѣ и направились въ противоположную дверь. Дверь эта была отворена и мы вошли въ нее. Передъ нами от-

крылось что-то въ родѣ сада. Въ саду этомъ было много дѣвочекъ, которыя частію отъ испуга, частію и изъ шаловливости, побѣжали отъ насъ и тѣмъ самымъ указали намъ дорогу. Идя по дорогѣ, указываемой намъ бѣгущими дѣвочками, мы прошли мимо арки въ стѣпѣ, находящейся между гаремомъ и школьнымъ садомъ. Въ гаремѣ мелькнуло передъ нами много жепскихъ головъ, и между ними голова нашей ханши и недавно видѣнныхъ нами ея подругъ. Едва успѣли мы миновать эту арку, какъ все гаремное общество, волнуемое любопытствомъ, высыпало изъ арки и присоединилось къ нашему обществу. Въ концѣ сада, увидѣли мы домъ, съ двумя наружными дверями: одна изъ этихъ дверей вела въ нижній этажъ, а другая въ верхній по наружной лѣстницѣ. На верху этой лѣстницы, увидали мы высокую фигуру, совершенно закутанную въ какую-то длинную мантию и съ опущеннымъ на лицо вуалемъ. При нашемъ приближеніи, особа эта мгновенно скрылась, а, вмѣсто нея, явились двѣ какія-то женщины безъ вуалей. Женщины эти поспѣшно сошли съ лѣстницы, къ намъ на встрѣчу. Тогда попадья наша, которой, повидимому, было очень смѣшно видѣть комическое замѣшательство шедшей съ ней рядомъ ханши, принялась ловить дѣвочекъ и, хватая ихъ за руки, вталкивала въ нижній этажъ дома. При видѣ этого, другія женщины стали кричать ей, что большая часть этихъ дѣвочекъ еще не ходитъ въ школу. «Что за бѣда», — возразила имъ попадья, — «ученицы-ли онѣ, или пѣтъ, — пускай, идутъ туда и наполняютъ комнату». Черезъ нѣсколько минутъ, насъ попросили войти въ школу. Безъ всякаго сомнѣнія, эта небольшая низенькая труппа, съ землянымъ немощеннымъ поломъ и съ нѣсколькими худыми скамейками, — была *школа!* О настоящихъ ученицахъ, сперва, въ самомъ дѣлѣ, мы не могли вовсе составить себѣ понятія, такъ какъ многія изъ дѣвочекъ, находившихся въ школѣ, совсѣмъ не были приучены къ порядку; но потомъ мы замѣтили въ первомъ ряду нѣсколько дѣвочекъ постарше съ грязными и изорванными книжками въ рукахъ на какомъ-то восточномъ діалектѣ. Это и были — настоящія ученицы! — Онѣ повторяли, или скорѣй, что-то шептали про себя, качаясь всѣмъ тѣломъ изъ стороны въ сторону. «Видите», замѣтила намъ по-

падья, — «вотъ, — какъ говорили вамъ, — онѣ учатся произносить турецкія молитвы». Въ эту самую минуту раздался у насъ, за спиной, какой-то голосъ и къ намъ подошла одна изъ женщинъ, находившихся при школѣ. Походка ея была какая-то нервная. Она учтиво спросила насъ, что намъ угодно. «Вотъ школа, — вотъ ученицы, а, что касается до учительницы, то она надѣется, что мы не будемъ требовать ея присутствія, — такъ какъ она очень почтенная особа». «Она больна», раздался голосъ сверху лѣстницы, «и она не можетъ придти. Отчего же не сказали вы, что она больна?» «Ахъ, да», прибавила женщина, говорившая съ нами прежде, «это правда, — она больна, да притомъ же очень стара. Надѣюсь вы извините ее»? «О, конечно», отвѣтили мы. Впрочемъ, обсуживая все это въ умѣ про себѣ, мы никакъ не могли понять, почему начальница школы не хочетъ насъ видѣть и почему намъ не хотѣли показать школы. Потомъ уже убѣдились мы, что насъ не пускали туда, какъ гяуровъ. Прозваніе это дается въ Турціи всѣмъ немусульманамъ. Насъ причисляли къ той-же категоріи «гяуровъ», и потому не допускали въ магометанскія школы. Но какое право имѣютъ мусульмане не пускать въ свои школы христіанъ, тогда какъ сами они входятъ въ христіанскія школы, не спрашивая даже позволенія? Сыпъ мудира ожидалъ на дворѣ, желая проводить насъ до нашего жилища. Онъ, казалось, былъ очень встревоженъ и нѣсколько разъ повторялъ: «О, это не въ Константинополѣ, это — въ Арнаутлукѣ, въ Арнаутлукѣ!» Но непріятности, со стороны Арнаутовъ, еще не кончились. У нашего кавасса былъ еще цѣлый разговоръ объ этихъ непріятностяхъ, который онъ намъ и передалъ. Лошади, которыхъ намъ прислали утромъ для выбора, были всѣ такъ плохи, что мы поручили кавассу требовать намъ лошадей получше. Идя къ намъ, въ домъ мудира, онъ наткнулся на кираджи съ сытыми и, по виду, очень хорошими лошадьми, и навелъ объ нихъ справки. Оказалось, что мудиръ не смѣетъ предъявить никакихъ претензій на этихъ лошадей, даже и по фирману султана, такъ какъ онѣ принадлежатъ Арнауту-мусульманину. Споръ по этому предмету былъ въ самомъ разгарѣ, когда мы появились на базарной площади. Замѣтивъ это, попада

тотчасъ-же пригласила насъ сдѣлать, вмѣстѣ съ нею, визитъ сербскому ходжа-баши. Прощаясь съ сыномъ мудира, мы просили его «передать своему отцу всевозможную съ нашей стороны благодарность и тысячу любезностей за его доброе къ намъ расположеніе, въ которомъ вполне убѣдились; но. при этомъ, сообщить ему, что насъ очень удивляетъ, какъ мало вниманія обращаютъ подданные султана на самого султана и на его фирманъ. Вопреки его приказанію, мусульманская учительница не хотѣла показать намъ, какъ слѣдуетъ, свою школу, хотя этимъ она нисколько насъ не разсердила и не обидѣла, такъ какъ посѣщеніемъ мусульманской школы мы хотѣли только выразить наше вниманіе къ этимъ школамъ, точно такое же, какъ и къ христіанскимъ школамъ, которыя мы вездѣ посѣщаемъ. Христіане даже сами просятъ насъ посѣщать ихъ школы и бываютъ рады, когда мы принимаемъ ихъ приглашенія. Изъ этого мы выводимъ заключеніе, что христіане здѣсь, какъ-бы объ нихъ ни отзывались, — самые просвѣщенные и сознающіе свои обязанности члены общества. Кромѣ того, передайте мудирю, отцу вашему», говорили мы, «что намъ кажется очень страннымъ, что здѣсь нельзя достать намъ хорошихъ лошадей для продолженія нашего путешествія. Намъ говорятъ, будто здѣшніе мусульмане не покоряются султанскому фирману и не даютъ лошадей своихъ даже за хорошую плату, стало быть, вся тягость фирмана ложится здѣсь на однихъ христіанъ. Развѣ фирманъ не имѣетъ одинаково-обязательной силы для тѣхъ и другихъ»? Когда мы окончили нашу рѣчь, насъ предупредили, что Арнауты подходятъ массаами ближе и ближе къ той части базарной площади, гдѣ мы говорили съ сыномъ мудира. Наши толстые кисейные вуали, которые мы носили, чтобы защитить себя отъ солнца и пыли, не могли защитить насъ отъ сердитыхъ взглядовъ, бросаемыхъ на насъ Арнаутомъ. Сынъ мудира замѣчалъ очень хорошо эти взгляды и страшно перепугался. Самымъ ласковымъ образомъ потрепалъ онъ по плечу нашего драгомана и шепиулъ ему, что «все обойдется хорошо» и что отецъ его «все устроитъ, какъ должно», и затѣмъ, чуть не бѣгомъ пустился домой въ обратный путь, оставивъ намъ въ видѣ охранительнаго конвоя одного рослага заштія, ко-

торый и пошелъ впереди насъ, между тѣмъ, какъ нашъ кавассъ шелъ позади насъ и, такимъ образомъ, мы направились къ выходу съ базарной площади. Однакоже, цѣлая толпа уличныхъ мальчишекъ продолжала идти за нами слѣдомъ и, не дойдя еще до жилища ходжа-баши, мы уже убѣдились вполнѣ на опытъ въ справедливости жалобъ на возмутительную распущенность этихъ мусульманскихъ негодяевъ. Скрываясь за какимъ нибудь строеніемъ, они пользуются каждымъ благоприятнымъ случаемъ, дѣляся вдругъ на партіи и стараются забѣжать впередъ. Партіи эти становятся потомъ по обѣимъ сторонамъ дороги, и, жертвы, которыхъ они налѣтываютъ, забрасываются, сначала съ одной, а потомъ съ другой стороны, горстями мелкаго щебня. Напрасно кричалъ на нихъ нашъ заптій и застрачивалъ ихъ разными угрозами, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, часть брошеннаго ими щебня не попала въ него самого, тогда, взбѣшенный, вытащилъ онъ свою нагайку и, внезапно бросившись на нихъ, прогналъ негодяевъ. Кавассъ нашъ, родомъ изъ самой Албаніи, былъ также возмущенъ этимъ и нѣсколько разъ принимался увѣрять насъ, что на его родинѣ мусульмане вовсе не такъ дурны. При такомъ порядкѣ вещей, нисколько не удивительно, что дверь въ жилище ходжа-баши была наглухо заперта, и что всѣ крики извиѣ не могли убѣдить лицъ, жившихъ въ домѣ, открыть ее. Наконецъ попадавъ сдѣлала какія-то знаки кому-то изъ семьи ходжа-баши, случайно проходившему по двору. Онъ подошелъ. Она попросила его впустить насъ и дверь открылась. Мы вошли и дверь снова была заперта за нами. Но что за сюрпризъ, что за восхитительный сюрпризъ ожидалъ насъ! Здѣсь, вмѣсто крикливой болтовни и рѣзкихъ жестикующій арнаутскихъ женщинъ и общества ханши, — любезности, споры и обидные жесты которой все время мѣнялись какъ въ калейдоскопѣ, — пашли мы степенный, гостепріимный привѣтъ сербскаго «главы семейства» и чудный кофе, который подавала намъ какая-то очень красивая, худошавая женщина, скромно одѣтая и съ неразрисованнымъ лицомъ. Мы просидѣли такъ съ полчаса, бесѣдуя самымъ дружескимъ и серьезнымъ образомъ, въ комфортабельно-убранномъ подушками шардакѣ, передъ которымъ дышалъ прохладою большой тѣ-

нистый и привѣтливый, на взглядъ, садъ. Вечеромъ, по возвращеніи домой, снова завязался у насъ также интересный разговоръ, въ домѣ нашего хозяина, священника. Попъ Дайтша — особа хорошо извѣстная во всей Старой Сербіи — и извѣстность его, какъ кажется, вполне заслуженная. Ничего не зная прежде объ его репутаціи, мы были поражены его умомъ, способностью передавать то, что онъ зналъ, и его отважнымъ образомъ дѣйствій. Въ присутствіи мудира, онъ вовсе не показывалъ робкаго прислуживанья, общаго едва-ли не всѣмъ турецкимъ христіанамъ; но за то, и за спиной мудира, онъ былъ воздерженъ на языкъ: не бранилъ мудира, но старался оправдывать его трудностью его положенія. «Мудиръ», — говорилъ онъ, — «назначается сюда одинъ съ полу-дюжиной запѣвѣвъ, что-же можетъ онъ сдѣлать? Здѣсь около 200 христіанскихъ домовъ и отъ 400 до 500 мусульманскихъ, и потому здѣсь Арнауты дѣлаютъ все, что захотятъ. Грабятъ христіанъ, когда имъ заблагоразсудится и гдѣ имъ вздумается; часто, напримѣръ, приходятъ въ лавку, — спрашиваютъ, что имъ нужно, — и уносятъ съ собою, что требовали, обѣщаясь уплатить со временемъ, а часто, и вовсе не требуя, хватаютъ въ лавкѣ, что имъ попадаетъ подъ руку, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ. Хуже всего то, что, благодаря ихъ дикому, невѣжественному и безправному образу жизни, вся христіанская община космѣетъ въ положеніи варварства и, не получая никакой защиты изъ Константинополя и не видя ни луча надежды на лучшую будущность, христіане здѣсь, само собою разумѣется, всѣ свои надежды сосредоточиваютъ на сербскомъ княжествѣ, которое ободряетъ ихъ, даетъ имъ совѣты и руководитъ ими».

Городъ Вучитерпъ, вѣроятно, былъ когда-то значительнѣй, чѣмъ теперь. Въ немъ находилась некогда архіерейская кафедра и старый замокъ его, изъ котораго устроенъ теперь «серап» мѣстнаго мудира, былъ когда-то мѣстопребываніемъ народнаго сербскаго героя Войны, зятя царя Душана. Одна изъ самыхъ поэтическихъ сербскихъ легендъ описываетъ подвиги младшаго сына этого Войны, какъ спасъ онъ своего коронованнаго дядю отъ лицемѣрной дружбы римско-католиковъ. Древняя церковь въ Вучитерпѣ разрушена, на мѣстѣ-же ея воздвигну-

та новая церковь. Эта новая церковь, на видъ, скорѣе широка, чѣмъ высока; но, чтобы она не казалась слишкомъ высокою передъ арнаутскими домами, она на нѣсколько футовъ, при постройкѣ, зарыта въ землю. Подобной-же постройки церковь, но гораздо болѣе углубленную въ землю и почти темную, можно видѣть въ Нишѣ, городѣ, лежащемъ на большой дорогѣ между Бѣлградомъ и Константинополемъ; но, христіане въ Нишѣ получили въ послѣднее время позволеніе выстроить другой храмъ, — и, въ порывѣ сердечной радости, начали строить его на такой высокой скалѣ, что положеніе этого новаго храма будетъ выше всѣхъ строеній въ городѣ.

Въ Вучитернѣ есть сербская школа, въ которой обучается до шестидесяти дѣтей. Мы осматривали эту школу и нашли, что хотя помещеніе ея невелико, но содержится она очень чисто и въ порядкѣ, а учитель, на видъ, — очень солидный и умный молодой человекъ. Женской школы здѣсь нѣтъ, по той же самой причинѣ, какъ и въ Приштинѣ; но, при небольшой помощи извнѣ, можно было бы здѣсь завести и женскую школу, тѣмъ болѣе, что жена попа Дайтша — не прочь, съ своей стороны, приложить старанія къ учрежденію этой школы; а она — такъ-же энергична и умна, какъ и ея мужъ. Съ гордостью повторяла она намъ нѣсколько разъ: «Сама я — родомъ изъ Ипека, а въ Ипекѣ есть и женская школа». Мы, съ удивленіемъ возразили ей наконецъ: «Да, вѣдь, Арнауты въ Ипекѣ — люди, самые распущенные и необузданные во всей Турціи?» — «Да, это такъ», — отвѣчала она, — «но, съ другой стороны, христіане въ Ипекѣ — самые добрые и либеральные изъ всей Старой Сербіи. Въ Ипекѣ кathedра патріарха придаетъ городу много величія и почета. Тамъ, между христіанами, живетъ «Катерина», — женщина, равной которой нѣтъ во всей нашей странѣ. Она и была основательницею женской школы». Тутъ вмѣшался священникъ и съ гордостью прибавилъ: «Жена моя — ея родетвенница!» Сознавая, что родство это — сильная рекомендація, мы начали ввѣдывать у нихъ подробности объ ипекской школѣ. Они сообщили намъ, между прочимъ, что школа эта снабжена книгами; но географическихъ картъ въ ней нѣтъ; поэтому, мы вручили имъ цѣлую

партію ландкартъ, съ тѣмъ, чтобы попадья передала ихъ въ эту школу, въ первое же посѣщеніе своего роднаго города. Въ благодарность за выраженное нами сочувствіе къ школѣ, попъ, сѣвъ на полу на ковровой подушкѣ, сообщилъ намъ цѣлый словесный перечень, въ родѣ catalogue raisonné, всѣхъ храмовъ, монастырей и школъ въ окрестностяхъ Вучитерна. Всѣ они или, по крайней мѣрѣ, большая часть изъ нихъ, очень древни. Нѣкоторыя изъ церквей были старыми царскими капеллами; другія же составляли принадлежность большихъ монастырей, теперь разрушенныхъ. Есть церкви, которыя лежатъ теперь въ развалинахъ, но, не смотря на то, народъ продолжаетъ, регулярно каждый годъ, ходить туда на богомолье и мечтать, какъ, на мѣстахъ этихъ развалинъ, или же около нихъ, воздвигнутся нѣкогда новые храмы. Къ сожалѣнію, перечисляя развалины, попъ не обратилъ въ особенности нашего вниманія на церковь въ древнемъ замкѣ Свѣтчани и мы проѣхали потомъ мимо замка, вовсе не осмотрѣвъ этой церкви.

Восторженные и усердныя похвалы, расточаемыя попадьею древнему патриаршему городу и описаніе Детчанскаго храма, сдѣланное намъ ея мужемъ, возбудили снова въ насъ желаніе посѣтить городъ Ипекъ, — и мы рѣшились поразунать, настолько ли опасна дорога между Вучитерномъ и Ипекомъ, какъ дорога между Вучитерномъ и Приштиною? Для этого, мы придумали посондировать степень дѣйствія султанскаго фирмана и послать, на слѣдующій день, съ этимъ фирманомъ рано утромъ нашего драгомана къ мудиру, изложивъ нашу просьбу. Разсчитывая съ вечера передать наше приказаніе драгоману, мы отворили дверь и, выйдя со свѣчей, остановились на верхней ступени лѣстницы. На зовъ нашъ явился тотчасъ же нашъ драгоманъ и, вмѣстѣ съ нимъ, и самъ попъ Дайтша, въ большомъ испугѣ и торжественно заклиная насъ не показываться со свѣчей снаружи дома.

— «Развѣ вы боитесь пожара?» — «Нѣтъ; но Арнауцы, бывшіе на базарѣ, очень озлоблены противъ васъ и нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ кажется, хочется подкараулить васъ. Всѣ они — очень сердиты на васъ за посѣщеніе мусульманской школы. Свѣтъ отъ вашей свѣчи мо-

жетъ указать имъ на ваше мѣстопребываніе». При полномъ довѣрїи къ такому сообщенію, конечно, не совсѣмъ прїятно было бы намъ проводить ночь въ комнатѣ, безъ ставней; но мы постарались выбросить изъ головы мысль объ опасности, стараясь увѣрить себя, что страхъ заставляетъ попа все преувеличивать. Потомъ, однако же, насъ предостерегали и сами мусульмане, увѣряя, что у Арнаутовъ въ обычаѣ—принимать каждаго заподозрѣннаго иностранца за шпиона.

На слѣдующее утро, когда все у насъ было уже уложено и мы сами одѣлись и позавтракали, — воротился нашъ драгоманъ отъ мудира. Фирманъ султана былъ прочитанъ, въ полномъ присутствїи меджлисса. Выражая свои вѣрноподаданческія чувства, главные члены его заявили, что, если мы непременно желаемъ отправиться въ Инекъ, то они соберутъ для насъ охранительный конвой изъ ста Арнаутовъ. Но, мудиръ, съ своей стороны, просилъ передать намъ его убѣдительнѣйшій совѣтъ: ни подъ какимъ видомъ, не предпринимать теперь поѣздки въ Инекъ, такъ какъ, по полученнымъ имъ послѣднимъ свѣдѣніямъ, каймакамъ Ипека убитъ тамошними мусульманами, во время сбора податей въ султанскую казну, и весь инекскій округъ теперь—въ неспокойномъ положенїи. Кто же встрѣтитъ насъ тамъ, кто будетъ охранять?—Что касается до него, то у него самого слишкомъ мало заптїевъ и всѣ они необходимы ему самому для службы здѣсь, въ Вучптерпѣ. Онъ не можетъ удѣлить изъ нихъ намъ ни одного для конвоя и, стало быть, намъ придется ѣхать, въ сопровожденїи однихъ только арнаутскихъ стражей. Если стражей этихъ будетъ менѣе *ста* человѣкъ, то Арнауты не тронутся съ мѣста; такъ какъ у нихъ въ окрестности много враговъ и они, конечно, не вернутся изъ этой экспедиціи безъ военного столкновенія. На всѣ эти представленія, оставался, конечно, одинъ только отвѣтъ: «Мы очень сожалѣемъ, что владѣнія султана—въ такомъ положенїи; но, такъ какъ оффиціальныя лица Порты отвѣчаютъ за нашу безопасность, то мы, по необходимости, должны слѣдовать ихъ совѣтамъ». Въ дѣйствительности же, однако мы готовы были бы и отправиться туда, не смотря ни на какія увѣщанія каймакама и общее волненіе въ округѣ; но совѣсть наша запрещала намъ рѣшиться на двух-

дневное путешествіе по христіанскимъ селамъ и монастырямъ, описаннымъ намъ попомъ Дайтшею, — съ конвоемъ изъ ста вооруженныхъ и враждебно-настроенныхъ къ христіанамъ Албанцевъ.

Едва только пришли мы къ этому рѣшенію, какъ передъ нами предсталъ и самъ мудиръ. Словами своими, онъ еще болѣе подкрѣпилъ доводы, приводимые для нашего убѣжденія драгоманомъ, и затѣмъ разсыпался въ извиненіяхъ, по поводу нелюбезнаго приѣма насъ въ школу арнаутскою учительницею. «Она теперь», — увѣрялъ онъ, — «вполнѣ убѣдилась въ своей випѣ» и мы бы очень обязали его, если бы дали ей случай выразить намъ свое раскаяніе. Не угодно ли намъ еще разъ завернуть въ школу? Ханша собирается отдать намъ визитъ и сама бы проводила насъ туда. Но мы вовсе не желали видѣть вновь ханшу и потому посѣвшили отклонить ея визитъ извиненіемъ, что мы заняты сборами въ дорогу и, къ тому же, комната наша такъ завалена вещами, что намъ негдѣ будетъ принять и усадить ее. Что же касается до школы, то, полагая, что надо принять приглашеніе мудира, и еще разъ посѣтить ее, мы наметнули ему, что, такъ какъ намъ некогда теперь нарочно отправляться въ другой разъ въ школу; то мы посѣтимъ ее по дорогѣ, въ день отъѣзда нашего изъ города. Такъ мы и сдѣлали.

Встрѣча, которой удостоились мы теперь, такъ непохожа была на вчерашнюю встрѣчу, что мы едва могли удержаться отъ улыбки. При первомъ же нашемъ стукѣ въ садовую калитку, намъ открылъ ее какой-то мужчина, въ чалмѣ, и привѣтствовалъ насъ весьма ласково, и простеръ даже свою любезность до того, что, по просьбѣ нашей, припесъ воды изъ ближняго ключа и подчивалъ насъ этимъ «нектаромъ». Потомъ, онъ ввелъ насъ въ школу, которая въ то время наполнена была ученицами, ходившими взадъ и впередъ ровнымъ шагомъ и бормотавшими разныя непонимаемыя ими молитвы. Даже фанатичка наша, учительница, была на лицо, хотя и очень не въ духѣ. Закутанная въ вуаль и длинную мантию, какъ будто собираясь проходить по полному народомъ базару, — она жалась къ стѣнѣ, противъ перваго ряда скамей, и стояла, обернувшись спиной къ намъ, въ положеніи, которое, обыкновенно, принимаютъ магометанскія женщины, нежелающія, чтобы

ихъ видѣли. При входѣ нашемъ, она не шевельнулась; но, черезъ минуту, замѣтивъ, что одна изъ дѣвочекъ обернула голову въ нашу сторону, она наградила ее такимъ ударомъ, въ самомъ звукѣ котораго отразилось какъ бы и все презрѣніе ея и весь ея гнѣвъ.

Лишь только сѣли мы вновь на лошадей, какъ увидали передъ собою мудира, окруженнаго заптіями. Онъ вышелъ проститься съ нами. Онъ спросилъ насъ официальнымъ тономъ: «Остались ли мы довольны?» Самъ онъ былъ теперь въ малиновой курткѣ и со всѣми атрибутами его званія. Фигура его блистала полнотою самодовольствія и сознанія, что «заставилъ себя слушаться». Да, въ самомъ дѣлѣ, какъ оказывалось по справкамъ, это былъ — человекъ настойчивый. Мы вполне искренно сочувствовали его твердости въ обузданіи своеволія Арнаутовъ, братьевъ которыхъ еще такъ недавно убили его сотоварища, несчастнаго ипекскаго каймакама. А между тѣмъ, — бѣдный, старый мудиръ! Не совсѣмъ завиденъ его постъ, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, едвали представляетъ и много выгодъ, какъ можно заключить изъ того, что мудиръ не могъ позволить себѣ такой роскоши, какъ верховая лошадь. Иначе, — какъ Турокъ, онъ едвали бы показался пѣшкомъ передъ иностранками, ѣхавшими верхами.

Въ ту минуту, какъ, распростившись, удалился мудиръ, появилось — сопровождать насъ, двое изъ главныхъ членовъ Меджлисса, такъ пышно одѣтые, что намъ невольно пришли на мысль старый Война и его сынъ. Особенно одинъ изъ нихъ разодѣтъ былъ неподобно. Онъ ѣхалъ на великолѣпномъ бѣломъ конѣ. Пистолеты его, заткнутые за поясъ, были дорогой работы и блестяли позолотой.

Гранды эти тихо ѣхали возлѣ насъ, по обѣимъ сторонамъ, и, — какъ только мы выѣхали за городъ, — молча поклонились намъ и повернули назадъ своихъ лошадей.

Глава XIX.

ИЗЪ АРНАУТЛУКА ВЪ БОСНІЮ.

Изъ Вучитерна; послѣ четырехъ часовъ ѣзды, добираетесь вы до сѣверной границы Коссовской равнины. Границу эту образуетъ гряда небольшихъ горъ и блещущая между ними рѣка Ибаръ. При вѣздѣ въ долину рѣки Ибара, стоитъ замокъ Свѣтчани. Замокъ этотъ построенъ на самомъ берегу рѣки и, когда смотришь на него издалека, кажется, будто-бы это—не замокъ, а одинъ изъ угловъ горной цѣпи, скучившейся здѣсь, надъ Ибаромъ. Утесъ, на которомъ стоитъ этотъ замокъ, покрытъ богатой лѣсной растительностью. Склоны утеса круты и конусообразны. Они, какъ будто, выточены, такъ, что можно подумать, что они обязаны своимъ наружнымъ видомъ вліянію искусства. Еще на зарѣ исторіи этихъ областей, видимъ мы Свѣтчани уже укрѣпленнымъ мѣстомъ, и, по всей вѣроятности, замокъ этотъ былъ крѣпостью со временъ восточно-римской имперіи, еще до переселенія сюда Сербовъ. Въ началѣ XI вѣка, вся окрестная страна близъ замка подчинена была власти Самуила Болгарскаго, и, когда онъ былъ свергнутъ съ трона византійскимъ императоромъ Василиемъ II, Свѣтчани былъ одною изъ тѣхъ многочисленныхъ крѣпостей, которыя вручили

тогда ключи свои побѣдителю *). Последній византійскій правитель былъ изгнанъ Стефаномъ Немањею, и замокъ, уже подъ властію сербской династіи, получилъ свою трагическую извѣстность. Сперва, онъ былъ царскою резиденціею, потомъ, царскою темницею, и здѣсь царь Урошъ III, прозванный Детчанскимъ, былъ сперва заключенъ, а потомъ умерщвленъ какимъ-то таинственнымъ образомъ. Обвиняютъ Стефана Душана, сына Уроша, наследовавшаго царство послѣ него, въ отдачѣ приказанія убить отца, но все это происшествіе покрыто еще какимъ-то туманомъ, и Сербы, весьма естественно, всевозможнымъ образомъ стараются оправдать память своего великаго царя. Они стараются доказать, что Урошъ Детчанскій, въ старости, подпалъ подъ вліяніе духовенства, которое не терпѣло сына его, Душана, человѣка съ твердою волею, и что поэтому монахи сочинили этотъ разсказъ. Самое достовѣрное извѣстіе—это-то, которое передаетъ Финлей, что властыри, на сторонѣ которыхъ былъ Душанъ, —взбунтовались противъ Уроша и убили его, чтобы не допустить примиренія между нимъ и его сыномъ. Это трагическое происшествіе, случившееся въ семействѣ Нѣманья, послужило сюжетомъ для поэмы одному современному сербскому поэту, Г. Іовану Субботичу. Въ поэмѣ его, названной «Краль Детчанскій», разсказано все это событіе простымъ, легкимъ и изящнымъ языкомъ и, притомъ, размѣромъ народныхъ пѣсенъ. Въ поэмѣ Субботича злымъ гениемъ трагическаго факта является мачиха Душана; она выставлена виновницей и смерти молодой невѣсты Душана, дочери одного вельможи изъ Зеты. Мѣстомъ смерти царя Уроша представляется въ этой поэмѣ загородный дворецъ въ Нередицѣ, въ окрестностяхъ Призрѣна. Но едва-ли это — вѣрно съ дѣйствительностью. По историческимъ преданіямъ смерть его послѣдовала въ Свѣтчани, въ крѣпости, куда, вѣроятнѣе предположить, удалился старикъ — царь съ своими сокровищами, выжидая удобной минуты для примиренія съ сыномъ. Быть можетъ, Г. Субботичъ взялъ главную идею для своей поэмы изъ найденной руко-

*) «Въ одной этой области считалось тридцать пять крѣпостей» Гильфердингъ, — „Исторія Сербіи и Болгаріи“.

писной грамоты, хранящейся въ Детчанскомъ монастырѣ. въ которой самъ Урошъ трогательнымъ образомъ описываетъ раздоры въ ихъ семьѣ, вслѣдствіе чужеземныхъ супружествъ съ гречанками и другими иностранками. Очень естественно, что Сербы всю вину раздоровъ въ семействѣ Пѣманья приписываютъ этимъ чужеземнымъ супружествамъ, — потому что, какія-бы ни были недостатки первыхъ чистокровныхъ Неманидовъ, они, нельзя отрицать, сдѣлали много добра народу и оставили по себѣ хорошую память и любовь въ душахъ своихъ подданныхъ. Не то было съ послѣдними и слабыми правителями. Принца, супруга одного изъ послѣднихъ деспотовъ, оставила по себѣ худую славу. Имя ея было такъ ненавистно, что даже вошло въ пословицу, и мужъ ея, какъ говорятъ, вполне раздѣлялъ съ нею нелюбовь народа. У подножья горы, на вершинѣ которой стоитъ замокъ Свѣтчани, расположенъ небольшой городокъ Митровица, въ педальнемъ же отъ него разстояніи, виднѣется большой ханъ, гдѣ оффиціальная граница между Босніею и Арнаутлукомъ. Около этого хапа лежитъ огромный камень. На этомъ самомъ камнѣ, мусульмане, при переходѣ изъ одной области въ другую, закалываютъ овцу, какъ благодарственную жертву за благополучное окончаніе пути до этого мѣста. Граница, обозначенная камнемъ въ Митровицѣ, не признается здѣшнимъ христіанскимъ народонаселеніемъ, которое, по ту и другую сторону отъ камня, состоитъ равно изъ Сербовъ, называетъ мѣстность, гдѣ живетъ, Старо-Сербіею и утверждаетъ, что Боснія начинается собственно гораздо дальше, на сѣверо-западъ отъ этого мѣста. Элементъ же магометанскій, живущій по сю и по ту сторону Митровицы, принимаетъ митровицкій камень за границу Босніи. Въ Арнаутлукѣ мусульмане, какъ уже сказано, изъ албанскихъ переселенцевъ. Между тѣмъ, какъ мусульмане въ Босніи — потомки ренегатовъ изъ природной славянской аристократіи. Магометане въ Босніи не только вліятельнѣе арнаутлукскихъ магометанъ, но, и самая поземельная собственность, съ болѣе ранняго времени, въ рукахъ боснійскихъ магометанъ, такъ какъ большая часть арнаутской аристократіи приняла исламъ въ концѣ XV столѣтія, тогда какъ переселеніе христіанъ изъ Старой Сербіи и эмиграція Албанцевъ въ

мѣста, оставляемая христіанами, послѣдовали не ранѣе конца XVII столѣтія. Въ слѣдствіе этого, отношенія между христіанами и мусульманами въ Арнаутлукѣ совершенно иныя, чѣмъ въ Босніи. — Въ Старой Сербіи, гдѣ нѣсколько аристократическихъ семействъ, уцѣлѣвшихъ отъ разгрома, сливаются мало по-малу вовсе съ народомъ, — семейства эти стараются наэлектризовать народныя массы историческими воспоминаніями, непоколебимою гордостью и воинственнымъ духомъ; такъ, что, хотя въ позднѣйшій періодъ времени, Арнауы и берутъ, повидимому, какъ-бы историческаго рода перевѣсъ надъ другими національностями въ Арнаутлукѣ, въ слѣдствіе того именно обстоятельства, что приняли религію своихъ побѣдителей; однакоже Сербы, въ дѣйствительности, вполнѣ сознаютъ свое моральное превосходство надъ ними; слабая-же привязанность Арнаутовъ къ исламу влечетъ за собой тотъ результатъ, что ихъ ненавидятъ болѣе, не какъ магометанъ, а какъ людей певѣжественныхъ и разбойниковъ. Въ Босніи-же отношенія христіанъ къ магометанамъ иныя. Тамъ христіанское народонаселеніе состоитъ изъ той части народа, которая, еще до завоеванія страны магометанами, составляла низшій классъ народа, тогда какъ магометане съ незапамятныхъ временъ составляли классъ, изъ котораго выходили войны и землевладѣльцы. Въ Босніи антагонизмъ между христіанами и магометанами опирается, главнымъ образомъ, на разность вѣроисповѣданій, различіе религій, а не на племенное различіе, какъ въ Арнаутлукѣ. Уничтожьте это различіе религій, — и жители Босніи составятъ одинъ народъ. Очень интересенъ фактъ, что Кроаты и даже Сербы княжества, которые не страдаютъ уже болѣе теперь отъ притѣсненій мусульманъ — землевладѣльцевъ, смотрятъ теперь на магометанъ-Босняковъ съ большою терпимостью и даже съ удовольствіемъ, какъ на соплеменныхъ имъ братьевъ и потомковъ древней сербской аристократіи. Боснійскимъ мусульманамъ очень нетрудно будетъ сойтись въ какой либо политической комбинаціи съ какой-нибудь изъ общинъ южныхъ Славянъ, достигшихъ независимости; но, немишуемая бѣда ждетъ надменнаго и притязательнаго землевладѣльца — мусульманина, если попадаетъ онъ въ руки собственныхъ его райевъ, въ случаѣ удачи ихъ возстанія. Что касается

до насъ, проѣхавшихъ вдоль и поперекъ всю Боснію, то мы не можемъ пожаловаться на тамошнихъ мусульманъ. Они вообще относились къ намъ всё съ такимъ чистосердечіемъ и съ такою любезностью и вѣжливостью въ обращеніи, какихъ можно было ожидать только отъ старинныхъ аристократовъ. Точно такъ и въ этотъ разъ, хотя о приѣмъ насъ съ должнымъ вниманіемъ сдѣлано было такое-же распоряженіе въ Митровицѣ, какъ и въ Вучитернѣ, тѣмъ не менѣе однако-же, въ первомъ городѣ встрѣтили мы приѣмъ, который ясно указывалъ намъ на различіе отношеній къ выполненію приказаній начальства въ этихъ двухъ городахъ. Первое, что намъ бросилось въ глаза, когда мы приблизились къ границамъ Босніи, это была группа богато-одѣтыхъ и вооруженныхъ всадниковъ, въ числѣ которыхъ былъ не одинъ только мудиръ, но и кади и весь составъ меджлиса.

Всѣ они были, на видъ, люди прекрасной наружности и въ приѣмахъ ихъ отражалось какое-то радушное гостепріимство. Едва только мы отвѣтили на ихъ привѣтствіе, сказанное на арабскомъ языкѣ, славянскими фразами, тотчасъ же исчезла между нами вся чопорность отношеній и разговоръ нашъ принялъ вполне дружественный оттѣнокъ. Они тотчасъ же стали настаивать, что если уже мы не хотимъ провести ночь въ Митровицѣ, то чтобы, по крайней мѣрѣ, остановились въ городѣ этомъ отдохнуть немного и подкрѣпить свои силы пищею; и, съ этою цѣлю, проводили насъ не въ какое-нибудь убогое христіанское жилище, но въ лучшей изъ всѣхъ тамошнихъ мусульманскихъ домовъ. Мы расположились тамъ и, вмѣстѣ съ ними, пили кофе. Комната, въ которой угощали насъ кофеемъ, была очень красива и, какъ видно, принадлежала кому-нибудь изъ старинныхъ землевладѣльцевъ; такъ какъ стѣны ея всё были увѣшаны стариннымъ оружіемъ, и она была наполнена разными китайскими и другими дорогими бездѣлушками.—Нѣсколько времени шелъ между нами живой разговоръ. Между прочимъ, спросили мы нашихъ хозяевъ, — служили ли они въ военной службѣ, въ послѣднюю войну съ Черногорцами? Они отвѣчали: «Нѣтъ; Албанцы служили, Босняки же нѣтъ». «Выигралъ ли султанъ что-нибудь отъ войны?» «Да, на его долю достался небольшой клочекъ земли отъ Вассоевичей».

«Доходилъ ли онъ до Цетиньи?» «Конечно, нѣтъ». Изъ всѣхъ окружавшихъ насъ мусульманъ никто не былъ такъ внимателенъ къ намъ, какъ мѣстный кади,—особа, которую въ другихъ мѣстахъ мы очень рѣдко видали у себя. Это былъ высокій красивый мужчина съ европейскимъ очеркомъ лица. По этому очерку лица, можно было заключить, что его предокъ, вѣроятно, былъ одинъ изъ рыцарей — Сербовъ, надѣвшихъ чалму, послѣ турецкаго разгрома. Кади хвастался своимъ знаніемъ арабскаго языка и не скрывалъ глубокой ненависти своей къ языку турецкому и сильной любви къ своему родному языку, — сербскому. Такъ какъ мы выучились довольно порядочно обмѣниваться обыкновенными разговорными сербскими фразами, то онъ вообразилъ, что мы знаемъ гораздо лучше природный языкъ его, чѣмъ знали мы его въ дѣйствительности и вскричалъ въ восторгѣ: «Миѣ очень пріятно слышать, что вы говорите побоснійски: я самъ Боснякъ». — Когда уѣзжали мы изъ Митровицы, онъ и вся остальная свита провожали насъ, и, передъ тѣмъ, какъ мы сѣли въ экипажъ, мудиръ поднесъ намъ по букету розъ. — Проѣхавъ улицу, прорѣзывающую во всю длину Митровицы, мы выѣхали уже окончательно изъ Коссовской равнины и стали подниматься вверхъ, между двухъ грядъ лѣсистыхъ холмовъ, отдѣляющихъ эту равнину отъ Карановачской долины и бассейна Новибазара. — Немного далѣе, дорога пошла по правому берегу Ибара и вилась близъ подножья горы, на которой видѣлись развалины какого-то замка. Видъ съ дороги на эти развалины замка былъ замѣчательно хорошъ. Перемѣна пейзажей въ горахъ сопровождалась и рѣзкой переменной температуры. Послѣ жара отъ яркихъ лучей солнца, ощущали мы теперь свѣжую прохладу отъ тѣнистыхъ горъ. На одномъ изъ поворотовъ извиистой дороги, по которой мы ѣхали, вдругъ увидели мы передъ собою толпу всадниковъ, сопровождавшихъ какую-то безобразную фигуру, на огромномъ черномъ конѣ, закутанную въ малиновый плащъ. Ярко одѣтый всадникъ этотъ былъ никто иной, какъ боснійскій чаусъ съ небольшой Баньской станціи, — ѣхавшій встрѣтить насъ, по приказанію мудира. Представившись намъ, онъ тотчасъ же повернулъ коня назадъ и поѣхалъ впереди насъ. Мы были очень довольны его

ярко-малиновымъ плащемъ. Цвѣтъ его костюма придавалъ нѣкоторую живость дикимъ скаламъ и блеклой зелени окружавшихъ насъ кустовъ. Около Баньи зелень стала рѣдѣть и утесы начали принимать вулканическія очертанія и цвѣтъ. Въ этой мѣстности, какъ показываетъ и самое названіе, Банья, находятся сѣрпыя ванны или минеральныя ключи. Городъ этотъ былъ также нѣкогда крѣпостью, оборонявшею здѣсь горный проходъ. Тогда какъ населеніе всѣхъ сосѣднихъ съ Баньею городовъ, по большей части, христіанское, жители Баньи исключительно мусульмане изъ Славянъ. Быть можетъ, это потомки стараго гарнизона, бывшаго въ этомъ городѣ и принявшаго исламъ, подобно другимъ Славянамъ, изъ нежеланія сложить оружіе и отказаться отъ своей прежней гарнизонной службы. Купальное заведеніе въ Баньи очень невелико. Мы пріѣхали въ Банью поздно вечеромъ, и потому вовсе тамъ не были. Однако-же мы успѣли обойти кругомъ всю старую крѣпость, которая теперь находится въ состояніи разрушенія. Внутри крѣпости, обнесенной высокими стѣнами, нѣтъ никакихъ другихъ строеній, кромѣ: небольшой казармы запіевъ, которые держатъ здѣсь караулъ на крѣпостной стѣнѣ, подлужины обрушившихся домовъ и заброшенной мечети. Дѣтъ двадцать тому назадъ, говорятъ, въ домахъ этихъ жили еще хозяева ихъ и въ мечети совершалась служба. Ночлегъ въ Баньи приготовленъ былъ намъ въ домѣ самого чауса. Отведенная намъ комната была хотя и невелика, но старинная отдѣлка ея была очень интересна. Отдѣлка эта состояла изъ рѣзныхъ украшеній, старинной посуды, разставленной на полкахъ, и развѣшаннаго по стѣнамъ стариннаго оружія. Оффиціальная особа, — чаусъ, — приняла насъ съ большимъ радушіемъ и собственными руками поднесла намъ большой, пышный, славянскій калачъ, который, какъ видно, чаусъ считалъ очень лакомымъ кушаньемъ. Мы отдали этотъ калачъ нашимъ бѣднымъ возницамъ-христіанамъ, которымъ суждено было провести очень беспокойную ночь. Около Баньи, вовсе нѣтъ луговъ, и потому здѣсь очень трудно достать корма для лошадей; сами-же они, за недостаткомъ помѣщенія въ ханѣ, принуждены были пробыть всю ночь на дворѣ дома чауса. Но, въ этой случайности была и своя хорошая сторона: едва за-

иялась заря, какъ они были уже готовы отправиться съ нами въ дальнѣйшій путь. Такой ранній выѣздъ былъ — очень кстати, такъ какъ намъ хотѣлось доѣхать изъ Бани въ Новибазаръ непременно въ одинъ день, а между тѣмъ отъ Бани до Новибазара хотя и считается номинально только девять часовъ ѣзды, однако-же, во всѣ эти девять часовъ, дорога идетъ по такимъ горамъ, что трудно вычислить съ точностью, во сколько именно часовъ можно проѣхать это разстоянiе. Дорога къ Новибазару устроена турецкимъ правительствомъ, и, подобно другимъ дорогамъ, настолько отвѣчаетъ своему назначенiю, насколько можно перевозить по ней пушки; по она чрезвычайно буржиста и проложена непонятнымъ образомъ, то внизъ, то вверхъ. Ширина этой дороги, на всемъ протяженiи ея, дозволяетъ проѣхать по ней рядомъ двумъ воламъ. Мы часто встрѣчали на ней нѣсколько паръ этихъ терпѣливыхъ животныхъ, влачившихъ первобытныя мѣстныя телеги, нагруженные зелеными сучьями деревьевъ. Какъ-бы то ни было, но мы не можемъ согласиться вполне съ мнѣнiемъ того польскаго офицера, который увѣрялъ насъ, что по этой дорогѣ можно спокойно ѣхать дамамъ въ экипажѣ, по, не смотря на это, мы очень ему благодарны за его ободрительный отзывъ; такъ какъ иначе, при нашемъ состоянiи здоровья, мы-бы никакъ не рискнули предпринять поѣздку по этой дорогѣ. Цѣлый день ѣзды по этой Зеленой Планинѣ оставилъ послѣ себя у насъ въ душахъ самыя восхитительныя воспоминанiя. Долго чувствовали мы какую-то свѣжесть на душѣ, при одной только мысли объ этихъ вѣчно-зеленыхъ лѣсистыхъ холмахъ, постоянно освѣжаемыхъ вѣтромъ, съ ихъ вершинами залитыми лучами солнца! Что касается до остатковъ старины на этой дорогѣ, то они здѣсь очень рѣдки: кое-гдѣ изрѣдка мелькнетъ развѣ только какая-нибудь развалина полуразрушившейся сѣрой стѣны. Но, при каждомъ поворотѣ дороги въ гору, непременно обрисуется вдали замокъ Свѣтчапш. Когда же поднялись мы выше на гору, то передъ нашими взорами выступилъ на огромномъ орлиномъ утесѣ уединенный замокъ Геличь. Здѣсь, по сосѣдству, какъ кажется, есть остатки древностей отъ временъ Римлянъ. У одного колодца на самой дорогѣ, гдѣ понли мы лошадей, замѣтили мы водоемъ

съ латинскою надписью и, осмотрѣвъ его, убѣдились, что водоемъ сѣланъ изъ какого-то древняго саркофага. Послѣ спросовъ и разспросовъ объ этомъ водоемѣ окружавшихъ насъ, намъ удалось только узнать, что водоемъ этотъ перенесенъ сюда изъ ближней деревни Сеочаницы. По разспросамъ, Сеочаница эта оказалась весьма небольшимъ мѣстечкомъ, въ которомъ нѣтъ даже ни хана, ни корма для лошадей, и потому мы побоялись свернуть съ дороги и не осмотрѣли этого мѣстечка. Провожавшій насъ, бывший нашъ хозяинъ— чаусъ, очень разсердившій насъ своимъ «ничего — незнаемъ» объ остаткахъ римскихъ древностей, сталъ гораздо разговорчивѣе, когда коснулись мы вопросовъ о народонаселеніи мѣстности, черезъ которую мы проѣзжали, и о пограничныхъ сербскихъ жителяхъ. Онъ отрицалъ возможность отыскать хотя бы одного Албанца по соседству и утверждалъ, что во всѣхъ деревняхъ, между Баньею и Новибазаромъ, все населеніе состоитъ изъ однихъ христіанъ, или, какъ онъ называлъ ихъ, «Сербовъ.»

Бѣсѣдую съ чаусомъ, мы подвигались все впередъ и впередъ, вверхъ и вверхъ, и, такимъ образомъ, добрались до самаго возвышеннаго пункта на этомъ пути. Тутъ мы остановились взглянуть въ послѣдній разъ на Зеленую Планину, вышли изъ экипажа и взонли пѣшкомъ на небольшой холмъ, гдѣ, подъ тѣнью деревьевъ, могли свободно налюбоваться извилинами этой гряды горъ, рисовавшимися вдаль шпицомъ башни замка Свѣтчани и растлавшейся внизу долиною, залитою лучами солнца. Сколько разнаго рода путниковъ останавливалось на этомъ мѣстѣ и восхищалось этимъ видомъ! Здѣсь боевыя дружины Босніи, шедшія нѣкогда, на соединеніе съ сербскими дружинами, въ лагерь царя Лазаря, впервые увидали то мѣсто, гдѣ суждено было пасть имъ. Здѣсь и мусульмане Босніи, эти ренегаты и отщепенцы, каждый разъ отправляясь въ бой метить султану за нарушеніе какихъ-нибудь правъ самоуправленія, имъ обѣщанныхъ, торжественно хоромъ затягиваютъ мрачную пѣснь: «Пойдемъ, пойдемъ, братья, на Косово! Тамъ предки наши потеряли честь и вѣру! А мы?—Мы, быть можетъ, потеряемъ славу и вѣру; а не то,—спасемъ все и вернемся побѣдителями въ Боснію.» Здѣсь-же ежедневно останавливаются и молятся мимо—

идушіе райи: «О, дай, Господи, чтобы скорѣе наступилъ часъ, когда христіанское войско перейдетъ эти горы, освободить Старую Сербію и возвратитъ намъ то, что потеряли отцы наши, въ день битвы на Косовомъ полѣ».

Глава XX.

НОВИБАЗАРЪ.

Весь жаркій полдень провели мы, подъ тѣнью деревьевъ, на холмѣ. Въ грязномъ ханѣ поблизости, гдѣ остановилась наша свита, не было отдѣльной, чистой комнаты. Когда сталъ спадать жаръ, мы тронулись въ путь и начали спускаться къ Новибазару, по самой кратчайшей дорогѣ черезъ лѣсъ. Однакоже, дорога эта, въ слѣдствіе сильныхъ дождей, оказалась такою дурною и такою скользкою, что лошади наши едва могли удерживаться на ногахъ. Когда выѣхали мы, наконецъ, на большую дорогу, — передъ нашими взорами открылась великолѣпная панорама Новибазара. Городъ окруженъ холмами и пересѣченъ большою дорогою, идущею изъ Константинополя въ Сараево. Прямо надъ городомъ, вздымается крутой утесъ, на которомъ обрисовывается церковь съ блестящимъ куполомъ. У самой подошвы горы, встрѣтили мы заптїя, который, завидѣвъ насъ, усккалъ тотчасъ-же назадъ, вѣроятно, слѣша извѣстїи о нашемъ приближенїи. Вскорѣ, на встрѣчу къ намъ, выѣхала цѣлая вереница всадниковъ, подъ предводительствомъ какихъ-то трехъ особъ, одинаково важныхъ и разряженныхъ, такъ, что

сперва мы никакъ не могли угадать, кто изъ нихъ старшій. Потомъ уже мы успѣли опредѣлить, кто изъ нихъ глава: на немъ было платье особаго покроя и особая феска. Особа его считалась, повидимому, столь драгоцѣнною, что, на случай паденія его съ лошади, шелъ около него человѣкъ, всегда готовый поддерживать его. На самомъ красивомъ и ловкомъ изъ всадниковъ былъ великолѣпный турецкій мундиръ; между тѣмъ, какъ на самомъ толстомъ, — а толщиною въ Турціи часто достигается высокое положеніе, — надѣто было нѣчто, напоминающее французскій мундиръ, и сверкали на солнцѣ ярко-красные панталоны. Вскорѣ узнали мы, что губернаторъ Новибазара въ отлучкѣ, въ Сараевѣ, по дѣламъ службы, главою-же кортежа былъ исправлявшій его должность «locum tenens». Красавецъ, въ турецкомъ мундирѣ, былъ каймакамъ, а толстякъ, въ подобіи французскаго мундира, — бимбаша. Позади этихъ трехъ всадниковъ, ѣхали члены меджлиса Новибазара. Всѣ три предводителя кортежа были азіатцы и не говорили ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ турецкаго, который несомнѣнно хорошо понималъ драгоманъ нашъ. Процессія двигалась молча, турецкія власти авангардомъ, а Босняки аррьергардомъ. Въ такомъ порядкѣ вступили мы въ Новибазаръ, проѣхали очень тихо и торжественно по длинному базару, обогнули какую-то холмистую возвышенность, усѣянную домами мусульманъ, и пробирались, на нашихъ измученныхъ лошадяхъ, все дальше, дальше и дальше, мимо какихъ-то пещеръ, какихъ-то камней и, наконецъ, пришли — въ отчаяніе! Во время этой торжественной процессіи, случилось происшествіе, которое, безъ сомнѣнія, восточно-европейскою толпою привѣтствовано было-бы громкимъ смѣхомъ. Внизу, въ одной изъ ложбинъ, близь дороги, по которой слѣдовала процессія, сверкалъ ручей, сильно бурлившій отъ недавнихъ дождей. Бѣдныя лошади наши чувствовали сильную жажду, и одна изъ нихъ вдругъ свернула туда, опустила голову и преспокойно съ жадностью стала пить холодную воду. Не было возможности заставить ее продолжать путь, прежде, чѣмъ она напилась. Услужливые удары, раздаваемые ей сзади кавассами, вызывали съ ея стороны только брыканье задними ногами. Мы остановились подождать, пока на-

нется лошадь, между тѣмъ, какъ равнодушные мусульмане совершенно скрылись у насъ изъ виду, а удивленные Босняки столпились вокругъ насъ. Но обѣимъ сторонамъ улицы, сидѣли лавочники съ скрещенными ногами у своихъ прилавковъ и смотрѣли на эту сцену серьезно, безъ малѣйшей даже тѣни улыбки, но, сверху въ рѣшетчатыхъ окнахъ видѣлись чьи-то блестящіе женскіе глаза; и только обладательница ихъ, оставаясь невидимкою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все видя изъ оконъ, и, потѣшаясь надъ нашимъ смѣшнымъ положеніемъ, заливалась неудержимымъ громкимъ хохотомъ. Когда напилась наша лошадь, мы пустились въ галопъ и догнали нашъ авангардъ. Тутъ узнали мы, что квартира намъ отведена не въ мусульманскомъ кварталѣ, а въ христіанскомъ, и потому мы ѣхали все время низомъ, по узкой, болотистой улицѣ, вдоль рѣки. Добравшись до христіанскаго квартала, мы остановились передъ домомъ греческаго епископа. Епископъ этотъ, подобно своему собрату въ Приштинѣ, былъ въ отсутствіи въ Константинополѣ; и потому, въ домѣ его, которымъ завѣдывалъ одинъ изъ его слугъ, и отведена была намъ квартира. Слугѣ приказано было приготовить для насъ самую лучшую комнату въ домѣ. Онъ-же, какъ кажется, приготовилъ намъ самую худшую комнату: небольшую, узкую, безъ мебели, и безъ стеколъ въ окнахъ. Но, всего хуже было то, что окна этой комнаты выходили на улицу, такъ, что мы какъ-бы выставлены были на показъ не только всѣмъ прохожимъ, но и живущимъ напротивъ насъ. Последніе смотрѣли на насъ изъ своихъ оконъ, какъ будто-бы изъ театральнаго ложъ. Въ мѣстахъ, гдѣ мы останавливались болѣе одной ночи, турецкія власти имѣли обычай присылать намъ записки, на случай надобности: послать за чѣмъ-нибудь или-же проводить насъ куда-нибудь за городъ, если-бы намъ вздумалось посѣтить какую-нибудь изъ загородныхъ окрестностей. Для всего этого, конечно, было совершенно достаточно и одного человѣка. Такимъ образомъ, при *одномъ запискѣ*, мы могли ладить съ христіанами въ домахъ, въ которыхъ останавливались. Запискѣ, — когда онъ одинъ, — не особенно требователенъ, — только кормите его хорошо и дайте ему удобный уголь и онъ цѣлые дни будетъ сидѣть *неподвижно* или возиться съ лошадьми и оружіемъ и помогать кавассу во всемъ,

въ чемъ понадобится его помощь. Теперь же, для оказанія намъ особаго почета, власти Новибазара прислали намъ не одного, а троихъ заптіевъ. Къ этимъ тремъ заптіямъ постоянно приходили, для свиданія, ихъ товарищи, такъ, что происходила какая-то суматоха въ домѣ: одни приходили, другіе уходили. Обыкновенно, позволяя себѣ разныя вольности въ домахъ райевъ, заптіи эти и ихъ знакомые не клали вообще охулки на руку и потому считались настоящею заразою, когда появлялись въ домахъ христіанъ. Вскорѣ у насъ, въ нижнемъ этажѣ дома, не оставалось уже ни одного угла, гдѣ-бы не было знакомыхъ заптіевъ: и всѣ женщины попрятались отъ нихъ, а молодого отца семейства, слугу епископа, вытребовали они къ себѣ служить пмъ. Мы тотчасъ-же замѣтили, что тутъ было что-то не такъ, и сію-же минуту послали драгомана нашего сказать, что намъ не нужно трехъ заптіевъ, а нуженъ только — одинъ, — и что только одному дадимъ мы бакшишъ. Однакоже и другимъ двумъ, должно быть, поправилось здѣсь: они не соглашались удалиться, такъ что намъ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ пригласить къ себѣ, въ нашу комнату, хозяина нашего, епископскаго слугу, и успокоить его ласковыми и ободрительными словами. Но, при первомъ звукѣ нашего голоса, бѣднякъ затрясся и такъ перепугался, что, на самые обыкновенные вопросы наши, едва могъ отвѣчать и то только шопотомъ. Драгоманъ объяснилъ намъ, что комната, гдѣ — заптіи, какъ разъ подъ нашею комнатою; и что поэтому бѣдняга этотъ страшно боится, какъ-бы они не услыхали нашего съ нимъ разговора. Тогда мы стали также говорить шопотомъ и увѣрить хозяина нашего, что ненавистные заптіи остаются въ его домѣ, совершенно противъ нашего желанія, и что вопросы, которые мы собираемся сдѣлать ему, черезъ драгомана, — результатъ той симпатіи къ сербскимъ христіанамъ, которая у насъ къ нимъ въ душѣ. За тѣмъ, поручили мы драгоману сдѣлать нѣсколько вопросовъ о состояніи новибазарской общины, между тѣмъ, какъ сами стали громко говорить, расхваливая все турецкое и особенно заптіевъ. Какъ оригинальна была картина — въ небольшой нашей комнаткѣ! Въ одномъ углу, тускло освѣщенномъ свѣчею, сидѣли мы, по сторонамъ стола, заваленнаго

англійскими книгами и разными работами, и весело болтали; въ другомъ-же темномъ углу—драгоманъ, наклоня голову, чтобы не проронить ни одного слова изъ произносимыхъ шопотомъ фразъ, — и нашъ хозяинъ, райя, молодой человекъ, съ свѣжимъ, полнымъ, но какимъ-то какъ-бы перепуганнымъ лицомъ. Шопоть райи становился все внятнѣе и внятнѣе. — Вопросъ-же нашъ о положеніи христіанъ такъ подействовалъ на него, какъ будто-бы мы вдругъ сняли плотину, преграждавшую потокъ: рѣчь полилась и шопоть зажурчалъ едва-ли не въ полутонъ обыкновенной рѣчи. «Христіанская община въ Новибазарѣ сильно страдаетъ отъ мусульманъ», — говорилъ онъ, — «и днемъ и ночью входятъ они въ дома, берутъ, что имъ полюбитъ, и держатъ себя, какъ имъ заблагоразсудится. Поднимите руку или скажите слово, — однимъ — уже этимъ вы можете навлечь на себя смерть или-же потерю одного изъ членовъ тѣла. Если вы обратитесь къ властямъ — съ жалобою на нанесенныя вамъ раны, вы непременно погибнете отъ мести тѣхъ, на кого вы осмѣлились жаловаться». Мы спросили: «Улучшилось или ухудшилось положеніе христіанъ въ послѣднее время»? — «Оно улучшилось только въ томъ отношеніи, что официальные особы, которыхъ присылаютъ теперь изъ Константинополя, завидуютъ беямъ, а бей — имъ, живя не въ ладахъ другъ съ другомъ, и этимъ самымъ власти какъ-бы обуздываютъ одна другую. Вообще, христіанъ теперь меньше преслѣдуютъ за одежду и за другія мелочи, — имъ позволяютъ ѣздить верхомъ по христіанскому кварталу, впрочемъ и теперь не совсѣмъ безопасно райѣ ѣхать, мимо мусульманина, верхомъ, гдѣ-бы то ни было. — Да, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ жизнь христіанъ улучшилась, но съ другой стороны, и ухудшилась. Теперь здѣсь сильно тѣснятъ христіанъ, изъ боязни, чтобы они не перешли границы и не соединились съ Сербами княжества. Точно, положеніе христіанъ здѣсь — очень и очень не легкое», — закончилъ райя и глубоко задумался. Мы спросили его, не случилось-ли чего-нибудь выдающагося съ нимъ самимъ или съ его семействомъ? «Да», отвѣтилъ онъ, «была бѣда съ моей невѣстой. Невѣста моя, красивая молодая дѣвушка, похищена была мусульманами и спаслась только, благодаря вмѣшательству епи-

скупа. Тотчасъ-же послѣ ея освобожденія, епископъ и повѣнчалъ насъ. Потомъ, оставляя на время городъ, онъ поселилъ насъ здѣсь, въ своемъ домѣ, чтобы доставить намъ, такимъ образомъ, у себя безопасное убѣжище». Вотъ рассказъ нашего хозяина, и это—не единственный рассказъ въ такомъ-же родѣ, слышанный нами въ этомъ городѣ. Въ Новибазарѣ пробыли мы три дня. Въ одинъ изъ этихъ трехъ дней, въ послѣобѣденное время, отпралялись мы осматривать здѣшнюю школу. Запѣтя оставили мы дома, проводникомъ-же нашимъ былъ нашъ хозяинъ, райя. Онъ самъ пожелалъ быть нашимъ чичероне. Со времени послѣдней бесѣды съ нами, онъ какъ-бы переродился и сталъ инымъ человѣкомъ. Бодро шель онъ возлѣ насъ и говорилъ съ нами смѣло, хотя и негромко, и вовсе не выказывалъ болѣе раболѣпной униженности. Когда подходили мы къ школѣ, до слуха нашего долетѣли звуки довольно гармоническаго хора дѣтскихъ голосовъ, пѣвшихъ намъ привѣтственный гимнъ. Вотъ, мы достигли дверей школы, — вошли туда и увидали самихъ пѣвцовъ. Пѣвцы эти были, на видъ, очень жалкіе и болѣзненные мальчики. Атмосфера въ школѣ, какъ водится, была спертая и душная. На противоположной отъ входа стѣнѣ комнаты, замѣтили мы рядъ иконъ съ зажженными передъ ними лампадами. Намъ сказали, что эта школьная комната служить иногда и мѣстомъ молитвенныхъ собраній христіанъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь ощутителенъ былъ запахъ ладопа, которымъ отзывался спертый и вредный воздухъ. Мы не рѣшались пробыть долѣе пяти, шести минутъ въ этой удушливой атмосферѣ, и были очень рады, когда пригласили насъ посидѣть, внѣ школы, на открытомъ воздухѣ, на каменной скамьѣ и тамъ пересмотрѣть книги, которыя употреблялись при обученіи и были всѣ изъ Бѣлграда. Между тѣмъ, учитель распустилъ учениковъ, нарочно собранныхъ, по поводу нашего посѣщенія школы. Скамья, на которую пригласили насъ посидѣть, состояла изъ какого-то стараго могильнаго камня. Возлѣ нея, видны были другія скамьи, которыя, какъ кажется, тоже устроены были изъ могильныхъ камней. Со скамьи, на которой мы помѣстились, открывался обширный видъ на городъ. Раскинутый въ узкой, лѣвостой долинѣ, съ группами утопающихъ въ зелени бѣлыхъ домовъ, Но

вибазаръ кажется, на видъ, очень красивымъ городомъ; но онъ лежитъ въ котловинѣ, гдѣ мало воздуха и климатъ въ немъ нездоровый. Жители его говорятъ, что когда-то онъ былъ проклятъ за свою дурную воду и за болота, миазмы отъ которыхъ порождали массу лихорадокъ и другихъ болѣзней. Въ продолженіи всей зимы, какъ сообщали намъ жители, свирѣпствовала здѣсь оспа, а теперь, лѣтомъ, въ полномъ разгарѣ — лихорадка. Въ теченіи послѣднихъ дней, умерло въ городѣ 6 человѣкъ въ самыхъ богатыхъ семьяхъ. Тутъ поняли мы, почему мы проснулись въ Новибазарѣ съ какимъ-то тяжелымъ ощущеніемъ лихорадочнаго состоянія, котораго уже не испытывали съ тѣхъ поръ, какъ оставили Скопье. «Кому принадлежать тѣ дома, на холмѣ»? спросили мы. — «Всѣ мусульманамъ». «А сколько ихъ?» райи переглянулись, и, какъ кажется, имъ пришло на мысль, ужъ не шпионки-ли мы, и отвѣчали тихимъ, едва слышнымъ голосомъ: «Домовъ съ 800» «Турки же говорятъ, что ихъ 1200 или даже 1400», замѣтили мы. «А христіанскихъ домовъ здѣсь сколько»? Намъ отвѣчали, не задумавшись: «110». «Такъ мало». — «Скажите лучше такъ много. Богъ знаетъ, отчего живутъ здѣсь наши; намъ лучше было-бы жить всѣмъ въ лѣсу и вовсе не видать никогда этого города. Взгляните на нашъ кварталъ, вонъ тамъ внизу, у рѣки, вонъ тамъ еще виднѣется и садъ дома, въ которомъ вы живете, вѣдь все это — чистое болото». Посмотрѣвъ на разстилавшійся внизу городъ, мы тотчасъ-же замѣтили, вблизи его, возвышенное сухое полугорье, и спросили райевъ, указывая на него: «Почему вы вонъ тамъ не строитесь, вѣдь холмъ этотъ не занятъ турецкими постройками»? Райи тотчасъ же отвѣтили намъ, видимо удивившись: «Намъ строиться тамъ? да на это не рѣшатся и сами беги. Земля эта — вакуфъ». Вакуфъ значитъ — принадлежность мечети. Въ Новибазарѣ, точно такъ, какъ и въ другихъ городахъ, Турки, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, захватывали въ свои лапы самыя здоровыя и лучшія для житья мѣста въ городѣ. Посидѣвъ на скамьѣ, пошли мы прогуляться по этому вакуфному участку земли. Тамъ увидали мы, какъ разъ надъ своими головами, блестящій куполъ возвышавшейся на утесѣ церкви. Этимъ самымъ куполомъ любовались мы издали,

когда подъѣзжали къ Новибазару. Сопровождавшіе насъ, во время прогулки, райи объяснили намъ, что это—церковь Св. Георгія, воздвигнутая царемъ Нѣманьюю еще во второй половинѣ XII столѣтія, въ благодарность за оказанную этимъ святымъ царю помощь. Церковь эта стояла прямо передъ отверстіемъ той пещеры, въ которую заключенъ былъ Нѣманья старшимъ братомъ, и изъ которой освободилъ его Св. Георгій. Къ обществу нашему, когда прогуливались мы, присоединилось два священника, изъ которыхъ, одинъ,—человѣкъ разговорчивый и очень умный,—предложилъ намъ осмотрѣть церковь. Хозяинъ нашъ уговорилъ своихъ друзей достать для насъ лошадей и мы отправились верхомъ по дорогѣ, извивавшейся по утесу, къ его вершинѣ. Не смотря на крутизну и высоту утеса, которые кажутся значительнѣй, когда смотришь на утесъ издалека, подняться на него не стояло большаго труда и менѣе, чѣмъ черезъ полчаса, мы были уже на вершинѣ его. Церковь стоитъ на выдающейся скалѣ утеса. У подшвы этой горы, растилается, въ родѣ платформы, шероховатое плато, гдѣ, съ незапамятныхъ временъ, странники оставляли, обыкновенно, своихъ лошадей и пѣшкомъ взбирались на скалу къ самой церкви. Мѣсто, гдѣ странники оставляли своихъ лошадей, обозначено огромнымъ каменнымъ крестомъ, напоминающимъ кельтійскіе кресты въ Англіи и тутъ же стоятъ теперь и три маяка, изъ числа тѣхъ маяковъ, которыми, въ прошломъ году, усѣяли Турки всѣ пограничные холмы. Завидѣвъ крестъ, священникъ пустился въ историческія воспоминанія о смиреніи Неманидовъ, которые, обыкновенно, здѣсь, такъ далеко, сходили съ лошадей и шли до церкви пѣшкомъ; видъ же маяковъ пробудилъ въ немъ чувство негодованія къ Туркамъ, осквернившимъ мѣстность, на которой расположена знаменитая старинная церковь. «Охъ, эти баши-бузуки!»—воскликнулъ онъ, — «Богъ одинъ знаетъ, что мы терпимъ отъ нихъ». Весь остовъ церкви еще цѣлъ. Онъ—довольно эффектенъ. Прежде чѣмъ добрались мы до самой церкви, подошли мы къ зданію, открытому съ обѣихъ сторонъ, и вошли туда. Священникъ предполагалъ, что это была часовня или, скорѣе, портикъ; но Гильфердингъ утверждаетъ, въ своемъ описаніи этихъ мѣстъ, что

это нижній этажъ колокольни. Стѣны этого проходного зданія покрыты фресками, цвѣта которыхъ мѣстами еще свѣжи и надписи на нихъ ясно видны; на одной сторонѣ стѣны — изображенія Тайной Вечери и ликовъ свят. угодниковъ: Косьмы и Даміана, Пантелеймона и другихъ; на противоположной сторонѣ — изображенія Неманидовъ, въ длинныхъ одеждахъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями, и съ вѣнцами — на головахъ. Священникъ полагалъ, что портикъ сооруженъ раньше церкви и что изображенія, на стѣнахъ его, царственныхъ особъ относятся ко временамъ первыхъ Неманидовъ. Въ самой церкви Неманья изображенъ, какъ основатель, съ моделью ея въ рукахъ, возлѣ него изображенъ сынъ и помощникъ его, св. Савва, съ длинной, прекрасной бородой, и покровитель Неманьи, св. Георгій, убивающій дракона. Въ часовнѣ покоились останки одного изъ Неманидовъ, но недавно ихъ похитилъ кто-то оттуда, — мы видѣли разрушенную могилу, но не могли понять, гдѣ, именно, лежали эти останки и какъ были они похищены. Гильфердингъ увѣряетъ, что это были останки короля Драгутина и рассказываетъ, по дошедшимъ до него слухамъ, что они похищены семействомъ Цноби изъ Новибазара, чѣмъ будто-бы семейство это и навлекло на себя и на свое потомство проклятіе. Отъ часовни до восточныхъ воротъ только нѣсколько шаговъ. Когда мы проходили это разстояніе, священникъ обратилъ наше вниманіе на разрушенную кирпичную колонну, повидному, составлявшую часть арки, и проговорилъ: «Это недавно разрушено турецкими солдатами изъ Призрѣна».

Церковь св. Георгія «Колопчатого» — образецъ самой древней и простой сербской архитектуры. На ней пѣтъ ряда небольшихъ куполовъ, и оттого главный куполь ея въ серединѣ необыкновенно эффектенъ. Шарообразная форма этой церкви напоминаетъ церкви на лагунахъ въ Венеціи, похожія на вздутые пузыри. Наружный остовъ церкви — почти совершенно цѣлъ; между тѣмъ, какъ все, внутри ея, разграблено. Грабители, похитивъ церковныя врата и занавѣшивавшія ихъ твердыя покрывала, которыя были въ употребленіи въ большей части сербскихъ церквей, способствовали этимъ самымъ тому, что уди-

вительная симметричность всѣхъ частей церкви обнаружилась съ поразительною очевидностью. Въ сербскомъ княжествѣ знаемъ мы только церковь Манассіи, гдѣ обращено вниманіе на внутреннюю соразмѣрность частей, да и то, церковь эта остается симметричною, только благодаря тому, что не достаетъ денегъ для поднятія ея иконостаса на желаемую высоту. Внутренность церкви Георгія «Колончатого», вѣроятно, была покрыта фресками, по слѣды ихъ замѣтны только на тѣхъ мѣстахъ стѣнъ, до которыхъ нельзя добраться, ни снизу, ни сверху. Для уничтоженія лика Христа Спасителя въ куполѣ, Турки обили куполовую штукатурку. Внизу также они перепортили всѣ фресковыя изображенія, такъ, что они сохранились только на тѣхъ мѣстахъ, въ которыя, случайно, не попали камни, бросаемые мусульманами, за невозможностью уничтожить фрески инымъ какимъ-либо способомъ. Даже во время нашего осмотра церкви, въ церковную дверь влетѣлъ вдругъ голышъ и оставилъ послѣ себя слѣдъ на одномъ изъ стѣнныхъ фресковъ. Обернувшись, къ крайнему нашему изумленію, увидали мы, что это осмѣлился сдѣлать нашъ заптій, котораго оставили мы внизу съ лошадьми, по который соскучился, вѣроятно, тамъ, пришелъ сюда и расположился на прохладной церковной паперти. «Что тутъ такое?» грубо спросилъ онъ священника, послѣ ловкаго удара голышемъ въ церковную стѣну. Гнѣвъ нашъ усилился еще болѣе, когда услышали мы учтивый и умилостивительный отвѣтъ священника, на этотъ грубый окликъ заптія. Мы вмѣшались въ дѣло и настоятельно потребовали немедленнаго удаленія изъ церкви этого негодяя. Кавассъ нашъ, приходившій сначала въ восторгъ отъ великолѣпно-сохранившихся цвѣтовъ фресковыхъ изображеній, и разсматривавшій ихъ вмѣстѣ съ нами, вдругъ, когда, въ слѣдъ за брошеннымъ камнемъ, вошелъ въ церковь и самъ фанатикъ-заптій, принялъ какой-то небрежный и сердитый видъ. Правда, когда, по настоянію нашему, удалился заптій, кавассъ снова залепеталъ наилюбезнѣйшимъ образомъ: «Въ самомъ дѣлѣ, меня удивляютъ здѣсь Турки, какъ они злы тутъ и, безъ всякой нужды, уничтожаютъ великолѣпнѣйшія вещи», однакоже, дурное впечатлѣніе было уже сдѣлано и съ тѣхъ поръ недовѣріе къ кавассу глубоко заронилось у насъ въ душѣ. По-

молчавъ немного, кавасеъ прибавилъ, обращаясь къ намъ: «А все это отъ того, что въ Новибазарѣ пѣтъ христіанскаго консула!» И съ тѣхъ поръ, во все время путешествія, кавасеъ нашъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, обращался къ излюбленной темѣ о пользѣ, которую приносятъ краю христіанскіе консулы, особенно же англійскіе.

На церковномъ полу замѣтили мы мраморную плиту, съ великолѣпно вырѣанными на ней сербскими буквами. Снаружи, за южными дверями церкви, открыли мы фрески, цвѣта которыхъ были такъ свѣжи, какъ будто фрески были только сейчасъ сдѣланы. Онѣ были закрыты на половицу муссоромъ. Гораздо лучше, подумали мы тутъ про себя, если бы всѣ эти фрески были прикрыты муссоромъ; цѣлость ихъ была бы тогда болѣе обеспечена.—На сѣверъ отъ церкви, виднѣется небольшой участокъ земли, занятый христіанскимъ кладбищемъ. Противъ самыхъ южныхъ вратъ церкви, растилалась довольно пространная равнина, на которой собираются странники, въ день св. Георгія; на всей этой равнинѣ виднѣлись разбросанныя засохшія дубовыя вѣтви, которыя, обыкновенно, какъ объяснили намъ, берутъ съ собою богомольцы, для защиты отъ солнца. Тутъ же указалъ намъ священникъ на небольшой водоемъ въ скалѣ для дождевой воды. Женщины здѣшнія убѣждены, что вода эта исцѣляетъ отъ лихорадокъ, и, въ память послѣдовавшихъ отъ нея исцѣленій, вѣтви деревьевъ, окружающихъ водоемъ, увѣшаны всѣ разными клочками матерій отъ ихъ праздничныхъ передниковъ. Желательно, чтобы обитатели этихъ лихорадочныхъ округовъ не теряли вѣры въ силу этой дождевой воды, до тѣхъ поръ, пока не будутъ въ состояніи понять и убѣдиться въ благотворности перемѣны мѣстности, при лихорадочныхъ болѣзняхъ. Настоящая вѣра въ цѣлебность дождевой воды имѣетъ свою хорошую сторону. Она заставляеть ихъ подниматься на эту возвышенную мѣстность, гдѣ чистый воздухъ дѣйствуетъ весьма благотворно на зараженный лихорадкою организмъ. Со скалы, на которой стоитъ церковь Георгія «Колончатого», открывается великолѣпный видъ па рядъ небольшихъ горъ, названія которыхъ записалъ намъ, по нашей просьбѣ, священникъ. Мы оставили тамъ имена этихъ горъ, въ пользу тѣхъ путешественниковъ, которымъ

вздумается, подобно намъ, совершить сюда поѣздки изъ Новибазара. На сѣверъ и востокъ отсюда, видѣются горы Соколовица и Копанникъ. Съ горы Копанникъ открывается обширный видъ на земли между Маведоніей и Дунаемъ. На югъ рисуется скала Еличъ, съ стариннымъ на ней замкомъ того же имени. На юговостокъ видна гряда небольшихъ горъ, изъ которыхъ беретъ свое начало рѣка Рашка; тутъ же, среди горъ, видѣется монастырь Сопатчипскій и такъ называемый замокъ Реля. На сѣверо-западъ, въ горахъ, видѣется живописное ущелье, называемое «Лутша Клиссура» и далѣе къ сѣверу поднимается крутой утесъ, покрытый богатой растительностью и густымъ лѣсомъ и извѣстный подъ названіемъ «Червоннаго Яра.» Равнина, которая идетъ по направленію къ сербской границѣ, называется «Дешево Поле,» на ней видѣется «Дешево,» деревня, въ которой вовсе нѣтъ мусульманъ и которая была нѣкогда городкомъ, въ которомъ, обыкновенно, подолгу жила царскія семьи Неманидовъ. Дорога, которая идетъ туда, по направленію Соколовицкихъ холмовъ, до сихъ поръ еще носитъ названіе «царской улицы». Говорятъ, — здѣсь же гдѣ-то былъ и «дворъ» или лѣтняя дача царя Душана. Въ разстояніи четверти часа отъ «царской улицы», находится деревня «Судеко», гдѣ также вовсе нѣтъ мусульманъ. Въ этой деревнѣ нѣкогда судили и разбирали тяжбы для сербскіе цари. Груда камней на одномъ изъ холмовъ, близъ рѣки Рашки, слыветъ у туземныхъ жителей за бывшій домъ Реля, героя, въ крылатомъ шлемѣ, изображеніе котораго встрѣтите вы въ каждой галлерей сербскихъ древностей.

Крылатога Реля выставляютъ въ легендахъ побратимомъ Марка Кралевича и однимъ изъ рыцарей въ станѣ Лазаря. Подобно Милошу Обиличу, былъ онъ неизвѣстнаго происхожденія, такъ, что одна изъ сербскихъ дѣвицъ высшаго круга отказала ему въ рукѣ, какъ подкидышу, найденному на улицѣ въ Новибазарѣ. Существуетъ одна, очень извѣстная, народная пѣсня въ Сербіи, какъ кажется, сочиненная съ цѣлю выставить разницу между благотворнымъ управленіемъ мѣстныхъ властей и гнетомъ пришлой династіи. Въ ней Рель уполномочивается наказывать всѣхъ, не исключая

даже братьевъ царя, кто осмѣлится удерживать заработную плату у царскихъ работниковъ. Въ пѣснѣ этой, которая очень стара, Рель выставленъ живущимъ не въ Новибазарѣ, а еще въ Старобазарѣ, развалины котораго намъ показывали потомъ, недалеко отъ Новибазара. Согласно плану нашего путешествія, который составленъ былъ нами еще въ Монастирѣ, Новибазаръ былъ крайнимъ пунктомъ на мусульманской территоріи, гдѣ рассчитывали мы побывать; но поѣздка по Коссову полю» и по «Зеленой Планинѣ» такъ пришлась намъ по душѣ и такъ поправила наше здоровье, а описаніе Ипека и Детчанской обители, слышанное нами отъ священника въ Вучитернѣ, такъ сильно заинтересовало насъ, что мы не рѣшались выѣхать изъ турецкихъ владѣній, гдѣ были вовсе неизвѣстныя намъ мѣстности: ипекская и детчанская, и проѣхать въ сербское княжество, гдѣ намъ знакомъ былъ чуть ли не каждый камень на бѣлградской дорогѣ. Намъ хотѣлось осуществить, наконецъ, давно уже шевелившійся въ душѣ новый проэктъ: проѣхать изъ Новибазара по холмамъ въ Ипекъ, оттуда въ Призрѣнъ, и затѣмъ въ Скутари, — въ Албанію. Мы подумали и рѣшились измѣнить нашъ прежній планъ, и привести въ исполненіе новый проэктъ поѣздки въ Албанію. О перемѣнѣ нашего прежняго плана путешествія прежде всего слѣдовало намъ увѣдомить нашихъ друзей въ Бѣлградѣ; не то — они стали бы беспокоиться, когда бы не пріѣхали мы въ назначенное время въ Бѣлградъ, и дѣлать разныя по этому поводу предположенія, которые подхватили бы австрійскія газеты и, такимъ образомъ, разгласили-бы объ насъ какой-нибудь нелѣпый слухъ. Увѣдомивъ, въ слѣдствіе этихъ соображеній, тотчасъ-же нашихъ бѣлградскихъ друзей объ измѣненіи плана нашего путешествія, вступили мы въ переговоры по этому предмету съ Турками. Всѣ три предводителя кортежа, встрѣчавшаго насъ при въѣздѣ въ Новибазаръ, присылали спросить насъ, когда именно мы можемъ принять ихъ, такъ какъ они считали своимъ долгомъ явиться къ намъ съ визитомъ? Мы назначили послѣобѣденное время, замѣтивъ, что, за неизмѣнимъ большой и удобной пріемной комнаты, мы принимаемъ ихъ въ саду. Садъ этотъ былъ немного топокъ отъ болотистаго, низ-

менного грунта, на котором онъ былъ разбитъ, тѣмъ не менѣе, сѣна-коже, сидѣть тамъ было можно. Туда принесли подушки, коверъ и устроили тамъ въ одномъ изъ угловъ сада родъ временной пріемной. Пунктуально, въ назначенный часъ, явились наши Турки, съ многочисленною свитою. Ихъ проводили въ нашу садовую пріемную и доложили намъ объ ихъ прибытіи. Сойдя внизъ, мы не могли удержаться отъ улыбки, при видѣ этого тріо важныхъ лицъ, сидѣвшихъ на подушкахъ на высокой травѣ, подъ охраною сопровождавшихъ ихъ членовъ свиты, которые стояли, низко согнувшись, подъ свѣсившимися вѣтвями фруктовыхъ деревьевъ. Замѣтивъ улыбку нашу, улыбнулись и важныя персоны. При этомъ, сочли они нужнымъ замѣтить, что «они здѣсь чужеземцы и что климатъ въ Босніи и удобства жизни таковы, что отъ нихъ скорѣе приходится терпѣть, чѣмъ — испытывать какое-нибудь наслажденіе». При этихъ словахъ, мы приняли совершенно серьезный видъ и стали увѣрять ихъ, что мы будемъ молиться, чтобы, при первомъ же удобномъ случаѣ, всѣхъ ихъ перевели на службу въ Азію. «Дай Богъ!» горячо отвѣтили они, выражая, по всей вѣроятности, этимъ восклицаніемъ чувство тоски по родинѣ, общее всѣмъ несчастнымъ Туркамъ и еще болѣе несчастнымъ ихъ гаремамъ, которымъ доводится проживать въ славянскихъ областяхъ Турціи. Жена одного изъ высокопоставленныхъ лицъ однажды какъ-то сказала намъ: «Злой рокъ посылаетъ османлисовъ въ эти области.» — Затѣмъ, послѣ цѣлой вереницы любезностей и кофе, коснулись мы въ разговорѣ съ нашими гостями затруднительности необходимо — предстоявшей намъ поѣздки въ Илегу, прибавивъ, что два уже губернатора отказались отправить насъ туда, въ сопровожденіи конвоя. Каймакамъ, болѣе воинственный по видѣ, чѣмъ двое другихъ членовъ тріо, замѣтилъ тогда съ крайнею надменностью: «Эти трусишки — мудришки, навѣрно, побоялись за своихъ заштіевъ, — а я могу дать вамъ такой конвой, съ которымъ вы можете ѣхать спокойно, куда вамъ будетъ угодно.» Исправляющій-же должность губернатора, помощникъ его, замѣтилъ, что, «вѣроятно, мудиры эти были Арнауты и не хотѣли, чтобы мы проникли въ ихъ страну; но, что, такъ какъ у насъ есть султанскій фирманъ, то насъ, вѣроятно, пустятъ всюду и при-

муть вездѣ. Что-же касается до дороги въ Ипекъ, то дорога эта, конечно, идетъ черезъ горы, но въ горахъ этихъ живутъ Босняки и конаны тамъ — вполне безопасны; при этомъ посоветоваль онъ намъ ѣхать черезъ Рожай, городъ, пограничный между Босніей и Арнаутлукомъ, гдѣ найдемъ мы новаго мудира, человѣка очень талантливаго и либеральнаго, который приметъ насъ съ большимъ вниманіемъ и почетомъ.» Тутъ вмѣшались въ разговоръ нѣкоторые изъ свиты. Одинъ изъ нихъ сталъ рассказывать длинную исторію о нападеніи на ипекскаго каймакама. Новибазарскіе власти, живя въ разстояніи двухъ только дней отъ Ипека, вовсе ничего не знали объ этомъ нападеніи. Извѣстіе это поуменишило пылъ нашего отважнаго тріо. Тріо смолкло, — и помощникъ мудира замѣтилъ даже, что, «вѣроятно, тѣ мудирь, о которыхъ говорили мы, живя въ болѣе близкомъ разстояніи отъ Ипека, знаютъ болѣе, чѣмъ они, и, не безъ основанія, вѣроятно, совѣтовали намъ не рисковать собою.» — Воинственный каймакамъ при этомъ не удержался отъ возраженія, что, хотя «эти негодяи-Арнауы и разбойники и полагаются на нихъ нельзя, однако-же, съ конвоемъ изъ Босняковъ, нечего бояться». На этомъ пока и остановились наши переговоры о поѣздкѣ въ Ипекъ. Такъ какъ намъ хотѣлось разузнать положеніе дѣлъ на черногорской границѣ, которая находится отсюда всего только въ разстояніи 12 часовъ пути, то мы забросили просьбу, нельзя-ли будетъ проводить насъ въ Берду. Турки соглашались проводить, но только до черногорской границы, за дальнѣйшее-же наше путешествіе по черногорской территоріи, они слагали съ себя всякую отвѣтственность, прибавляя, что тамъ фирманъ нашъ нисколько намъ не поможетъ. Очевидно было, что, вопреки всѣмъ бумажнымъ формальностямъ, благодаря которымъ Черногорію включаютъ еще въ Константинополь въ составъ турецкихъ областей, власти здѣшнія знали очень хорошо, что Черногорія, на дѣлѣ, вовсе не признаетъ султанской власти. Мы отвѣтили, что Черногорію мы знаемъ отлично, что тамъ все спокойно и въ порядкѣ; и что мы опасались только за эту сторону черногорской границы, если-же они ручаются, что и тутъ безопасно, то болѣе намъ ничего не нужно. «Впрочемъ,» прибавили мы, «мы еще

подумаемъ объ этомъ и сообщимъ о нашемъ рѣшеніи. Затѣмъ Турки распространились съ нами и ушли. Вскорѣ послѣ ихъ ухода, кавассъ нашъ сообщилъ намъ извѣстіе, которое услыхалъ отъ одного изъ Босняковъ — мусульманъ. Боснякъ этотъ, житель Новибазара, только что воротился изъ окрестностей Ипека, и ручался, что въ Рожаѣ встрѣтимъ мы Босняковъ, которые съ большою охотою проводятъ насъ до Ипека, и вызвался, по нашему требованію, сообщить намъ все, что ни пожелаемъ мы узнать отъ него, и указать на людей, къ которымъ мы могли бы обратиться, въ случаѣ надобности, за помощью. «Во всякомъ случаѣ,» прибавлялъ онъ, «поѣжайте въ Ипекъ! Слухи о тревожномъ положеніи дѣла тамъ—только пустыя отговорки этихъ лѣнивыхъ арнаутскихъ мудировъ.» Сообщеніе это черезъ кавасса было единственнымъ сообщеніемъ, полученнымъ нами въ Новибазарѣ отъ здѣшнихъ мусульманъ. Какъ ни хотѣлось намъ провѣрить это сообщеніе съ мѣнѣемъ на счетъ нашей поѣздки нашихъ Босняковъ—христіанъ, мы не рѣшились однако-же остаться еще на день въ этой нездоровой мѣстности. Впрочемъ, по полученному нами извѣстію отъ одного изъ нихъ, было очевидно, что Босняки не противъ нашей поѣздки въ Ипекъ. Поэтому, мы немедленно послали сказать каймакаму, что мы рѣшились ѣхать въ Ипекъ, если только онъ не заявитъ формально, что поѣздка эта опасна.—Онъ отвѣтилъ, что приметъ мѣры къ нашей безопасности и что отъ насъ только зависитъ теперь назначить день нашего выѣзда изъ Новибазара.

Глава XXI.

ОКРАИНЫ БОСНИИ.

Улыбнись, не сердись, душа—дѣвица,
Сердце мнѣ не мути, моя милая!
Не сойдтиса намъ вновь, коль и я разсержусь,
Хоть мири насъ тогда весь родимый край,
Плодоносная и гористая наша Боснія.
Боснійская пѣсня.

На четвертый день нашего пріѣзда въ Новибазаръ, мы, собравшись въ путь, отправились—и отравились—не по направленію къ Бѣлграду и Дунаю, а по направленію къ Скодрѣ, (Скутари), и Адриатическому морю. Первая остановка въ пути назначена была въ Тутинѣ, магометанской деревушкѣ въ горахъ. Туда и послали мы впередъ нашъ багажъ на подводахъ, сами-же выѣхали послѣ на хорошихъ лошадяхъ, которыми ссудило насъ, къ крайнему нашему удовольствію, одно изъ описанныхъ нами турецкихъ официальныхъ лицъ. Оба попа, знакомые намъ, пришли провожать насъ. Мы условились съ ними, передъ выѣздомъ нашимъ изъ Новибазара, по дорогѣ въ Тутинъ, которая была на западной окраинѣ города, завернуть на восточную его окраину и осмотрѣть церковь Петра и Павла, называемую народомъ Рашки-

скимъ соборомъ, которая находится за городомъ, въ разстояніи четверти часа пути отъ него. Между тѣмъ, передъ самымъ моментомъ нашего выѣзда изъ епископскаго дома, явился каймакамъ, чтобы лично проводить насъ изъ города. Что было дѣлать? Ни за что въ свѣтъ не рѣшились-бы мы отказаться отъ обозрѣнія мѣста, гдѣ крестился Нѣманья, а потому намъ пришло на мысль пригласить съ нами и каймакама. Торжественно, медленнымъ шагомъ направились мы, такимъ образомъ, всѣ на восточную окраину города и оттуда къ церкви, куда скоро и прибыли. Входя въ церковь съ попами, мы очень были довольны, увидавши, что оффиціальная особа со своею свитою отстала отъ насъ и осталась при входѣ. Церковь Петра и Павла очень невелика и съ такими суптильными окнами, что окна эти едва-ли будутъ больше отверстій ружейныхъ дулъ. Сооружена эта церковь въ XI вѣкѣ и возобновлена въ 1728 году. Благодаря скромной наружности и загородному мѣстоположенію церкви, христіанамъ посчастливилось сохранить ее въ цѣлости, такъ, что и теперь тамъ совершается богослуженіе. Въ небольшой боковой церковной часовнѣ, показали намъ священники могилу одного изъ сербскихъ патріарховъ, часть отъ патріаршаго жезла, съ инкрустаціей изъ перламутра, древній канделябры, имѣвшія формы крылатыхъ львовъ, и чудесный древній золотой трипахъ. Подъ конецъ, попы вынесли къ намъ туда копію съ сербскаго евангелія, присланную изъ Ипека, и стали объяснять намъ смыслъ этого письменнаго евангелія. Все это дѣлали они, какъ-бы тайкомъ отъ кого-то, и беспрестанно поглядывали на входныя двери церкви. Осторожность эта, какъ оказалось, имѣла свое основаніе; такъ какъ въ церкви вдругъ раздались громкіе шаги и въ одну минуту наполнилась она Турками: вошелъ каймакамъ и его свита. Быть можетъ, вошли они только потому, что имъ наскучило ждать насъ у входа церкви, а, можетъ быть, и потому, — что имъ пришло на умъ, не выпесутъ-ли намъ показывать какихъ-нибудь драгоценностей. Какъ-бы то ни было, они вошли въ церковь и вошли весьма нецеремонно, ясно показывая этимъ, какъ относились къ христіанской святышѣ. Затѣмъ, вовсе какъ-бы не замѣчая священниковъ, и не обращаясь къ нимъ, хотя-бы

затѣмъ, чтобы пригласить ихъ быть проводниками, каймакамъ-Турокъ прошелъ всю церковь и, черезъ боковую дверь въ иконостасѣ вошелъ прямо въ алтарь, куда и христіанинъ-мірянинъ не можетъ входить, безъ особеннаго разрѣшенія. Мы замѣтили его присутствіе только тогда, когда кисточка его фески исчезла, сверкнувъ въ боковой двери иконостаса, и, послѣ того, единственнымъ средствомъ удалить его изъ церкви было—самимъ намъ поскорѣе выдти оттуда.

Когда мы сѣли на лошадей, драгоманъ обратилъ наше вниманіе на каймакама: онъ вышелъ, въ слѣдъ за нами, изъ церкви и, по видимому, хотѣлъ съ нами объясниться. Какъ кажется, каймакамъ понялъ неделикатность своего внезапнаго входа въ церковь. Дѣйствительно, — онъ подошелъ къ намъ, и сказалъ, что не могъ не войти въ церковь и не напомнить священникамъ, чтобы они содержали ее въ большей чистотѣ и опрятности, такъ, чтобы церковь можно было во всякое время показывать иностранцамъ въ «должномъ порядкѣ». Мы замѣтили ему на это, что «заботливость его, какъ надѣемся мы, распространится, вѣроятно, и вонъ на ту чудесную церковь, которая стоитъ на вершинѣ холма и сохранить ее въ «должномъ порядкѣ», чтобы она служила предметомъ удивленія для иностранныхъ путешественниковъ, и что, съ этою цѣлью, каймакамъ запретить, вѣроятно, мусульманамъ разрушать ее мало-по-малу. Турокъ отвѣтилъ на это запальчиво, что та церковь на холмѣ давнымъ давно уже находится въ состояніи разрушенія и, тотчасъ-же повернувшись къ попу, рѣзко спросилъ его: «Что все это значитъ»? Но попъ не сконфузился и упорно стоялъ за истину сообщеннаго намъ свѣдѣнія о постепенномъ разрушеніи церкви мусульманами. Онъ объявилъ, что часть церковнаго зданія недавно разрушена турецкими солдатами изъ Призрѣна, и при этомъ не преминулъ также прибавить, что возлѣ самой этой церкви, около которой стояли мы, христіане начали было строить небольшой домъ для священника, но мусульмане разобрали и уничтожили начатую постройку. Каймакамъ, очевидно, не былъ подготовленъ къ сообщеніямъ подобнаго рода, да при томъ еще въ присутствіи иностранокъ: онъ ничего не отвѣчалъ и надулся, въ особенности когда уви-

далъ, что прямота священника очень понравилась намъ. — Послѣ этого мы двинулись дальше съ каймакамомъ; съ достойною удивленія внимательностью, провожалъ онъ насъ до противоположной западной окраины города. Прощаясь, мы отъ души поблагодарили его за всѣ его хлопоты къ безопасности нашего путешествія въ Шекъ и, оставляя Новибазаръ совершенно не въ такомъ расположеніи духа, какъ соотечественникъ нашъ, мистеръ Патонъ, вывели заключеніе, что вліяніе соперничающихъ элементовъ, въ лицѣ сановниковъ, назначаемыхъ изъ Константинополя, обуздываетъ фанатизмъ здѣшнихъ мусульманъ едва-ли не сильнѣе, чѣмъ самый тяжелый гнетъ. Только что простились мы съ Турками, какъ засталъ насъ проливной дождь. Какъ изъ ведра лилъ этотъ дождь, такъ, что мы не въ состояніи были различать даже ближайшихъ домовъ и поскакали опрометью, «на уда-люю», впередъ по дорогѣ. Священники наши вдругъ превратились тогда въ какія-то странныя фигуры. Они выхватили изъ подъ своихъ сѣделъ какія-то красныя мантии и накинули ихъ на себя, прикрывъ ими и своихъ лошадей. Въ этихъ нарядахъ, такъ живо напоминали они портреты сербскихъ героевъ, украшающіе сербскія гостиницы, что, слегка настроивъ фантазію, нетрудно было вообразить, что видишь передъ собой въ каждомъ изъ прыгающихъ священниковъ ка-кого-нибудь стариннаго Реля, предающагося турнирнымъ экзерциціямъ. Первая попытка, сдѣланная нами съ цѣлью укрыться отъ ливня, была неудачна: мы подъѣхали-было къ какому-то навѣсу, попавшемуся намъ на дорогѣ, но навѣсъ этотъ былъ такъ гнилъ, что, едва мы только успѣли стать подъ него, какъ онъ обрушился прямо на насъ. Занѣтъ наши увидали тогда какую-то мусульманскую хижину и тотчасъ-же воспользовались ею, чтобы укрыть насъ въ ней и пообсушить немного. Они заставили хозяина затопить печь, самому — выдти на улицу, а женъ своихъ помѣстить въ импровизованный гаремъ, т. е. подъ крышу дома, гдѣ, обыкновенно, хранится кукуруза, такъ, что, когда мы вошли въ хижину, тамъ было вовсе пусто, только въ одномъ углу комнаты слышалось кудахтање курицы — насѣдки, сидѣвшей въ лукошкѣ на яйцахъ, да на полу виднѣлось корыто изъ

общеупотребительнаго для разныхъ подъялогъ въ Турціи дерева, — базилика. Мы переждали дождь, пообсушились и, уѣзжая, вытребовали къ себѣ хозяина и оплатили его хлопоты щедрымъ бакшишемъ. Остальную часть дня провели мы неожиданно — негаданно очень пріятнымъ образомъ, благодаря одному изъ хуашей боснійской гвардіи, бывшему въ составѣ нашего конвоя. Хуашъ этотъ оказался человѣкомъ любившимъ поговорить и знакомымъ отчасти съ мѣстною традиціею. Вначалѣ дорога, по которой мы ѣхали, шла по берегу Рашки, до того мѣста, гдѣ она сливается съ другою, бѣгущею съ горъ, какою-то небольшою рѣкою. На мысу, образуемомъ на мѣстѣ сліянія этихъ двухъ рѣкъ, возвышается громадная скала, а по ту сторону рѣки Рашки обрисовываются развалины обрушившихся стѣнъ. «Тутъ стоялъ прежде Старобазаръ», замѣтилъ, указывая на развалины нашъ конвойный хуашъ. «Это былъ большой старинный городъ. Вонъ груды его развалинъ. Въмѣсто Старобазара, выстроили потомъ теперешній Новибазаръ».

На дальнемъ фонѣ равнины, на которой лежатъ развалины стѣнъ Старобазара, нѣсколько вправо, виднѣются развалины знаменитой бывшей здѣсь церкви, — Сапочани. Намъ очень хотѣлось осмотрѣть развалины этой церкви; но насъ увѣрили въ совершенной невозможности заѣзда туда, ссылаясь на то, что тамъ вовсе нѣтъ по близости конюговъ, въ которыхъ можно бы было провести ночь. Но да не дають вѣры этому завѣренію путешественники! Сапочани никакъ не болѣе, какъ въ трехъ часахъ пути отъ Новибазара; стало-быть, въ *одинъ* день можно съѣздить осмотрѣть развалины церкви, вернувшись, къ вечеру того же дня, въ Новибазаръ. Да и по дорогѣ въ Ипекъ, можно посѣтить эти развалины; такъ какъ по близости есть тутъ домъ нѣкоего Мурада-Бея, гдѣ, вѣроятно, можно остановиться и отдохнуть съ такими же удобствами, какъ въ Тутинѣ. Здѣсь дорога наша отклонялась отъ теченія рѣки Рашки и мы поѣхали по направленію какой-то другой небольшой рѣки, бѣжавшей въ неглубокой ложбинѣ, на лѣво отъ рѣки Рашки; по, вскорѣ за тѣмъ, переѣхали эту рѣку и перебрались, на той сторонѣ ея, черезъ какой-то лѣсистый холмъ. За этимъ холмомъ, потя-

нулась цѣлая вереница гористыхъ холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ, придававшихъ этой мѣстности характеръ какой-то дикой пустынности. Изрѣдка только раздавалось журчанье скрытаго отъ глазъ ручья и слышалось завыванье вѣтра, когда наступало ненастье. Впрочемъ, мѣстность эта не безъ населенія, хотя глазъ путешественника и не встрѣчаетъ человѣческихъ обиталищъ. Черезъ горныя долины, Албанцы изъ пограничныхъ съ Черногорію мѣстностей проникли на сѣверо-западные окраины Босніи и расселились здѣсь вплоть до Сицицы, — небольшого городка на пограничномъ съ Сербіею рубежѣ. Копвойные Босняки обратили наше вниманіе на одну изъ горъ, прибавивъ, что въ долинахъ, образуемыхъ ея отрогами, расположено десять деревень, которыя вовсе не признавали себя подвластными султану и, лѣтъ съ десять тому назадъ, вовсе еще не платили въ султанскую казну никакихъ податей. Решидъ-паша посланъ былъ усмирить этотъ буйный уголокъ и началась война въ небольшихъ долинахъ этой горы, которая кончилась тѣмъ, что большая часть поселянъ была перебита, а часть захвачена и отведена въ цѣпяхъ въ Стамбулъ».

«А теперь», спросили мы, «платятъ ли подати эти поселяне?» «Платятъ, хотя и не очень аккуратно, да, впрочемъ, и то хорошо, что теперь они уже не дѣлаютъ болѣе нападений на своихъ сосѣдей и не грабятъ ихъ». «А что эти разбойники — Босняки или Албанцы?» - «Народъ тутъ смѣшанный. Собственно границей между Босніей и Арнаутлукомъ считается Рожай, но, по всей этой линіи до самой Сицицы Босняки и Албанцы живутъ смѣшанно, — рядомъ». — «А есть тутъ христіане?» — «Есть, но ихъ очень мало». Обрадовавшись разговорчивости нашего собесѣдника, мы стали болѣе и болѣе углубляться въ разспросы о странѣ, по которой проѣзжали.

Въ глубинѣ видѣвшагося съ дороги живописнаго обрыва горы, слышенъ былъ шумъ водопада, и хуашъ сообщилъ намъ, что недалеко отсюда въ мѣстечкѣ, называемомъ Островица, царствуетъ перемежающаяся весна. Далѣе тотъ же хуашъ сообщилъ намъ, что лѣсистые холмы, которые мы проѣзжали, называются Уелакъ и Руя, и что вскорѣ,

когда подъѣзжать будемъ къ Тутину, переѣдемъ мы черезъ высокую мостъ «Канимъ».

Новою темою для разговора послужилъ одинъ конвойный, который внезапно залился какой-то пѣснiю и съ особеннымъ одушевленiемъ повторялъ припѣвъ ея:

«Я Боснякъ, Боснякъ!
Посмотрите, какъ блестить
У меня ружье, у меня ружье,
У меня ружье!»

Мы спросили хуаша, гдѣ охотнѣе служить Босняки, въ низамѣ или въ башибузукахъ, т. е. въ регулярномъ или иррегулярномъ войскѣ? «Разумѣется», отвѣтилъ онъ отрывисто, «не въ низамѣ. Что за служба въ низамѣ? Въ башибузукахъ не въ примѣръ лучше: у нихъ всегда прелесть, что за кони, да и одежда — чудо!»

«Вербовалъ ли когда-нибудь султанъ Босняковъ въ низамѣ?» — «Нѣтъ, этого не было, да и не будетъ. Босняки не пойдутъ въ низамѣ. «Почему такъ, вѣдь Арнауты служатъ же въ низамѣ?» — «И пускай себѣ служатъ, а Босняки не пойдутъ туда служить». «Кто же, по вашему, храбрѣе Албанцы или Босняки?» спросили мы. — «Вотъ что!» — отвѣчалъ онъ, — «Албанцы — храбры, когда у нихъ въ рукахъ хорошия ружья, Боснякъ же, когда у него ружье въ рукахъ, — никуда не годится; но, когда опъ — на конѣ, — онъ настоящiй герой, да такой герой, какого не найдешь нигдѣ на свѣтѣ».

Вассоевичскiя горы, показавшiяся на отдаленномъ горизонтѣ, заставили насъ перемѣнить разговоръ. Мы спросили хуаша, не сражались ли въ прошломъ году опъ или кто-нибудь изъ его соотечественниковъ въ этихъ горахъ? «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ, «но Албанцы бились тамъ». «Ну а каковы бойцы въ Вассоевичахъ?» — «О, ловкiе удалыцы, такiе — же герои, какъ Албанцы, когда у нихъ въ рукахъ ружья!» «Храбры они также, какъ Арнауты?» Какъ мусульманинъ, онъ не хотѣлъ допустить совершеннаго равенства ихъ съ Арнаутами и утверждалъ, что Арнауты храбрѣе и лучше. Съ цѣлью узнать его мнѣнiе о

Вассоевичахъ, спросили мы его, правда ли, что Вассоевичи въ былое время находились подъ властію Черногоріи и что, назадъ тому только тридцать лѣтъ, какъ и Берда освободилась изъ подъ власти Черногорцевъ?» «Да», — отвѣчалъ онъ, — «Вассоевичи и Берда принадлежали старину Черногоріи, по теперь они — свободныя страны». Мы спросили его еще, «слышалъ ли онъ, что вооружаются Дунайскіе Сербы?» «О, да», воскликнулъ онъ, «но намъ они не страшны. Правда, у нихъ хорошія иностранныя пушки, но за то они далеко не герои». «А развѣ они не показали себя героями, во времена Кара-Георгіевича?» — «Да, они были, дѣйствительно, тогда храбры, но теперь намъ больше, чѣмъ кому-нибудь другому извѣстно, что они не вояки; прошло уже больше тридцати лѣтъ, какъ они не брали ружей въ руки». Солнце садилось, когда мы выбрались изъ густаго березоваго и отчасти дубоваго лѣса. Передъ нами раскинулась тогда небольшая тутинская равнина, перерѣзанная рѣкою, по берегамъ которой мелькалъ рядъ небольшихъ деревяннымъ домовъ съ заостренными крышами. При самомъ выѣздѣ изъ лѣса на эту равнину, встрѣтило насъ двое Босняковъ, хорошо вооруженныхъ и верхомъ на коняхъ. Ихъ выслали изъ Тутина встрѣтить и проводить насъ. Старшій изъ нихъ былъ красивый старикъ въ тюрбанѣ, на другомъ среднихъ лѣтъ мужчинѣ, сверхъ полотнянной туники, надѣта была пуцовая куртка, подбитая мѣхомъ. Первый ѣхалъ впереди насъ, указывая дорогу, второй привѣтствовалъ насъ словами: «дѣбро дѣшле». поѣхалъ рядомъ съ нами и такъ ѣхалъ до самаго Тутина. У дверей одного изъ самыхъ большихъ домовъ въ Тутинѣ, кавальгада наша остановилась; красная куртка быстро соскочила съ лошади и, — буквально, — схвативъ одну изъ насъ подъ мышки, почти на воздухѣ, понесла наверхъ по лѣстницѣ. Совершенная темнота царствовала на этой лѣстницѣ и ступени ея были падломлены и очень шатки, такъ, что у насъ блеснула мысль, ужъ не на какой-ли-нибудь сѣповалѣ тащутъ насъ, но, къ нашему крайнему и очень пріятному изумленію, вдругъ очутились мы вовсе не на сѣповалѣ, а въ очень удобной небольшой комнаткѣ, съ каминомъ, печью и съ поломъ, устланномъ коврами. Окна въ комнатѣ были крайне

малы, деревянные же стѣны ея были все усеяны просверленными сквозными дырами, для стрѣльбы изъ этихъ дыръ во враговъ. Нѣкоторыя изъ этихъ дыръ были большія, другія поменьше, все же онѣ были заложены бѣлой бумагой, чтобы не дуло чрезъ нихъ снаружи.

Весь вечеръ этого дня провели мы въ отведенной намъ уютной комнаткѣ, соображая и анализируя слышанныя нами, во время пути, рассказы о фантастической личности, лѣсистыя владѣнія которой только что пробѣжали, то есть, о вилѣ. Что касается до присутствія вилы въ этихъ лѣсистыхъ горахъ, то хуашъ нашъ отзывался о томъ, что она живетъ здѣсь, въ горахъ, какъ о фактѣ несомнѣнномъ. Онъ утверждалъ, что она появлялась и христіанамъ и мусульманамъ, впрочемъ, однимъ только урожденцамъ этой мѣстности; но сомнѣвался, чтобы она рѣшилась показаться какому бы то нибыло чужеземцу, — Франку или Османлису. «Ну, а какова она на видъ?» — спросили мы. — «Она», — отвѣчалъ хуашъ, — «не всегда и не всемъ показывается въ одномъ и томъ же видѣ. Бываетъ, что видать ее въ образѣ красивой дѣвицы, мчащейся на конѣ». Такъ, впрочемъ, замѣтимъ здѣсь, чуть ли не повсемѣстно описывается ея наружный видъ, и описанія эти разнятся только въ подробностяхъ объ ея бѣломъ платьѣ, ея свѣтлыхъ и длинныхъ волосахъ и объ ея конѣ, быстромъ, какъ вихрь. Если вила не на конѣ, то раскашикт, обыкновенно, снабжаетъ ее бѣлыми крыльями. И у Албанцевъ и у Сербовъ рассказы о вилѣ — въ одномъ и томъ же духѣ, хотя собственно происхожденіе легенды объ пей, по всей вѣроятности, — чисто — славянское; такъ какъ имя «вилы» извѣстно въ большинствѣ земель, гдѣ живутъ Славяне, и даже въ той части Германіи, о которой говоритъ Латамъ, (Latham), что этому участку земли, вошедшему въ составъ Германіи, слѣдовало бы чистосердечно сознаться, что онъ — «замаскированная Славонія». Какъ ни великолѣпенъ конь, на которомъ выдають вилу, она не всегда однако же развѣзжаетъ только на немъ: иногда выдають ее мчащеюся и на другихъ животныхъ, наприм: на оленѣ, взнузданномъ живою змѣею. Впрочемъ, ѣзду на оленѣ приписываютъ только старой и злой вилѣ, съ цѣлями пугать путниковъ, осмѣливающихся своимъ появленіемъ возмущать мирную тишину и

пустыниность ея водъ и лѣсовъ, — прибавляя при этомъ, что злую эту вилу поугомонилъ Кралевичъ Марко.

Вила, — сверхъ естественная дѣва на чудномъ конѣ, — напоминаетъ скандинавскую «валькирию», которая также несетя, какъ буря, между тѣмъ, какъ съ гривы ея кося падаетъ благотворная роса, дающая свѣжесть и плодородіе долинамъ. Но, валькирія, хотя и стоитъ выше обыкновеннаго человѣческаго существа, однако все еще — существо человѣческое; хотя и называютъ ее дѣвою Одина, красавицею Валгаллы, избранницею Избиеннаго, — однако — все-же она — дочь обыкновеннаго полководца и невѣста земнаго героя *). Въ сущности, валькирія не что иное, какъ продуктъ идеальныхъ понятій цѣлой расы вообще о женщинѣ. Потомки этой расы, сдѣлавшись христианами, внесли потомъ эту идеализацію женщины, какъ въ религію свою, такъ и въ ежедневный свой обиходъ, а потому валькирию считать можно законною предшественницею той изящной, высоко-образованной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣжной «дамы», которая была «царицею сердець», во времена рыцарства. У Серба же нѣтъ идеала въ такомъ духѣ. Его «свободная и мощная» вила вовсе не представляетъ идеализаціи кроткой и покорной жены его. Вила вступаетъ въ связь съ человѣчествомъ путемъ одного только «посестримства», чѣмъ и пользуются иногда герои, вступая съ ней въ «посестримство» и вынуждая ее потомъ, какъ «посестриму», помогать себѣ, въ минуты невзгоды.

Но, хотя вила и не носитъ на себѣ нисколько дозы идеализированной человѣчности валькирин, въ ней нѣтъ однакоже и сходства съ демонообразными эльфами и гномами Сѣвера. Въ рассказахъ о вилѣ нѣтъ упоминаній, ни о «данн аду», ни объ «откупѣ отъ осужденія за грѣхи», ни о «страхѣ передъ святыми символами», ни о «суетности и обманчивомъ блескѣ пышности, неразлучной съ бѣдствіемъ разныхъ индивидуумовъ». Сербы совсѣмъ не входятъ, какъ Германцы, въ тѣсныя сношенія съ демонами. Чертъ не является у нихъ героемъ, ни въ легендахъ, ни въ религіозныхъ былинахъ. Онъ носитъ у нихъ простое,

(*) См. рассказъ о Савѣ и Хельфѣ въ Эддѣ.

но страшное прозвище: «врага»; тогда, какъ человѣкъ — непріятель, — врагъ у другихъ, — называется у нихъ только «недругомъ.»

Мнѣ кажется, что вила больше всего имѣетъ общихъ чертъ съ нимфой классической древности, хотя между нимфою и вилою, конечно, существуетъ большое различіе. Вилу представляютъ часто спящей въ полуденный зной, подъ тѣнью елей, между тѣмъ, какъ ноги ея омываютъ струи лѣснаго болота и, возлѣ нея, вьютъ себѣ гнѣзда лебеди и золотоперыя утки. Въ ея владѣніяхъ, ручнымъ становится дикий олень и позволяетъ себя даже взнуздывать и овца разгуливаетъ по лугамъ, бокъ о бокъ съ волкомъ, несмѣющимъ до нея дотронуться. У вилы есть свой замокъ изъ тучъ, на вершинѣ горы; въ этомъ замкѣ три входа: пунцовый, золотой и жемчужный. Подъ часъ, вила распоряжается тучами и громъ и молнія слушаются ея приказаній.

Въ настоящее время, вилѣ приписываютъ большое участіе во всемъ, касающемся судьбы человѣчества. Въ этомъ отношеніи, особенно много придаютъ значенія вилѣ, живущей на горѣ Ловхенъ.

Съ вершины этой горы видна вся Черногорія и черногорскій хроникёръ — поэтъ, обыкновенно, начинаетъ расказъ о передаваемыхъ имъ событіяхъ предъувѣдомленіемъ читателей, что расказъ объ этихъ событіяхъ слышалъ онъ отъ вилы горы Ловхенъ. Намъ попались какъ — то двѣ небольшія поэмы, недавно написанныя — одна — какимъ-то бѣднымъ Черногорцемъ, — другая — черногорскимъ княземъ. Поэма, вышедшая изъ подъ пера князя, описываетъ битву при Граховѣ и смерть князя Даніила, но не отъ лица самого князя, а, на первыхъ же строкахъ, выступаетъ въ ней на сцену вила и весь расказъ передается будто-бы съ ея словъ.

Намъ бы пришлось написать много листовъ, если бы вздумали мы перечислять всѣ подвиги, которые приписываютъ вилѣ мѣстныя старинныя легенды. Поэтому, здѣсь поневолѣ мы ограничимся сообщеніемъ содержанія двухъ только легендъ, изъ которыхъ въ одной изображенъ подвигъ доброй вилы, а въ другой выставлена недобрая вила.

«У одного бѣднаго мальчика выкололи глаза, съ согласія родной его матери, и оставили его одного въ лѣсу. Онъ плачетъ — и стоны его раз-

носить по горамъ горный вѣтеръ. Заслышавъ эти стопы, появляется добрая вила. Водою изъ ближняго ручья оmyваетъ она его раны и, помолвившись Богу, принимается изготавлять новые глаза несчастному мальчику». Легенда эта черезъ-чуръ длинна, такъ, что мы не можемъ ее помѣстить здѣсь всю. Она называется: «Ивашъ и старшій изъ дивъ» т. е. великановъ. Проѣзжая впоследствии мѣстность, между Черногоріею и Старою Сербіею, съ ея горными пещерами, въ которыхъ, по преданію, жили когда-то великаны, мы живо представляли себѣ сцены изъ этой легенды, разыгрывавшіяся именно здѣсь, въ этихъ пещерахъ великановъ.

Въ другой легендѣ выступаетъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ вила же, но вила, не одушевленная стремленіемъ сдѣлать добро, а, напротивъ того, отличающаяся совершенно противоположною склонностію, склонностію — вредить, дѣлать зло. Вила эта пользуется, съ этою цѣлью, вспыльчивымъ характеромъ одного изъ двухъ братьевъ, истинно любившихъ другъ друга, сеорить ихъ и потомъ издѣвается надъ тѣмъ изъ нихъ, который, убивъ въ сеорѣ брата, пережилъ его, и издѣвается такъ, что, пробуждая въ немъ надежды и уничтожая вдругъ эти надежды, доводитъ его до отчаянія и до самоубійства. Герои этой легенды мусульмане — Славяне, потурченныя Сербы; — сценою же дѣйствія выставлены окраины Босніи, порубежныя съ Черногоріею. Мы передадимъ здѣсь всю эту легенду, стараясь какъ можно ближе держаться подлинника.

МГНОВЕННАЯ МЕСТЬ ИЛИ ЗЛАЯ ВИЛА.

СЕРБСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Жили—были два потурченныя Серба,
 Два родимые братья: Муйо и Али.
 Горячо они—другъ друга любили,
 Помѣнялись другъ съ другомъ конями,
 И оружьею своимъ помѣнялись.

Вот однажды отправились братья
 Въ темный лѣсъ, къ озерамъ, на охоту,
 Поохотиться на селезней златопѣрыхъ.
 Выпустилъ сѣраго сокола Муйо,
 Обученнаго ястреба—Али.
 Оба разомъ они заклевали
 На водѣ златопѣрую утку.
 Закричалъ тутъ отъ радости Муйо:
 «Первымъ соколъ мой въ птицу ударилъ!»
 — «Ну, ужъ—нѣтъ,»—возразилъ ему Али,—
 «Моего это ястреба дѣло!»
 Глубоко Муйо духомъ смутился,—
 Но... они подъ зеленую сосну
 Оба сѣли,—и стали вино пить:
 Крѣпкій соць тутъ засталъ ихъ обоихъ.
 Увидали ихъ три бѣлыхъ вилы
 И тутъ—старшая вила сказала:
 «Изъ рубаекъ храбрецы эти братья!—
 И я сто обещаю дукатовъ
 Дать той вилѣ, что ихъ перессорить.
 Не успѣла сказать она это,
 Какъ въ мигъ младшая вила,
 На крылахъ бѣлосиѣжныхъ, взвилася
 Въ высоту—и оттуда спустилась
 Къ изголовью спавшаго Муйо.
 Стала плакать она, стали капать
 Изъ очей ея жгучія слезы:
 Обожгли они спавшаго Муйо
 И, съ великой досадой, проснувшись,
 Крикнулъ Муйо: «Эй, Али, пора, братъ,
 Вставать, да пора и домой—въ путь—дорогу!»
 И вскочилъ тутъ потурченный Али,—
 И видитъ со сна, да съ похмѣлья,
 Не одну, ... *двѣ* *) дѣвицы. «Эге, братъ,
 Лѣшій возьми тебя, Муйо!
 Да у тебя, вижу я, *двѣ* дѣвицы
 А у меня—ни одной!»...
 Угололи
 Слова эти пьянаго Муйо,
 Выхватилъ оць ятаганъ свой,
 Да и вонзилъ его въ брата.

*) Здѣсь намекъ на поговорку: «У пьяныхъ во глазахъ все двоится».

На мураву тотъ, какъ спонъ, повалился.
 Что жъ Муйо? Вскочилъ на коня онъ,
 Сзади вилу сажаетъ,—и—вдвоемъ
 Мчатся домой, какъ стрѣла. Но вотъ онъ слышалъ,
 Громко заржалъ конь вороной его брата,
 И, по вѣтру, донеслася мольба къ нему Али:
 «Эй, Муйо, родимый мой братъ и убійца!
 Вернися, возьми ты съ собой,
 Не оставляй моего вороного
 Коня здѣсь, въ этой глуши, безъ призора;
 А коли этого сдѣлать
 Ты не захочешь, то лучше
 Къ землякамъ и роднымъ не являйся:
 Укоромъ они тебя встрѣтятъ.»
 Подумавъ, Муйо послушался брата,
 Взявъ вороного коня, и дѣвцу
 Пересадилъ на него, и помчался
 Съ нею гористымъ ущельемъ.
 И вотъ, въ полночи, на дорогѣ
 Встрѣтился съ нимъ черный воронъ,
 Съ правымъ, отбитымъ крыломъ.

«Бѣдный воронъ!»—

Проговорилъ ему Муйо,—
 «Какъ безъ крыла проживешь ты?»
 Громко прокаркалъ ему черный воронъ:
 «Я безъ крыла какъ-нибудь обойдуся,
 Какъ братъ обойдется безъ брата,
 Какъ ты обойдешься безъ Али?»
 Тогда про себя молвилъ Турокъ:
 «О, что ты сдѣлалъ сегодня!
 Коль и птицы тебя укоряють,
 Какъ укорять тебя стануть
 Веѣ земляки и родные!»
 Тогда ему молвила вила:
 «Муйо, вернемся! Когда-то
 Была врачевать я горазда:
 Быть можетъ, кровавую рану
 И залечу я у брата.»
 И вотъ они—мчатся обратно,
 Къ темному озеру скачуть,
 И вотъ ужъ подъѣхали къ Али.
 Тутъ Муйо назадъ обернулся,—

И видит онъ... конь только черный
За нимъ!... А вила?—Вила исчезла!...

И падаетъ Муйо на тѣло роднаго
Брата,—а тѣло уже охладѣло!
Въ смерти его убѣдившись,—
Какъ трупъ, поблѣднѣлъ бѣдный Муйо,—
Рука за книжалъ ухватилась неволью,—
И падаетъ..... самоубійцей—братоубійца.

Глава XXII.

ОКРАЙНЫ ВОСНИ.

ОТЪ ТУТИНА ДО РОЖАЯ.

На слѣдующее утро, отправились мы дальше, по направленію къ Рожаю; но, прежде, чѣмъ выѣхали изъ Тутина, пригласили къ себѣ нашего хозяина, чтобы поблагодарить его за хлопоты. Хозяинъ былъ очень угрюмъ. Весьма нелюбезно встрѣтилъ онъ выраженіе нашей благодарности, вовсе не давъ себѣ даже труда отвѣтить на нихъ какимъ-нибудь комплиментомъ, въ восточномъ вкусѣ. Мы спросили его потомъ, «Неужели и до сихъ поръ еще нужны просверленные дыры въ домахъ для обороны?» Онъ отвѣтилъ: «Нѣтъ, теперь уже онѣ болѣе не нужны, а лѣтъ съ десять тому назадъ, безъ нихъ нельзя было обойтися. Арнауты тогда, то-и-дѣло, грабили нашъ край и посѣщали нашу деревню, такъ, что мы сами и наши райи не смѣли выходить изъ дому». — «Кто же прекратилъ эти безпорядки?» — «Решида-пашу», отвѣтилъ онъ, «отправляли съ войскомъ въ горы и онъ понадѣлалъ тамъ очень много сторожевыхъ кулъ». — «Это того самаго Решида-пашу, который усмирилъ десять деревень, не хотѣвшихъ платить податей?» Только что ага

услыхалъ о десяти деревняхъ, брови его нахмурились еще больше и онъ, понизивъ голосъ, пробормоталъ, что ничего не слыхалъ о десяти деревняхъ, а былъ слухъ въ этомъ родѣ, но только объ одной какой-то деревнѣ. «А какъ пазывалась эта деревня?» — «Не знаю,» отвѣтилъ онъ, «да, кажется, у нея и вовсе не было никакого названія.» Потомъ спросили мы его, насчетъ дороги, по которой намъ приходилось ѣхать, и о горахъ и рѣкахъ по этому тракту. Онъ заявилъ, что дорога отъ Тутина до Новибазара зимой иногда вовсе запосится снѣгомъ; но, во время сильныхъ зимнихъ морозовъ, по пей устанавливается великолѣпный санной путь. Потомъ, мы узнали отъ него, что все богатство здѣшнихъ поселянъ состоитъ въ скотоводствѣ, такъ какъ здѣсь, повсюду, какъ вообще въ горахъ, нельзя сѣять хлѣба и, въ замѣнъ пашней, жители надѣлены, — въ чемъ мы сами убѣдились, — большими, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, участками чудесной луговой земли для пастбищъ. «А сколько всего домовъ въ Тутинѣ?» спросили мы. Онъ взялъ четки, которыя висѣли у него на рукѣ, и сталъ считать по нимъ вслухъ: «Вотъ — мой домъ, дядинъ, да Аги-Авраама, всего три дома.» Продолжая такъ считать, насчиталъ онъ всего семь домовъ. «А чья эта деревушка?» Онъ насупился еще больше и отвѣтилъ уклончиво, что не понимаетъ нашего вопроса. «Вся эта деревня, да вообще весь этотъ округъ, принадлежитъ каймакаму Новибазара». Отвѣтъ этотъ показался намъ очень загадочнымъ, такъ какъ, не говоря уже о томъ, что Босняки не любятъ говорить о мѣстныхъ властяхъ, кто же бы сталъ считать собственность свою принадлежностью чужеземца, начальника ближайшаго города? Замѣтивъ въ его отвѣтѣ нѣчто нескладное, мы попросили нашего хозяина сказать намъ свое имя, чтобы намъ имѣть возможность вспоминать объ немъ, какъ о человѣкѣ, оказавшемъ намъ гостепримство. Не сообразивъ, что, отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ отвѣтитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на нашъ прежній вопросъ: «Я изъ рода Гамзы Агича,» — промолвилъ онъ, — «также какъ и остальные землевладѣльцы въ этой деревушкѣ, которые всѣ — мои сродственники и братья; и тутъ живемъ только мы, да наши райи». По выходѣ изъ дому, садясь на лошадей, увидали мы нѣсколькихъ представителей этихъ «*нашихъ райевъ*» въ лицѣ трехъ или четырехъ

весьма невзрачныхъ женщинъ, одѣтыхъ въ рубашки и съ уборами на головѣ, разукрашенными серебрянными монетами, и съ ожерельями на шеѣ. Онѣ глядѣли на насъ съ довѣрчивостью и дружелюбіемъ и, улыбаясь, допустили насъ разсмотрѣть поближе ихъ головной уборъ и ожерелья. Оказалось, что они распрашивали у нашего драгомана: мусульмане-ли мы, какъ увѣрялъ ихъ ага, и, когда узнали, что мы христіане, то очень обрадовались этой вѣсти, толкуя между собой, что это — неспроста, что христіанки принимаются съ такимъ почетомъ въ домѣ ихъ аги!» Но, если райи смотрѣли на насъ дружелюбно, то за то какіе-же враждебные взгляды бросалъ на насъ старый ага, въ тюрбанѣ! Въ это утро, онъ былъ сумрачѣй, чѣмъ прежде, и молча провожалъ насъ. Такая манера держать себя очень удивила насъ, какъ совершенная противоположность той привѣтливости, которую до сихъ поръ постоянно встрѣчали мы въ средѣ Босняковъ-мусульманъ. Однакоже, впоследствии, разъяснилась эта странность. Такъ какъ у насъ былъ фирманъ султана и мы ѣхали въ такое тревожное время въ Ипекъ, да къ тому-же, вѣроятно, въ письмѣ каймакама изъ Новибазара были какія-нибудь неловкія выраженія; то у всѣхъ у нихъ запало подозрѣніе, не посланы-ли мы султаномъ изъ Константинополя для развѣдываній. Нашъ драгоманъ сообщилъ намъ это, лишь только мы выѣхали за околицу. Его тоже, какъ и насъ, поразили необыкновенная сдержанность и недовѣрчивость къ намъ въ Тутинѣ. Вечеромъ, какъ рассказывалъ онъ, всѣ обитатели Тутина, одинъ за другимъ, приходили къ нему узнавать, дѣйствительно-ли мы тѣ самые люди, которыхъ султанъ послалъ на слѣдствіе въ Ипекъ? «Вотъ почему они и не хотѣли», прибавилъ драгоманъ, «ничего рассказать вамъ о бунтовавшихъ деревняхъ, въ окрестностяхъ Тутина, и были весьма недовольны, узнавъ, что вы уже кое-что объ этомъ знали». Мы спросили драгомана: «Не ужели ага, въ самомъ дѣлѣ, принялъ насъ за магометанокъ?» — «Кто ихъ знаетъ», — отвѣчалъ онъ. «По всей вѣроятности, каймакамъ не говорилъ въ письмѣ своемъ противнаго, т. е. что вы христіанки, опасаясь, какъ бы не отказали они вамъ въ ночлегѣ; но, во всякомъ случаѣ, имъ было бы очень непріятно, если бы ихъ райи узнали, что наконецъ-то ихъ за-

ставили принять подъ свой кровъ гяуровъ.» Разъясненіе это далеко не успокоило насъ, такъ какъ угрюмость этихъ магометанъ-Босняковъ не предвѣщала ничего утѣшительнаго относительно настроенности, въ какой, — какъ ожидали мы, — найдемъ Арнаутовъ, чувствовавшихъ виновность свою подѣлу о нападеніи на представителя султана въ Ипекѣ. Если насъ приняли за агентовъ султана даже въ Тутинѣ, то тѣмъ больше заподозрять насъ въ такомъ же агентствѣ въ Ипекѣ! Мы не забыли, что Арнаутъ, когда невольнѣ увѣренъ въ искренности иностранца, успокоиваетъ, нимало не медля свою душу, застрѣливъ его, такъ, что, при теперешнихъ обстоятельствахъ, было очень возможно, что мудиръ, пожалуй, вовсе не дозволитъ намъ ѣхать дальше. Перспектива вернуться назадъ ни съ чѣмъ, въ третій разъ, была, конечно, несовсѣмъ пріятна, а потому, мы велѣли нашему конвою трубить въ уши встрѣчному и поперечному, что мы не магометанки, а христіанки и ѣдимъ на богомолье въ Детчаны. А между тѣмъ, что за предестный былъ день ѣзды между Тутинымъ и Рожаемъ! Вотъ, опять выступила здѣсь Зеленая Планина, съ ея тѣнистыми деревьями, — отъ сосны до орѣшника, съ разнообразными долинами, паркообразными лужайками и съ пропастями по краямъ. И вотъ, опять и опять, въ прогалинахъ густаго лѣса, похожихъ, какъ бы, на просвѣты въ дождевой тучѣ, прорѣзываются солнечные лучи, ярко освѣщая какой-нибудь орлиный утесъ, торчащій изъ цѣпи горъ Черногоріи, покрытыхъ лѣсомъ. Виды подобнаго рода даютъ понятіе о тѣхъ названіяхъ мѣстностей, столь оригинальныхъ въ славянскомъ языкѣ, что въ самыхъ звукахъ этихъ названій какъ будто отражаются уже контуры обозначаемыхъ ими предметовъ; какъ напр.: шума — густой лѣсъ; планина — цѣпь горъ; берда — узелъ скалистыхъ горъ; черна-гора — гора, покрытая чернолѣсьемъ, и, наконецъ, верхъ — отрогъ горы, сѣроватый и высокій, возвышающійся надъ свѣжею зеленью луга, словно пастухъ-гигантъ у лѣсистаго утеса, съ головою, закутанною въ туманную струку *). У самага Рожа тор-

*) Струка — родъ горнаго черногорскаго плѣда, которымъ, въ пещасты, закутываютъ голову. Цвѣтъ его, обыкновенно, бываетъ дикій, черныи, или коричневый.

чить высокій утесъ Хойла, съ которымъ познакомились мы впервые только сегодня. Высота этого утеса достигаетъ 7000 футовъ. На известковыхъ вершинахъ его до конца Юля лежитъ несовсѣмъ растаявшій снѣгъ, что придаетъ великолѣпный видъ ландшафту близъ Рожая, когда обрисовывается онъ передъ вами, послѣ выѣзда изъ темнаго лѣса. Въ эту минуту, дорога наша шла по небольшой живописной долинь, на которой кое-гдѣ, въ луговинахъ, лежало скошенное сѣно, въ копнахъ, отражавшееся мѣстами въ струяхъ извивавшагося по долинь потока. На противоположной сторонѣ долины, виднѣлись два, сливающиеся, какъ близнецы, утеса, покрытые густымъ боромъ, боромъ, болѣе темнымъ, чѣмъ даже черная гора, съ ея мрачными контурами, а за ними возносила свою вершину въ яхонтовую лазурь неба гора Соколы. Проѣхавъ эту долину и переправившись черезъ рѣку, мы стали подниматься по склону горы, обрамленному соснами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, край этотъ кишелъ разбойниками: ѣхать по этому тракту, безъ сильнаго конвоя, не рѣшился-бы никто, такъ, что и «тысячи вооруженныхъ блестящимъ оружіемъ свадебныхъ гостей», по словамъ мѣстной сербской легенды, едва-ли было тогда достаточно для безопасности свадебнаго поѣзда, которому надлежало совершать путь изъ Тутина въ Рожай. Изъ чувства-ли радости, въ виду теперешней безопасности пути по этому опасному тракту, или просто по старой привычкѣ, заплѣ наши, едва въѣхали мы на склонъ покрытой лѣсомъ горы, подняли стрѣльбу изъ пистолетовъ и стали аукать и кричать исполниски-басистыми голосами. Лошадь нашего кавасса была очень плоха, и потому онъ далеко отсталъ отъ насъ; — услышавъ же выстрѣлы и не зная причины ихъ, сильно перепугался и, соскочивъ съ лошади, съ обнаженною саблею, бросился къ намъ, воображая, что на насъ напали разбойники, и рассчитывая отбить насъ изъ ихъ рукъ. Драгоманъ же нашъ, тоже отставшій, долго не могъ догнать насъ. Онъ увѣрялъ насъ потомъ, что услышавъ выстрѣлы, онъ тоже, подобно кавассу, соскочилъ съ лошади, полагая, что на насъ сдѣлано нападеніе, и «поблѣднѣлъ, какъ смерть». Здѣсь, однакоже, рассказъ его прерывался и онъ ни слова болѣе не сообщалъ о своихъ подвигахъ, такъ, что смѣло можно было предполагать,

«что, поблѣднѣвъ, какъ смерть, онъ не зналъ куда дѣться, и, въ концѣ концовъ, спрятался въ кустахъ отъ испуга». Поднимаясь выше и выше по склону лѣсистой горы, подѣхали мы къ верхней ея галлерей, но, къ сожалѣнію, не на самое темя горы, откуда, вѣроятно, видъ былъ великолѣпный. Съ верхней галлерей горы, замѣтили мы налѣво отъ насъ утесъ, на самой верхушкѣ котораго обрисовывалось широкое скалистое плато, служившее пастбищемъ для какого-то стада, возлѣ котораго виднѣлся шалашъ пастуха. Мы непременно попытались-бы возвратиться на этотъ утесъ, съ орлинымъ гнѣздомъ; но дулъ холодный вѣтеръ, лошади же наши покрыты были потомъ, да и заптій нашъ едва ли бы не «вломился въ протестъ». если-бы мы остановились тутъ хотя на нѣсколько минутъ. Что же собственно касается до насъ, независимо отъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ; то, мы готовы были-бы пробыть здѣсь, хоть нѣсколько часовъ, любуясь этою долиною, съ ея густымъ лѣсомъ, который остался позади насъ. Но, еще большее наслаждение ожидало насъ на протувуположной сторонѣ горы, когда мы стали спускаться съ нея къ Рожаяу. Пограничное мѣстечко это, Рожай, выстроенное изъ грубаго дерева окружающихъ его лѣсовъ, лежитъ на самомъ фонѣ долины и *при тѣхъ и не при тѣхъ-Ибаръ*, который здѣсь у самаго своего источника вовсе еще не рѣка, а только могучій горный ключъ. Направо за Рожаемъ поднимается утесъ *Хойла*, — снѣжныя складки котораго блестяли, при солнечномъ закатѣ, когда подѣзжали мы къ Рожаяу, — а по обѣимъ сторонамъ, въ прогалинахъ, перерѣзывающихъ лѣсистыя горы, виднѣются пастбища, съ разгуливающими на нихъ стадами, и копны зеленого сѣна. У самаго выѣзда съ горы на долину, мелькаетъ нѣсколько крышъ какой-то боснійской мусульманской деревушки. По сосѣднимъ горамъ, въ ущельяхъ, говорятъ, много христіанскихъ деревень; но плодной изъ нихъ не было видно ни съ какого пункта дороги, по которой мы ѣхали. На разстояніи получаса пути отъ Рожая, — встрѣтилъ насъ мудиръ съ своею вооруженною свитою. Мудиръ ѣхалъ на прекрасномъ ворономъ конѣ, которымъ управлялъ, по турецкой модѣ, заставляя дѣлать лансады и становиться на дыбы, какъ будто-бы защищаясь отъ цѣлаго роя осъ. Все это было очень красиво, пока бѣд-

ный конь не покрылся весь пѣной, а тогда уже — стало очевиднымъ, что конь стоялъ-бы себѣ смирно на одномъ мѣстѣ, если-бы всадникъ не горячилъ его, изъ желанія порисоваться передъ нами. Все населеніе Рожая высыпало изъ домовъ поглядѣть на насъ. Собравшаяся толпа тамошнихъ мѣстныхъ жителей показала намъ очень живописною: многіе изъ жителей носили чалмы, и на всѣхъ были какія-то полосатыя, бѣлая съ краснымъ, одежды, которыя очень шли къ ихъ высокорослымъ фигурамъ. Домъ, который отвели намъ здѣсь, принадлежалъ какому-то мусульманину. Наружность этого дома немало удивила насъ, съ одной стороны необыкновенною опрятностью, а съ другой — бумагой, видѣвшейся, вмѣсто стеколъ. Впрочемъ, внутри, въ отведенной намъ комнатѣ, нашли мы и камелекъ, но какой-то необыкновенный, въ родѣ тѣхъ, которые можно еще встрѣтить въ средневѣковыхъ домахъ въ Англии, — съ лежанкой изъ камня за камелькомъ. Молодой мудиръ ввелъ насъ въ нашу комнату, и потомъ, сѣвши поевропейски, снялъ свою феску, провелъ рукою по своимъ густымъ волосамъ, на которыхъ незамѣтно было нисколько слѣда обычнаго мусульманскаго бритья, и началъ разговоръ, большею частію, на славянскомъ языкѣ. Потомъ, пригласилъ онъ къ себѣ, для совѣщанія не домового хозяина нашего, почтеннаго Босняка, но христіанскаго ходжи-башу и попа. Обоихъ этихъ личностей представилъ онъ намъ съ манерой, общепринятой въ образованномъ обществѣ. Замѣтно было, что представители райевъ обращались съ мудиромъ, безъ всякой натянутости, такъ, что, мы, въ ихъ обращеніи съ мудиромъ, не замѣтили нисколько слѣда обычнаго въ этихъ странахъ страха и самоуниженія. Темою ихъ разговора было письмо каймакама изъ Новибазара къ мудиру, въ Рожай, которое, вмѣсто отсылки туда, прежде отъѣзда нашего изъ Новибазара, — какъ ожидали мы, — только теперь было доставлено ему запѣтемъ. Къ крайнему нашему удивленію, оказалось, что мудиръ не имѣлъ нисколько понятія о такой мѣстности, какъ Детчаны, не смотря на то, что извѣстный монастырь этотъ находится только въ тридцати часахъ пути отъ Рожая. Что касается до Ипека, то, сперва, какъ казалось, не имѣлъ мудиръ въ виду никакихъ препятствій относительно нашей поѣздки туда; но, потомъ.

подумавши немного, онъ какъ-бы пораженъ былъ какою-то мыслию и проговорилъ: «Ахъ, да, въ послѣднее время, дошелъ до насъ слухъ изъ этого Ипека, что тамошній мудиръ и всѣ члены меджлиса вытребованы въ Призрѣнъ, для изслѣдованія дѣла объ убійствѣ ипекскаго каймакама. А потому, возникаетъ вопросъ, кто-же распоряжается тамъ теперь, въ чьихъ рукахъ тамъ власть, и кто можетъ тамъ вмѣшиться въ обязанность повиновенія султанскому фирману? Вотъ теперь въ чемъ дѣло.» Хозяинъ дома, Боснякъ, выступилъ тогда впередъ и сказалъ, что онъ и его друзья и родственники берутся проводить насъ въ Ипекъ и съумѣютъ поугломонить всѣхъ Арнаутовъ, въ горахъ. Но, мудиръ нашъ тотчасъ-же отклонилъ это предложеніе и рѣшилъ, что, если захотимъ мы непременно отправиться въ Ипекъ и дальше; то надо предварительно собрать справки, въ какомъ положеніи тамъ находятся дѣла въ настоящее время. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ, мы предложили послать кого-нибудь въ Ипекъ, съ письмомъ по этому предмету, тотчасъ-же прибавивъ, что мы, до полученія отвѣта на это письмо, можемъ остаться въ Рожаѣ. Предложеніе это было одобрено всѣмъ обществомъ, а сами мы были очень рады передохнуть, денекъ другой, въ Рожаѣ. И такъ, все это было улажено. Но теперь появилась новая забота. Куда дѣвался нашъ багажъ? На дорогѣ, мы вовсе не видали его и потому, весьма естественно, ожидали найти его здѣсь; но его здѣсь не было. Послѣ ухода мудира, прошло уже нѣсколько часовъ, а о багажѣ не было ни слуху, ни духу. Непріятныя мысли стали тревожить насъ: не попали-ли кираджи наши въ засаду, или не сбивались-ли съ дороги и проч. и проч.

Когда уже совѣмъ смерклось, мы рѣшились, наконецъ, обратиться съ просьбою къ мудиру, о розысканіи кираджей съ багажемъ, и онъ разослалъ запѣвѣвъ для розысковъ по окрестностямъ. Сильно встревоженный этимъ непріятнымъ случаемъ, мы собирались — было уже ложиться спать, въ самомъ дурномъ расположеніи духа, какъ вдругъ заслышали радостный для насъ топотъ лошадей и затѣмъ, появились и кираджи съ нашимъ багажемъ. Они объяснили намъ, что съ ними не случилось никакого несчастія, и что съ дороги они не сбивались; но, ѣхали не по той дорогѣ, по которой ѣхали мы, а совершенно по другому тракту и, въ полдень,

на одной изъ станцій, промедлили немного. Изъ двухъ дней, которые провели мы въ Рожай, ожидая отвѣта изъ Ипека, первый былъ для насъ очень непріятенъ. Мы чувствовали въ этотъ день какое-то лихорадочное состояніе, вѣроятно, отъ простуды, захваченной наканунѣ, вечеромъ. Едва узнали наши хозяева, что мы принимаемъ лекарство отъ лихорадки, какъ тотчасъ-же стали просить у насъ этого лекарства старшему ихъ сыну, который съ годъ уже страдалъ этою болѣзнію. Они привели къ намъ, потомъ, своего сына, лѣтъ пятнадцати, съ блѣдно-зеленымъ цвѣтомъ лица и тусклыми глазами. Мы дали ему нѣсколько простыхъ медицинскихъ средствъ, которыя нашли наиболѣе полезными для него и которыя сталъ принимать и самъ отецъ его. Послѣдній былъ, хотя и крѣпкій, хорошо сложенный мужчина, но, точно также, какъ и всѣ рожайскіе жители, которыхъ только мы видѣли, имѣлъ нездоровый цвѣтъ лица. Для туристовъ въ Рожай нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ развѣ живописной хижины на Ибарѣ и развалинъ какаго-то древняго замка. Попъ говорилъ намъ, что, недалеко отсюда, находятся развалины одного древняго храма, и что туда, въ большіе праздники, собираются христіане и служатъ тамъ панихиды на оброщенныхъ мохомъ камняхъ.

Новымъ мудиромъ ходжи-баша и попъ не могли достаточно нахвалиться и рассказывали, по поводу его назначенія, слѣдующую исторію. Въ прошломъ году, во время черногорской войны, множество христіанъ было арестовано, по подозрѣнію. Это подало поводъ къ повсемѣстнымъ толкамъ, что мусульмане составили заговоръ, съ цѣлью перебить, заключить въ тюрьмы и изгнать всѣхъ энергическихъ и выдающихся умомъ райевъ, — словомъ, — заговоръ, подобный тому заговору, который былъ въ началѣ этого столѣтія, и который подалъ поводъ къ начатію войны за освобожденіе Сербіи. Всѣ заволновались, переполошились и заговорили объ этомъ заговорѣ. Въ виду этого, турецкое правительство, озабоченное борьбою съ Черногорцами, сдѣлало распоряженіе не подавать повода къ волненію и задабривать христіанъ-Славянъ. Въ этотъ самый моментъ, и назначенъ былъ въ Рожай теперешній мудиръ, на мѣсто смѣненнаго прежняго мудира. Слѣдуетъ замѣ-

тить, что прежній мудиръ былъ изъ числа фанатиковъ-Турокъ и, всегда и во всемъ, держалъ сторону мусульманъ; теперешій же мудиръ дѣйствовалъ, согласно данной ему инструкціи—задабривать христіанъ, и оказывался, по своему характеру и по всей своей предшествовавшей дѣятельности, вполне способнымъ къ выполнению подобной инструкціи. За одно это онъ былъ уже ненавистенъ магометанамъ, такъ, что христіане боялись, какъ-бы боснійскіе мусульмане не убили его, подобно тому, какъ убили Армауты ипекскаго каймакама.—Первую часть этой исторіи слышали мы еще прежде отъ эмигрантовъ изъ этихъ краевъ, которыхъ встрѣчали въ Травникѣ, въ Босніи. Вторую же часть разсказа, т. е. стараніе новаго мудира сойтись съ мѣстными христіанами и магометанами, могли сами хорошо видѣть, при многихъ мѣстныхъ фактахъ, которыхъ были очевидцами, во время пребыванія въ Рожаѣ. Впрочемъ, результатъ этихъ стараній вездѣ оказывался одинъ и тотъ-же: насколько довольны были христіане какимъ-нибудь распоряженіемъ мудира, настолько мусульмане—недовольны, и наоборотъ. Теперешняго представителя подобной примпрительной правительственной системы можно считать за лучшій образецъ людей, дѣйствующихъ въ этомъ духѣ. Мудиръ этотъ олицетворяетъ также въ себѣ типъ, замѣчательный, хотя и малочисленный, молодыхъ боснійскихъ аристократовъ, сдѣлавшихся турецкими бюрократами; на немъ можно было изучить, какъ измѣняется потомокъ закаленнаго стараго боснійскаго поколѣнія, подъ вліяніемъ бюрократіи, цивилизаціи и стамбульской жизни. На другой день нашего пріѣзда сюда, мудиръ опять пришелъ навѣстить насъ и, въ этотъ разъ, говорилъ уже потурецки, вставляя, впрочемъ, въ свою рѣчь славянскія фразы, чтобы сдѣлать ее удобопонятнѣе для насъ. Говорилъ онъ потурецки потому, что онъ хотѣлъ скрыть отъ хозяевъ содержаніе своего разговора, такъ какъ ему хотѣлось многое передать намъ *секретно*. Какъ ни плохо зналъ драгоманъ нашъ турецкій языкъ, и какъ ни медленно передавалъ содержаніе рѣчей мудира, все это не отбивало у мудира охоты продолжать съ нами длинный, предлинный разговоръ, продолжавшійся нѣсколько часовъ. Приписать это отчасти слѣдуетъ тому, что главною

темою въ этомъ разговорѣ былъ самъ мудиръ и его предки. У него, какъ у всѣхъ Босняковъ вообще, были также «предки» и, едва только услыхалъ онъ, что мы были въ Герцоговинѣ и видѣли Мостаръ, Благай и Столаць, — тотчасъ-же началъ рассказывать исторію своихъ предковъ и свою собственную. Онъ происходилъ, по его словамъ, изъ рода Ризванъ-Бега, родича знаменитаго герцеговинскаго Али-паша: постоянною резиденціею этого рода былъ Столаць, гдѣ жили они до самаго турецкаго погрома. Апогей могущества этого рода относится, однакоже, къ болѣе раннему періоду времени. Родъ этотъ былъ знаменитъ, еще въ тѣ дни, когда Герцеговина называлась герцогствомъ св. Саввы, и въ Столаць переселился родъ этотъ только тогда, когда послѣдній герцогъ изгнанъ былъ Турками изъ Благая. Послѣ турецкаго погрома, одни изъ этого рода сдѣлались ренегатами, для удержанія за собой своихъ владѣній, другіе-же послѣдовали, за своимъ герцогомъ, въ изгнаніе, и отъ нихъ произошли аристократическія семьи свободнаго города Рагузы. Дружескія отношенія между двумя этими вѣтвями продолжаются и до сихъ поръ. Потомки Ризвана-Бега въ Турціи всегда — въ хорошихъ отношеніяхъ съ своими родственниками, римско-католиками, живущими въ Рагузѣ. Въ недавнее время, во время возстанія боснійскихъ мусульманъ противъ Порты, всѣ знатные боснійскіе роды были разорены и очередь дошла, наконецъ, и до потомковъ Ризванъ-Бега. Турки придрались къ ихъ изстари ведущимся родственнымъ сношеніямъ съ иностранцами — римско-католиками, въ Рагузѣ, и обвинили ихъ въ измѣнническихъ замыслахъ. Послѣдовалъ султанскій фирманъ, вслѣдствіе котораго Омеръ-паша отобралъ у членовъ этого рода всѣ ихъ владѣнія, а самихъ ихъ отослалъ въ Стамбуль. Кончивъ этотъ рассказъ, мудиръ глубоко вздохнулъ и спросилъ: «Видѣли-ли вы въ Столацѣ фабрику устроенную однимъ европейскимъ купцомъ»? — «Видѣли».

«Ну, такъ слушайте-же! Купецъ, устроившій эту фабрику на нашей землѣ, хотѣлъ пустить ее въ ходъ, на свой собственный счетъ и рискъ, съ однимъ только условіемъ, чтобы, въ продолженіи извѣстнаго числа лѣтъ, не платить намъ за нее ренты. Вдругъ, наступила война, фабрика, во время войны, не работала, купецъ понесъ убытки и сталъ требовать

отъ насъ уплаты стоимости фабрики. Но, въ это время, всѣ наши доходы поступали въ султанскую казну, а мы жили, на счетъ пансіона, который ежегодно выдавался намъ изъ казначейства. Въ слѣдствіе этого, рѣшено было выдавать купцу всѣ доходы съ нашихъ имѣній, поступавшіе въ султанскую казну, а намъ запретили вовсе жить въ нашихъ помѣстьяхъ. Тенерь, говорятъ, что, въ будущемъ году, будетъ уплачена купцу вся сумма сполна и что вновь мы получимъ наши земли. Въ теченіи всего этого періода невзгодъ, отецъ мой жилъ въ Константинополѣ, гдѣ и родился и получилъ воспитаніе. Мать моя была Чергешенка. Боснійскому языку выучился я у своего отца. Я говорилъ на немъ постоянно въ дѣтствѣ, но съ тѣхъ поръ нѣсколько лѣтъ я не имѣлъ случая говорить на этомъ языкѣ, до тѣхъ поръ, пока, мѣсяца два тому назадъ, не назначили меня сюда мудиромъ». Мы сказали, съ своей стороны, мудиру, что большая часть его разсказа извѣстна уже намъ, такъ какъ мы встрѣчали нѣсколькихъ другихъ членовъ боснійскихъ и герцеговинскихъ родовъ, находившихся точно въ такомъ же положеніи. — «Да» — сказалъ онъ, — «въ Босніи и въ Герцеговинѣ едва-ли найдется хотя одинъ родъ, уцѣлѣвшій отъ погрома. Знаете-ли вы какой-нибудь изъ этихъ родовъ»? Тутъ онъ перечислялъ одну за другой, всѣ знатныя боснійскія фамиліи. «Да, мы знаемъ нѣкоторые изъ этихъ родовъ, знаемъ также и тѣ фамиліи, которыя, удалившись въ Рагузу, попали подъ владычество Австріи, а также знаемъ и одинъ герцеговинскій родъ, который не подчинялся никогда, ни Туркамъ, ни католикамъ, это — царствующій теперь родъ князей черногорскихъ». — «А», — воскликнулъ мудиръ, вспыхнувъ, «неужели такъ! Да и мой родъ былъ когда-то не менѣе извѣстенъ, чѣмъ родъ князей черногорскихъ, — и всѣ Черногорцы, бывало, когда пріѣзжали въ Стамбуль, посѣщали всегда моего отца. — Пожалуйста, разскажите что за страна эта Черногорія? — «Это — такая страна», — отвѣчали мы не безъ рѣзкаго намека на сосѣдній Арнаутлукъ, — «откуда совершенно изгнаны грабежи, и гдѣ каждая женщина можетъ ходить безопасно, днемъ и ночью, и нести, куда угодно, въ рукахъ все, что ей вздумается, безъ всякаго страха». Здѣсь онъ, съ видимымъ нетерпѣніемъ, прервалъ

нашу рѣчь, возразивъ: «И вовсе не объ этомъ васъ спрашиваю: я хочу знать, удобна ли черногорская территорія для жизни? Я слышалъ, что вся она—въ горахъ. Въ какомъ родѣ домъ у князя»? Мы отвѣчали ему, что «у князя—домъ хорошій; что же касается до страны, то, большая часть ея, дѣйствительно, гориста. Самый же народъ тамъ, защищая свою свободу, постоянно воюетъ». — «Да, да», — сказалъ онъ, — «точно такъ описывали мнѣ этотъ народъ; по, скажите мнѣ, пожалуйста, теперь, — были ли вы когда-нибудь въ Бухарестѣ»? — «Нѣтъ». «Ну вотъ это—великолѣпный городъ! Васъ, конечно, удивилъ бы, подобный совершенно по европейскому образцу выстроенный, городъ, въ такомъ захолустьѣ, удаленномъ отъ всего свѣта. Вотъ, въ подобномъ городѣ мнѣ хотѣлось бы жить. Сказать по правдѣ, я привыкъ къ жизни въ большихъ городахъ, и, если бы завтра же отдалъ намъ султанъ наше имущество и сказалъ: «Ну, теперь вы можете ѣхать себѣ обратно въ Герцеговину, я бы сталъ просить позволенія остаться въ Константинополѣ. Я не рѣшился бы отпавиться въ Герцеговину. «Эти послѣднія слова произнесъ онъ такъ, что живо напомнилъ намъ, и тономъ голоса и глупо-равнодушною миною, тѣхъ разочарованныхъ людей, которыхъ вездѣ много встрѣчаешь, и, вѣроятно, думали мы, подобно мнѣ, воображалъ онъ, что отбѣнокъ какой-то пресыщенности, который силился онъ придать въ тотъ моментъ своей наружности, производилъ на насъ впечатлѣнїе въ его пользу, такъ, что мы, по его мнѣнїю, могли составить, по этому впечатлѣнїю, понятїе объ немъ, какъ о человѣкѣ высшаго умственного развитїя. Но, такъ какъ мы не выразили нималѣйшаго знака особенной симпатїи къ нему; то онъ тотчасъ же перемѣнилъ тему разговора и началъ говорить объ Англїи. «Я былъ также въ Англїи. Одинъ изъ моихъ родственниковъ служитъ при тамошнемъ посольствѣ, и меня посылали къ нему съ депешами. Что за большой городъ — Лондонъ! Но—увы!—во все время пребыванїя моего тамъ, постоянно было темно, какъ ночью». Мы спросили его: «Какъ нашелъ онъ тамошнїй климатъ»? — «Ничего, — климатъ въ Англїи недуренъ, впрочемъ, это — такого рода климатъ, что, при этомъ климатѣ, непремѣнно надо пить водку». — «Видѣлъ ли онъ здѣсь когда-нибудь Англичанъ», спросили мы

его потомъ. «Нѣтъ, здѣсь Англичанъ я не видалъ» — отвѣчалъ онъ, — «но разъ, когда я былъ въ должности мудира въ Караманѣ, пріѣзжалъ туда одинъ Англичанинъ дѣлать раскопки, съ цѣлю открытія древностей. Съ нимъ была большая свита, кажется, его прислуги, — много багажа и, какъ и у васъ, у него былъ султанскій фирманъ. Я выѣхалъ къ нему на встрѣчу, такъ же, какъ выѣзжалъ на встрѣчу къ вамъ, на самомъ лучшемъ копѣ, и со всею моею свитою; но, англійскій джентлеменъ, завидѣвъ внезапно приближеніе такой большой вооруженной толпы людей, принялъ насъ за разбойниковъ, и обратился отъ насъ въ бѣгство: большаго труда стояло намъ убѣдить его возвратиться. — «Ахъ», прибавилъ, тотчасъ же за тѣмъ, мудиръ, «вотъ — Малая Азія, — вотъ такъ страна! Мѣстность тамъ — гораздо красивѣе, чѣмъ здѣсь. Да и жить тамъ привольнѣе, чѣмъ здѣсь. Тамъ, если бы понадобилось мнѣ заразъ хоть стадо лошадей, стояло бы только послать *одного* заптія и жители сами привели бы мнѣ тотчасъ цѣлое стадо лошадей. Ну, а здѣсь, — не то. Если бы мнѣ понадобились лошади и я послалъ бы за ними *цѣлую дюжину* заптievъ, то и тогда рисковалъ бы не получить ни одной лошади. Народъ здѣсь до такой степени упрямъ, что даже «*пятится*» отъ наживы денегъ. Конечно, если путешественникамъ понадобятся лошади, то они выплачиваютъ прогоны за лошадей по установленной таксѣ; если же для казенныхъ надобностей берутся лошади, то собственники ихъ, въ замѣнъ денегъ, получаютъ *квитанціи* и, когда объѣзжаютъ округъ сборщики податей, квитанціи эти *засчитываются въ подати*. Но, здѣшній народъ готовъ скорѣе оставлять такъ, даромъ, стоять своихъ лошадей въ конюшнѣ, чѣмъ зарабатывать ѣздою на нихъ себѣ деньги». Въ поясненіе этого, сообщили намъ потомъ, что, во 1-хъ, правительство платитъ за лошадей прогоны по такой низкой оцѣнкѣ, что прогоны эти не вознаграждаютъ вполнѣ даже расходовъ на прокормъ лошадей и кираджей, и во 2-хъ, что квитанціи не всегда засчитываются сборщиками податей, а между тѣмъ лошадей часто замариваютъ, загоняютъ и очень часто даже совершенно отбираютъ, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, у собственника. Въ настоящій же моментъ нашего разговора съ мудиромъ, мы огра-

ничились только легкимъ замѣчаніемъ на его тираду о ~~восточной~~ повинности, что повинность эту христіане будутъ всегда считатьъ тягостною, пока она ложится будетъ только на нихъ однихъ и не распространена будетъ въ *равной мѣрѣ* и на мусульманъ. «Это» — возразилъ мудирь, — «вина мудировъ: они боятся мусульманъ и вовсе не заставляютъ ихъ исполнять своихъ обязанностей. Но я не боюсь ихъ. Пускай убьютъ меня, если хотятъ. Но я — уполномоченный султана и заставлю ихъ себя слушаться. Къ чему тутъ различіе, принадлежить ли кто къ тому или другому вѣроисповѣданію? По моему мнѣнію, христіанинъ ли кто, — магометанинъ ли, — совершенно все равно!» При этихъ словахъ изъявили мы передъ нимъ наше сожалѣніе, что, при подобномъ взглядѣ, мудиромъ онъ здѣсь, а не въ Герцеговинѣ, такъ какъ тамъ мусульмане своимъ фанатизмомъ часто доводятъ христіанъ до возмущеній. — «Я ничего бы хорошаго не могъ тамъ сдѣлать», отвѣчалъ онъ, — «да и никто не въ состояніи заставитьъ тамошнихъ мусульманъ не быть фанатиками». — «Но, предки ваши умѣли же и тамъ заставлять слушаться себя тѣхъ же мусульманъ; отчего же вы — не могли бы?» «Ваша правда», отвѣчалъ онъ. «Конечно, если бы меня отправили въ Герцеговину въ должность мудира, то было бы очень недурно это для тамошняго народонаселенія; но, собственно для меня, — это было бы крайне непріятно. Чтобы показать вамъ», — прибавилъ онъ, — «съ какого рода людьми у меня здѣсь самыя дружескія связи, — скажу вамъ, что здѣшняго христіанскаго священника люблю я больше, чѣмъ многіе изъ его паствы. Назначенное ему содержаніе — весьма мало, но и этого содержанія не выплачивали бы ему здѣшніе райи, если бы я не принуждалъ ихъ къ тому. Какъ вы объ этомъ думаете?»

Мы рѣшили въ умѣ, что хотя фактъ этотъ и говорить въ пользу мудира, но несовсѣмъ въ хорошемъ свѣтѣ выставляетъ священника. Разговоръ, затѣмъ, перешелъ окончательно на сербскія дѣла. О новыхъ дорогахъ и школахъ въ Сербіи мудирь слышалъ уже и очень желалъ бы, какъ выразился, посѣтить свободную Сербію. «Я слышалъ», — сказалъ онъ, — «что Сербія передѣлала заново все свои старыя дороги, но вовсе не стала отъ того европейскимъ государствомъ, неевропей-

зировалась, какъ Бухарестъ. Говорять, однакоже, что бѣдные въ Сербіи находятъ правосудіе и что тамъ богатые и бѣдные — равноправны передъ закономъ. «Не думаю», — прибавилъ онъ, — «вовсе не думаю я, что Бухарестъ — земной рай; но, одно только утверждаю, что это — такой городъ, гдѣ человѣкъ можетъ наслаждаться жизнью. Говорять тоже, что въ Сербіи есть хорошія школы. Я воспитывался въ школѣ въ Константинополѣ. Братъ мой отданъ былъ въ школу, гдѣ учили пофранцузски и погречески и мнѣ тоже очень хотѣлось учиться погречески, потому, что греческій языкъ — самый сладко-звучный изъ всѣхъ языковъ; — но, въ магометанской школѣ, гдѣ учился я, ничему не учили, кромѣ турецкаго языка». — «А въ Герцоговинѣ учатъ ли въ магометанскихъ школахъ чему-нибудь, кромѣ, какъ потурецки?» «Нѣтъ, кромѣ турецкаго языка, не учатъ и тамъ ничему», — отвѣчалъ онъ; «но христіане учатся тамъ посербски и мы, конечно, пошлемъ дѣтей своихъ скорѣе въ христіанскія школы, чтобы они не забыли языка своихъ предковъ».

Утромъ, когда мы собирались уже выѣзжать изъ Рожая, мудиръ, который, повидимому, былъ большой франтъ, прислалъ спросить насъ, не можемъ ли мы уступить ему пары перчатокъ? Сперва мы думали, — было, что у насъ не найдется такого большого размѣра пары перчатокъ; но потомъ вспомнили, что мудиръ былъ небольшого роста и ноги и руки у него были очень небольшія, и потому рѣшились послать ему на пробу пару широкихъ, нѣмецкихъ перчатокъ, купленныхъ нами для верховой ѣзды, изъ единственной партіи перчатокъ, попавшейся намъ на базарѣ въ Салоникахъ. Мы, безъ сомнѣнія, думали, что перчатки эти нужны мудирю для его визитовъ въ Новибазарѣ; но каково же было наше удивленіе в какой потомъ смѣхъ, который, изъ приличія, должны были сдерживать въ себѣ, сталъ душить насъ, когда вдругъ увидали мы, у дверей нашего дома, мудира нашего гарцующимъ на лошади, на своей красивой лошади, въ посланныхъ ему большихъ черныхъ перчаткахъ, заботливо застегнутыхъ на всѣ пуговики.

Рано утромъ, въ понедѣльникъ, воротился вѣстовой мудира изъ Ипека съ слѣдующимъ извѣстіемъ:

«Нишскій паша открыль судъ въ Призрѣнѣ • туда вызваны всѣ предержащія власти Ипека, для разбора дѣла о нападеніи на ипекскаго каймакама; а между тѣмъ въ Ипекъ назначенъ новый мудиръ и онъ, въ силу султанскаго фирмана, приметъ радушно англійскихъ молодыхъ миссъ».

Велѣдствіе этого, мы и собрались въ путь. Хозяинъ дома, въ которомъ мы жили въ Рожаѣ, съ радушіемъ приглашалъ насъ остановиться непременно у него же и на обратномъ пути. «Объ одномъ только», — прибавлялъ онъ, — «усердно прошу васъ: когда вздумаете вы пріѣхать сюда опять, не пишите къ мудиру, а пишите ко мнѣ и, если вамъ понадобятся лошади, не обращайтесь также къ мудиру, а обратитесь къ намъ, мѣстнымъ жителямъ. Если бы вы и теперь объ лошадяхъ сказали мнѣ, а не мудиру; то я досталъ бы вамъ у своихъ друзей отличныхъ лошадей; но вы обратились къ мудиру, и посмотрите, какихъ жалкихъ клячъ прислалъ онъ вамъ!»

Конецъ перваго тома.

Содержаніе перваго тома.

	Стр.
Предисловіе Гладстона	5.
Глава I. Боснія въ 1875 году	13.
Глава II. Путешествіе въ Боснію въ Августѣ 1875 г.	37.
Глава III. Боснія въ 1876—1877 годахъ	48.
Глава IV. Салоники въ 1863 году	95.
Глава V. Взглядъ на Болгарію изъ Салоникъ. Часть 1-я	77.
Глава VI. Взглядъ на Болгарію изъ Салоникъ. Часть 2 я	96.
Глава VII. Отъ Салоникъ до Монастира	103.
Глава VIII. Древняя болгарская столица и современный турецкій городъ .	114.
Глава IX. Кралевичъ Марко, его замокъ и его исторія	126.
Глава X. Болгарскіе города: Прилѣпъ и Велесъ	141.
Глава XI. Посѣщеніе рыльскаго монастыря, въ Августѣ 1862 года . .	158.
Глава XII. Городъ Юстипіана	173.
Глава XIII. Качаникъ	183.
Глава XIV. Поле Коссовской битвы	199.
Глава XV. Монастырь Гратчаницкій и городъ Приштина	211.
Глава XVI. Старая Сербія	227.
Глава XVII. Отъ Приштинны до Вучитерна	248.
Глава XVIII. Вучитернъ	254.
Глава XIX. Изъ Арпаутлука въ Боснію	270.
Глава XX. Новибазаръ	280.
Глава XXI. Окраины Босніи, изъ Новибазара въ Тутинъ	296.
Глава XXII. Окраины Босніи, отъ Тутина до Рожая	311.

12.000 =

